

И-10.
Д-146.

ОГ

РЕПЕРТУАРЪ

И

ШАНТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ и И. ПЕСОЦКИМЪ.

7005
7953

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.
1845.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ	АКАДЕМІЯ
ЛЕНИНГРАДСКАЯ	ТЕАТРАЛЬНАЯ
ИМЕНИ	СЕРГІЯ
	УНАЧАВШЕГО
ТЕАТРА ДРАМЫ	

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Карла Крайя.
1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 30 Марта 1845 года.

Ценсоръ *Мехелинъ*.

РЕПЕРТУАРЪ ПАНТЕОНЪ.

1845.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

(17½ листовъ.)

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Олимпій Радинъ. Разсказъ въ стихахъ <i>А. А. Григорьева</i>	313
II. Искусство и художники. Фаринелли, величайшій пѣвецъ XVIII-го столѣтія	331
III. Актеру. Стихотвореніе <i>Ө.</i>	348
IV. Приключеніе Расина. Разсказъ библофила Жакоба. (<i>Окончаніе</i>).	349
V. Султанъ Ахметъ. (Изъ Виктора Гюго.) Стихотвореніе <i>В. И. Злотницкаго</i>	388
VI. Теорія и исторія сценическаго искусства. Театръ и актеры въ древнїи и новыя времена. Статья <i>А. Кошю</i> . (<i>Окончаніе</i>).	389
VII. Дума. Стихотвореніе <i>А. Плещеева</i>	413
VIII. Ричардъ Севеджъ, или мать и сынъ. Драма въ 5-ти дѣйствїяхъ. Соч. <i>Карла Гуцкова</i> . Переводъ съ нѣмецкаго <i>П. Руд-го</i>	414
IX. Надъ тобою мнѣ тайная сила дана. Стихотвореніе <i>А. А. Григорьева</i>	464
X. Юмористика. Замѣтки петербургскаго зѣваки. § 6. Физиологія дилеттанта.	465
XI. Смѣсь. Фельетонъ Альфонса Карра. — Внимательность мужа. (<i>Анекдотъ</i>). — Полишинель въ Персїи. — Музыкальные поединки въ Ирландїи. — Анекдоты и мелочи.	484

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

АПРѢЛЬ.

I. Иностранные театры. Нѣсколько словъ о берлинскихъ театрахъ. (*Письмо къ Редактору изъ Берлина*). *М. Е. Кублицкаго*. — II. Кенигсбергскїй театръ. (*Изъ путевыхъ записокъ*). *М. К.* — III. Русскіе театры. ПЕТЕРБУРГСКІЕ. Письма въ провинцію. I. — IV. Провинціальныя театры. Театръ въ Николаевѣ. II. Бар-ева. — V. Саратовскїй театръ. — VI. Еще извѣстіе изъ Саратова. *К. М.* — VII. Варшавскіе театры въ 1844 году. — VIII. Нѣсколько замѣчанїи объ орловскомъ театрѣ, во-время дворянскихъ выборовъ 1844 года. *Z. Z.* — IX. Рижскїй театръ. (*Изъ письма къ Редактору*). *М. К.* — X. Театръ въ Екатеринбургѣ. — XI. Харьковскїй театръ. *W. W.* — XII. Астраханскїй театръ. II—въ. — XIII. Калужскїй театръ. (*Письмо къ Редактору*). II. Степанова. — XIV. Смѣсь. Разныя извѣстія. — Корреспонденція Репертуара и Пантеона.

Къ этой книжкѣ приложены ноты: *Соловей*. Романсъ. Музыка соч. *А. Е. Варламова*. Посвящено г-жѣ Виардо-Гарци.

ОЛИМПІЙ РАДИНЪ

Разсказъ въ стихахъ.

—
(Посвящается А. О. К.)

Mutter! Mutter! 's klingt so wunderbar!
FAUST. II Theil.

I.

Тому прошло ужъ много лѣтъ,
Что вамъ хочу я разсказать,
И я увѣренъ — многихъ нѣтъ,
Кого-бы могъ я испугать
Разсказомъ; если-же изъ нихъ
И есть хоть кто-нибудь въ живыхъ,
То, вѣрно, ими все давно
Забвенію обречено.
И что до нихъ? Передо мной
Иные образы встаютъ...
И вѣрю я: не упрекнуть,
Что ихъ невѣдомой судьбой,
Извѣстной мнѣ лишь одному,
Т. II.

Что ихъ непризнанной борьбой,
Вниманье ваше я займу....

II.

Тому назадъ лѣтъ шесть или пять,
Не меньше только, — но въ Москвѣ
Еще я жилъ.... Вамъ нужно знать,
Что въ старомъ городѣ я двѣ
Отдѣльныхъ жизни различать
Привыкъ давно; лежитъ печать
Преданій дряхлыхъ на одной,
Еще не скошенныхъ досель....
О ней ни слова, — да и мнѣ-ль,
Вамъ говорить о жизни той,
И восхищаться бородой,
Да вѣчный звонъ колоколовъ
Церквей различныхъ сороковъ
Превозносить?... Иные есть,
Кому охотно эту честь
Я уступить всегда готовъ;
Ихъ голосъ важенъ и силенъ
Въ извѣстномъ случаѣ, какъ звонъ
Означенныхъ колоколовъ....
Но жизнь иную знаю я
Въ Москвѣ старинной

III.

Изъ всѣхъ людей, которыхъ я
Въ московскомъ обществѣ знавалъ,

Меня всѣхъ больше занималъ
Олимпій Радинъ.... Не былъ онъ
Умомъ начитаннымъ уменъ,
И даже дерзко отвергалъ
Онъ много истинъ, можетъ-быть;
Но я привыкъ тотъ рѣзкій тонъ
Невольно какъ-то въ немъ любить;
Былъ смѣлъ и золь его языкъ,
И безпощадно онъ привыкъ
Всѣ вещи звать по именамъ,
Что очень-часто страшно намъ....
Въ душѣ-ль своей, въ душѣ-ль чужой
Неумолимо подводить
Любилъ онъ подъ итогъ простой,
Всѣ мысли, рѣчи и дѣла,
И въ этомъ нищу находить
Насмѣшкѣ вѣчной ѣдко-злой
Надъ разницею добра и зла....
Въ иныхъ была-бъ насмѣшка та
Однообразна и пуста,
Какъ жизнь безъ цѣли.... но на немъ
Страданья гордаго печать
Лежала рѣзко — и молчать
Привыкъ онъ о страданьи томъ....
Въ былые годы, былъ-ли онъ
Сомнѣнемъ мучимъ или влюбленъ, —
Не зналъ никто; да и желать
Вамъ въ голову-бы не пришло,
Узнавъ его, о томъ узнать,
Что для него давно прошло....
Такъ въ жизнь онъ вѣру сохранилъ,
Такъ былъ онъ полонъ свѣжихъ силъ,
Чтобъ было глупо и смѣшно
Въ немъ тайну пошлую искать,
И то, что имъ самимъ давно
Отрицую, — разузнавать....
Быть-можетъ, онъ, какъ и другой,
До истинъ жизненныхъ нагихъ,
Большой, мучительной борьбой,
Борьбою долгою достигъ....
Но ей онъ не былъ утомленъ,—

О нѣтъ! изъ битвы вышелъ онъ
И здравъ, и гордъ, и невредимъ....
И не осталось за нимъ
Ни страха тайнаго предъ тѣмъ,
Что разумъ отвергалъ совѣмъ,
Ни даже на волосъ любви
Къ прошедшимъ снамъ.... Въ его крови
Еще пылалъ огонь страстей;
Еще просили страсти тѣ
Не жизни старческой — въ мечтѣ
О жизни прошлыхъ, юныхъ дней, —
А новой пищи, новыхъ мукъ
И счастья новаго.... Смѣшонъ
Ему казался вѣчный стонъ
О ранней старости вокругъ,
Когда онъ самъ способенъ былъ
Отъ словъ извѣстныхъ трепетать,
Когда въ душѣ его — и звукъ,
И шорохъ многое будилъ....
Онъ былъ женатъ.... Его жена
Была легка, была стройна,
Умѣла ежедневный вздоръ
Умно и мило говорить,
Подъ-часъ, пожалуй, важный споръ
Вопросомъ легкимъ оживить,
Владѣла тактомъ принимать
Гостей и вѣчно наполнять
Гостицу, и, можетъ-быть
Умѣла даже и любить,
Что впрочемъ роскошь. Полъ Москвы
Была отъ ней безъ головы,
И говорили все о ней,
Что недоступнѣй и вѣрнѣй
Ея — жены не отыскать,
Хотя признаться вамъ сказать,
Какъ и для многихъ, для меня,
Къ несчастью, вѣрная жена
Печальный образъ.... Но она
Была богата.... Радивъ въ ней
Нашелъ блаженство нашихъ дней,
Нашелъ свободу — то-есть, могъ

Какой угодно вамъ порокъ
Иль недостатокъ не скрывать
И смѣло тѣмъ себя казать,
Чѣмъ былъ онъ точно....

IV.

Я ему

Толпою цѣлою друзей
Представленъ былъ, какъ одному
Изъ замѣчательныхъ людей
Въ московскомъ обществѣ. Потомъ
Видался часто съ нимъ въ одномъ
Знакомомъ домѣ.... Этотъ домъ
Онъ постоянно посѣщаль,
Я также.... Долго разговоръ,
Унасъ не ладился: то былъ,
Или московскій старый споръ
О Гегелѣ, или просто вздоръ...
Но слушать я его любилъ,
За тѣмъ, что спору никогда
Онъ важности не придавалъ,
Что равнодушно отвергалъ
Онъ то-же самое всегда,
Что передъ тѣмъ лишь защищаль.
Такъ было долго.... Стали мы
Другъ другу руки подавать
При встрѣчѣ гдѣ-нибудь, и звать
Меня онъ сталъ въ концѣ зимы
На вечера къ себѣ, чтобъ тамъ
О томъ-же вздорѣ говорить,
Который былъ обоимъ намъ
Смѣшонъ и скученъ.... Можетъ-быть,
Такъ пло-бы вѣчно, если-бъ самъ
Онъ не предсталъ моимъ глазамъ,
Совеѣмъ инымъ....

V.

Тотъ домъ, куда и онъ и я
 Бзжали часто, позабыть
 Мнѣ трудно.... Странная семья,
 Семья, которую любить
 Привыкла такъ душа моя
 — Пусть это глупо и смѣшно, —
 Что и теперъ еще по ней
 Подъ-часъ мнѣ скучно, хотъ равно,
 Безъ исключеній, — прошлыхъ дней
 Отринулъ память я давно.
 То полурусская семья
 Была, замѣьте: — это я
 Вамъ говорю лишь потому,
 Что, чисто русскій человекъ,
 Я, какъ угодно вамъ, — во вѣкъ
 Не полюблю и не пойму
 Семейно-бюргерскихъ картинъ
 Нѣмецкой жизни, гдѣ одинъ
 И правственный и строгій чинъ
 Владѣть всѣмъ, и гдѣ хранить,
 До нашихъ поръ еще, какъ кладъ,
 Неотбненныя черты
 Печально-пошлой чистоты,
 Бирсунъ и вѣрность.... Русскій быть
 Увы — совсѣмъ не такъ глядять, —
 Хотъ о семейности его
 Славянофилы намъ твердятъ
 Уже давно, — но виновать,
 Я въ немъ не вижу ничего
 Семейнаго.... О старинѣ
 Разказовъ много знаю я,
 И память вѣрная моя,
 Тѣмъ пѣсень сохранила мнѣ
 Однообразныхъ и простыхъ,
 Но страшно-грустныхъ.... Слышенъ въ нихъ
 То голосъ воли удалой,
 Все злою долею женой,

Все подколодною змѣей
 Опутанный, — то плачь о томъ,
 Что тускло земнимъ вечеркомъ
 Горитъ лучина, — хотъ не спать
 Бѣдняжкѣ почъ, и друга ждать,
 И тѣшить старую любовь,
 Что ту лучину залила
 Лихая, старая свекровь....
 О, вѣрьте мнѣ: не весела
 Картина — русская семья....
 Семья для насъ всегда была
 Лихая мачиха, не мать...
 Но будетъ скучно вамъ мой
 Возрѣнія передавать
 На русскій бытъ.... Мы лучше той,
 Нечисто-русскою семьей
 Займемся...

Вся она была
 Изъ женщинъ. Съ матери начать
 Я долженъ.... Трудно мнѣ сказать,
 Лѣтъ сорокъ или сорокъ пять
 Она на свѣтѣ прожила....
 Да и къ чему? Въ душѣ моей
 Хранятся такъ ея черты,
 Какъ будто-бъ тридцать было ей....
 Такой свободной простоты
 Была она всегда полна,
 И такъ нѣжна, и такъ умна,
 Что становилоя при ней
 Свѣтлѣе какъ-то и теплѣй....
 Она умѣла, видя васъ,
 Пожалуй, даже въ первый разъ,
 Съ собой заставить говорить
 О томъ, о чемъ не часто вамъ
 Съ другимъ придется, можетъ-быть, —
 Насмѣшкѣ-ль ѣдкой, иль мечтамъ
 Безумно-пламеннымъ, — внимать
 Съ участиемъ равнымъ; понимать
 Оттѣнки все добра и зла
 Такъ глубоко и такъ равно,
 Какъ женщинѣ одной дано....

Она жила, она жила
 Всей безконечной полнотой,
 И мукъ, и счастья, и покоя
 Печально-глупый не могла
 Она отъ сердца полюбить...
 Она жила, и жизни той
 На ней на всей печать легла,
 И ей казалось не забыть
 Того, чего не воротить....
 И тщетно опытъ многихъ лѣтъ
 Разсудка рѣчи ей шепталъ
 Холодные — и тщетно свѣтъ
 Ее цѣпями оковалъ....
 Вамъ слышенъ былъ въ ея рѣчахъ
 Не раболѣпно-глупый страхъ
 Предъ тѣмъ, что всѣмъ уже смѣшно,
 Но грустный ропотъ, но одно
 Разуверенъе въ гордыхъ снахъ....
 И между-тѣмъ была она
 Когда-то вѣрная жена,
 И мать примѣрная потомъ,
 Примѣръ всегда, примѣръ во всемъ.
 Но даже добродѣтель въ ней
 Такъ пошлости была чужда,
 Такъ благородна, такъ проста,
 Что въ ней одной и только въ ней
 Была понятна чистота...
 И какъ умѣла, Боже мой!
 Отпечатлѣтъ она на всемъ
 Свой мѣръ особый — и притомъ
 Не быть хозяйкой записной,
 Не быть ни Нѣмкою — и рѣчь
 Вести о томъ, какъ домъ беречь,—
 Ни русской барыней кричать
 Въ огромной дѣвичьей... О нѣтъ!
 Она жила, она страдать
 Еще могла, или сохранять
 По-крайней-мѣрѣ, лучшихъ лѣтъ
 Святую память.... Но о ней
 Пока довольно: дочерей
 Какъ я умѣю, описать,

Теперь, мнѣ кажется, пора....
Ихъ было двѣ, и то была
Природы страшная игра:
Она, казалось, создала
Необходимо вмѣстѣ ихъ,
И пынче, думая о нихъ,
Лишь вмѣстѣ — иначе никакъ
Себѣ могу представить ихъ.
Ихъ было двѣ.... и, вѣрно, такъ
Ужъ было пужно.... Создана
Была, казалось, одна
Быть вѣчно спутницей другой,
Какъ спутница земѣ луна....
И много общихъ чертъ съ луной,
Я въ ней, особенно при той,
Бывало, часто находилъ
Хоть отъ души ее любилъ....
Но та.... Ее рѣзецъ Творца
Творилъ съ любовью безъ конца,
Такъ глубоко и такъ полно,
И вмѣстѣ скупю, что одно
Дыханье сильное могло
Ее разбить.... Всегда больна,
Всегда таинственно-странна,
Она влекла къ себѣ сильнѣй
Болѣзнью странною своей....
И я такъ искренно любилъ
Капризы вѣчные у ней;
За тѣмъ-ли, что порокъ мнѣ милъ
Всегда, во всемъ — и я привыкъ
Такъ много добрыхъ, мало злыхъ
Встрѣчать на свѣтѣ, — или жаль
Цвѣтка больнаго было мнѣ,
Не знаю, право; да и лъзя-ль,
И даже точно-ли дано
Намъ чувство каждое вполне
Анализировать.... Одно
Я знаю: съ тайною тоской
Глядѣлъ я часто на больной,
Прозрачный цвѣтъ ея лица....
И долго, долго, безъ конца

Тонуль мой взглядъ въ ея очахъ,
То чудно-яркихъ, будто въ нихъ
Огонь зажегся, — то большихъ,
Полупогасшихъ.... Странный страхъ
Сжималъ мнѣ сердце за нее,
И надъ душой моею печаль
Витала долго, — и ее
Мнѣ было долго, долго жаль....
Она страдать была должна,
Страдать глубоко, — не одна
Ей ночь извѣдана безъ сна
Была, казалось; я готовъ
За это былъ-бы отвѣчать,
Хоть никогда-бъ не отыскать
Вамъ слезъ въ очахъ ея слѣдовъ....
Горда для слезъ, горда и зла
Она лишь мучиться могла
И мучить, можетъ-быть, другихъ,
Но не просить участя ихъ....
Однако зналъ я: до зори
Сидѣли часто двѣ сестры
Обнявшись, молча, и одна
Молиться, плакать о другой
Была, казалось, создана....
Такъ плачетъ кроткая луна
Лучами по землѣ больной....
Но сухи были очи той,
Слова молитвъ ея языкъ
Произносить уже отвыкъ....
Она страдала: много словъ,
Она разсѣяла во прахъ
И много сбросила оковъ,
И ропотъ на ея устахъ
Мнѣ не былъ новостью, хотя
Была она почти дитя,
Хоть часто былъ я изумленъ
Вопросомъ тихимъ и простымъ,
О томъ, что дѣтямъ лишь однимъ
Ново; тѣмъ болѣе, что онъ
Такъ неожиданно всегда
Мелькалъ среди ея рѣчей

Такъ полныхъ жизнию страстей....
 И вдвое, кажется, тогда
 Мнѣ становилось грустнѣй....
 Ее ную помню я,
 Безпечно-тихое дитя,
 Прозрачно-легкую, какъ тѣнь,
 Съ улыбкой свѣтлой на устахъ,
 Съ лазурью чистою въ очахъ,
 Веселую, какъ яркій день,
 И юную, какъ дѣтскій сонъ....
 Тотъ сонъ разбѣявъ.... Кто-же онъ,
 Который первый разбудилъ
 Борьбу враждебно-мрачныхъ силъ
 Въ ея груди, и вызвалъ ихъ,
 Рабовъ мятежныхъ власти злой,
 Изъ бездны тайной и нѣмой,
 Какъ бездна, тайныхъ и нѣмыхъ?

VI.

Безумецъ.... зналъ или не зналъ,
 Какія силы вызывалъ
 Онъ на страданье и борьбу, —
 Но онъ, казалось, признавалъ
 Слѣпую, строгую судьбу
 И въ счастье вѣровать не могъ,
 И надъ собою и надъ ней
 Повисшій страшно видѣлъ рокъ....
 То былъ-ли въ немъ слѣпыхъ страстей
 Неукротимый, бурный зовъ
 Иль шелъ по волѣ онъ чужой, —
 Не знаю: вѣрить я готовъ
 Скорѣй въ последнее, и мной
 Невольный страхъ овладѣвалъ,
 Когда я вмѣстѣ ихъ видалъ....
 Мнѣ не забыть тѣхъ вечеровъ,
 Осеннихъ, долгихъ.... Помню я,
 Какъ собиралась вся семья

Въ свой тѣсный, искренній кружокъ,
 И лишь она, одна она,
 Грозой оторванный листокъ,
 Вдали садилась.... предана
 Влѣяню силы роковой,
 Всегда въ себя погружена
 Лишь для того, чтобъ отвѣчать
 На дважды сдѣланный вопросъ,
 И съ гордой грустію молчать,
 Когда другому удалось
 Ея разстройство увидеть...
 Являлся онъ... Да! въ немъ была—
 Я въ это вѣрю — сила зла:
 Она одна его рѣчамъ,
 Однообразнымъ и пустымъ
 Давала власть; побывши съ нимъ
 Лишь вечеръ, грустно было вамъ,
 Надолго грустно, — хоть была
 Непривужденно-весела
 Вся рѣчь его, — хоть не былъ онъ
 «Разочарованъ и влюбленъ»....
 Да! обаяніемъ влекло
 Къ нему невольно... Странно шло
 Къ нему, что было-бы въ другомъ
 Одной болѣзнию — иль однимъ
 Печально-пошлымъ хвастовствомъ.
 И взоромъ долгимъ и больнымъ,
 И испытующимъ, она
 Въ него впивалась, — и видна
 Во взглядѣ робость томъ была.
 Казалось, трудно было ей
 Повѣрить въ обаянье зла,
 Когда неумолимъ, какъ змѣй,
 Который силу глазъ своихъ
 Чутьемъ невѣдомымъ постигъ,
 Смотрѣлъ онъ прямо въ очи ей....

VII.

А было время... Преодо мной
 Рисуетъ память старыи садъ,
 Алею липъ.... и говорятъ
 Тайственно между собой,
 Качая старой головой
 Деревья, — шепчутся цвѣты,
 И озаренные луной,
 Огнями свѣтятся листы
 Алеи темной — и кругомъ
 Прозрачно-свѣтлымъ, юнымъ сномъ
 Волшебнымъ дышетъ все.... они
 Идутъ вдали отъ всѣхъ, одни,
 Рука съ рукой, и говорятъ
 Другъ съ другомъ тихо, какъ цвѣты....
 И свѣтелъ онъ,— и кротко взглядъ
 Его сияетъ, и возвратъ
 Первоначальной чистоты
 Ему возможенъ... Съ ней одной
 Хотѣлъ-бы онъ рука съ рукой,
 Какъ равный съ равною, идти
 Къ высокой цѣли... Въ ней найдти,
 Лишь въ ней одной найдти онъ могъ
 Ту половину насъ самихъ,
 Какую съ нами создалъ Богъ
 Нераздѣлимо.

VIII.

То былъ лишь сонъ одинъ... иныхъ,
 Совсѣмъ иныхъ я видѣлъ ихъ...

Я помню вечерь.... Говорилъ
 Олимпій много, помню я,
 О двухъ дорогахъ бытія,
 О томъ, какъ въ молодости былъ
 Готовъ глубоко вѣрить онъ
 Въ одну изъ двухъ... и потому
 Теперь лишь вѣрить одному,
 Что вѣрить вообще смѣшно,
 Что глупо истины искать,
 Что нужно счастье, что страдать
 Отвыкнуть, онъ желалъ давно,
 Что даже думать и желать
 Напрасный трудъ, и что придетъ
 Для человѣчества пора,
 Когда съ очей его спадетъ
 Безумной гордости кора,
 Когда воплиъ оно пойметъ,
 Какъ можно славно ѣсть и пить
 И какъ неистинно любить....
 Съ насмѣшкой злобною потомъ
 Распространился онъ о томъ,
 Какъ въ новомъ мірѣ всѣ равны,
 Какъ всѣ спокойны будутъ въ немъ,
 Какъ будутъ каждому даны
 Всѣ средства страсти развивать....
 Поникнувъ грустно головой,
 Безмолвно слушала она
 Его съ покорностью пѣмой,
 Какъ будто власти роковой
 И неизбежной предана....
 Что было ей добро и зло?
 На немъ, на ней давно легло
 Проклятіе; обоемъ имъ
 Одни знакомы были сны,
 И оба мучились по нимъ
 Еще въ живыхъ осуждены....
 Другъ другу никогда они
 Не говорили ни о чемъ,
 Что ихъ обоихъ въ оны дни
 Сжигало медленнымъ огнемъ,
 Обыкновенный разговоръ

Межь ними былъ всегда : ни взоръ,
Ни голосъ трепетный порой
Не обличили ихъ ...

Лишь разъ

Себѣ Олимпій измѣнилъ
И то, быть-можетъ, въ этотъ часъ
Онъ слишкомъ искренно любилъ....
То было вечеромъ.... Темно
Въ гостиной было, хоть въ окно
Глядѣлся мѣсяцъ; тускло онъ
И блѣдно-матово сіялъ.
Она была за пьяно; онъ
Разсѣянно перебиралъ
На пьяно ноты — и стоялъ
Облокотясь передъ ней,
И въ глубинѣ ея очей
Съ невольной, тайною тоской
Тонулъ глазами; безъ рѣчей
Понятенъ былъ тотъ взглядъ простой,
Любви такъ много было въ немъ,
Печали много, можетъ-быть,
Воспоминанія о томъ,
Чего вовѣкъ не возвратить....
Молчали тягостно они,
Молчали долго; начала
Она, и рѣчь ея была
Тиха младенчески, какъ въ дни
Иные.... Въ этотъ мигъ предъ нимъ
Былая Лина ожила
Съ вопросомъ дѣтскимъ и простымъ
И съ недовѣріемъ ко злу...
И онъ забылся, вѣрить вновь
Готовый въ счастье и любовь,
Хоть на-минуту... На полу
Узоры странные луна
Чертила; снова жизнью сна,
Хотя больнаго сна кругомъ
Дышало все.... Увы! потомъ
Къ страданью снова возвращень,
Онъ снова проклиая свѣтлый сонъ....

IX.

Его проклясть, но не забыть
Онъ могъ — хоть гордо затантъ
Умѣлъ страданіе въ груди...
Казалось, съ нимъ уже всему
Святому онъ сказалъ прости,
Чему такъ вѣрилъ онъ, чему
Надѣялся не вѣрить онъ,
И что давно со всѣхъ сторонъ
Разсудкомъ бѣднымъ осудилъ...
Я помню разъ, въ концѣ зимы
Съ нимъ долго засидѣлись мы
У нихъ; ужъ часъ четвертый былъ
За полночь; вмѣстѣ мы взялись
За шляпы, вмѣстѣ поднялись
И вышли.... Вьюга намъ въ глаза
Кидалась.... Вѣтеръ грустно вилъ
И мутно темны небеса
Надъ нами были.... Я забылъ,
Съ чего мы начали, садясь
На сани, разговора связь
Не сохранила память мнѣ....
И даже вспомнить мнѣ о немъ,
Какъ о больномъ и смутномъ снѣ,
Невольно тяжко; объ одномъ
Я помню ясно: говорилъ
Къ чему-то Радинъ о годахъ
Иныхъ, далекихъ, — о мечтахъ,
Которымъ сбиться не дано
И отъ которыхъ онъ не могъ,
Хоть самому ему смѣшно —
Отвыкнуть.... Неизбѣжный рокъ
Лежалъ на немъ, или вповать
Былъ въ этомъ самъ онъ, но возвратъ
Не для него назначенъ былъ....
Онъ неизмѣнно сохранилъ
Насмѣшливый холодный взглядъ

Въ тотъ день, когда была она
Судьбой навѣкъ осуждена....

X.

Ее я вижу предъ собой....
Какъ вѣтромъ сломанный цвѣтокъ,
Поникнувъ грустно головой
Она стояла подъ вѣнцомъ....
И я... молиться я не могъ
Въ тотъ страшный часъ, хотъ все кругомъ
Спокойны были, хотъ она
Была цвѣтами убрана...
Или въ грядущее проникъ
Тогда мой взглядъ — и предо мной
Тогда предвѣдѣньемъ возникъ,
Какъ страшный сонъ, обрядъ иной —
Не знаю, я давно отвыкъ
Себѣ въ предчувствіяхъ отчетъ
Давать; но ровно черезъ годъ,
Въ концѣ другой зимы, на ней
Я увидалъ опять цвѣты...
Миѣ живо блѣдныя черты
Приходятъ въ память, гдѣ страстей
Страданье сгладило слѣды
И на которыхъ наложилъ
Печать таинственный покой...
О! тотъ покой понятенъ былъ
Душѣ моей, — печать иной
Загробной жизни: побѣдилъ,
Казалось, онъ, святой покой,
Вліянье силы роковой
И въ отстрадавшихъ чертахъ
Сіялъ въ блистающихъ лучахъ....

XI.

Что сталося съ нимъ? бѣжалъ-ли онъ
Куда подъ новый небосклонъ,
Забвенья новаго искать,
Или остался доживать
Свой вѣкъ на мѣстѣ? — мудрено
И не возможно мнѣ сказать;
Мы не встрѣчались съ нимъ давно
И даже встрѣтимся едва...
Иная жизнь, иная даль,
Необозримая, очамъ
Монимъ раскинулась... и свѣтъ
Въ той дали блещетъ мнѣ, и тамъ
Намъ, вѣроятно, встрѣчи пѣтъ....

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

=

ИСКУССТВО И ХУДОЖНИКИ.

ФАРИНЕЛЛИ.

ВЕЛИЧАЙШІЙ ПѢВЕЦЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Карль Броски, извѣстный подъ именемъ Фаринелли, былъ величайшій изъ всѣхъ пѣвцовъ, — геній восемнадцатаго вѣка, несмотря на то, что въ современную ему эпоху блистало множество *артистовъ первоклассныхъ*. Писавшіе о славномъ пѣвцѣ биографы опредѣляютъ мѣсто его рожденія весьма-различно. Сакки говоритъ, между-прочимъ, (1) что Фаринелли родился въ Андри; между-тѣмъ самъ артистъ сообщалъ Бурнею, когда тотъ, въ 1770 году, познакомился съ нимъ въ Болонні, что онъ родомъ изъ Неаполя. Какъ-бы то ни было, но достовѣрно извѣстно только то, что Броски родился 24-го января 1705 года. — Происхожденіе его, въ свою очередь, составляетъ довольно-спорный пунктъ въ лѣтописяхъ музыки. Одни говорятъ, что прозваніе его, Фаринелли, происходитъ отъ слова *farina*, потому-что отецъ его, Сальваторъ Броски, былъ мельникомъ; другіе утверждаютъ, что онъ сынъ мучнаго торговца; но вѣрнѣе всего можно приписать имя это, кажется, тому обстоятельству, что покровителями и благодѣтелями

(1) Vita del car. don Broschi, detto Farinelli. 1784 г.

Броски, въ началѣ его артистическаго поприща, были три брата Фарина, которые почитались замѣчательнѣйшими аматерами, изъ высшаго круга въ Неаполѣ. Впрочемъ Сакки увѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ у Фаринелли документы о его дворянскомъ происхожденіи, которые послѣдній долженъ былъ представить, когда испанскій король, оказывавшій къ нему безграничную благосклонность и осыпавшій почестями, вздумалъ пожаловать артисту ордена Калатравы и Св. Іакова. Хотя, можетъ-быть, и довольно-затруднительно согласить высокое происхожденіе родителей его, съ тѣмъ постыднымъ промысломъ, для котораго они рѣшились принести въ жертву возмужалый возрастъ сына, въ надеждѣ упрочить свое состояніе, но по тогдашнему образу возрѣнія на вещи, въ Италіи, особенно въ Неаполитанскомъ Королевствѣ, никогда не затруднялись прикрывать подобнаго рода спекуляціи, подъ предлогомъ какого-нибудь случайнаго обстоятельства, которое яко-бы послужило необходимою тому причиною. Послѣ этого неудивительно, что выдумали, будто бы полученная юнымъ Броски рана, во-время паденія его съ лошади, по приговору хирурговъ, могла быть исцѣлена только посредствомъ оскотленія. Это, какъ видите, та-же самая исторійка, или, по-крайней-мѣрѣ, подобная той, какую каждый итальянскій кастратъ рассказывалъ о себѣ. — Замѣтьте однако-жъ, что подобнаго рода операций, къ несчастію, не всегда оправдывали надежды тѣхъ, кто рѣшался на нихъ; напротивъ, весьма-часто случалось, что бѣдные мальчики, теряя свойства мужчины, не приобрѣтали голоса, — не были пѣвцами. Положеніе, конечно, самое горькое... По-крайней-мѣрѣ Фаринелли, въ этомъ случаѣ, былъ счастливѣе и несравненно-счастливѣе многихъ: онъ обладалъ удивительнѣйшимъ, можетъ-быть, никогда неслыханнымъ голосомъ — *сопрано*.

Первоначальныя основанія музыки преподавалъ Броски отецъ его; потомъ онъ поступилъ въ школу Порпоры и сдѣлался первымъ и славнѣйшимъ ученикомъ его. Изучивъ, подъ руководствомъ знаменитаго профессора, механическую часть искусства пѣнія, во всей обширности и совершенствѣ превосходнѣйшей методы того времени, Фаринелли началъ пѣть въ нѣкоторыхъ обществахъ артистовъ и любителей, но преимущественно у братьевъ Фарина. Чудный, дивный голосъ, неслыханная чистота звука, легкое и блистательное исполненіе его, — все это вмѣстѣ возбуждало живѣйшій восторгъ въ слушателяхъ, и знатоки тогда-же предсказали, что юнаго артиста ожидаетъ блестящій успѣхъ на сценѣ. — Многіе утверждали, что Фаринелли явился, въ первый разъ, на

театръ въ 1720 году, пятнадцать лѣтъ отъ роду; что дебютъ его былъ въ первой оперѣ Местастазіо, *Angelica Medoro* и что, по случаю обоюднаго дебюта молодыхъ людей, завязалась между юнымъ поэтомъ, которому было не болѣе восемнадцати лѣтъ, и пѣвцомъ, жаркая дружба, которая не прерывалась во всю жизнь ихъ. Однако-жъ все это сушая басня. Въ 1720 году Метастазіо не былъ вовсе въ Неаполѣ и не покидалъ Рима до іюня 1721 года, когда бѣжалъ оттуда, чтобъ укрыться отъ преслѣдованій кредиторовъ. Въ то время поэту было не восемнадцать, а уже слишкомъ двадцать-два года, ибо онъ родился 3-го янв. 1698 г. Наконецъ, самая его *Angelica* не была первымъ дебютомъ и отмѣчена 1722-мъ годомъ; первая-же его опера была *Giustino*, поставленная на сцену, когда Метастазіо исполнилось лишь 14-тъ лѣтъ. Къ такому явному заблужденію подалъ поводъ самъ Фаринелли, въ разговорѣ съ Бурнеемъ; однако-жъ можно смѣло утверждать, что память измѣнила старикъ и что онъ познакомился съ Метастазіо незадолго до отъѣзда своего въ Римъ.—Все это подтверждается еще болѣе тѣмъ, что въ 1722 году семнадцатилѣтній Фаринелли сопровождалъ учителя своего Порпору въ Римъ: послѣдній приглашенъ былъ въ столицу христіанскаго міра, чтобы написать тамъ, для театра Алиберти, оперу, подъ названіемъ *Еомене*. Въ этой самой оперѣ дебютировалъ Фаринелли, уже снискавшій себѣ извѣстность и славу въ южной Италіи, подъ именемъ «il ragazzo» (дитяти). Въ то время Римляне дивились искусству какого-то нѣмецкаго трубача, который дѣйствительно производилъ чудеса на своемъ инструментѣ. Антрепренёры театра упросили Порпору написать для ученика своего арію съ аккомпанементомъ трубы (*obligato*). Маэстро выполнилъ ихъ желаніе; въ слѣдствіе чего возгорѣлась борьба между пѣвцомъ и нѣмецкимъ виртуозомъ. Самая арія начиналась выдержанною въ кадеицѣ (*point d'orgue*) потою, и каждая фраза ритуриалля повторялась потомъ въ вокальной части. Трубачъ взялъ эту ноту необыкновенно тихо, развилъ густоту звука до невозможной степени силы, съ самою незамѣтною постепенностію, и ослабилъ опять съ удивительнымъ искусствомъ; наконецъ, онъ выдержалъ ноту такъ долго, что слушатели пришли въ неописанный энтузіазмъ и, по видимому, не сомнѣвались уже, что юному Фаринелли нѣтъ возможности бороться съ совершеннѣйшимъ инструментистомъ. Но вотъ дошла очередь до пѣвца. Природа и искусство одарили Фаринелли самою удивительною способностію издавать голоса, почему онъ, нисколько не устращаясь слышаннаго имъ искусства трубача, взялъ выдержанную ноту съ нѣжностію и чи-

стотою, до-той-поры неслыханными, развилъ силу съ невообразимымъ, безконечнымъ искусствомъ, и держалъ ее такъ долго, что казалось рѣшительно непостижимымъ, какимъ-образомъ можно было произвести подобный эффектъ натуральными средствами. Взрывъ рукоплесканій и крики удивленія привѣтствовали необыкновенный феноменъ и продолжались болѣе пяти минутъ. Потомъ пѣвецъ произнесъ фразу мелодіи, ввелъ въ нее блестящія трели, какихъ не могъ исполнять никакой другой артистъ, кромѣ его. Какъ ни велико было искусство трубача, но талантъ противника затмилъ его, хотя виртуозъ не потерялъ еще надежды на перевѣсъ. По тогдашнему способу сочиненія арій, послѣ второй части, первый мотивъ повторялся пѣликомъ. Трубачъ употребилъ все свои усилія, началъ выдержку еще съ большимъ совершенствомъ, чѣмъ прежде, и выдерживалъ ее такъ долго, что успѣхъ Фаринелли, казалось, нѣсколько поколебался. Но пѣвецъ, не потерявъ ничего изъ продолжительности ноты, какъ онъ выдержалъ ее въ первый разъ, придавъ ей сверхъ-того такой блескъ, такую вибрацію, что вся зала наполнилась его безмѣрнымъ звукомъ; въ послѣдующую за тѣмъ мелодію ввелъ онъ такіе блестящіе пассажи, и выказалъ голосъ до такой степени обширнымъ, ровнымъ и чистымъ, что энтузіазмъ публики дошелъ до крайности; инструментистъ принужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ. — Конечно предполагать должно, что учитель помогъ торжеству ученика своего; вѣроятно пассажи, казавшіеся импровизаціею, были подготовлены и заучены заранее; какъ-бы то ни было, только, по окончаніи представленія, публика почти цѣлою массою ожидала юнаго пѣвца у дверей театра и проводила его до самой квартиры, съ криками «вивать!» и единодушными восклицаніями.

Вообще въ изслѣдованіяхъ о жизни Фаринелли встрѣчаются довольно-часто необъяснимыя противорѣчія. Такъ Бурней въ *Музыкальномъ путешествіи своемъ по Италіи* (2) между прочимъ говоритъ, что славный пѣвецъ, покинувъ Римъ, переѣхалъ въ Болонію и слушалъ тамъ знаменитаго Бернакки; хотя послѣдній въ 1722 году вовсе не находился въ Болоніи. — Шоронъ и Файоль³⁾ прибавили къ словамъ Бурней, что будто-бы въ это время Фа-

2) The present state of music etc. 1771 г. стр. 214.

3) Dictionnaire historique des musiciens.

ринелли просилъ главу болонской школы давать ему уроки въ пѣніи. Между-тѣмъ, какъ самъ-же Бурней признаетъ ⁴⁾, что Фаринелли оставался подъ руководствомъ Порпоры до 1724 года, то-есть, до того времени, когда ѣздилъ съ учителемъ своимъ въ Вѣну. — При томъ весьма вѣроятно, что Порпора, снискавшій во всей Италиі славу отличнаго профессора пѣнія, конечно не дозволилъ-бы ученику своему брать уроки у другаго учителя, кто-бы онъ ни былъ; въ противномъ случаѣ подобный поступокъ Фаринелли счелъ-бы для себя явнымъ оскорбленіемъ. Наконецъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Фаринелли не слышалъ Бернакки до 1727 года, и если рѣшился просить у послѣдняго совѣтовъ, то уже послѣ того, какъ былъ побѣжденъ имъ въ оперѣ *Орландини*; въ то время онъ вполне созналъ все превосходство Бернакки надъ собою и увидѣлъ на самомъ дѣлѣ, чего ему не доставало въ отношеніи къ искусству пѣнія. —

Въ 1724 году Фаринелли посѣтилъ въ первый разъ Вѣну, хотя о произведенномъ имъ тамъ эффектѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній. На другой годъ славный артистъ пѣлъ въ Венеціи, въ *Метастазіевой Didone abbandonata*, которая положена на музыку Альбини. Потомъ возвратился въ Неаполь, гдѣ произвелъ живѣйшій восторгъ и удивленіе въ *драматической серенадѣ*—Гассе, которую исполнялъ вмѣстѣ съ знаменитою кантатрисою Тези. Въ 1726 году Фаринелли прибылъ въ Миланъ и игралъ тамъ въ *Ciro*, оперѣ Кіампи; послѣ этого переѣхалъ въ Римъ, гдѣ ожидали его съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Наконецъ, въ 1727-мъ году, артистъ явился въ Болонію и долженъ былъ пѣть на тамошнемъ театрѣ, вмѣстѣ съ Бернакки. Гордясь своими блистательными успѣхами, увѣренный въ несравненной красотѣ своего голоса и въ чудной легкости исполненія, которая ни разу еще не измѣняла ему, — Фаринелли вовсе не заботился о предстоявшемъ ему испытаніи и соперничествѣ. Конечно искусство Бернакки было, по истиннѣ, велико, за что онъ и заслужилъ титулъ *царя пѣвцовъ*; однакожь самый голосъ его не былъ хорошъ, и только съ помощію тайныхъ пружинъ искусства, артистъ этотъ могъ сгладить недостатки своего органа. Не сомнѣваясь въ побѣдѣ, подобно тому, какъ увѣнчанъ былъ въ Римѣ, назадъ тому пять лѣтъ, ученикъ Порпоры пѣлъ съ Бернакки *дуэтъ*, въ которомъ истощилъ всѣ сокровища своего дивнаго органа, всѣ пассажи, соста-

4) A general historie of music, т. 4, стр. 378.

вившіе его славу. Восхищенію слушателей не было конца, аплодисменты расточались безпрерывно. Однако-жъ торжество противника не смутило Бернакки; онъ началъ, въ свою очередь, ту же самую фразу, которую долженъ былъ повторить, передалъ, рѣшительно всё до послѣдняго пассажа, слышанные имъ у юнаго пѣвца, а самымъ подробностямъ придавъ такое истинно-чудесное совершенство, что Фаринелли вынужденъ былъ признать въ соперникѣ своего учителя. Славный пѣвецъ однако-жъ нисколько не оскорбился превосходствомъ надъ нимъ Бернакки, какъ поступилъ-бы, на его мѣстѣ, всякій другой, обыкновенный артистъ; напротивъ, онъ торжественно сознался въ своемъ поражениі и просилъ у Бернакки совѣтовъ. Съ своей стороны, послѣдній великодушно поспѣшилъ сообщить ему все, что только оставалось сдѣлать для окончательнаго усовершенствованія таланта самаго дивнаго пѣвца восемнадцатаго вѣка. Такимъ-образомъ, тотъ и другой подали собою благородный, прекраснѣйшій примѣръ артистической добросовѣстности въ дѣлѣ искусства: оба помышляли только единственно объ успѣхахъ избраннаго ими искусства, отбросивъ въ-сторону самолюбіе и пожертвовавъ личнымъ интересомъ. Въ наше время бываетъ не тѣ: мы знаемъ случай, гдѣ пѣвецъ, пріобрѣтшій европейскую славу, не захотѣлъ пѣть въ одной оперѣ съ другимъ пѣвцомъ, вовсе неизвѣстнымъ, потому только, что у послѣдняго прекрасный, звучный голосъ, тогда, какъ у европейскаго пѣвца *звукъ въ голосъ* существуетъ только по воспоминанію!...

Послѣ вторичнаго путешествія въ Вѣну, въ 1728 году, Фаринелли посѣщалъ нѣсколько разъ Венецію, Римъ, Неаполь, Пьяченцу, Парму, и съ 1728 по 1730-й годъ соперничалъ тамъ съ нѣкоторыми знаменитыми артистами того времени, какъ-то: съ пѣвцами Жиціалло и Николини и пѣвицами Фаустиною и Купцони. Славный артистъ повсюду торжествовалъ побѣды, и осыпалъ былъ почестями и деньгами. — Въ 1731 году онъ ѣздилъ въ Вѣну, въ третій разъ. До этого времени родъ пѣнія, въ которомъ отличался талантъ его, основанъ былъ на импровизаціи и исполненіи всевозможныхъ трудностей. Трель, группы всѣхъ родовъ, длинные пассажи, восходящими и нисходящими терціями, повторялись у него безпрестанно; однимъ словомъ, Фаринелли былъ пѣвцомъ бравурнымъ. Но съ послѣдней поѣздки въ Вѣну, артистъ началъ измѣнять свою методу, и къ изумительному своему исполненію присоединилъ качества превосходнаго пѣнія, въ стилѣ простомъ и патетическомъ. Къ такой рѣшительной рефор-

мѣ привели его совѣты Императора Карла II-го. Государь этотъ однажды сопровождалъ ему на клавесинѣ; но вдругъ остановился и сказалъ артисту, что никакой другой пѣвецъ въ мірѣ не можетъ съ нимъ сравниться, что голосъ и самое пѣніе его кажутся достояніемъ существа сверхъестественнаго, а не простаго смертнаго. Императоръ, между-прочимъ, выразился такъ: «Твои «гигантскіе звуки, длинныя, нескончаемыя пассажи, смѣлость «твоего исполненія, удивляютъ, приводятъ въ изумленіе, но не «трогаютъ сердца; между-тѣмъ тебѣ такъ легко возбуждать душевное волненіе, если только станешь пѣть иногда проще и «разительнѣе.» Слова эти, сказанныя петиннымъ знатокомъ и страстнымъ любителемъ искусства, не пропали даромъ. До-сихъ-поръ Фаринелли не помышлялъ объ искусствѣ пѣть просто, хотя природа одарила его такимъ богатымъ талантомъ, что и въ этомъ родѣ пѣнія, какъ во всякомъ другомъ, ему предназначено было достигнуть высочайшей степени совершенства. Но не надобно забывать, что когда Фаринелли вступилъ на театральное поприще, въ то время вся Італія помѣшана была на бравуриномъ пѣніи, пущенномъ въ ходъ пѣвцомъ Бернакки. Притомъ-же самъ учитель его Порпора имѣлъ рѣшительную страсть къ трелямъ, группамъ и всякаго рода украшеніямъ, которыми неспешена вся его музыка. Подобно всякому артисту, Фаринелли жаждалъ успѣховъ народныхъ: вотъ почему предался тѣломъ и душою этому роду пѣнія, въ которомъ рѣшительно никто не могъ съ нимъ равняться. Но послѣ совѣтовъ Императора, артистъ понялъ, чего ему не доставало, чтобы сдѣлаться пѣвцомъ вполне совершеннымъ. Онъ имѣлъ столько твердости, что сталъ отказываться иногда отъ рукоплесканій толпы, являясь въ пѣніи своемъ истиннымъ, простымъ, драматическимъ, дабы заслужить одобреніе немногихъ знатоковъ. И такъ, предсказаніе Карла II сбылось вполне: лишь только Фаринелли захотѣлъ, то и сдѣлался пѣвцомъ самымъ патетическимъ, какъ, до-тѣхъ-поръ, былъ самымъ блистательнымъ. Далѣе увидимъ, что успѣхъ этотъ послужилъ ему въ пользу, не только для его славы, но и составилъ главную причину его благоденствія и огромнаго, страшнаго богатства.

По возвращеніи въ Італію, пѣлъ Фаринелли, съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ, въ Венеціи, Римѣ, Феррарѣ, Луккѣ, Туринѣ.... Осыпанный почестями и деньгами, артистъ покинулъ наконецъ материкъ и отправился въ Англію. За нѣсколько времени предъ тѣмъ, англійская знать, раздраженная противъ Ганделя, за то, что маэстро оказывалъ ей уже слишкомъ мало ува-

жепія, рѣшилась подорвать содержимый имъ Геймаркетскій театръ. Съ этою цѣлю вызвали въ Лондонъ Порпору, для управленія оперою на театрѣ Lincoln's-inn-Fields. Извѣстно, что Гандель не щадилъ никого, коль скоро считалъ себя обиженнымъ, да и вообще былъ чрезвычайно неводерженъ въ словахъ и поступкахъ. Онъ поссорился съ превосходнымъ пѣвцомъ-контральто Сепезино, который перешолъ къ его противникамъ. Не смотря на столь важную потерю и явное неудовольствіе высшаго лондонскаго общества, геній великаго музыканта боролся еще съ успѣхомъ противъ предпріятія своихъ противниковъ, такъ, что у нихъ скорѣе оказалось 19,000 фунт. стерл. убытку, который грозилъ имъ неизбѣжнымъ и конечнымъ разореніемъ. Порпора, принявъ въ свое управленіе оперу, понялъ, что одинъ только чудный геній Фаринелли могъ извлечь ихъ изъ такого опаснаго положенія. Послѣдствія доказали, что маэстро не ошибся. Въ первый разъ дебютировалъ Фаринелли въ оперѣ Гассе — *Artaxerxes*, куда братъ его, Ричардъ Броски, вставилъ арію своего сочиненія, для перваго выхода. Эта самая арія рѣшила дѣло въ пользу великаго пѣвца; онъ произвелъ чрезвычайный восторгъ, доходившій до неистовства. Арія начиналась выдержанною нотою, точно также, какъ и арія въ Еомене, написанная за двѣнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, Порпорою. Великій пѣвецъ вздумалъ произвестъ ею такой-же эффектъ и тѣми-же средствами, какъ и во время борьбы съ трубачомъ. Собравъ сколь возможно болѣе воздуха въ груди, то-есть, усиливъ свое дыханіе, Фаринелли, придерживая самую грудь правою рукою, издалъ звукъ чистый, пѣжный, довелъ его почти съ незамѣтною постепенностію до высшей степени силы и потомъ, точно такимъ-же образомъ ослабилъ до рѣшительнаго исчезновенія, въ родѣ отдаленнаго эха. Самый звукъ пѣвецъ выдерживалъ, по-крайней-мѣрѣ, въ пять разъ долѣе противъ того, какъ могъ-бы произвестъ подобную выдержку какой-либо другой, весьма-хорошій, по обыкновенной пѣвецъ. Необычайный звукъ его привелъ публику въ пепетовый восторгъ, который возможно скорѣе вообразить, нежели описать. Во все остальное время представленія оперы, Фаринелли возбуждалъ ощущенія подобнаго-же рода. Съ-тѣхъ-поръ удивлялись только Фаринелли и его одного желали слушать. Энтузіазмъ дошелъ даже до того, что одна придворная дама закричала изъ ложи: «Одинъ Богъ и одинъ Фаринелли». Между-тѣмъ, на той-же сценѣ находились два первоклассныхъ артиста: пѣвецъ Сепезино и пѣвица Купцони. Итакъ, партія была слшскомъ-сильна, Ганделю

невозможно было не проиграть. Тщетно боролся онъ еще, въ теченіе 1734 года, но наконецъ понялъ, что ему осталось искать спасенія только въ исполненіи своихъ удивительныхъ ораторій. Но какъ Геймаркетскій театръ былъ слишкомъ малъ для этого, то композиторъ перешелъ на Ковентгарденскій, между-тѣмъ Геймаркетскій заняли его противники. Чрезвычайные успѣхи Фаринелли доставили дирекціи большіе сборы, весьма-достаточные на покрытіе издержекъ, такъ, что векорѣ 19,000 фунт. стерлинговъ долга были уплачены. Невозможно описать пристрастія публики къ знаменитому артисту. Онъ пѣлъ въ Септжерменскомъ-дворцѣ, въ присутствіи короля, и ему аккомпанировала принцесса королевскаго дома, бывшая потомъ Принцессою Оранскою. Съ этого самого вечера началась особенная благосклонность къ нему высшаго общества. За свое чудесное пѣніе Фаринелли вознагражденъ былъ великолѣпнѣйшимъ подаркомъ, а въ слѣдъ за тѣмъ сталъ получать подарки отъсюду, тѣмъ болѣе не маловажные, что тщеславіе ввело въ моду объявлять въ журналахъ, что и отъ кого именно присылалось Фаринелли въ подарокъ. Примѣръ Принца Валлійскаго, который прислалъ артисту осыпанную брилліантами золотую табатерку, наполненную банковыми билетами, породилъ множество подражаній. При театрѣ пѣвецъ получалъ жалованья только 1500 фунт. стерлинговъ; между-тѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ (1734, 35 и 36), проведенныхъ имъ въ Англій, ежегодный доходъ его простирался до 5000 фунт. стерл. (около 125,000 руб.)

Въ концѣ 1736 года Фаринелли поѣхалъ въ Испанію, направивъ путь свой чрезъ Францію. Здѣсь онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ и возбудилъ живѣйшій восторгъ, чего нельзя было никакъ ожидать, судя по невѣжеству, въ какомъ находилась въ то время Франція относительно музыки вообще и искусства пѣнія въ особенности. Риккони говоритъ, что самъ Людовикъ XV слушалъ Фаринелли въ покояхъ Королевы и апплодировалъ ему съ энтузіазмомъ, до того, что подобный поступокъ его привелъ въ удивленіе весь дворъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, нельзя было и не удивляться, если вспомнить, что государь этотъ не любилъ музыки, особенно музыки итальянской, между-тѣмъ, какъ съ удовольствіемъ слушалъ великаго пѣвца. Говорятъ, что король подарилъ Фаринелли осыпанный брилліантами портретъ и 500 лудировъ. Сначала артистъ предполагалъ только побывать въ Испаніи и воротиться въ Англію, гдѣ у него заключены были обязательства съ антрепренѣрами оперы; но судьба рѣшила иначе: Фаринелли

прожилъ около 25 лѣтъ въ странѣ, которую желалъ только посѣтить! Извѣстно, что испанскій король Филиппъ V подверженъ былъ припадкамъ унынія и меланхоли, которые усилились и сдѣлались довольно-часты съ кончины его сына: въ это время онъ обыкновенно оставялъ государственныя дѣла и не хотѣлъ засѣдать въ совѣтѣ, не смотря на самыя убѣдительныя настоянія королевы, Елисаветы Феррарской. Когда Фаринелли пріѣхалъ въ Мадридъ, то припадки тяготѣли надъ королемъ съ ожесточенною степенью. Лишь только узнала королева о прибытіи великаго пѣвца, ей пришла счастливая мысль испытать надъ разсудкомъ большаго короля силу и дѣйствіе музыки, которую Филиппъ любилъ страстно. На этотъ конецъ составленъ былъ концертъ въ королевскихъ покояхъ, причемъ Елисавета потребовала, чтобы виртуозъ сѣлъ нѣсколько аріи характера тихаго и нѣжнаго. Когда Филиппъ услышалъ голосъ пѣвца, это, казалось, сначала поразило его, потомъ сердцемъ его овладѣло волненіе. По окончаніи второй аріи, король велѣлъ позвать Фаринелли къ себѣ, осыпалъ его похвалами и просилъ сѣсть третью арію. Здѣсь-то великій артистъ и развилъ все очарованіе, все магическое дѣйствіе своего голоса и самого искусства. Въ себя отъ восторга, Филиппъ спросилъ у артиста, чѣмъ онъ можетъ вознаградить его, давъ слово не отказать ему ни въ чемъ. Фаринелли, съ своей стороны, попросилъ только, чтобъ государь употребилъ нѣкоторое усиліе для преодоленія меланхоли, въ которую погруженъ, и искалъ-бы развлеченія въ занятіяхъ государственнымъ дѣламъ; причемъ присовокупилъ, что онъ сочтетъ для себя драгоцѣннѣйшею наградою, если увидитъ великодушнаго монарха счастливымъ. Въ-самомъ-дѣлѣ Филиппъ рѣшился преодолѣть свое уныніе, побрился и одѣлся, чего не дѣлалъ съ давняго времени, и сталъ засѣдать въ совѣтѣ. Такимъ-образомъ, государь этотъ одолженъ своимъ исцѣленіемъ чудному таланту великаго пѣвца. Послѣ этого королева поняла, до какой степени голосъ пѣвца могъ оказывать благотѣльное вліяніе на здоровье ея супруга. Вотъ почему она предложила Фаринелли остаться въ Испаніи, на что тотъ и согласился. Артисту положено было по двѣ тысячи фунт. стерл. (50,000 фран.) годоваго жалованья; но за то пѣніе его принадлежало лишь одному королю. Съ этой самой минуты искусство потеряло артиста. Сдѣлавшись любимцемъ Филиппа, Фаринелли пріобрѣлъ чрезвычайное могущество, которымъ обыкновенно пользуются у государей ихъ приближенные. Благоденствіе его было утверждено, но съ-

тѣхъ-порѣ сердце Фаринелли лишилось высокихъ ощущеній артиста. Разыгрывая, въ нѣкоторомъ родѣ, роль придворнаго шу-та, онъ обязанъ былъ, самъ-другъ съ королемъ, распѣвать ему арійки подобно тому, какъ Трибулетъ корчилъ гримасы и болталъ сарказмы Франциску I. Отсюда уже можно видѣть, въ какое непріятное положеніе поставилъ себя славный пѣвецъ. Самъ онъ сказывалъ Бурнею, что въ теченіе десяти лѣтъ пребыванія своего при испанскомъ дворѣ, до смерти Филиппа V, онъ пѣлъ каждый вечеръ этому государю *три арии*, всегда однѣ и тѣ-же, безъ всякой перемѣны. Двѣ изъ нихъ были сочиненія Гассе: «Pallido, il solo» и «Per questo dolce amplesso», а третья *менуэтъ*, на который пѣвецъ импровизировалъ варіаціи. Слѣдовательно, въ продолженіе десяти лѣтъ, Фаринелли повторялъ одно и тоже болѣе 3600 разъ и никогда не пѣлъ ничего другаго. Слишкомъ-дорогая жертва за могущество и богатство!...

Многіе писатели ⁵⁾ утверждали, что Фаринелли занималъ постъ перваго министра при Филиппѣ и преемникъ его Фердинандъ VI. Но Бокусъ ⁶⁾ представляетъ дѣло это совершенно въ иномъ видѣ, при чемъ увѣряетъ, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія заимствованы отъ племянника самого Фаринелли. По его словамъ, пѣвецъ пользовался не титуломъ министра, которымъ онъ, кажется, никогда не былъ, но властью и вліяніемъ королевскаго любимца, и при томъ вовсе не при Филиппѣ, а только при Фердинандѣ. Извѣстно, что подобные люди бываютъ сильнѣе самыхъ министровъ. Вотъ какимъ образомъ Бокусъ выражается на этотъ счетъ: «Добрый, мудрый государь Фердинандъ VI наследовалъ «болѣзненное разслабленіе отца своего. Особенно въ началѣ «царствованія король подверженъ былъ припадкамъ глубокой «меланхоліи, отъ которой ничто не могло излечить его. Запи- «раясь одинъ въ своей комнатѣ, онъ едва допускалъ къ себѣ «королеву, и болѣе мѣсяца не хотѣлъ перемѣнить бѣлья и не «брился, не взирая на всѣ настоянія королевѣ и просьбы при- «ближенныхъ. Тщетно употребивъ всевозможныя средства къ «убѣжденію короля выйти изъ своего тягостнаго положенія, «прибѣгнули опять къ таланту Фаринелли. Великій артистъ «спѣлъ арію, и чудо совершилось. Взволнованный, трону-

5) Лабордъ, Гербертъ, Шоронъ и Файоль, Гросси...

6) Biographie universelle, изд. Мишю.

«тый мелодическими звуками его голоса, король безъ тру-
 «да согласился на все, чего отъ него требовали. Тогда ко-
 «ролева приказала принести орденъ Калатравы, и съ соизволенія
 «короля, возложила его собственными руками на Фаринелли. Съ
 «этой самой эпохи, вліяніе его при испанскомъ дворѣ достигло
 «высшей степени, и пѣвецъ сдѣлался, такъ-сказать, единствен-
 «нымъ источникомъ, откуда истекали все милости королевскія.
 «Надобно замѣтить, впрочемъ, что артистъ не раздавалъ ихъ не-
 «достойнымъ образомъ; онѣ не были для него предметомъ низ-
 «кихъ спекуляцій, и могущество свое Фаринелли никогда не упо-
 «треблялъ во зло. Замѣтивъ дѣйствіе музыки надъ разсудкомъ
 «короля, Фаринелли уговорилъ его основать въ Буйнось-Ретир-
 «скомъ дворцѣ итальянскую оперу, для чего выписалъ изъ Ита-
 «ліи отличнѣйшихъ артистовъ. Король наименовалъ его директо-
 «ромъ театра; но должность его не ограничивалась этимъ. Кромѣ
 «постояннаго и могущественнаго вліянія на короля и королеву
 «своими совѣтами, Фаринелли перѣдко участвовалъ въ дѣлахъ
 «политическихъ. Онъ имѣлъ частыя совѣщанія съ министромъ
 «Эспедадою; но преимущественно почитался агентомъ разныхъ
 «европейскихъ дворовъ, которые интересовались, чтобы испан-
 «скій король не принималъ фамиліаго союза, предложеннаго
 «Франціею и проч.» —

Фаринелли одаренъ былъ умомъ, расторопностію и смысле-
 «ностію, качествами, которыми обыкновенно отличаются его со-
 «отечественники. Самое положеніе его было до чрезвычайности
 «щекотливо, потому-что безграничная благосклонность къ нему
 «испанскихъ королей поставляла его въ непрерывныя сношенія
 «съ высшимъ дворянствомъ, гордымъ и завистливымъ. Однако-жъ
 «артистъ выказывалъ большую скромность и тонкость въ обхо-
 «жденіи съ знатію; мало пользовался могуществомъ и былъ сли-
 «шкомъ остороженъ въ выборѣ своихъ protegés, такъ-что въ те-
 «ченіе долговременнаго властвованія, какъ королевскій любимецъ,
 «нажилъ себѣ только весьма-немногихъ враговъ и завистниковъ.
 «Объ немъ рассказываютъ нѣсколько анекдотовъ, которые могутъ
 «дать точное понятіе, какимъ образомъ артистъ пользовался сво-
 «имъ значеніемъ. Однажды, проходя въ королевскіе покои, куда
 «онъ имѣлъ право входить во всякое время, безъ доклада, Фар-
 «инелли услышалъ, что одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ гово-
 «рилъ другому: «Ничтожнаго скомороха осыпаютъ почестями,
 ««между-тѣмъ, какъ я служу уже тридцать лѣтъ и остаюсь безъ
 ««всякой награды!» Артистъ сдѣлалъ королю упрекъ, что онъ за-

бываетъ своихъ вѣрныхъ слугъ, упросилъ его подписать патентъ, и выйдя изъ покоевъ, вручилъ тому самому офицеру, который такъ откровенно высказалъ свое неудовольствіе. — Я слышалъ, сказалъ Фаринелли, какъ вы жаловались, что служите тридцать лѣтъ; однако-жъ вы ошиблись въ томъ, что служба ваша остается безъ награды. — Въ другой разъ артистъ ходатайствовалъ у короля о мѣстѣ посланника для какого-то важнаго господина, который добивался этого поста. — Но развѣ ты не знаешь, сказалъ ему король, что это одинъ изъ твоихъ непріятелей, который отзывается о тебѣ весьма-дурно! — «Ваше Величество,» отвѣчалъ Фаринелли: «этимъ самымъ я хочу ему отмстить!» Впрочемъ благородство и великодушіе составляли постоянную черту его характера. Слѣдующій анекдотъ служить тому самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ. Анекдотъ этотъ всѣмъ извѣстенъ и послужилъ даже сюжетомъ для оперы. Фаринелли заказалъ себѣ богатое и великолѣпное платье. Когда портной принесъ платье; пѣвецъ спросилъ у него счетъ. «Я не написалъ никакого счета,» отвѣчалъ портной. — Какъ-же такъ? — «И не напишу. Въмѣсто платы», продолжалъ дрожащимъ голосомъ портной: «осмѣливаюсь попросить у васъ одной милости. Знаю что тому, чего я желаю, нѣтъ цѣны, и что благо это принадлежитъ лишь однимъ государямъ; но какъ я имѣю счастье работать на человѣка, о которомъ иначе не говорятъ, какъ съ величайшимъ энтузіазмомъ, то и не требую никакой платы, а желаю только послушать его божественное пѣніе!» Тщетно Фаринелли уговаривалъ портнаго отказаться отъ своего требованія, тщетно предлагалъ ему деньги, — портной остался непоколебимъ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго спора, артистъ заперся съ нимъ и развилъ предъ этимъ меломаномъ все могущество своего таланта. Когда овъ кончилъ, восхищенный портной разсыпался въ изъявленіяхъ благодарности и думалъ было удалиться. «Нѣтъ,» сказалъ ему Фаринелли: «у меня душа чувствительная и гордая, и этимъ только приобрѣлъ я нѣкоторое преимущество надъ другими пѣвцами. Я уступилъ вашей просьбѣ; теперь, въ свою очередь, вы должны уступить моему, по всей справедливости.» Сказавъ это, онъ вынулъ кошелекъ и принудилъ портнаго взять почти вдвое противъ того, что стоило сдѣланное ему платье.

Различные біографы говорятъ, что Карлъ III, утвердивъ за Фаринелли получаемое имъ жалованье, сказалъ при этомъ: «Я тѣмъ охотнѣе дѣлаю это, что Фаринелли никогда не употреблялъ возло благосклонности и щедрости моихъ предшественниковъ!» Но

впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ заключать, какъ утверждаютъ тѣ-же писатели, что Фаринелли остался на службѣ при испанскомъ дворѣ. Напротивъ того, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, Карлъ III приказалъ любимцу Филиппа и Фердинанда выѣхать изъ Испаніи. Причина этого объясняется намѣреніемъ короля заключить семейный договоръ съ Французскимъ и Неаполитанскимъ Дворами. Извѣстно, что Фаринелли постоянно противился этому союзу и употреблялъ все свое вліяніе, чтобъ воспрепятствовать заключенію его при двухъ первыхъ короляхъ. Самое жалованье оставлено было Фаринелли, только съ условіемъ поселиться въ Болоніи, а не въ Неаполѣ, какъ ему хотѣлось. Такъ это разсказывалъ самъ артистъ Бурнею (?). — Почти послѣ 25-ти лѣтняго отсутствія, Фаринелли возвратился наконецъ въ Италію. Тамъ онъ не нашелъ уже никого изъ прежнихъ друзей своихъ: одни изъ нихъ померли, другіе разбрелись по разнымъ странамъ. Такимъ-образомъ, артисту пришлось заводить новыя знакомства, причемъ однако-жъ прелесть юношескихъ воспоминаній уже не существовала.... Фаринелли находился въ возрастѣ, недоступномъ для дружескихъ связей: ему было 57 лѣтъ. Тогда-то онъ почувствовалъ всю пустоту въ душѣ, какъ артистъ, неисполнившій своего назначенія. Изъ всѣхъ прошлыхъ триумфовъ осталось ему одно только богатство, которое не могло усладить его сѣтованій и сожалѣній. Самъ онъ рѣдко вспоминалъ о своемъ талантѣ и славѣ своей въ молодости; между-тѣмъ, какъ ему непрерывно приходили на память докучливые анекдоты, которые артистъ разсказывалъ всякому ветрѣчному, о роли королевскаго любимца, о своихъ дипломатическихъ занятіяхъ и объ орденѣ Калатравы. Казалось, геній-пѣвецъ въ немъ давно уже умеръ; остался одинъ придворный куртизанъ, оплакивающій потерю погремушекъ. — Онъ выстроилъ себѣ, въ одной миле отъ Болоніи, великолѣпный дворецъ, украсилъ его со вкусомъ и роскошью. Здѣсь-то проводилъ онъ нерѣдко большую часть дня предъ портретами Филиппа, Елисаветы и Фердинанда, молча разсматривалъ ихъ и проливалъ слѣзы.—Развлеченіемъ для него служили только посѣщенія иностранцовъ. Фаринелли принималъ всѣхъ ласково и привѣтливо, и ничто не доставляло ему столько удовольствія, какъ-то, если разспрашивали у него въ подробности о пребываніи его при испанскомъ дворѣ.—Въ тече-

(7) The present state of music, стр. 221.

ніе послѣднихъ двадцати лѣтъ своей жизни, старикъ оставлялъ Болонію одинъ только разъ, отлучаясь на короткое время въ Римъ. Тамъ Фаринелли допущенъ былъ на аудіенцію къ Папѣ (Ламберту); при этомъ случаѣ, онъ съ увлеченіемъ разсказывалъ о почестяхъ, какими пользовался въ Мадридѣ, и о нажитыхъ имъ тамъ сокровищахъ. Но святѣйшій отецъ отвѣчалъ ему, съ прощическою усмѣшкою: «Avete fatta tanta fortuna costà, per che vi avete trovato le gioie, che avete perduto in quà.» —

Когда Бурней видѣлся съ Фаринелли, въ виллѣ его близъ Болоніи, въ 1770 году, то артистъ давно уже пересталъ пѣть; но игралъ еще на виолѣ д'амурѣ и клавесинѣ, и сочинялъ музыку для этихъ инструментовъ. Онъ имѣлъ у себя цѣлую коллекцію фортепяно и клавесиновъ, къ которымъ питалъ чрезвычайную привязанность. Но особенное предпочтеніе оказывалъ фортепяно, которое сдѣлано было во Флоренціи и которому далъ онъ прозваніе: *Рафаэль-Урбинскій*. Клавесинъ, названный имъ *Корреджіо*, былъ подаренъ испанскою королевою. Прочіе инструменты носили имена: *Тиціана*, *Гвидо-Рени* и т. п. д. Огромная зала дворца его увѣшена была прекраснѣйшими картинами Мурилло и Хипменеса. Здѣсь помѣщались также портреты всѣхъ государей, которые покровительствовали ему. Тамъ было три императора, одна императрица, три испанскихъ короля, король неаполитавскій, двѣ испанскихъ королевы, герцогъ савойскій, принцесса астурийская и папа Бенедиктъ XIV. Сверхъ-того было множество его собственныхъ портретовъ, изъ которыхъ одинъ работы друга его Амиколи, и портретъ славной кантатрицы Фаустины. — Многіе утверждали, будто-бы Мартини сталъ писать *Исторію музыки* (8) по предложенію Фаринелли; однако-жь это неправдоподобно, потому-что сношенія великаго пѣвца съ этимъ ученымъ начались, кажется, только съ 1761 года, когда Фаринелли возвратился въ Италію и поселился въ Болонію; первый же томъ исторіи Мартини вышелъ еще въ 1757 году. Достовернѣе, можетъ-быть, то, что Фаринелли снабдилъ Мартини богатымъ собраніемъ книгъ и нотъ, вывезенныхъ имъ изъ Испаніи. Оба знаменитые человѣка сохранили дружескія отношенія между собою, до конца своей жизни. Фаринелли умеръ 15 іюля 1782 года на 78-мъ отъ роду.

Въ своихъ *письмахъ* Мартинелли (9) говоритъ о славномъ ар-

(8) — *Storie della musica* — 1757, 1770, 1781 г. три тома. —

(9) *Lettere familiari critiche* — 1758 г.

тистѣ слѣдующее: «Пѣвецъ этотъ имѣлъ семь или восемь нотъ «больше противъ размѣра обыкновенныхъ голосовъ; ноты его «были одинаково звучны, ровны, свѣтлы; при томъ онъ обла- «далъ музыкальными познаніями въ высокой степени, показавъ «себя во всемъ достойнымъ ученикомъ Порпоры». — Славный профессоръ искусства пѣнія, Манчини, также, подобно Фаринелли бравшій уроки у Бернакки, отзывается о героѣ нашей сказки еще съ болѣе великолѣпною похвалою (10). Вотъ что говоритъ онъ: «Голосъ Фаринелли почитался чудомъ потому, что до та- «кой степени былъ совершеннымъ, могущественнымъ, звучнымъ, «и такъ богатъ своею обширностію въ нижней и высокой гаммѣ, «что никогда до него не слыхали ничего подобнаго. Притомъ «природа одарила его творческимъ гениемъ, внушавшимъ ему та- «кіе удивительные и оригинальные пассажи, что никакой другой «пѣвецъ не былъ въ состояніи подражать ему.—Искусство удер- «живать и переводить дыханіе такъ легко и осторожно, что ни- «кто не могъ замѣтить этого, имъ начато и съ нимъ кончилось. «Ровность голоса, искусство протягивать звукъ, portamento, сое- «диненіе регистровъ, изумительное проворство, пѣніе патетиче- «ское или граціозное, и трель, сколько удивительная, столько-же «рѣдкая по своему совершенству, — таковы были качества его «голоса. Не было ни одного рода въ искусствѣ пѣнія, котораго «бы онъ не довелъ до высочайшаго совершенства, такъ, что да- «же самое подражаніе ему сдѣлалось невозможнымъ. Едва разве- «слась молва о его чудномъ талантѣ, какъ всѣ важнѣйшіе города «Италіи стали оспаривать его другъ у друга для своихъ театровъ; «ездѣ, гдѣ только ни пѣлъ онъ, производилъ энтузіазмъ неописан- «анный, такъ, что его непременно желали слышать опять на «слѣдующій сезонъ. Точно также уважали его, восхищались и «призывали къ себѣ, на-перерывъ другъ передъ другомъ, и всѣ «первѣйшіе дворы Европы. Такихъ, вполнѣ заслуженныхъ успѣ- «ховъ, артистъ достигъ еще въ молодости. Не-смотря на то, Фа- «ринелли продолжалъ постоянно изучать свое искусство и при- «томъ съ безпримѣрною ревностію, такъ, что успѣлъ измѣнить «во многомъ свою методу, пріобрѣлъ лучшую, и все это въ то «время, когда имя его уже гремѣло по всей Европѣ, а самъ онъ «находился въ блистательномъ положеніи».

Однимъ-словомъ, никакой другой пѣвецъ въ мірѣ не обладалъ

(10) Pensieri e riflessioni pratiche sopra il canto figurato, — 1774 г.

такимъ гибкимъ, звучнымъ и обширнымъ голосомъ, каковъ былъ у Фаринелли. Творческое воображеніе, соединенное съ непоколебимою гибкостью органа, доставляло ему возможность избрѣтать тысячи неизвѣстныхъ, новыхъ и восхитительныхъ формъ пѣнія... Совершеннѣйшая интонація, несравненная легкость, неслыханное проворство въ треляхъ, богатство и умѣренность въ украшеніяхъ; равное превосходство въ стилѣ легкомъ и страстномъ; искусство постепенно усиливать густоту звука, сообразно характеру, какой должно было выразить—вотъ качества, которыя признаны въ немъ цѣлымъ свѣтомъ. — Итакъ, вотъ каковъ былъ Фаринелли, вотъ каковъ былъ этотъ пѣвецъ-геній! Слава его никогда не умретъ и будетъ вѣчно сіять въ лѣтописяхъ искусства. — Онъ столько-же превосходилъ великихъ пѣвцовъ своей эпохи, сколько современники его выше большей части пѣвцовъ нашего вѣка, когда искусство пѣнія находится до того въ плохомъ, жалкомъ состояніи, что теперь уже удивляются пѣвцамъ, которыхъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ не захотѣли-бы и слушать!...

АКТЕРУ.

Съ мучительной, убійственной тоской,
Я на тебя смотрю, питомецъ Мельпомены,
Когда предъ суетой земли склонивъ колѣна,
Ты палъ во прахъ развѣчанной главой...
Ты оскорбилъ святой мой идеалъ,
Когда въ вакхическомъ и дикомъ упоеньи,
Про лучшей жизни цѣль, про дивныя мгновенья,
Ты, какъ дитя, безсвязно лепеталъ!
Ты-ль это?... Чась назадъ могучимъ обояньемъ
Изъ міра дольняго меня ты уносилъ,
Мнѣ душу растворялъ блаженствомъ и страданьемъ
И адской мукою сомнѣнья грудь тѣсилъ...
Ты слышалъ-ли души разбитой стоны?
Забывъ себя, съ тобой любилъ я и страдалъ,
Тогда, какъ ты надъ тѣломъ Дездемоны
Иль надъ могилою Офеліи стоялъ.
Дать мѣсто говору безмысленному вѣка,
Взлетать и падать въ прахъ, и жить въ мечтахъ и свѣ...
Ты понялъ ли меня?... О, какъ за человѣка,
За человѣка страшно мнѣ!...

0.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ РАСИНА.

(РАЗСКАЗЪ БИБЛОФИЛА ЖАКОВА).

(Окончаніе).

ХІІ.

Очутившись запертою въ темной комнатѣ, куда втолкнулъ ее дядя, мадамозель де-Приньфоссъ сначала не слишкомъ домогалась выйти на свободу; ошупью нашла она стулъ, на который сѣла, и погрузилась въ неподвижную задумчивость: она мечтала о королѣ.

То была ея обыкновенная дума въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ.

Братъ, воротясь изъ поѣздки въ Версаль, гдѣ нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть Людовика XIV, наставлялъ ей столько похвалъ королю, что съ-тѣхъ-поръ она почувствовала удивленіе и восторженную любовь къ этому государю, какъ будто окруженному какимъ-то божественнымъ сіяніемъ, въ глазахъ его ослѣпленных и восхищенныхъ подданныхъ.

Чудесные рассказы о Версальскомъ великолѣпнн, какіе слышала она отъ брата, въ глазахъ ея также относились къ особѣ короля и дѣлали изъ него подобіе божества, среди двора, простертаго у ногъ его; дѣвица де-Приньфоссъ начала раздѣ-

лять поклоненіе этого двора, боготворившаго своего юнаго и прекраснаго владыку.

Пока братъ былъ съ нею и могъ отвѣчать на вопросы, она разспрашивала его обо всемъ, что онъ видѣлъ, или слышалъ во время краткаго пребыванія своего въ Версали; вечеромъ онъ приужденъ былъ снова пересказывать то, что говорилъ утромъ; сто разъ повторяла она тѣ-же вопросы, чтобы сто разъ получать тѣ-же отвѣты: ей хотѣлось знать все, до мельчайшихъ подробностей о характерѣ, костюмѣ, образѣ жизни короля, и эти свѣдѣнія, сбивчивыя и невѣрныя, которыя она выманивала своею неотступностію, невольно все больше и больше увеличивали высокое понятіе, какое составила она себѣ о самодержавіи Людовика XIV.

Когда братъ уѣхалъ къ своему полку, она только и думала, что о королѣ.

Она удивлялась ему въ воспомнаніи о разсказахъ очевидца, котораго столько разъ заставляла повторять одно и то же; удивлялась въ молвѣ частныхъ разговоровъ города Бри-Контъ-Роберъ; въ официальныхъ реляціяхъ *Французской Газеты* (*Gazette de France*) и *Услужливаго Меркурія* (*Mercurie galant*); особливо-же на гравированныхъ картинахъ, представлявшихъ *Опыты фигуръ и перстней, дѣланныхъ королемъ и принцами его двора въ 1662 году*, картинахъ, которыя предназначались для одного сочиненія, еще невыходившаго, и которыхъ снимки попали въ Бри какимъ-то особымъ случаемъ; но еще больше удивлялась она ему въ несравненномъ портретѣ, какой воображеніе начертало въ глубинѣ ея души.

Удивленіе это скоро перешло въ любовь, но въ любовь, подобную той, которую пламенная и страстная вѣра держаетъ питать къ неземному существу.

Она любила Людовика XIV такъ, какъ будто ей не суждено никогда его видѣть и быть близкой къ нему, однако-жъ поставила себѣ долгомъ посвятить всю жизнь этой безмолвной и отдаленной страсти, неподававшей ей даже счастья надежды.

Въ такомъ-то расположеніи ума и сердца слышала она толки о герцогинѣ де-Лавальеръ и г-жѣ де-Монтеспанъ, но не могла составить себѣ отчетливаго понятія о положеніи двухъ соперницъ, которыхъ ей представляли *пріятельницами* короля, и не зная, что обѣ онѣ страдали отъ ревности, тщеславія и любви, она вздумала завидовать ихъ счастью, котораго тягостей и огорченій не подозрѣвала.

Видѣть короля часто, безпрестанно говорить съ нимъ тономъ

короткой дружбы, опираться на его покровительство и пріязнь, пѣкоторымъ образомъ сіять отблескомъ его славы — таковы казались Генріэттѣ де-Прифоссъ завидные результаты званія *королевской пріятельницы*. Скрытаго за этимъ не видала бѣдная дѣвушка въ своемъ невѣдѣніи сѣбѣ.

Тѣмъ не менѣе ее огорчала мысль, что другія занимаютъ при Людовикѣ XIV мѣсто, которымъ желала-бы она владѣть, и котораго ей нельзя было даже оспаривать у нихъ.

Она ограничивала все желанія и надежды мыслью увидѣть короля хоть разъ въ жизни, и однако никогда-бы, вѣроятно, не оставила Бри, чтобы ѣхать въ Версаль, если-бъ случай, столь-же крайній, сколько неожиданный, не заставилъ ее рѣшиться на это путешествіе, первое, какое разлучало ее съ стѣнами роднаго города и съ большимъ, слѣпымъ старикомъ отцомъ.

Сидя въ своемъ заключеніи, она перебирала въ памяти все, что случалось съ нею въ продолженіе сутокъ, и не могла не замѣтить, что рука Провидѣнія довела ее почти до короля, давъ средства миновать препятствія, которыя сперва казались ей неодолимыми.

Особенно припоминала она тѣ изъ нѣсколькихъ мгновеній, когда она впервые глядѣла лично на Людовика XIV, окруженнаго веѣмъ блескомъ королевскаго величія; съ наслажденіемъ созерцала она образъ, напечатлѣвшійся въ ея сердцѣ, и убѣждалась, что мысленный портретъ, которымъ столь долго питалась ея тайная страсть, далеко уступалъ дѣйствительности. О! какъ желала-бы она кинуться къ ногамъ короля! Какъ желала-бы выразить ему все, что такъ живо чувствовала въ душѣ!

Но языкъ, павѣрно, измѣнилъ-бы ей въ присутствіи Людовика XIV, и она позабыла-бы свои планы, предначертанія, мечты цѣлыхъ пяти лѣтъ, не смѣя поднять взоры на это королевское величіе, внушавшее каждому почтеніе однимъ появленіемъ своимъ.

Тутъ она замѣтила, что не сохранить надлежащей твердости передъ королемъ, ибо при одной мысли о завтрашнемъ свиданіи, котораго домогалась такъ пламенно, она смущалась, краснѣла, блѣднѣла, дрожала и была какъ-будто-оглушена біеніями своего сердца, которое не дало-бъ ей разслушать даже голоса Людовика XIV.

Голоса этого она не знала, но вдругъ вообразила, будто уже слышала его, будто слышала сейчасъ и еще слышать! То было слѣдствіемъ экстаза, въ какой приводило ее воспоминаніе о королѣ.

Терзаясь несказаннымъ волненіемъ, она встала и пошла въ

темнотѣ, слѣдуя по направленію голоса, который, казалось ей, удалялся по мѣрѣ того, какъ она старалась къ нему приблизиться.

Такъ дошла она до двери, которая отворилась съ перваго толчка, и пропустила нѣсколько сумеречнаго свѣта въ темную комнату, куда посадилъ ее дядя подь домашній арестъ, на время представленія *Британника*.

Комната служила гардеробомъ танцевальной академіи, и прямо сообщалась съ рядомъ низкихъ залъ, гдѣ хранились вся балетная рухлядь, все убранства хореографическаго Олимпа.

Залы эти, освѣщаемыя рѣдкими и маленькими окошками, имѣли много выходовъ въ корридоръ, а Флоридоръ заперъ одну только дверь. Такимъ-образомъ мадамозель де-Приньфоссъ не могла остаться плѣнницею.

Ей хотѣлось воротиться въ театръ и постараться еще разъ взглянуть на короля; но она побоялась навлечь опять гнѣвъ дяди, и въ перѣшности остановилась на первыхъ ступенькахъ лѣстницы, которая привела-бъ ее снова за кулисы.

Изъ верхнихъ этажей доносился къ ней неясный гулъ и говоръ, и она завидовала судьбѣ всехъ актеровъ и зрителей, которые могли присутствовать на представленіи; но о трагедіи ей не приходило и въ голову!

Печально посмотрѣла она на отведенную ей темницу, и замѣтила въ концѣ корридора нѣсколько лучныхъ лучей, взманившихъ ее поискать выхода на чистый воздухъ: она задыхалась подь этими мрачными сводами; видъ двери, отворенной въ садъ, породилъ въ ней желаніе пройтись тамъ, пока дядя явится освободить ее изъ заключенія.

Она пустилась ходить по цвѣтникамъ, бродила вдоль куртннъ, углублялась въ аллеи, упивалась сладкими ощущеніями, какія пробуждали въ ней благоуханія померанцовыхъ деревъ, шелестъ листьевъ, журчанье фонтановъ; она сѣла на мраморную скамью, подлѣ пруда, который луна превращала въ серебряный коверъ, а впереди глазамъ ея представлялось гордое зданіе Версальскаго дворца, еще живѣе напоминавшее величіе Людовика XIV.

Наконецъ она въ Версали... наконецъ, она видѣла короля... завтра должна опять его увидѣть!

XIII.

Въ эту-то минуту замѣтила она челоѣка, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, — и неподвижный, задумчивый челоѣкъ показался ей — самимъ королемъ.

Вскочить съ мѣста, броситься съ простертыми руками, задыхаясь отъ волненія — было ея первымъ движеніемъ; но она тотчасъ же обезсилѣла, и, почувствовавъ дурноту, прислонилась къ пьедесталу статуи, чтобъ не упасть въ обморокъ.

Не такъ скоро оставила-бъ она свое мѣсто, если-бъ не побоялась пропустить дорогое явленіе, которое, казалось, бѣжало отъ нея; она собрала послѣднія силы, чтобы догнать его, умолять, просить о вниманіи.

— Помилуйте, сударыня!... отвѣчалъ Расинъ, который, услышавъ, что его называютъ *государемъ*, понялъ, что рѣчь обращена не къ нему, или что онъ имѣлъ дѣло съ помѣшанною.

— Годударъ, продолжала Генріэтта нѣжнымъ и умоляющимъ голосомъ: заклинаю васъ, не лишайте меня счастья васъ видѣть!

— Вы жестоко ошибаетесь, сударыня, возразилъ онъ съ улыбкою: поглядите хорошенько, и вы убѣдитесь въ своей ошибкѣ.

— Государь, я смѣло прибѣгаю къ вашему величеству! прибавила она, не догадываясь, въ чемъ-бы она могла ошибаться.

— *Ваше величество! государь!* да кому вы это говорите, сударыня? прервалъ Расинъ, не сомнѣваясь уже въ помѣшательствѣ этой женщины, и отнюдь не думая приписывать себѣ честь быть сколько нибудь похожимъ на такое высокое лицо. Не короля ли вы ждали здѣсь?

— Да, ваше величество.... да, сударь! пролетѣла Генріэтта, тутъ-только вспомнивъ совѣтъ герцога де-Шеврѣза, и желая предоставить королю удовольствіе някогнито. Не знаю сама, кого я ждала здѣсь, но очень-рада, что встрѣтила васъ....

— Я также очень-радъ васъ встрѣтить, сударыня, отвѣчалъ Расинъ, который объяснялъ себѣ этотъ случай предположеніемъ любовнаго свиданія, назначеннаго королемъ, и темнотою, которая сдѣлала его безвинною причиною ошибки. Однако-жъ, позвольте....

— Какъ! вы не пожалуете мнѣ даже минуты аудіэнціи! воскликнула она, осмѣлая схватить его за руку, и трепеща отъ

этой дерзости, которая ничуть не показалась излишнею тому, кого она принимала за короля. Какъ! государь.... вы уже уходите?...

— Къ-сожалѣнію, сударыня, сказалъ поэтъ, трепеща съ своей стороны, что король застанетъ его тутъ, когда явится на свиданіе. Повѣрьте, я очень желалъ-бы остаться долѣе; но меня ждуть въ театрѣ.

— Еще минуту! Ради Бога! говорила Генріэтта, счастливая тѣмъ, что держитъ въ своихъ пылающихъ рукахъ холодную руку Раина, котораго продолжала считать за короля: это самыя сладостныя, самыя драгоценныя мгновенія въ моей жизни! Я утопаю въ блаженствѣ!... Простите мое волненіе, мое замѣшательство....

— Боже мой! всѣ ваши слова, сударыня, относятся не ко мнѣ!... возразилъ Расинъ, вспомнивъ, что король вышелъ изъ залы спектакля, вѣроятно, для того, чтобъ сойдти въ садъ, и ужаснувшись отъ одной мысли помѣшать своимъ присутствіемъ хотя малѣйшему намѣренію Людовика XIV.

— На колѣняхъ прошу у васъ одной минуты аудіэнціи.... Мнѣ-бы надо кинутся къ ногамъ и умолять ваше королевское милосердіе....

— Послушайте, сударыня, тихо сказалъ Расинъ: вы обманываете сами-себя, потому-что я съ своей стороны не подалъ никакого повода къ этой страшной ошибкѣ. Я совѣмъ не тотъ, кого вы ожидали, и имѣю причины полагать, что самъ онъ скоро явится.... Благоразуміе велитъ мнѣ удалиться отсюда!

— Король не хочетъ быть узнанъ, подумала мадмоазель де-Приньфоссъ: не годится теперь притворяться его прихоти, о которой мнѣ напередъ сказывали.... Я не ошибаюсь, сударь, сказала она велухъ; я знаю, кто вы.... высокая и могущественная особа.

— Я! Право, сударыня, васъ дурно предувѣдомили! отвѣчалъ Расинъ, удивленный и готовый подумать, что надъ нимъ шутятъ.

— Знаю, что вы въ большой силѣ при дворѣ, однимъ-словомъ, знаю, что король согласенъ на все, чего вы желаете....

— О! если-бъ это было правда, сударыня! грустно прошепталъ поэтъ, возвращаясь къ прежней мысли, и думая, что разговариваетъ съ помѣшанною.

— Но дѣло не въ томъ, кто вы, государь; дѣло о просьбѣ, которую я представляю вамъ въ этой бумагѣ.

— Какая-жъ это просьба, сударыня? спросилъ Расинъ, удо-

стовѣрся теперь вполне въ томъ невыгодномъ мѣстѣ, какое составилъ на счетъ разсудка незнакомки.

— Устойте принять мое прошеніе, прочесть и обратить на него вниманіе, умоляю васъ, сказала она со слезами: пощадите жизнь преступника!

— Преступника? какого преступника? Право, сударыня, вы не совсѣмъ въ своемъ разсудкѣ; очень жалѣю вашихъ родителей, вашихъ друзей...

— Точно, государь, я виѣ себя, и не ручаюсь, чтобъ я говорила именно то, что слѣдовало-бы говорить; я не бывала при дворѣ, и ничего не смыслю — ни прекрасныхъ манеръ, въ красивыхъ рѣчахъ.... При томъ-же, чрезвычайное волненіе въ нашемъ присутствіи, государь... затрудненіе говорить съ вами, монархомъ Франціи!

— Понимаю, вы надѣялись говорить съ королемъ, подать ему это прошеніе? ласково возразилъ Расинъ, начинавшій подозрѣвать, что за этимъ интереснымъ безуміемъ скрывалось страшное несчастіе. За чѣмъ-же васъ оставили здѣсь одну? Можетъ-быть, вы имѣете мужа, дѣтей?

— О! прервала она съ видомъ отвращенія: отецъ мой, слава Богу, не вынуждалъ меня послушиваться его воли: онъ не требуетъ, чтобъ я шла за-мужъ!...

— Но, если это не секретъ, касающійся только до короля, могу-ли я спросить, что за содержаніе вашей просьбы?

— Государь, маркизь де-Приньфоссъ, отецъ мой, слѣпой и дряхлый старикъ, молить васъ о пощадѣ его сыну.

— Вашему брату? Что-жъ онъ сдѣлалъ?... Маркизь де-Приньфоссъ... гдѣ-то я слыхалъ это имя.... Итакъ, скажите, въ чемъ-же состоитъ просьба?

— Ахъ, государь! мой несчастный братъ, который служитъ вашему величеству въ дофинскихъ уланахъ, дрался на дуэли и убилъ своего противника...

— Дуэль, на которой убитъ одинъ изъ соперниковъ! Ну, сударыня, жалѣю о томъ, кто остался въ живыхъ, жалѣю и о васъ....

— Причина дуэли похвальна, государь: дѣло стало за оскорбленіе нашего престарѣлаго отца, дяди, нашей фамилии, старинной и благородной фамилии въ Бри.

— Братъ вашъ поступилъ храбро, но чрезвычайно-безразсудно. За дуэли положена смертная казнь.

— Это-то насъ и приводитъ въ отчаяніе. Человѣкъ, съ которымъ дрался братъ, былъ его поручикъ или капитанъ....

— О! несчастный молодой человек! онъ погибъ не возвратно, если допустить схватить себя и отдать подъ судъ; самъ король едва-ли можетъ пощадить его....

— Развѣ король не все то можетъ, что ему угодно? Если король покнуетъ насъ въ этой бѣдѣ, намъ уже не останется никакой надежды.

— Не плачьте такъ, сударыня, вы мнѣ раздираете сердце... я не могу равнодушно видѣть женщину въ слезахъ.

— Ну! какую-же надежду вы мнѣ подадите? что можете мнѣ обѣщать? Въ вашей власти удовлетворить мою просьбу....

— Дай Богъ, чтобъ это была правда! Ужъ конечно, сударыня, вы не плакали-бы такъ, если-бъ я сдѣлался королемъ, хоть на четверть часа.

— Сдѣлайтесь имъ, чтобъ только спасти брата! воскликнула она, снова залитая слезами, падавшими на руки Расина и впушавшими ему живое состраданіе къ молодой несчастливцѣ, которую онъ считалъ помѣшанною. Если-жъ удостоите меня позволеніемъ еще васъ видѣть, то не будьте королемъ, государь!

— Я могу служить вамъ только добрымъ совѣтомъ: пусть братъ вашъ бѣжитъ изъ Франціи и будетъ судимъ заочно.

— Теперь прошеніе вручено вамъ; мнѣ остается только ожидать вашей воли и непремѣннаго исполненія вашихъ обѣщаній.

— Обѣщаній? да я ничего не могу вамъ обѣщать; я даже не принадлежу къ двору, никогда не имѣлъ чести говорить съ королемъ....

— Въ-самомъ-дѣлѣ? возразила Генріэтта, непонимавшая упорства, съ какимъ Расинъ отрицалъ санъ, который она ему приписывала. Такъ походатетствуйте о моей просьбѣ первый-же разъ, когда будете говорить съ королемъ; я увѣрена, что ходатайство ваше будетъ успѣшно, если вы удостоите быть моимъ адвокатомъ передъ его величествомъ.

— Извольте, я готовъ исполнить ваше порученіе, однако прошу васъ не слишкомъ полагаться на успѣхъ....

— Слова вашего достаточно, чтобъ утѣшить меня въ моемъ жестокомъ горѣ, и я льшусь уже надеждою, что братъ получитъ помилованіе.

— А что касается до этого прошенія, то нѣтъ-ли у васъ надежнаго человека, который-бы вручилъ его королю?

— Чего-жъ надежиѣе васъ, сударь! Съ-тѣхъ-поръ, какъ я отдала прошеніе въ ваши руки, я считаю, что оно уже у короля.

— Не надо ни въ чемъ ей противорѣчить, подумалъ Расинъ,

сложивъ прошеніе и спрятавъ его въ карманъ: печаль разстроиваетъ у нея разсудокъ!

— О, Боже мой! Боже мой! вы уже уходите! сказала она, рыдая и глядя на него съ нѣжностью: уже-ли я васъ никогда опять не увижу!

— Ухожу, сударыня, съ желаніемъ и надеждою еще увидѣть васъ, отвѣчалъ Расинъ, ускоряя шаги: когда-нибудь....

— Завтра, государь! оставьте мнѣ хоть это утѣшеніе! Государь, кричала она ему велѣдъ, простирая руки, какъ-будто хотѣла его удержать: завтра!

— Да, завтра, завтра, говорилъ Расинъ, торопясь уйти отъ королевскаго сана, который ему насильно навязывали. Когда вамъ угодно!

— Слава тебѣ, Господи! сказала Генріэтта въ порывѣ признательности къ нему: я спасла бѣднаго брата и сама имѣла счастье говорить съ королемъ!

— Уфъ! насилу отдѣлался! — подумалъ Расинъ, продолжая свою быструю походку до-тѣхъ-поръ, пока подошелъ къ самому дворцу — Я ужъ боялся, что она вовсе не отстанетъ отъ меня и пойдетъ за мною въ театръ. То-то-бы раскричалась Шанмелѣ! А, право, недурна эта бѣдная помѣшанная... Увы! я просто горемычный авторъ, осмѣянный, осужденный и, можетъ-быть, освищенный!

Генріэтта Принфоссъ была твердо убѣждена, что разговаривала съ королемъ и что король оказалъ ей ободрительную благосклонность.

Она провожала его глазами до-тѣхъ-поръ, пока могла разглядѣть его тѣнь при лунномъ свѣтѣ; взоры ея оставались устремленными въ то мѣсто, гдѣ онъ скрылся: видѣть она уже не могла, потому-что слезы ей мѣшали.

Между-тѣмъ радость, искренняя и тайная радость, заключалась въ этихъ слезахъ, тихо струившихся и немѣшавшихъ улыбка въ появиться на ея устахъ. Развѣ не достигла она вершины своихъ желаній? Развѣ не видала короля? Не должна была опять его увидѣть? Страсть, которую дотогѣ она таила въ глубинѣ души и скрывала отъ самой себя, эта страсть, обнимавшая все ея существо, вырвалась теперь наружу и обличила свой настоящій характеръ: удивленіе было любовь.

Генріэтта почувствовала, что она уже не въ силахъ жить въ отдаленіи отъ короля, что ей необходимо видѣть его часто; отецъ, за которымъ она ухаживала съ неутомимой дѣтскою нѣжностью,

брать, котораго она хотѣла защитить и спасти, были оба ею забыты: она помышляла только о королѣ!

— Сударыня! — сказалъ ей пріятный и пѣжный голосъ, отъ котораго она вздрогнула, очнувшись отъ восторженнаго мечтанія, въ какое была погружена съ ухода Расина: — сударыня, не больны-ли вы? не нужна-ли вамъ помощь?

XIV.

Особа, которая говорила такимъ образомъ, и которую дѣвица де Приньфоссъ увидѣла передъ собою, оборотившись болѣе съ изумленіемъ, чѣмъ съ ужасомъ — была женщина, — но ей она показалась привидѣніемъ, потому что блѣдность этой женщины и ея бѣлое платье придавали ей видъ сверхъестественнаго явленія. Вглядѣвшись однакожь пристальнѣе, вы почувствовали-бы какое-то грустное влеченіе къ этой благородной, но истощенной природѣ, измученной нравственнымъ страданіемъ; вы-бы приняли участіе, вы-бы полюбили ее, еще не зная, и одного изъ ея длинныхъ ангельскихъ взглядовъ довольно было, чтобы тронуть душу даже закоренѣлую въ эгоизмѣ.

Она была средняго роста, никогда не была красавицей, и давно уже цвѣтъ молодости и здоровья, замѣнявшій ей красоту, исчезъ отъ вліянія сердечныхъ недуговъ. Необыкновенная худоба ея была поразительна не столько въ лицѣ, сколько въ тѣлѣ, и исхудалыя руки наводили подозрѣніе, что широкое платье изъ бѣлой шерсти, какъ саванъ, покрывало собою скелетъ.

Да и самая фізіономія ея была мало чѣмъ оживленнѣе фізіономіи мертвеца, кромѣ только большихъ голубыхъ глазъ, по-временамъ еще дышавшихъ жизнію и выраженіемъ; ея щеки и поблекшія губы были словно у трупа.

Что касается до ея лѣтъ, то можно было сказать, что она въ довольно-зрѣломъ возрастѣ, отъ-того, что не видать было еще густыхъ бѣлокурыхъ волосъ, которые у нея были закрыты покрываломъ, какъ у монахинь.

На этой женщинѣ былъ родъ кармелитскаго костюма; встрѣтить этотъ костюмъ въ Версальскомъ замкѣ показалось дѣвицѣ де Приньфоссъ необъяснимо-страннымъ, когда мысль о привидѣніи уступила въ ней мѣсто дѣйствию здраваго разсудка.

— Я смотрѣла на васъ издали, начала опять незнакомка, не получая отвѣта на свой первый вопросъ, внушенный ей однимъ чувствомъ человеколюбія: вы были неподвижны, вы вздыхали, вы плакали...

— Ахъ! я не помню этого... прервала Генріэтта, еще со слезами и вздохами, хотя и старалась удержаться.

— Я подумала тогда, что вы страдаете, что вы больны, что вы упадете безъ чувствъ, — и подошла къ вамъ. Благодарю небо, что не случилось никакого несчастія, и рада тому, что такъ странно обманулась.

— Благодарю васъ, сударыня, за это благородное чувство, которое васъ заставило подойти ко мнѣ; я буду признательна за это, сколько могу, — и вашу необыкновенную доброту объясняю я себѣ платьемъ, которое вижу на васъ.

— Я еще не имѣю права носить его, смиренно отвѣчала незнакомка: но надѣюсь скоро этого удостоиться.

— Вы кармелитка, какъ кажется по этому платью, и между-тѣмъ, какъ вы говорите, не произесли еще обѣта?

— Я произнесла его въ моемъ сердцѣ и предъ Богомъ, прошептала незнакомка, потупля глаза и соединяя руки, какъ-бы для нѣмой молитвы.

— Я часто желала вступить въ монастырь, но теперь мнѣ кажется, что я умру, если вступлю въ него.

— И между-тѣмъ, тамъ только можетъ успокоиться сердце и воскликнуть вмѣстѣ съ царемъ-пророкомъ, что все—суета суетъ.

— Васъ ведетъ, кажется, святое и твердое призваніе; и вы должны быть счастливы жребіемъ, который избрали и который поведетъ васъ по петинному пути спасенія. Поручаю себя вашимъ молитвамъ!

— Я слишкомъ большая грѣшница, и мои молитвы не имѣютъ у Господа той силы, какую вы имъ придаете.

— Ахъ сударыня! всякая молитва дѣйствительна; была-бы только отъ сердца.

— Я замѣчаю—и радуюсь тому, что вы воспитаны въ религіозныхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ честь вашимъ родителямъ, и которыя будутъ вамъ опорой въ опасностяхъ міра. Вы при дворѣ недавно?..

— Я никогда не была при немъ! отвѣчала Генріэтта, съ безконечною довѣренностію предаваясь тому обаянію, которымъ дышали нѣжный голосъ и кроткая улыбка незнакомки, ея святой и царственный видъ.

— Какъ! вы не при дворѣ? Зачѣмъ-же вы здѣсь? Отвѣчайте, мнѣ, какъ отвѣчали-бы вы вашей матери.

— Безъ сомнѣнія, я стану отвѣчать вамъ, какъ особѣ, которая внушаетъ мнѣ почтеніе. Но то, о чемъ вы меня спрашиваете — дѣлая исторія; — ни вамъ, ни мнѣ нѣтъ для нея времени.

— Скажите мнѣ что-нибудь, и дайте мнѣ принять въ васъ участіе, какъ матери, дитя мое. Разумѣется, я могу дать вамъ хорошій совѣтъ, потому-что вы очень-молоды и не знаете двора.

— А вы знаете его? Ваше платье не позволяетъ думать, вы были при дворѣ больше меня?

— О! если-бъ я никогда не была при немъ!.. Садитесь на эту скамью, дитя мое, и открывайте-же мнѣ ваше сердце.

Въ словахъ была какая то смѣсь просьбы и приказанія, — и дѣвица де-Приньфоссъ не противилась.

Она повиновалась, сдѣлавши сама въ себѣ замѣчаніе, что незнакомка говорила ей съ такою убѣдительною властью, которая происходила не отъ одной разницы лѣтъ и вліянія монашескаго платья. Ея рука дрожала въ холодной рукѣ этой женщины, которая вызывала ее на судъ именовъ ея, матери.

Въ эту минуту, она вспомнила о своей матери, которую смерть оторвала отъ нея такъ рано, и подумала, что если-бы мать ея была жива, то ей не быть-бы одной и ночью въ Версальскомъ саду.

Генріэтта, уступая требованіемъ ободрявшей ее кармелитки, вошла во все подробности о своемъ семействѣ, о своемъ воспитаніи, родѣ жизни въ Бри-Комтъ-Робертъ, о несчастной дуэли брата и о своемъ путешествіи, до прибытія въ Версаль.

Она не сказала впрочемъ ни слова о своей тайной и романтической страсти къ королю — и остановилась въ разсказѣ своемъ на той минутѣ, когда она встрѣтила своего дядю, барона де-Преньфоссъ на террасѣ замка.

— Что это за баронъ де-Приньфоссъ, спросила незнакомка, принимавшая особенное участіе въ разсказѣ Генріэтты.

— Я вамъ намекнула объ этомъ, отвѣчала та, колеблясь продолжать разговоръ объ этомъ предметѣ. Это — младшій братъ моего отца, прежде бывший офицеромъ въ Рамбюрскомъ полку; его-то мой бѣдный братъ хотѣлъ защитить и оправдать въ записи комедіанта....

— И это обвиненіе ложь, клевета? Ремесло комедіанта, въ самомъ-дѣлѣ, несообразно съ званіемъ дворянина.

— Итакъ должно признаться теперь, когда каждый можетъ

это увидѣть собственными глазами, что мой дядя въ эту минуту играетъ комедіи, передъ королемъ.

— Жаль,— потому-что въ такомъ случаѣ, намъ труднѣе доказать, что вашъ братъ былъ первый обиженъ, и кромѣ того — комедіанту труденъ путь спасенія.

— И между-тѣмъ, я смѣю надѣяться на личное обѣщаніе короля.... Въ его прощеніи я увѣрена.

— Король милостивъ, безъ сомнѣнія,— но онъ не терпитъ дуэлей и дуэлистовъ до того, что никогда не прощаетъ ихъ.

— Не смѣю быть вполне увѣрена, чтобы онъ простилъ моего убѣжавшаго брата,—но онъ обѣщаль мнѣ обратить на это дѣло особенное вниманіе.

— Король, говорите вы? Король вамъ обѣщаль? перервала незнакомка, задрожавши и съ живымъ безпокойствомъ, которое видно было въ ея дрожащемъ голосѣ, безпокойномъ выраженіи взгляда и въ судорожномъ трепетаніи руки.

— Когда я уже сказала это, я не могу болѣе отречься, отвѣчала робко Генріэтта, раздѣлявшая безпокойство незнакомки: я видѣла короля.

— Вы видѣли короля?... перервала кармелитка, съ видимо-усилившимся волненіемъ. Кто-же представилъ васъ королю, дитя мое?

— Никто, сударыня.... увѣряю васъ, но благопріятный случай привелъ меня къ тому....

— Къ тому, чтобы я помогла вамъ въ вашихъ, достойныхъ успѣха предпріятіяхъ, чтобы я замѣнила вамъ друга и мать.

— Я васъ не знаю, не знаю, кто вы, но чувствую при васъ спокойствіе и довѣренность.

— Но, гдѣ-же видѣли вы короля? начала эта женщина, которой любопытство носило странную печать боязни и грусти.

— Здѣсь — и за минуту только, до встрѣчи съ вами.

— Здѣсь! Отъ - чего-же я его не замѣтила? сказала та съ глубокимъ вздохомъ. О! какъ-бы я желала также его видѣть!

— Вы имѣете то-же къ нему просьбу?... О! онъ не откажетъ вамъ, этотъ великій король, который удостоилъ меня утѣшить и сказать мнѣ: надѣйтесь.

— Но вы ошиблись вѣроятно, моя милая дочь: король въ комедіи; невозможно, чтобы вы встрѣтили его въ саду.

— И между-тѣмъ, я дѣйствительно встрѣтила его здѣсь, говорила съ нимъ, и онъ взялъ у меня мою просьбу о братѣ.

— Спектакль стало-быть кончился и собраніе распущено! говорила сама-себѣ незнакомка: не меня-ли искалъ онъ здѣсь?

— И кто-же другой, кромѣ короля, могъ быть такъ величественъ?.. Да при томъ развѣ я его не узнала? Я увижу его еще завтра...

— Завтра? вы его увидите завтра?... возразила кармелитка, которой волненіе часъ отъ часу становилось сильнѣе... Завтра?

— Да, завтра, сударыня.—Его величество самъ назначилъ мнѣ завтра, и одинъ изъ придворныхъ господъ поведетъ меня...

— О! я понимаю, понимаю все! сказала та съ горестью, которой Генріетта не поняла... Изъ тотъ придворный, кто онъ? Его имя?

— Я не знаю его имени; но это—благородный человѣкъ, котораго видѣла я въ театрѣ, и который много говорилъ со мною о сочиненіяхъ святой Терезы....

— Герцогъ де Шеврѣзъ, быть-можетъ? Да, я его узнаю по разговору о святой Терезѣ! И герцогъ де Шеврѣзъ долженъ васъ вести завтра....

— На встрѣчу королю, въ саду, въ тѣ часы, когда онъ прогуливается въ сопровожденіи пемвогихъ.... Это было условлено, прежде чѣмъ я говорила съ королемъ.

— И вы попадетесь, бѣдная, невинная овечка, въ эту западню грѣха.... Великій Боже! кто-бы могъ подумать, что герцогъ де Шеврѣзъ способенъ....

— Разумѣется, я пойду сударыня, потому-что мнѣ пужно говорить съ королемъ, потому-что король меня ждетъ, потому-что король удостоиваетъ....

— Несчастное дитя! вы и не подозреваете гнуснаго заговора этихъ придворныхъ? вы и не видите бездны, которая раскрывается передъ вами?..

— Нѣтъ, я ее не вижу, наивно отвѣчала Генріетта, ища во кругъ себя глазами бездны, которою ей грозили.

— Вы прекрасны, моя милая Генріетта, вы молоды, вы имѣете тысячу средствъ нравиться.... Быть можетъ, вы даже понравились?

— Вы слишкомъ милостиво обо мнѣ судите, сударыня... я не буду даже замѣчена при дворѣ, гдѣ такъ много красоты, такъ много ума...

— Итакъ много пороку! Какъ! вы не угадали, что хотятъ изъ васъ сдѣлать? Вы не знаете, что они замышляютъ?

— Ничего сударыня, клянусь вамъ, и вы заставляете меня трепетать, говоря такъ! Я не видала никого еще, кромѣ моего дяди барона или лучше комедіанта, одного господина, который при-

велъ меня въ театръ и оставилъ на попеченіи того, кого вы называете герцогомъ де Шеврѣзъ, и короля....

— И короля, котораго вы потомъ встрѣтили въ этомъ саду, и который былъ увѣдомленъ о томъ, что вы придете?

— Кто же бы могъ его увѣдомить? Мой дядя заперъ меня въ черной комнатѣ; я ушла оттуда и пришла сюда...

— Ничего не значить, дочь моя. Они хотять, чтобы король полюбилъ васъ.

— Полюбилъ меня! прошептала Гепріэта, готовая упасть отъ мысли, что ея тайна угадана. Сударыня, сударыня!

— Что за волненіе? что за муки!... Неужели вы-сами участвуете въ этомъ дурномъ намѣреніи?

— О пѣтъ! король можетъ-ли полюбить меня! вскричала со слезами дѣвица де-Приньфоссъ и бросилась въ объятія незнакомки, чтобы скрыть на ея груди свои слезы, свои вздохи и свое смущеніе. Я простая дочь бѣднаго дворянина, — а онъ король, король, сударыня!

— Такъ вы участвовали въ этомъ гнусномъ замыслѣ? сказала холодно кармелитка, которая еще не уяснила себѣ подробности угаданной ей интриги. Такъ вы служили орудіемъ этихъ прѣзрѣнныхъ развратителей?

— Я не понимаю васъ, говорила Гепріэта, рыдая: но король не можетъ любить меня, потому-что онъ король...

— Король не можетъ любить васъ, потому что онъ уже любить... потому-что у него есть обязанности короля, мужа...

— Это правда... Онъ не будетъ любить меня, онъ не можетъ меня любить! повторяла дѣвица де-Приньфоссъ, которая уже не удерживала въ границахъ своей страсти и снова бросилась въ объятія своей незнакомой покровительницы. Но я, по-крайней-мѣрѣ, я буду любить его, я его люблю...

— Вы его любите, вы? Вы его любите! проговорила глухимъ голосомъ эта одѣтая кармелиткой женщина, съ живостію оттаивавъ Гепріэту.

— Я люблю его уже много лѣтъ, сударыня! Я люблю его болѣе, чѣмъ короля, люблю его любовью, которая составляетъ мою жизнь и будетъ причиною моей смерти! Я его люблю, какъ онъ никогда не будетъ любимъ, какъ онъ никогда не былъ любимъ....

— А вы знаете это? перервала незнакомка, съ одушевленіемъ, которое скоро впрочемъ замѣнилось мрачною холодною. Послушайте меня, дитя мое, продолжала она важно и торжественно:

я также любила короля, я также люблю его еще и теперь — и вы видите, что мнѣ остается отъ этой любви: раскаяніе и платье кармелитки!

— Вы, сударыня, вы любили короля! вскрикнула Генріэта, схвати ея руки и глядя на нее пылающими глазами.

— Я его люблю еще, говорю я вамъ, — я буду его вѣчно любить — но любить въ монастырѣ.

— Вы его любите! Но кто-же вы?

— Луиза Франциска де-Лабомъ-Лѣбланъ, Герцогиня де-Лавальеръ.

При этомъ имени, которое напоминало столько любви и несчастья, Генріэта вскрикнула съ изумленіемъ и ужасомъ, встала, бросила странный взглядъ на свою соперницу и убѣжала.

XV.

Расинъ, входя по лѣстницѣ, которая вела къ театру, услышалъ странный шумъ на сценѣ; бѣжали взадъ и впередъ, кричали, кликали кого-то.

Онъ остановился на ступенькѣ, и смущенный, облокотился о перила. Всѣ безпокойства, всѣ авторскія страданія снова овладѣли имъ и онъ уже спрашивалъ себя, не лучше-ли ему воротиться, чѣмъ подвергать себя стыду при многочисленныхъ свидѣтеляхъ; но страхъ снова встѣтиться съ сумасшедшей, отъ которой только-что избавился, помѣшалъ ему исполнить свое намѣреніе.

Не мѣняе боялся онъ найти на сценѣ и короля, и не зная другаго выхода, рѣшился остаться на лѣстницѣ, пока разойдутся актеры и зрители.

Грустно думалъ онъ о своемъ несчастіи, о паденіи піесы, о потерѣ всѣхъ литературныхъ надеждъ. *Британникъ* былъ принятъ при дворѣ хуже піесъ Бойе (de Boyer) или Монфлери! Стало-быть *Британникъ* былъ созданіе недостойное его, или при дворѣ нѣтъ ни вкуса, ни справедливости.

Но вдругъ, среди этого шума, онъ различилъ свое имя и визгливый голосъ Паука, громко звавшій его. Имя его еще повторилось и другими голосами, и онъ нѣсколько ободрился; думая, что не стали-бы-же звать его для того только, чтобъ доставить

ему удовольствіе слышать свистки, онъ рѣшился войти, но безпрестанно останавливаясь, вслушиваясь, осматриваясь.

Первое лицо, встрѣченное имъ, былъ Буало: онъ выбѣжалъ изъ ложи Шанмелё съ-такою поспѣшностью, что столкнулся съ своимъ другомъ и едва не сбросилъ его съ лѣстницы.

— Ай! вскричалъ испуганный авторъ: что съ вами г-нъ Ювеналь, вы едва не раздавили меня, какъ стекло.

— А, это вы, мой милый Софокль! отвѣчалъ Буало, опомнившись.

— Я никогда не видалъ васъ въ такомъ пылу! Ужъ не гнались-ли вы съ бичемъ сатиры за какимъ-нибудь несчастнымъ писателемъ?

— Напротивъ, я искалъ лучшаго изъ нихъ, чтобъ поздравить и поцѣловать его, сказалъ онъ, цѣлуя Расина.

— Увы! мой другъ, отвѣчалъ Расинъ, тронутый его участіемъ: вы хотите утѣшить меня въ немилости короля.

— Немилость короля! что это значить? У короля, благодаря Бога, больше справедливости въ сужденіяхъ, чѣмъ у аббата д'Обиньяка (d'Aubignyas) въ его поэзіи и у Перольта, въ его парадоксахъ; король, по моему мнѣнію, лучшій знатокъ во всей Франціи....

— Я согласенъ съ вами, сказалъ Расинъ, думая, что Буало выражался по тому съ такимъ жаромъ, что надѣялся на эхо, которое доведетъ до короля его слова; но ваше одобреніе, мой другъ, для меня дороже всѣхъ.

— Исключая короля, прервалъ Буало, ведя его за кулисы, гдѣ придворные, по закрытіи занавѣса, толпились между актерами. Идите, авторъ, идите въ Капитолій.

— Что вы хотите этимъ сказать? возразилъ Расинъ, остановившись и схвативъ его за руку: куда ведете вы меня?

— Къ королю, онъ васъ требуетъ, сказалъ нетерпѣливо Буало.

— Король меня требуетъ? Король? Что угодно его величеству?

— Да ну-же, мой другъ!... вы какъ будто хотите, чтобъ васъ упрасивали выслушать изъ устъ короля изъявленіе его удовольствія.

— Такъ король доволенъ! О, другъ мой, не сонъ-ли это? не смѣтаетесь-ли вы надо мной? Королю угодно меня видѣть! король удостоиваетъ....

— Да, да, король удостоиваетъ думать, также, какъ и я, какъ и всѣ люди съ умомъ и со вкусомъ, что вашъ «Британникъ» пре-

восходная трагедія, что вы сравнялись съ Светоніемъ и Тацитомъ, что вы одинъ изъ лучшихъ писателей нашего времени....

— Ахъ, Денрео, не обманывайте меня ложной радостью: я умру, если узнаю печальную истину.

— Что вы за чудакъ! самыя простыя вещи вамъ кажутся невозможными: трагедія ваша чрезвычайно понравилась всѣмъ и самъ король аплодировалъ; вы-бы должны были удивляться, еслибъ случилось противное.

— О превосходный король! Я вамъ часто говорилъ, Буало, что нашъ король лучшей судья въ литературномъ мірѣ.

Чтобъ взойти въ залу, гдѣ Людовикъ XIV ожидалъ автора, Расинъ и Буало должны были пройти черезъ весь театръ. Какъ только они показались, Расина окружили; — всѣ осыпали его похвалами, обнимали;—онъ не зналъ, кого слушать и кому отвѣчать. Буало долженъ былъ встуниться наконецъ и вырвать его изъ толпы, сказавъ громко, съ обыкновенной ему рѣзкостью въ голосѣ и обращеніи:

— Вы забавны, господа, разсыпаясь въ похвалахъ, въ то время, какъ мы идемъ за нимъ къ королю!

Къ увѣщанію онъ присоединилъ и силу, и оттолкнулъ двухъ или трехъ самыхъ усердныхъ поклонниковъ Расина, который между-тѣмъ съ признательностью благодарилъ всѣхъ, не обращая вниманія на свои кружева, на парикъ и на весь парадный костюмъ свой, а потому и вышелъ изъ толпы измятый, разорванный и растрепанный.

Буало уговаривалъ его идти скорѣе и Расинъ дрожалъ при мысли, что, можетъ-быть, король соекучился ждать его.

— Г-нъ Расинъ, сказалъ Мольеръ, идя имъ на встрѣчу, вы не знаете, можетъ-быть, что вы надѣлали? Король....

— Мы знаемъ, милый Мольеръ, прервалъ Буало: мы знаемъ, что мы написали прекрасную трагедію, и что вы пишете прекрасныя комедіи; знаемъ также и то, что король доволенъ.

— Я съ вами увижусь у короля, сказалъ знаменитый комикъ: только передамъ приказанія его величества.

— За-чѣмъ онъ увидится съ нами? прошепталъ Расинъ. Вѣрно ему непріятно, что королю нравится трагедія?

— Вы не знаете Мольера, возразилъ строго Буало: онъ такъ гениаленъ, что не можетъ никому завидовать.

— Г-нъ Расинъ, г-нъ Расинъ, одно слова, ради Бода! кричалъ Флоридоръ, старался достать его, и путаясь въ своей царской

мантин. Императоръ Пероцъ умоляетъ васъ заступиться за него передъ королемъ.

— Ну, что, г-нъ Флоридоръ, что случилось съ вашими пророчествами Британнику? сказалъ Расинъ съ той добродушной пропіей, которую успѣхъ вселяетъ въ самыхъ скромныхъ людей. Не хотите-ли вы и теперь сбросить повязку цесаря? Не станете-ли еще упрекать меня за мой слогъ?

— Г-нъ Расинъ, вы будете имѣть честь предстать предъ королемъ: не ужели вы откажетесь попросить его за меня?

— Послѣ, послѣ, г-нъ Флоридоръ, прервалъ Буало съ досадою. Кстати, гдѣ ваша племянница?

— Моя племянница, государь мой! гордо сказалъ актеръ, крутя свои усы: почему вы знаете мою племянницу?

— Я ее знаю, потому-что велѣлъ сторожу отворить ей дверь и вручилъ ее покровительству герцога де-Шеврѣза, который сталъ объяснять ей жизнь св. Терезы.

— Требуите отъ меня, что угодно, въ другое время, Флоридоръ, сказалъ Расинъ, отходя отъ него.

— Доложите только королю, закричалъ ему велѣдъ разсерженный Флоридоръ, что я игралъ роль Перона въ послѣдній разъ, если король не уничтожитъ безславія, которое падаетъ на дворянина, когда онъ вступаетъ въ званіе актера.

— Чортъ возьми актеровъ-дворянъ! бормоталъ Расинъ, уходя съ ними труднѣе сладить, чѣмъ съ самымъ упрямымъ ослонъ! И посмотрите, этотъ господинъ способенъ исполнить свою угрозу и посадить на мель моего Британника!

— А развѣ у насъ нѣтъ Бастиліи для непослушныхъ актеровъ, возразилъ Буало.

— Сжальтесь надъ бѣднымъ балетомъ, каспадинъ Расинъ! сказалъ жалостно Дезеръ (Desairs) ухватившись за ноги поэта.

— Еще! вскричалъ Расинъ, раздраженный настойчивостью этого пигмея, который не успѣлъ еще обсушиться и пачкалъ всё, до чего дотрогивался своимъ мокрымъ платьемъ. Несчастнѣй, оставь меня! Онъ меня вынудитъ переломать ему руки и ноги, чтобъ только вырваться отъ него!

— Но ради Бога, каспадинъ мой, продолжалъ Дезеръ: это зависить отъ васъ; я умоляю васъ именемъ Бенсерада и Лулли! поговорите королю о нашемъ *Ballet royal de Flore!*

— Непремѣнно, непременно, сказалъ Буало, смѣясь и освобождая Расина изъ умоляющихъ объятій неотвязнаго *maitre de ballets*. Послѣ этого еще полагаютъ, что поступокъ Поліевкта не

естественъ! Но вотъ человекъ, который изъ любви къ танцамъ готовъ зажечь храмъ Галіи и Мельпомены, Куда не заберется фанатизмъ!

— Г-нъ Расинъ! г-нъ Расинъ! повторялъ голосъ, дошедшій прямо къ сердцу поэта и заставившій его забыть и успѣхъ свой, и Буало, и короля.

— Да что вы оглохли, вѣрно, съ-тѣхъ-поръ, какъ король изъ-явилъ желаніе видѣть васъ, кричалъ Шанмеле, шедшій впереди своей жены и остановившій Расина за руки. Знаете-ли вы, что это неблагодарно, любезный Расинъ? Васъ вездѣ ищутъ, зовутъ, гонятъ нетерпѣніемъ высказать вамъ тысячу пріятныхъ вещей, а вы бѣжите, какъ испуганная нимфа.

— А, наконецъ-то я васъ нашла! закричала издали мадмоазель Шанмеле, принявъ немного сердитый, но пѣжный и томный видъ.

— Какъ, это вы! вы довершаете мою радость! сказалъ Расинъ, цѣлуя съ почтеніемъ ея руку.

— Да, государь мой, хочу бранить васъ за ваше пренебреженіе. Я вошла въ свою ложу, въ надеждѣ увидать васъ, но напрасно, и конечно вы-бы обо мнѣ не вспомнили, если-бъ я сама не пришла къ вамъ?

— Этого нельзя оставить безъ отмщенія, кричалъ Шанмеле, бросая вокругъ себя грозные взоры. Ступайте, куда васъ зовутъ, государь мой: мы васъ не держимъ болѣе.

— Какъ вы добры, говорилъ Расинъ, цѣлуя прелестныя руки мадмоазель Шанмеле. Вы думали обо мнѣ, вы ждали меня, теперь я и гордъ и счастливъ,... но божусь вамъ, что я не виновать....

— О, Боже мой! не будемъ больше толковать объ этомъ! прервала Шанмеле, смотря и улыбаясь, такъ, что совершенно свела съ-ума Расина. Довольно, что вы раскаяваетесь, и я прощаю васъ.

— Да, мы васъ прощаемъ! прибавилъ Шанмеле, успокоясь и протянувъ Расину руку. Но не совѣстно-ли вамъ огорчать эту прелестную особу, которая такъ великодушна, что забываетъ ваши оскорбленія?

— Послушайте, мой милый Расинъ, занимаясь этими пустяками, вы не думаете о болѣе, кажется, важномъ! сказалъ сухо Буало, пожмая плечами: Г-жу Шанмеле вы всегда и вездѣ можете увидетьъ, а короля нѣтъ, я думаю.

— Сейчасъ, сейчасъ, мой другъ! отвѣчалъ Расинъ, не смѣя

самъ оставить Шанмеле, которая въ эту минуту была съ нимъ такъ любезна; но мнѣ нельзя отсюда уйти, не попросите-ли вы короля подождать?

— Да покинутъ меня музы, какъ Бурю и Бержерака, если я когда-нибудь встрѣчалъ подобнаго дурака, проворчалъ Буало.

— Ваша трагедія Британикъ превосходна, сказала де-Шанмеле, и подаетъ надежду, что со-временемъ вы, можетъ-быть, пре-взойдете Корнеля. Но сюжетъ ея слишкомъ серьезенъ, я-бы желала что-нибудь пѣжнѣе...

— Сыщите другой, гдѣ-бы любовь играла первую роль, прибавилъ мужъ, бывший снисходительнымъ эхомъ жены своей; и если въ трагедіи вы будете также умѣть ее выразить, какъ на словахъ, мы останемся довольны.

— Я-бы съ радостью взяла роль принцессы, истинно-любимой, и которая сама отвѣчаетъ на эту любовь, сказала актриса. Вы не подозрѣваете еще, г-нъ Расинъ, продолжала она, бросивъ на него пѣжный взглядъ, какъ вѣрно могу я передать сильную страсть, чувства...

— Превосходно, я увѣренъ! вскричалъ Расинъ въ восторгѣ, — и непременно напишу для васъ, для однѣхъ васъ, обожаемое существо, трагедію, гдѣ изображу ту грусть, которую чувствуютъ въ разлукѣ съ любимымъ предметомъ....

— Но, кажется, пора и вамъ разстаться, г-жа Дидона и г-нъ Эней! прервалъ Буало, взявъ Расина за руку, и стараясь силой оторвать отъ этой бесѣды. Вы до завтра готовы тутъ стоять и передѣлывать четвертую книгу Энеиды!

— Нѣтъ, я изображу не Дидону, говорилъ Расинъ, уходя съ своимъ другомъ, и съ грустью посмотрѣвъ на Шанмеле: я выберу героинею королеву Веренику, которая не была съ императоромъ Титомъ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, какъ Дидона съ Энеемъ, и потому не обязана была, потерявъ его, лишиться жизни. Да впрочемъ трагедія очень можетъ существовать безъ крови и безъ мертвецовъ, лишь-бы только самый предметъ былъ высокъ, лица съ сильными страстями....

— Теперь дѣло не о трагедіи, сказалъ живо Буало, а о пред-ставленіи королю.

— Королю? Боже мой, я совсѣмъ забылъ объ этомъ! О, какая она волшебница! когда я вижу ее, то дѣлаюсь совершенно сумасшедшимъ. Но вы не понимаете, что такое любовь, мой милый Буало!

— Я воображаю себѣ ее и нисколько не желаю узнать на опытѣ. Любовь по моему мнѣнію — муха, которая кусаетъ насъ и возбуждаетъ какое-то бѣшенство, какъ осы въ быкахъ и лошадяхъ.

XVI.

Расинъ и Буало вошли въ залу короля, въ то время, когда Людовикъ XVI, потерявъ терпѣніе, вставалъ, чтобы идти въ залы дворца. Придворные и министры, окружавшіе короля, не знали еще, какъ приметъ онъ автора, котораго самъ потребовалъ и ожидалъ нетерпѣливо.

Кольбертъ и Лувуа были тутъ-же, какъ Буррѣ и Нарцисъ, и наблюдая другъ за другомъ, готовились къ битвѣ.

Герцогъ де Лорѣнъ сидѣлъ позади маркизы Монтеспанъ и хоталъ, говоря ей что-то на-ухо. Людовикъ XIV взглянулъ на нихъ, наморщивъ брови и кусая губы, потомъ продолжалъ разговоръ о трагедіи съ герцогомъ де-Шеврѣзъ, который нашелъ средство и тутъ прилечь нѣсколько словъ о твореніяхъ С. Терезы и о переводѣ Арпо д'Андильи.

— Ваше величество, сказалъ Буало, подходя первый къ королю: я привожу вамъ автора съ связанными руками и ногами; онъ боится, что твореніе не удостоится благосклонности вашего величества, и старался скрыться, какъ преступникъ, приговоренный къ смерти.

Людовикъ XIV, увидя въ первый разъ Расина, удивился, найдя столько благородства въ лицѣ и обращеніи въ сочинителѣ, который не только не былъ дворяниномъ, но никогда и не бывалъ при дворѣ.

Хотя онъ былъ твердо увѣренъ, что никто изъ подданныхъ не могъ походить на него, короля, но однако-жъ при первомъ взглядѣ пораженъ былъ сходствомъ, какое видно между нимъ и Расинномъ, и искалъ внимательно разницу, которая-бы помогла ему отвергнуть передъ самимъ-собою это сходство.

Онъ замѣтилъ, что поэтъ былъ не одного съ нимъ роста, но не сознался однако-жъ, что невыгода была на его сторонѣ; фізіогномія автора не имѣла въ себѣ ничего величественнаго, глаза впалы и тусклы, движенія, всѣ манеры отзывались мѣщанствомъ.

Осмотрѣвъ этимъ онъ успокоилъ свое самолюбіе и убѣдился, что если-бы онъ и не былъ королемъ, то все царствовалъ-бы надъ всѣми своей красотой. Но все-таки это сходство поселило въ немъ особенное участіе и симпатію къ Расину.

— Вы—г-нъ Расинъ? сказалъ онъ ему вѣжливо. Я очень-радъ видѣть васъ и изъявить вамъ мое удовольствіе.

— Я, ваше величество, отвѣчалъ поэтъ очень-свободно, считаю себя вполне счастливымъ, заслуживъ ваше милостивое одобреніе.

— Ваша трагедія доставила мнѣ много удовольствія, но я попрошу васъ объяснить мнѣ одно обстоятельство. Нашли-ли вы точно въ исторіи, что Неронъ участвовалъ самъ въ балетахъ того времени, или это, просто, ваша фантазія?

— Ваше величество, Неронъ былъ Неронъ, спѣшилъ сказать Буало, боясь, чтобъ Расинъ не смутился отъ этого вопроса, и....

— Г-нъ Депрео, трагедію, кажется, сочиняли не вы, прервалъ король, бросивъ на него такой грозный взглядъ, который уничтожилъ-бы всякаго, кромѣ нашего сатирика. Не угодно-ли вамъ, г-нъ Расинъ, объяснить мнѣ упрекъ, который вы вложили въ уста Нарцисса....

— Ваше величество, отвѣчалъ Расинъ съ увѣренностію: всѣ черты характера Нерона взяты мною изъ исторіи: Императоръ этотъ любилъ играть на лирѣ при народѣ, являться на сценѣ, брать награды за пѣніе и декламациі; Светоній и Тацитъ говорятъ объ этомъ съ подробностями, которыя не приносятъ чести Нерону; но эти слабости не были бы замѣчены, если-бъ онъ ихъ выкупалъ добродѣтелями короля.

— Неронъ былъ не король, а императоръ, возразилъ Людовикъ XIV. Ну, я очень-радъ, узнавъ, что этотъ свирѣпый тиранъ танцевалъ на придворныхъ пиршествахъ: я не буду самъ болѣе танцевать, чтобъ не имѣть ничего общаго съ такимъ чудовищемъ.

Измученные придворные посмотрѣли другъ на друга, не смѣя ничего сказать велухъ на это рѣшеніе короля, и самая лесть не нашлась въ этомъ случаѣ.

Но Мольеръ, который только-что воротился, исполнивъ повелѣніе короля, воспользовался минутой всеобщаго молчанія, для того, чтобъ отдать отчетъ въ возложенномъ на него порученіи.

— Ваше величество, сказалъ онъ, кланяясь: королевскій балетъ Флоры будетъ представленъ завтра, тавцорами академіи танцевъ,

и впередь только эти танцоры будутъ участвовать въ балетахъ, интермедіяхъ и всѣхъ увеселеніяхъ Версальскаго-театра.

— Г-нъ Расинъ, сказалъ Людовикъ, нашедшій, что ему слѣдуетъ удалиться послѣ этого торжественнаго объявленія своего отказа отъ сценическихъ танцевъ: я прошу васъ чаще писать подобныя трагедіи. Вы правы, Кольбертъ, «Британникъ» поучительная пѣса, и я буду ее помнить. Авторъ ея получаетъ-ли пенсіонъ?

— Ваше величество, отвѣчалъ Расинъ: я имѣлъ честь написать оду на бракосочетаніе вашего величества и получаю до-сихъ-поръ шесть-сотъ ливровъ въ годъ.

— Кольбертъ, вы позаботитесь о томъ, чтобъ въ списокъ пенсіонеровъ была выставлена сумма болѣе значительная, сказалъ король: тогда королева награждала поэтовъ, а теперь король хочетъ доказать свое уваженіе къ прекрасному таланту.

Людовикъ XIV сопровождалъ эти лестныя слова такимъ мило-стивымъ взглядомъ, что всѣ присутствующіе замѣтили его и позавидовали.

— Расинъ не перенесъ этого царственнаго взгляда и потупилъ взоры, откланиваясь съ почтеніемъ королю, ушедшему въ сопровожденіи всей своей свиты.

Расинъ остался одинъ съ Буало, Мольеромъ и герцогомъ де-Шеврѣзъ.

— Другъ мой, сказалъ ему Буало, дергая его за рукавъ: не улетайте въ міръ фантазій, какъ Лафонтенъ: все происходившее было на яву, клянусь вамъ, и вы теперь пользуетесь благосклонностью короля. Не правда-ли, Мольеръ?

— Да, отвѣчалъ Мольеръ: г-нъ Расинъ и въ похвалахъ, и въ пенсіи счастливѣе Корнеля.

— Это значить по вашему мнѣнію, что я не заслужилъ ихъ? Но сами вы...

— Э, друзья мои, прервалъ Буало, желая прекратить возгоравшуюся ссору между ними: король не хуже васъ знаетъ, что дѣлаетъ, и потому не вамъ, Расинъ, и не вамъ, Мольеръ, разсуждать объ этомъ.

— Я, напротивъ, чрезвычайно радъ, что господину Расину отана должная справедливость, и исполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ короля. Но все-же я не могъ не вспомнить съ грустью, что не всегда такъ дѣлается на свѣтѣ и что великій Корнель живетъ въ бѣдности...

— Но развѣ-бъ онъ сдѣлался богаче, если-бы мнѣ не дали пенсіона? вскричалъ Расинъ.

— Корнель избралъ лучшую долю, сказалъ герцогъ де-Шеврѣзъ, никогда неоставлявшій своихъ мистическихъ идей: онъ отказывается отъ театра, и заглаживаетъ прежнюю жизнь переводомъ въ стихахъ *Подражанія Иисусу Христу*, соч. знаменитаго Акемби.

— Увы, господа, сказалъ съ живостью Мольеръ: онъ достоинъ сожалѣнія, ежели хочетъ заглаживать этимъ переводомъ свои гениальныя произведенія—*Сида, Гораціевъ, Цинну, Смерть Помпея!*

— Удивляться ему должно, а не сожалѣть, сказалъ г. де-Шеврѣзъ: на театральномъ поприщѣ слишкомъ-трудно спасти душу!

— Легче однакожь, чѣмъ живя при дворѣ, герцогъ, отвѣчалъ Мольеръ, принимая эти слова за намекъ себѣ: чтобъ спастись, должно быть честнымъ, а это возможно на всякомъ поприщѣ.

Разговоръ ихъ, въ который Расинъ и Буало не вмѣшивались, былъ прерванъ шумомъ у дверей галерей, въ которую только-что вошелъ король.

Флоридоръ, не успѣвъ еще снять костюмъ Нерона, выскочилъ изъ театра съ такой поспѣшностью, что его не могли остановить, и побѣжавъ за королемъ, бросился къ ногамъ его. Людовикъ XIV, изумясь явленію столь-страннаго лица, подумалъ, нѣтъ ли заговора противъ него, въ смущеніи отодвинулся назадъ, и двадцать рукъ уже протянулось, чтобъ схватить дерзкаго актера. Но онъ надѣлалъ всю эту тревогу для того, чтобъ имѣть минуту аудіенціи, не далъ королю времени отказать себѣ въ ней, и умолялъ его выслушать себя, отталкивая между-тѣмъ придворныхъ, которые хотѣли его силой оттащить отъ короля.

Людовикъ XIV узналъ наконецъ въ немъ трагическаго актера, и грозно посмотрѣвъ на него, спросилъ, чего онъ хочетъ?

— Ваше величество, правосудіа! вскричалъ громко Флоридоръ. Мою племянницу похитили! Я прошу мщенія похитителю: онъ изъ придворныхъ вашихъ.

— Похищеніе? сказалъ король, обращаясь къ своимъ министрамъ. Чтбъ это, продолженіе комедіи или точно похищеніе?

— Нѣтъ, ваше величество, истинное похищеніе! продолжалъ Флоридоръ, такимъ напыщеннымъ голосомъ и съ такими жестами, какъ-будто повторялъ роль. Племянница моя, дочь дворянина, старшаго брата моего, маркиза Приньфосса, похищена!

— Это будетъ строго разыскано, сказалъ король: нѣтъ преступленія ниже и гнуснѣе, какъ похищеніе. Вы будете удо-

влетворены, я объщаю вамъ. Но кто-же похититель? Какъ открыть его? Когда это случилось?

— Во-время представленія трагедіи, ваше величество, я заперъ мою племянницу въ одну залу и не нашелъ ее тамъ.

— Но кто-же вамъ сказалъ, что она похищена? Вы, вѣроятно, слишкомъ поторопились, воображивъ, что похищеніе это могло случиться во дворцѣ короля.

— Ваше величество, я вамъ сказалъ истину: дѣвица де-Приньфоссъ была похищена, и герцогъ де-Шеврѣзъ ея похититель.

— Герцогъ де-Шеврѣзъ, воскликнулъ Людовикъ XIV съ хохотомъ, которому послѣдовали все придворные: Г-нъ де-Шеврѣзъ совершилъ похищеніе!

— Да, ваше величество, я въ этомъ увѣренъ, отвѣчалъ Флоридоръ, ни сколько не смутясь: все видѣли, какъ онъ шептался съ моею племянницей и цѣловалъ у нея руку, когда я прервалъ эти вѣжности...

— А! Г-нъ де-Шеврѣзъ соблазняетъ молодыхъ дѣвицъ! говорилъ король, не переставая смѣяться: забавнѣе этого происшествія я не могу ничего вообразить!

— Я тутъ ничего не вижу забавнаго, ваше величество: племянница моя—дочь дворянина, и оскорбленная честь наша проситъ удовлетворенія отъ правосудія короля.

— Но мой бѣдный господинъ Флоридоръ, что-же долженъ сдѣлать король, чтобъ сберечь добродѣтель актрисы.

— Актрисы! прервалъ Флоридоръ, быстро вскочивъ и смотря смѣло на короля: я, кажется, сказалъ вамъ, ваше величество, что племянница моя изъ благородной фамиліи и называется дѣвицею де-Приньфоссъ, что я самъ дворянинъ, баронъ де Приньфоссъ, прапорщикъ Рамбургскаго полка, а теперь.... О Боже! я очень чувствую свое униженіе, и выхожу изъ него, прежде нежели ваше величество протянули мнѣ руку. Теперь передъ вами не актеръ болѣе, а оскорбленный дворянинъ, который жалуется своему королю на похитителя благородной дѣвицы, и проситъ удовлетворенія.

— Вамъ оно будетъ сдѣлано, сухо сказалъ король, отходя отъ него и говоря Лува: ежели этотъ человѣкъ не сумасшедшій и въ Версальскомъ-дворцѣ точно похищена дѣвица, то наказаніе должно быть самое строгое. Я-бы желалъ, чтобъ тутъ была ошибка. Узнайте все подробности и разсмотрите это дѣло. Подозрѣвать г. де-Шеврѣза — невозможно, и если-бъ я самъ видѣлъ, какъ онъ совершалъ это похищеніе, то не повѣрилъ-бы глазамъ своимъ.

— Благодарю васъ за моего зятя, ваше величество, за ваше доброе мнѣніе объ немъ, сказалъ Колбертъ, который въ душѣ былъ далеко не такъ спокоенъ, какъ старался казаться.

— Вы кстати явились сюда, чтобъ самимъ отвѣчать на обвиненіе, г-нъ де-Шеврѣзъ, сказалъ король, обращаясь къ герцогу, привлеченному въ залу этимъ шумомъ: актеръ Флоридоръ утверждаетъ, что вы похитили его племянницу. Чтò вы на это скажете?

— Что я обѣщаль представить ее завтра вашему величеству и исполню свое обѣщаніе, если-бы дядя ея и былъ противъ этого.

— Представить мнѣ эту дѣвушку? Но для чего-же, скажите пожалуйста?

— Для того, чтобъ она могла подать вамъ просьбу, которая очень важна для нея, но содержаніе которой я не знаю. Она очень-умная дѣвушка, я съ ней много говорилъ о сочиненіяхъ Св. Терезы и о переводѣ Арно д'Андильи.

— Этотъ предметъ разговора, кажется, далекъ отъ похищенія. Но чтò-же вы сдѣлали съ этой дѣвушкой.

— Я, ваше величество? Чтò же я долженъ быть съ ней дѣлать? Я отдалъ ее дядѣ, который и ушелъ съ ней.

— Ну, а дядя ея утверждаетъ, что вы ее увели съ злымъ намѣреніемъ... Не пугайтесь этого обвиненія, я не вѣрю ему. Скажите мнѣ только, хороша собой эта дѣвушка? Гдѣ вы ее встрѣтили? Знаете-ли вы ее?

— Я ее видѣлъ сегодня въ первый разъ, ваше величество. Г-нъ Депрѣо просилъ меня отвезти ее къ дядѣ, и вотъ какимъ-образомъ я сдѣлаю ея рыцаремъ.

— Какъ! Г. Депрѣо знакомъ съ племянницами моихъ актеровъ? сказалъ весело король. Ужъ не онъ-ли ея похититель?

— Онъ неспособенъ къ этому, ваше величество, отвѣчалъ герцогъ де-Шеврѣзъ такъ серьезно, что король снова расхохотался: онъ пишетъ сатиру на женщинъ.

— Правъ онъ или виноватъ, это его тайна. Но я не потерплю, чтобъ въ моемъ государствѣ похищали дѣвушекъ, и никогда не прошу похитителя. Вы сказали, г. де-Шеврѣзъ, что она очень-хороша?

— Кажется, ваше величество, потому-что она молода и у ней пренѣжный, пренріятный голосъ. Она очень хотѣла васъ видѣть.

— Такъ надо было привести ее ко мнѣ: тогда-бъ, можетъ-быть, не было и похищенія, которое чрезвычайно непріятно мнѣ. О!

я такъ накажу похитителя, какъ онъ не ожидаетъ!... Такъ-ли она хороша, какъ вы мнѣ ее описываете? Лучше маркизы Монтеспанъ, лучше дѣвицы де-Фонтанжъ? Она хотѣла меня видѣть, говорите вы? Но что-жъ ей нужно было сказать мнѣ?

XVII.

Людовикъ XIV отдыхалъ отъ утреннихъ церемоній, отъ государственныхъ занятій и отъ домашнихъ неприятностей, наслаждаясь умной бесѣдой г-жи де-Монтеспанъ.

Женщина эта была вполне достойна занимать мѣсто любимицы короля.

Ослѣпительная красота ея затмѣвала всѣхъ молодыхъ женщинъ, служившихъ украшеніемъ двора; большіе черные глаза, полные жизни и выраженія; длинныя, густыя волосы, черный цвѣтъ которыхъ еще больше возвышалъ бѣлизну и свѣжесть лица; хитрая, умная улыбка, прелестная, важная и гордая поступь, величественный ростъ, всё въ ней оправдывало и привязанность къ ней Людовика XIV, и преимущество, которое отдавалъ онъ ей передъ бѣдной герцогиней де-Лавальеръ, преждевременно состарѣвшейся отъ душевныхъ страданій, особенно отъ раскаянія, любви и ревности.

Но самое важное достоинство г-жи де-Монтеспанъ былъ ея умъ, этотъ *мортемартскій* умъ, вошедшій въ пословицу и означавшій тонкій оборотъ мысли, умѣнье выражать ее, живость и вѣрность въ наблюденіяхъ, однимъ-словомъ, умъ, не приобретаемый ни ученіемъ, ни навыкомъ, а врожденный даръ природы.

Г-жа Делавальеръ могла противопоставить всѣмъ этимъ достоинствамъ своей соперницы грустные взгляды, заглушенные вздохи и слезы.

— Вы не подражаемы, говорилъ король, смѣясь до слезъ какой-то остротѣ, сказанной г-жою Монтеспанъ: у васъ иногда бываютъ такія забавныя мысли, что желаешь не быть королемъ и захохотаться, забывъ все приличія. Если-бы этотъ несчастный Дебрео зналъ ваше мнѣніе о себѣ, онъ написалъ-бы на васъ ужасную сатиру.

— Я-бы ему отплатила тѣмъ-же, в. в., возразила фаворитка, и

видя мои способности, вы-бы, можетъ-быть, сдѣлали вмѣсто его меня вашимъ исторіографомъ.

— Итакъ вы думаете, что Депрео не виноватъ въ похищеніи племянницы Флоридоры?

— Разумѣется, нѣтъ, — развѣ не хлопоталъ-ли онъ для другаго, для какого-нибудь повѣсы, какъ де-Лозёнъ?...

— А, я очень-радъ, что вы не защищаете его болѣе и благодарю васъ; это гордецъ, котораго надо проучить когда-нибудь!... Не для насмѣшки-ли надо мной вчера въ театрѣ шепталъ онъ вамъ, что-то на ухо? О! если-бъ это похищеніе было его дѣло!...

— Откровенно сказать, я не думаю, чтобъ это могло быть сдѣлано имъ. Г-нъ де-Лозёнъ такъ хитеръ, что не захочетъ навязать себѣ на шею провинціалочку, которая можетъ разрушить мечты его о бракѣ съ важною особою... И потомъ г-нъ де-Лозёнъ такъ гордъ, что не унижится до племянницы актера.

— Но однако-жъ онъ унижается очень-охотно для актрисы: всѣ знаютъ, что онъ пламенный обожатель Шанмеле.

— Я тогда повѣрю этому, когда сама увижу, прервала Маркиза, покраснѣвъ и кусая губы съ досады. Кѣмъ-бы то ни было, но похищеніе это сдѣлано очень-искусно, потому-что до-сихъ-поръ не открыли никакого слѣда, и всѣ розыски г-на де-ла-Рени тщетны. Не досадно-ли, что именно дѣвушка такого званія сдѣлано похищеніе такъ искусно обдуманное?

— Но я уже говорилъ вамъ, что эта дѣвушка очень-хорошей фамиліи: отецъ ея маркизъ, а дядя актеръ....

— Послушайте, в. в., прервала шутливо г-на де-Монтеспанъ: чтобъ утѣшить этого господина въ потерѣ племянницы, издайте указъ, которымъ было-бы объявлено, что дворяне могутъ, не унижая себя и сохраниая свое дворянство, играть на театрѣ, пѣть и танцовать въ балетахъ короля.

— Да, это правда, сказалъ серьезно Людовикъ XIV, котораго эта шутка заставила задуматься: никто не можетъ унизиться, играя на той сценѣ, гдѣ я самъ танцовалъ.

Въ эту минуту тихо постучались въ дверь; король нетерпѣливо отвернулся и притворился будто не слышитъ. Въ другой разъ постучались погромче и маркиза де-Монтеспанъ, не такъ огорченная этой помѣхой, какъ другъ ея, умоляла его тихо не показывать своего негодованія.

Дежурный камергеръ отворилъ дверь и доложилъ, что герцогиня Делавальеръ желаетъ видѣть короля. Король сдѣлалъ знакъ отказа и гнѣва; но г-жа де-Монтеспанъ, гордо выпрями-

вшаяся при имени своей соперницы, посмотрѣла на него повелительно и Людовикъ XIV приказалъ просить герцогиню.

Г-жа де-Монтеспанъ не пропускала никогда случая выказать свое превосходство предъ этой несчастной женщиной; она съ наслажденіемъ изобрѣтала для нея всевозможныя униженія, и король служилъ всегда орудіемъ, которымъ она поражала сердце этой несчастной.

Г-жа Делавальеръ не смѣла являться къ королю въ одеждѣ кармелитки; она боялась не огорчить его, но оскорбить, и сохраняла этотъ костюмъ покаянія для тѣхъ минутъ, въ которыя она была одна и показывалась въ немъ только своему духовнику, игуменъ кармелитскаго монастыря и достойному уваженія другу своему, Маршалу де-Бельфонъ.

Въ этотъ день она была одѣта въ сѣрое платье, мрачный цвѣтъ котораго согласовался и съ состояніемъ души и съ строгимъ образомъ ея жизни, потому-что съ нѣкотораго времени король позволилъ ей не являться болѣе на празднества и собранія двора.

Но хотя ея одежда была болѣе нежели проста, хотя на ней не было ни кружевъ, ни лентъ, никакихъ украшеній, все еще она сохранила слѣды прежней красоты своей и обворожительной пріятности въ манерахъ, которыми плѣнила нѣкогда короля, и онъ, увидя ее кроткое, ангельское лицо, вспомнилъ прошлое и смутился.

Герцогиня, подкрѣпленная благороднымъ чувствомъ, одушевившимъ ее въ эту минуту, была спокойнѣе и хладнокровнѣе обыкновеннаго. Она съ достоинствомъ преклонилась передъ Людовикомъ XIV, холодно и вѣжливо отдала поклонъ маркизѣ де-Монтеспанъ: она не презирала ея, а прощала.

— Что доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ такъ рано? спросилъ король, прося ее сѣсть на табуретъ.

— Герцогиня встала такъ рано, въ надеждѣ застать васъ однихъ, сказала г-жа де-Монтеспанъ, съ едва замѣтнымъ поклономъ.

— В. в., я пришла просить васъ о двухъ вещахъ, касающихся до меня, отвѣчала г-же Делавальеръ.

— Я, можетъ-быть, здѣсь лишняя? возразила г-же де-Монтеспанъ. Ежели королю угодно, я выйду?

— Оставайтесь, маркиза, я васъ прошу, сказалъ недовольный и встревоженный король: у насъ нѣтъ отъ васъ тайнъ.

— Что я должна сообщить вамъ, в. в., то скоро ни для кого не

будеть тайною, сказала герцогиня: но вамъ я хочу сказать первымъ. Я прошу васъ позволить мнѣ удалиться въ монастырь.

— А, вскричала маркиза, такъ вотъ ваша новость? Но это мы знаемъ ужъ четыре года... вы разъ двадцать рѣшались на это прекрасное дѣло и все еще....

— Герцогиня, вы не поѣдете въ монастырь, прервалъ Людовикъ XIV, нахмуривъ брови: я не позволю вамъ.

— Для чего, в. в., отказывать мнѣ въ единственной милости, которой я прошу у васъ? Для чего принуждать меня проводить тягостную для меня жизнь въ мѣрѣ, который я презираю? Для кого я нужна здѣсь, и не пріятнѣе-ли будетъ всѣмъ, если меня не будетъ?

— И точно, в. в., герцогиня справедлива, сказала торжествующая маркиза: и вы несправедливы, запрещая ей идти въ монастырь.

— Когда король повелѣваетъ, ему должно повиноваться, и потому я прошу и васъ слѣдовать моимъ приказаніямъ. Прекрасно было-бы, точно, если-бы женщина торжественно приносила покаяніе въ томъ, что я любилъ ее.

— Увы! в. в., въ томъ, что вы не любите ее болѣе! сказала она тихо, заглушая рыданія, которыхъ она не могла преодолѣть. Ваше величество, продолжала она настойчиво: посмотрите, что я стала теперь, и вспомните, что я была прежде. Желаніе мое посвятить себя на служеніе Богу не есть съ моей стороны необдуманное намѣреніе, внушенное отчаяніемъ: я его обдумывала долго, съ пламенными молитвами. Святая одежда, въ которую я облеклась, и которой не сниму до гроба, не страшитъ и не огорчаетъ меня; я и теперь уже привыкаю носить ее и предпочитаю всѣмъ пышнымъ свѣтскимъ украшеніямъ....

— Чудеса! прервала г-жа де-Монтеспанъ: герцогиня Делавальеръ проповѣдуетъ покаяніе также краснорѣчиво, какъ Бурдалу!

— Замолчите, сударыня, вскричалъ король, обратясь къ будущей кармелиткѣ: замолчите ради моей и вашей чести! Если услышать подобныя глупости, что подумаютъ обо мнѣ и объ васъ! Я стараюсь узнать, кто внушилъ вамъ эти идеи. Ну, продолжалъ онъ, болѣе нѣжнымъ голосомъ: о чемъ же еще вы хотѣли говорить со мной!

— Ваше величество, вторая просьба такого-же рода: одна мо-

дадал дѣвушка, также проситъ вашего позволенія вступить въ Кармелитскій-монастырь, какъ хотѣла-бы я, если-бы на то была ваша воля.

— Хорошо! но развѣ это до меня относится! возразилъ король, удивленный странностію просьбы. Съ котораго времени сдѣлался я совѣтникомъ и попечителемъ всѣхъ дѣвицъ, желающихъ сдѣлаться кармелитками? Шутка ваша, герцогиня, удивляетъ меня.

— Эти кармелитки, сказала презрительно маркиза: поступаютъ немного дерзко, избравъ васъ, безъ вашего вѣдома, начальникомъ своего ордена.

— Я не смѣю шутить, в. в., возразила герцогиня: дѣвица эта хочетъ получить ваше согласіе на свое вступленіе въ монастырь...

— Но чтожъ она мнѣ наконецъ, дочь моя, другъ или родственница, и что мнѣ за дѣло до всѣхъ этихъ кармелитокъ?

— Ваше величество обѣщали ей ваше покровительство, а потому она не хочетъ располагать собой...

— Что все это значить? кто эта особа, имя которой вы не хотите сказать? Не о себѣ-ли вы говорите этимъ загадочнымъ языкомъ? Разумѣется, вы всегда найдете во мнѣ покровителя, но это....

— Успокойтесь, в. в., дѣло не обо мнѣ, — и я говорю вамъ отъ имени бѣдной дѣвушки...

— Какой-нибудь безумной, въ родѣ васъ! Вы не думаете-ли поставить меня въ затруднительное положеніе въ присутствіи г-жи де-Монтеспанъ?

— Нисколько, в. в., подобное намѣреніе недостойно ни меня, ни васъ. Но я удивляюсь, что вы уже забыли о милостивомъ обѣщаніи, данномъ вами вчера вечеромъ этой дѣвицѣ...

— Я далъ какое-то обѣщаніе вчера вечеромъ дѣвицѣ, которая сегодня хочетъ вступить въ монастырь? вскричалъ Людовикъ XIV, пожимая плечами и топнувъ ногой. Что это, вѣрно меня принимаютъ за сумасшедшаго? Смѣются надо мной? Что это за комедія?

— Я васъ прошу, в. в., остановите меня, если я скажу болѣе, нежели сколько должно... Вы встрѣтили вчера вечеромъ особу, о

которой я васъ прошу теперь? Она подала вамъ просьбу свою, и вы съ ней довольно долго изволили говорить.

— Скажите ея имя, имя-ея! прервалъ въ бѣшенствѣ король. Клянусь Богомъ, что я ничего не понимаю во всей этой исторіи.

— Я назову ее, если вы приказываете, в. в.: это дѣвица де-Приньфоссъ, племянница актера вашего величества.

— Племянница Флоридора! возразила г-жа де-Монтеспанъ, вообразивъ, что попала наконецъ на слѣдъ интриги, въ которой король былъ участникомъ: дѣвица, которую похитили вчера во время спектакля, в. в., которую полиція, не-смотря на всѣ старанія, не могла отыскать. Какъ вамъ это кажется, в. в.?

— Миѣ кажется, что мной и моимъ именемъ здѣсь играютъ, тихо сказалъ Людовикъ XIV. Но я узнаю наконецъ, кто это, и тогда....

— Какъ, в. в., возразила герцогиня: дѣвица эта не встрѣчала вчера васъ въ саду и не просила у васъ помилованія своему брату?

— Кто выдумалъ эту ложь, эту клевету? прервалъ вспльщиво король: она или вы, сударыня?

— Изъ всего этого открывается, что племянница Флоридора нашлась, сказала г-жа де-Монтеспанъ, смотря внимательно на короля.

— И я вѣдоу наказать ее, какъ обманщицу, вскричалъ Людовикъ XIV, видя себя отъ досады: и не прошу никогда интриганткамъ, которыя помогали ей въ этой смѣшной выдумкѣ... надъ ко-ролемъ не смѣются безнаказанно!

— Кто-же осмѣлится нарушить къ вамъ уваженіе, ваше величество? Сохрани меня Богъ сомнѣваться въ истинѣ вашихъ словъ, но тутъ, вѣрно, есть какое-нибудь quiproquo, ошибка, тайна и чтобъ объяснить ее, я приведу сюда дѣвицу де-Приньфоссъ.

— Такъ вы знаете, гдѣ она? сказалъ король, смягчившись при мысли, что увидитъ эту прекрасную особу, которую воображеніе его рисовало ему въ обворожительныхъ краскахъ. Такъ вы знаете, кто ее похитилъ? Неужели и вы были участницею этого преступленія?

— Я одна виновна въ немъ, в. в. Дѣвица де-Приньфоссъ взошла въ садъ, но не могла больше изъ него выдти: у всѣхъ две-

рей стояли часовые; я взяла ее къ себѣ и у меня провела она эту ночь.

— В. в., это похищеніе, встрѣчу, все это происшествіе очень-трудно объяснить, сказала г-жа де-Монтеспанъ, тревожимая ревностію.

— Я самъ ничего въ немъ не понимаю, сказалъ король: но надѣюсь, что сейчасъ истина обнаружится.

— Я желаю этого не менѣе васъ, в. в., и очень буду рада, если эта истина не заставитъ никого краснѣть.

XVIII.

Въ эту минуту герцогиня Делавальеръ вошла въ залу съ Генріэттой де Приньфонсъ, которая, идя за своей покровительницей, дрожала отъ волненія, страха и радости, и, увидя короля, упала къ стопамъ его.

Людовикъ IV тотчасъ-же поднялъ ее. Его предупреждали, что она молода и хороша, но онъ нашелъ, что она выше всѣхъ этихъ похвалъ, и устремилъ на прелестную просительницу взглядъ, смутившій ее еще болѣе.

Г-жа де Монтеспанъ замѣтила, съ какимъ вниманіемъ король смотритъ на нее и старалась сократить объясненіе. Она начинала бояться, чтобъ воля короля не воспрепятствовала намѣренію будущей кармелитки посвятить себя служенію Бога, и была убѣждена, что эта интрига была придумана съ цѣлью привлечь на себя вниманіе короля.

— Ахъ, ваше величество, сказала задыхающимся отъ волненія голосомъ дѣвица де Приньфонсъ: исполните-ли вы мою просьбу! Помилуйте-ли вы моего брата?

— Если ваша просьба заключается въ смѣшномъ желаніи заключить себя въ монастырь, я не соглашаюсь.

— Увы! что-же я должна буду дѣлать, если не откажусь отъ свѣта? сказала она тихо, со вздохомъ.

— Вы останетесь жить при дворѣ, и выйдете за-мужъ за дворянина.

— Никогда, ваше величество, прервала она съ жаромъ: никогда я не выйду за-мужъ... я вамъ вчера вечеромъ клялась въ томъ!

— Вчера вечеромъ вы мнѣ клялись, что вы не выйдете за-мужъ! прервалъ король, изумясь, и думая, что онъ не такъ по-нялъ.

— Да, ваше величество, я твердо рѣшилась.... Но позвольте мнѣ еще повторить мою просьбу о братѣ. Будете-ли вы и сегодня такъ благосклонны, какъ были вчера! Прочли-ли вы мою просьбу? Ради бѣднаго старика, отца моего, ваше величество, спасите его!

— Герцогиня, строго сказалъ король, обращаясь къ г-жѣ Де-лавальеръ: что за странную роль заставляютъ играть этого ребенка?

— Самая странная роль въ этомъ дѣлѣ не ея, прервала г-жа де Монтеспанъ. Скажите мнѣ, кто васъ вчера увезъ?

— Меня никто не увозилъ, отвѣчала Генріэтта. Его величество, уходя отъ меня, въ разсѣянности, затворилъ за собой дверь, и я бы должна была провести ночь въ саду, если-бъ эта благотворительная дама не взяла меня къ себѣ....

— Къ себѣ? повторила недовѣрчиво г-жа Монтеспанъ, смотря попеременно на короля, на герцогиню и на Генріэтту.

— Хорошо, я и безъ вашей помощи разгадаю эту загадку, сказалъ Людовикъ XIV. Надо-же будетъ мнѣ объяснить наконецъ, какъ я могъ быть тамъ, гдѣ я не былъ, говорить то, чего я не говорилъ, дѣлать, чего я не дѣлалъ. Вы увѣрены, что видѣли меня вчера вечеромъ, говорили со мной, подали мнѣ просьбу?....

— Да, ваше величество, и такъ увѣрена, что этотъ часъ разговора съ вами составитъ утѣшеніе, счастье всей моей жизни.

— Вы заставляете меня завидовать тому счастливцу, съ кѣмъ вы говорили; но я клянусь вамъ, что я вижу васъ и говорю съ вами теперь въ первый разъ, и что вчера вечеромъ, когда по вашимъ увѣреніямъ вы говорили со мной въ саду, я былъ въ театральномъ залѣ съ г-жою Монтеспанъ, и со всѣмъ дворомъ.

— Это правда, ваше величество, прибавила г-жа Монтеспанъ, вы выходили изъ залы только для того, чтобъ пройти по галереѣ.

— Ваше величество, я съ трепетомъ повторяю всё сказанное мною, сказала Генріэтта, смотря на короля изумленными взорами:

я не спала тогда, я не во снѣ это видѣла!... о, нѣтъ! эти воспоминанія навсегда останутся въ моемъ сердцѣ!

— Передайте-же намъ эти воспоминанія, если это можно сдѣлать не красяся, вскричала маркиза, посмотрѣвъ на короля съ неодобраніемъ.

— Вы во снѣ все это видѣли, вы бредите, наконецъ, почему я знаю, сказалъ Людовикъ XIV съ нетерпѣніемъ: только я не былъ героемъ этого приключенія...

— Но, ваше величество, какъ-же я могу думать, что глаза мои, что слухъ мой обманули меня? сказала Генріетта съ робостью.

— Я такъ хорошо знаю просьбу, которую, по вашимъ словамъ, вы вчера мнѣ подали, что прошу сказать мнѣ, въ чемъ она заключается?

— Я просила за моего брата, ваше величество, отвѣчала она прерывающимся отъ рыданій голосомъ: неужели вы забыли все? Онъ служилъ въ кавалергардахъ Дофина, поссорился съ своимъ капитаномъ, за ссорой слѣдовала дуэль...

— И братъ вашъ убилъ своего противника? И конечно осужденъ по закону?

— Теперь вы вспомнили, ваше величество! радостно вскричала она: вы вспомнили мою просьбу? вспомнили обѣщанія ваши? вспомнили...

— Я ничего не вспомнилъ, потому-что я вамъ ничего не обѣщалъ; и тѣмъ болѣе не прошу моему Созію, что онъ воспользовался моимъ именемъ въ такую минуту, которая для меня самого была-бы пріятна.

Комплиментъ этотъ заставилъ г-жу Монтеспанъ сдѣлать гримасу, а г-жу Делавальеръ вздохнуть.

Вошелъ камергеръ и доложилъ, что герцогъ де-Шеврѣзъ явился по требованію его величества.

Людовикъ XIV взглянулъ на Генріетту, желая узнать, какое впечатлѣніе произведетъ на нее имя герцога де-Шеврѣзъ: она не обратила на него никакого вниманія и продолжала смотрѣть на короля.

Герцогъ вошелъ; онъ держалъ въ рукѣ огромную книгу въ пергаментномъ переплетѣ.

— В. в., сказалъ онъ холодно: я пріѣхалъ изъ Портъ-Ройяля, куда ѣздилъ для вашего величества за сочиненіями С. Терезы, переведенными на французскій языкъ.

— Дѣвица де-Приньфоссъ, сказалъ король, показывая на него: не герцогъ-ли де Шеврѣзъ увезъ васъ вчера?

— Увезъ? возразила она, узнавъ наконецъ герцога. Я всегда сохраняю благодарность къ герцогу за его обѣщаніе представить меня сегодня вашему величеству, хоть теперь ужъ и не имѣю въ этомъ нужды.

— Вы, можетъ быть, герцогу отдали вашу просьбу? Не заключается-ли она въ этой книгѣ?

— Это переводъ р-на Арно д'Андильи, отвѣчалъ герцогъ: что-жъ касается до просьбы, то она у Расина.

— У Расина! вскричали всѣ вмѣстѣ, понявъ все при одномъ этомъ имени: Расинъ, авторъ *Британики*!

— Онъ нашелъ эту просьбу у себя въ карманѣ и очень огорчился, что не передалъ ее королю, потому-что отъ исполненія ея зависитъ жизнь человѣка. Потому онъ и прѣхалъ со мной въ каретѣ, предупредивъ актера Флоридора, и поручилъ мнѣ просить ваше величество позволить ему явиться къ вамъ.

— Г-нъ Расинъ долженъ гордиться, что его приняли за короля! сказала г-жа Монтеспанъ, подозрѣнія которой совершенно разсѣялись.

— Стало-быть, Расинъ похожъ нѣсколько на его величество? спросила герцогиня Делавальеръ герцога де-Шеврѣзъ.

— Я прежде не замѣчалъ, но сходство точно разительно, съ той разницею, что Расинъ похожъ на Расина, а король на короля.

— Я не зналъ, сказалъ Людовикъ XIV съ досадою, что во Франціи есть человѣкъ, котораго могутъ принимать за меня.

— О Боже мой! можетъ-ли быть, сказала тихо Генриетта, чтобъ кто-нибудь былъ похожъ на ваше величество?

Людовикъ XIV приказалъ ввести Расина и Флоридора.

Увидя ихъ, Генриетта не могла удержаться отъ восклицанія. Теперь она поняла, что свиданіе ея и разговоръ съ королемъ существовали только въ ея воображеніи! Она грустно опустила голову и едва удерживалась отъ слезъ.

Король смотрѣлъ на Расина съ неудовольствіемъ и досадою. Расинъ, ничего не зная, что тутъ происходило безъ него; подалъ просьбу королю, извиняясь въ томъ, что онъ принялъ ее разсказавъ подробно вчерашнюю встрѣчу съ дѣвицей де-Приньфоссъ. Флоридоръ, все-еще убѣжденный, что его племянница была увезена, грозилъ ей кулакомъ, но она не обращала на него вниманія.

Король смотрѣлъ попеременно то на Расина, то на себя въ зеркало.

— Какъ вы находите, сказалъ онъ наконецъ, обратясь къ присутствующимъ: неужели сходство такъ велико, что можно ошибиться?

— Только дѣвицъ, пріѣхавшей изъ провинціи, извинительно не отличить короля отъ подданнаго, отвѣчала презрительно г-жа де-Монтеспань.

— Ваше величество, я-бы не ошиблась, сказала герцогиня Делавальеръ: но г-нъ Расинъ живой портретъ вашъ.

— Хотя вы не хотѣли никогда выходить за-мужъ, сказалъ Людовикъ XIV, оскорбясь сравненіемъ герцогини и обращаясь къ Генриеттѣ: но не согласитесь-ли выдти за мой живой портретъ?

— В. в., я вступаю въ монастырь, какъ только узнаю, что вы помиловали моего брата! отвѣчала Генриетта съ благородной покорностью.

— Дуелиста! возразилъ король: я не прощаю эти преступленія. Однако-жъ, если мой живой портретъ обѣщаль простить.... Братъ вашъ мстилъ за важное оскорбленіе? Не защищаль-ли онъ вашу честь или честь вашего отца?

— Онъ защищаль честь нашей фамилии, в. в.: моего дядю барона де-Приньфосса безславили за то, что онъ сдѣлался актеромъ....

— Въ званіи актера или въ военной службѣ все-равно, вскричалъ Флоридоръ: я все-же служу его величеству!

— Наказаніе вашего брата продолжится до-тѣхъ-поръ, сказалъ Людовикъ XIV: пока не снимется съ актеровъ незаслуженное ихъ званіемъ униженіе, и я сегодня-же подпишу указъ, которымъ будетъ объявлено, что званіе актера никогда не лишаетъ дворянства.

— В. в., вскричалъ Флоридоръ, видя себя отъ радости: я теперь жалѣю только объ одномъ, что мое званіе не допускаетъ меня проливать кровь за васъ, какъ я это дѣлываль, служа въ Рамбургскомъ полку.

— Еще одну милость, в. в., сказала герцогиня Делавальеръ, держа въ своихъ объятіяхъ рыдающую Генриетту: согласитесь, чтобъ эта бѣдная дѣвушка могла оплакивать свое несчастіе въ монастырѣ кармелитокъ?

— Какое-же у нея несчастіе, прервалъ король: когда братъ ея прощенъ и дядя останется въ званіи актера, не унижая своего дворянскаго достоинства?...

— В. в., отвѣчала Делавальеръ, смотря на него съ нѣжностью и съ грустью: ея несчастье состоитъ въ томъ, что она любитъ того, кто не любитъ и не долженъ любить ея.

— Вотъ прекрасный сюжетъ для трагедіи! подумалъ Расинъ.

Дѣвица де-Приньфоссъ вступила въ монастырь Кармелитокъ и постриглась подъ именемъ сестры Магдалины; черезъ пять лѣтъ герцогиня Делавальеръ послѣдовала ея примѣру и тоже постриглась, принявъ имя сестры Луизы.

Онѣ обѣ приносили покаяніе въ томъ, что любили короля, но одна изъ нихъ не могла забыть, что была любима имъ.

(Слѣдующій томъ)

Видно, что это —

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

СУЛТАНЪ АХМЕТЪ.

(Изъ Виктора Гюго.)

Отъ Ахмета, отъ Султана
Рѣчь услышала Жуана:
— Я навѣкъ отдать готовъ
Царство все — не половину —
За Медину, а Медину
За твою отдамъ любовь.

* * *

И отвѣтила Жуана:
— Отрекись отъ алкорана
Для закона христіанъ.
Я страшуся преступленья,
А преступны наслажденья
Отъ невѣрныхъ музульманъ.

* * *

— О, клянусь я цѣпью ясной
На груди твоей прекрасной,
Повинуясь судьбѣ,
И съ тебя, моей красоты, —
Лишь позволю, сниму себѣ
Ожерелье я на чотки.

В. ЗОЛОТНИЦКІЙ.

ТЕОРІЯ И ИСТОРІЯ

СЦЕНИЧЕСКАГО ИСКУССТВА.

ТЕАТРЪ И АКТЕРЫ, ВЪ ДРЕВНІЯ И ВЪ НОВЫЯ ВРЕМЕНА.

(СТАТЬЯ А. КОШЮ).

(Окончаніе.)

Попытаемся теперь отдать отчетъ объ изученіи, о предварительныхъ упражненіяхъ, которыя, такъ сказать, создаютъ актера и безъ которыхъ самыя счастливыя организаціи никогда не достигаютъ полного развитія. Мы увидимъ, что если сознаніе идеала стало слабѣе на нашей сценѣ, если смѣшеніе стилей нерѣдко обезображиваетъ сценическое исполненіе нашихъ образцовыхъ драматическихъ произведеній, такъ это происходитъ гораздо болѣе отъ физическаго безсилія достигнуть извѣстнаго рода эффектовъ, которыми болѣе всего дорожила наша старинная школа, чѣмъ отъ неразумнія.

I. О ПРИГОТОВЛЕНІИ АКТЕРА КЪ СЦЕНѢ.

Когда, въ 1763 году, прибылъ во Францію Гаррикъ, между нимъ и нашими (французскими) сценическими артистами началось

какое-то особое соревнованіе въ учтивости. Литературныя салоны и фойё «Французской-комедіи», бывшее тогда самымъ литературнымъ изъ всѣхъ салоновъ, сдѣлались какъ будто драматическими академіями, въ которыхъ старались объяснять вопросы, относящіяся до искусства актера. Но смыслъ всѣхъ преній объ относительномъ достоинствѣ обѣихъ соперничающихъ школъ заключается, по моему мнѣнію, въ слѣдующихъ словахъ Гаррика, которыя сохранилъ для насъ Дидро: «Понимать Шекспира вовсе не значитъ понимать Расина, и наоборотъ.»

Чтобы подтвердить справедливость мысли англійскаго артиста, достаточно разсмотрѣть одно и тоже драматическое положеніе съ двухъ точекъ зрѣнія, предстоящихъ актеру. Представимъ себѣ на сценѣ молодаго человѣка, любящаго въ первый разъ въ жизни, молодаго человѣка, котораго удивляетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ восхищаетъ смущеніе, производимое въ немъ присутствіемъ любимой имъ женщины: — въ этомъ случаѣ, актеръ, играющій роль въ пьесѣ поэта шекспировской школы, не станетъ, такъ сказать, анализировать себя въ многословномъ признаніи; чувства его выскажутся, словно противъ воли его, въ восклицаніи, которое вырвется изъ сердца; и если слово любви примутъ безъ гнѣва, если въ отвѣтъ на него, онъ встрѣтитъ взоръ пламенный и стыдливый, взоръ, обѣщающій ему блаженство, онъ будетъ на мгновеніе неподвиженъ и нѣмъ, будто страшась разочарованія; а потомъ, вдругъ, душа его выльется въ вздохахъ, въ фразахъ, отрывистыхъ, неоконченныхъ. Это будетъ мѣтко схваченная натура. Но когда, напротивъ того, любовникъ называется Ипполитомъ, а любимая женщина — Арісией; когда поэтъ передаетъ смятеніе раждающей любви въ стихахъ нѣжныхъ, стройныхъ и гармоническихъ, — въ этомъ случаѣ, актеру надобно найти въ своемъ голосѣ что-то подобное обаянію весны; надобно найти во всемъ себѣ какое-то особое упоеніе нѣжности.... Чтобы успѣть въ томъ или другомъ родѣ, нужны одинаковый геній, одинаковая гибкость органовъ, одинаково-великая способность наблюденія, но средства исполненія, очевидно, должны быть различныя, и стиль идеальный потребуетъ гораздо болѣе тщательнаго предварительнаго упражненія механизма, чѣмъ простое воспроизведеніе дѣйствительности.

Наилучшее объясненіе того искусства, которое составляетъ совершенно-вѣрное отраженіе природы, заключается въ слѣдующей фразѣ одного англійскаго критика: «Чтобы сыграть хорошо, надобно поступать точно такъ, какъ поступило-бы на-дѣлѣ пред-

ставляемое лицо, въ томъ положеніи, въ какое поставилъ его поэтъ». Прямаго, проложеннаго пути для тѣхъ, которые слѣдуютъ этому направленію, не существуетъ: имъ можно только указать на нѣкоторыя опасности, на нѣкоторые камни преткновенія, которыхъ они должны избѣгать. Не легко имъ соединить *внѣшнее изящество* (*la belle tenue*) и оболстительную прелесть дикціи съ ихъ упорнымъ желаніемъ перенести на сцену точную дѣйствительность. «Есть общая причина недостатка благородства на нашей сценѣ, — говоритъ писатель, изъ котораго я привелъ выше нѣсколько словъ: — актеры наши копируютъ природу, а природа, къ-несчастью, мало представляетъ намъ образцовъ благородства.» Конечно, удивителенъ былъ Барри (Barry), когда онъ, играя роль Отелло, краснѣлъ подъ темною краскою, покрывавшею его лицо, и когда, какъ истинный сынъ пустыни, левъ, — левъ раненый и гнѣвный, — онъ дико метался при каждомъ новомъ ощущеніи боли. Подобные эффекты, безспорно, поразительны, но поразительны потому, что приспособлены къ характеру, составляющему исключеніе. Къ-несчастью, оказалось пужнымъ перенести тѣ-же самые эффекты въ большую часть ролей и, какъ въ нашихъ мелодрамахъ, преувеличеніе энергіи употребить во зло; — по той причинѣ, что природа, скопированная въ точности, можетъ быть интересна только въ тѣ мгновенія, когда проявляется страсть. Общимъ средствомъ оживлять драму, столь мало допускавшую простоту, сдѣлалось необузданное одушевленіе. Вотъ что говоритъ авторъ, на котораго я ссылался: «Неистово размахивать руками, кстати и не кетати, да бѣгать изъ угла въ уголъ сцены, — есть искусство англійское. Если-бъ актеры наши заблагоразсудили побольше обращать вниманіе на своихъ соеѣдей, они несправились-бы». Этого роковаго послѣдствія системы великіе актеры Англій избѣжали только потому, что сблизились съ стилемъ, усвоеннымъ во Франціи, только потому, что возвысились до способности идеализировать все то въ своемъ репертуарѣ, что было можно идеализировать. Мы даже можемъ видѣть теперь у насъ самихъ, что иные актеры, обязанные своею извѣстностію *судорожной* драмѣ, отступаютъ предъ такими-же камнями преткновенія, и изъясляютъ какое-то неопредѣленное желаніе возвратиться къ старинному репертуару.

Угодно-ли вамъ видѣть, во всемъ ихъ блескѣ, результаты *натурализма*, доведеннаго до послѣдней крайности? Вамъ представятъ ихъ наши второстепенные театры, гдѣ мелочное воспроизведеніе природы составляетъ верхъ достоинства. Я могу на-

звать вамъ многихъ водевильныхъ актеровъ, которые въ извѣстныхъ роляхъ вѣрны поразительно. Они превосходны, но, увы, превосходны тѣмъ, что доводятъ до тривіальности произведенія и безъ того достаточно-пошлыя; они усиленно стараются о томъ, чтобы выразить мысль, какъ выражаютъ ее небрежно въ обыкновенной жизни, т. е. смѣсю сбивчивыхъ фразъ и невнятныхъ звуковъ. Это природа, говорятъ намъ; конечно, но природа дагеротипная, безъ идеи, безъ красокъ, безъ перспективы; не должно думать, чтобы всѣ тѣ, которые представляютъ доказательства таланта въ этомъ неблагоприятномъ родѣ, производили на публику впечатлѣніе, соразмѣрное ихъ усиліямъ. Если они приобрѣтаютъ народность, такъ это потому, что имъ удалось добиться ролей, написанныхъ исключительно для нихъ, добиться удовольствія быть — если можно такъ выразиться — обрамленными въ піесы, которыя составляютъ изъятіе, и которыхъ весь эффектъ зависитъ отъ ихъ особы. Но успѣхъ, дѣлающійся, въ слѣдствіе этого, безраздѣльнымъ достояніемъ одного артиста, дорого обходится очень-многимъ другимъ. Онъ вредитъ вдохновенію писателя, обезкураживаетъ молодыхъ актеровъ и ставитъ театральныя дирекціи въ невыгодную зависимость отъ одного и того-же произвола.

Займемся-же исключительно тѣми актерами, которые, посвятивъ себя нашему *высокому* репертуару, должны передавать сущности жизни — поэтически. Для нихъ неопредѣленный иетинктъ подражанія уже недостаточенъ. Подвигъ ихъ такъ тяжелъ, что ихъ главнѣйшее качество, быть-можетъ, — есть несокрушимая сила воли, несокрушимая пастойчивость въ трудѣ. Я не хочу однако-жъ сказать этимъ, что трудъ можетъ замѣнить талантъ: ересь эту я предоставляю педантамъ. Искусство театральное требуетъ врожденной способности, требуетъ призванія. Тотъ никогда не будетъ актеромъ, кто, слыша мелодическій голосъ, или восклицаніе, вырвавшееся изъ сердца, не пытается внутренне воспроизвести ихъ. Тотъ не рожденъ для сцены, кто, видя какую-нибудь характеристическую позу на картинѣ или въ статуѣ, какое-нибудь особо-граціозное положеніе красиваго свѣтскаго мужчины, не чувствуетъ, что тѣло его невольно усиливается принять такую-же характеристическую позу, такое-же граціозное положеніе. Но такъ, какъ нѣтъ чловѣка, — какъ-бы ни превосходилъ онъ другихъ по своей природѣ, — который въ случайностяхъ обыкновенной жизни не усвоилъ-бы себѣ дурныхъ привычекъ, то я и не считаю возможнымъ, чтобы могло сформиро-

ваться замѣчательное дарованіе и потому сохраняться, уцѣлѣть безъ постояннаго, настойчиваго упражненія. Я знаю, чтобы опровергнуть эту мысль, мнѣ привести въ примѣръ тѣхъ, которыхъ на закулисномъ языкѣ называютъ «актерами по инстинкту». Мнѣ скажутъ, что «Превиль, самый совершенный изъ всѣхъ комическихъ актеровъ, никогда не анализировалъ ни одной роли». Но я, въ свою очередь, могу сказать, что это неправда, потому что Превиль оставилъ послѣ себя, въ рукописи, планъ цѣлаго курса драматическихъ уроковъ и замѣчанія по этому предмету. Надобно, впрочемъ, объяснить на счетъ смысла словъ: изученіе сцены (*l'apprentissage de la scène*) не требуетъ неизбѣжно кабинетнаго труда. Есть артисты, надѣленные столь счастливыми способностями и до того проникнутые своимъ искусствомъ, что наблюденіе и потомъ мимическое воспроизведеніе становится для нихъ простою привычкою. Для нихъ служить моделью первый встрѣчный, и они трудятся, — трудятся, быть-можетъ, лучше, чѣмъ всѣ другіе, — сами того не подозревая. Таковъ, вѣроятно, былъ и Превиль....

Если-бъ нужно было доказать полезность труда для сценическихъ артистовъ, то для этого стоить только упомянуть, что самымъ великимъ изъ нихъ слѣдовало преодолѣть природные недостатки. Г-жа Лекуврёръ, заступая мѣсто Г-жи Дюкло, имѣла голосъ глухой; но ей удалось найти звуки столь патетическіе, удалось такъ выработать свой голосъ, что его полюбили до обожанія. А сколько искусства нужно было Г-жѣ Клеронъ, этой гордой царицѣ сцены, чтобы заставить забыть свой малый ростъ и свое хорошенькое личико гризетки, предназначавшее ее къ ампуа субретокъ! Но вотъ вамъ еще примѣръ — Леканъ, котораго великая душа была заключена въ оболочкѣ грубой и, съ перваго взгляда, неблагородной; продолжительные дебюты его были настоящею бурей; но онъ, благодаря своей энергіи, преодолѣлъ препятствія, достигъ своей цѣли, — успѣха. Успѣхъ этотъ однако-жъ не заставилъ его заснуть на своихъ лаврахъ, какъ засыпаютъ на нихъ такъ много артистовъ: онъ шелъ далѣе и далѣе. По примѣру великихъ живописцевъ, или, лучше сказать, будучи самъ великимъ живописцемъ, онъ не разъ преобразовывалъ свою манеру. Сначала, чтобы представить рѣзкій контрастъ съ безукоризненнымъ величіемъ красавца Дюфрена, онъ далъ дикую волю вдохновенію и очаровалъ публику необузданною силою (*la véhémence*). Но вскорѣ замѣтилъ онъ, — какъ говоритъ Тальма, — что «изъ всѣхъ монотонностей, монотонность силы — самая не-

стерпимая». Онъ вдругъ измѣнился. Въ глазахъ публики артистъ слабѣлъ, — а онъ размышлялъ, онъ испытывалъ новую манеру. И наступилъ наконецъ день, въ который проявился весь блескъ переворота.... «Послѣ этого», восклицаетъ съ непритворнымъ энтузіазмомъ Тальма: «уже нѣтъ крика, нѣтъ напряженія легкихъ, нѣтъ рыданій, унижающихъ представляемое лицо. Зато въ голосѣ его, — голосѣ звучномъ, — появились какіе-то чудные звуки, которые доходили до глубины души.»

Вообще, тѣ изъ знаменитыхъ актеровъ, которыхъ талантъ развится не въ слѣдствіе труда упорнаго и продолжительнаго, составляютъ только исключеніе. Качества, необходимыя актеру для того, чтобы онъ могъ возвыситься до стilia идеальнаго, никогда не даются природою вполнѣ: ихъ полное развитіе можетъ доставить артисту только одно постоянное упражненіе. Считаю необходимымъ представить нѣсколько замѣчаній по этому предмету, оговорясь предварительно, что въ этомъ отношеніи буду я не болѣе, какъ эхо великихъ знатоковъ сцены.

II. О ГОЛОСѢ И О ДИКЦІИ.

Чтобы удовлетворительно произносить діалогъ, которымъ, подл предлогомъ естественности, воспроизводятъ обыкновенную рѣчь, нужно очень-немногое. Если актеръ, играющій въ водевиляхъ и мелодрамахъ, исправитъ слишкомъ-рѣзкіе недостатки своего произношенія и придастъ своему голосу приличный объемъ, — такъ этого для него и достаточно. Но артистъ, долженствующій передавать великихъ драматическихъ писателей, долженствующій передавать и могучую мысль во всѣхъ ея оттѣнкахъ, и разнообразіе ритмовъ, и прелесть выраженія, и, наконецъ, ту чудную особенность, которую нельзя опредѣлить и которую называютъ слогомъ, — никогда не достигнетъ своей цѣли, не имѣя голоса звучнаго, обработаннаго съ величайшимъ тщаніемъ и способнаго къ самымъ противоположнымъ измѣненіямъ, способнаго ко всѣмъ переходамъ.

Есть слово, котораго не любилъ Тальма и которое, по мнѣнію его, не слѣдовало-бы употреблять для обозначенія искусства, обязаннаго ему столь многимъ: слово это — *декламация*. Но въ нашемъ языкѣ нѣтъ другаго выраженія, обозначающаго

въ такой-же мѣрѣ тотъ особенный характеръ, который необходимо принимаетъ голосъ, передавая выдержанный языкъ поэзіи, или краснорѣчія. А потому, мы не отринемъ этого слова и скажемъ, что декламація, въ строгомъ смыслѣ, есть какъ-бы результатъ двойственнаго механизма простой рѣчи и пѣнія. Будто для того, чтобы отвѣтствовать той внутренней музыкѣ, звуки которой наполняютъ душу поэта, она говоритъ, въ одно и тоже время, и чувствамъ, и мысли: въ этомъ-то и заключается ея прелесть и могущество.

У древнихъ, гигиена гортани (*l'hygiène de l'organe vocal*) была весьма сложна; это впрочемъ и понятно: голосъ, бывшій у нихъ главнымъ орудіемъ *гласности*, замѣнялъ имъ во многомъ книгопечатаніе, этотъ всюду слышимый голосъ временъ новѣйшихъ.— По свидѣтельству Плинія и Персія, древніе употребляли, въ видѣ полосканьевъ и припарокъ, до двадцати растений, которымъ приписывали свойство очищать голосъ; а по свидѣтельству Светонія, Неронъ исполнялъ такія врачевныя приказанія, которыя сдѣлали-бы честь самому Г. Пюргону. Пѣвцы въ древности были вообще какъ-бы на діэтѣ; а передъ тѣмъ, какъ имъ слѣдовало пѣть, они употребляли въ пищу только одни овощи: поэтому-то ихъ и прозвали *fabarie*, т. е., — извините это выраженіе, — «бобобды». Вокальныя упражненія, описанныя Цицерономъ, состояли, какъ состоятъ нынѣ въ нашихъ школахъ, въ выдержаніи, въ укрѣпленіи и въ *оттѣненіи* звуковъ, согласно всѣмъ тонамъ скалы (*l'échelle musicale*). Актеры упражнялись въ этомъ каждое утро у себя дома, и иногда даже въ театрѣ, въ промежуткѣ двухъ сценъ. Впрочемъ, вокальныя упражненія древнихъ отличались отъ нашихъ тѣмъ, что имѣли цѣлю болѣе увеличивать объемъ голоса, нежели развивать его прелесть. Для нашихъ-же запертыхъ театральныхъ залъ, вообще выстроенныхъ съ возможнымъ соблюденіемъ акустическихъ условій, крайне-сильный голосъ не составляетъ необходимости. Публика въ наше время даже вовсе не жалуется тѣхъ, кто кричитъ чрезмѣру; за то она будто затанавливаетъ дыханіе, слушая даровитаго артиста, который удерживаетъ свой голосъ въ должныхъ предѣлахъ, но говоритъ все-таки явственно.

Весьма-немногіе имѣютъ понятіе о трудѣ, котораго стоило нашимъ стариннымъ артистамъ усовершенствованіе голоса. Напримѣръ, Г-жа Лекуврёръ приобрѣла очаровательную чистоту своего произношенія, благодаря занятіямъ своимъ подъ руководствомъ лучшаго изъ нашихъ грамматиковъ, Г-на Дюмарсе. Вотъ

впрочемъ слова старика Саразена, предшественника Бризара, — слова, которыя вѣрно характеризуютъ тогдашнее дикое рвеніе: «Приходи, поработай со мною», сказалъ онъ одному дебютанту, котораго беспокоила слабость его голоса: «приходи, и ты скоро захаркаешь у меня кровью».... Я и теперь не побоюсь сказать, что для трагика потребно вокальное приготовленіе столь-же трудное, какъ и для пѣвца. Г-жа Тальма, въ своей замѣчательной книгѣ о приготовительныхъ сценическихъ занятіяхъ (*Sur les études théâtrales*), идетъ еще далѣе: она признаетъ необходимыми такія упражненія, которыхъ возможность едва понимаютъ музыканты. Приведу изъ нея слѣдующій отрывокъ: «Что нужно исполнять», восклицаетъ она, «чтобы сдѣлать голосъ гибкимъ? Нужно упражнять его каждый день, заставляя издавать звуки повелительные, жалобные, болѣзненные, словомъ, всѣ роды звуковъ.... Нужно, и это главное, стараться достигнуть того, чтобы ими было довольно собственное ухо. Но оно должно строго оцѣнять каждый тонъ, каждый полутопъ, каждую четверть тона: коротко сказать, оцѣнять такія вещи, которыя людямъ, мало упражнявшимся, кажутся идеальными, но которыя составляютъ для дикціи дѣло величайшей важности. Надобно умѣть слышать и понижать свой голосъ во всевозможныхъ постепенностяхъ.» Подобныя упражненія такъ тягостны, что устрашаютъ воображеніе; но въ прежнее время они приносили большую пользу. Способность выражать все голосомъ давала нашимъ стариннымъ актерамъ возможность, такъ-сказать, сберечь свои жесты. Въ-слѣдствіе этого, они могли достигать до простоты дѣйствія, нерѣдко удивительной. Авторъ, у котораго я заимствовалъ нѣсколько подробностей объ англійскихъ актеряхъ, сознается, что соотечественники его изумлялись способности нашихъ артистовъ передавать, безъ видимыхъ усилій, самыя сильныя душевныя ощущенія. «Ихъ главный актеръ», говоритъ онъ, не называя артиста: «дѣйствуетъ, по паружности, менѣе, чѣмъ каждый изъ нашихъ. Онъ спокойно стоитъ на одномъ мѣстѣ, придавъ рукамъ граціозное положеніе. Въ этой, почти неподвижной позѣ, онъ передаетъ страсть во всѣхъ ея измѣненіяхъ: онъ удивляетъ, онъ трогаетъ».... Не углубляясь, впрочемъ, такъ далеко въ старинное время, припомнимъ, что писательница, которой нѣсколько наставленій привелъ я выше, Г-жа Тальма, возобновила своимъ очаровательнымъ органомъ тѣ душевныя волненія, которыя производила нѣкогда Г-жа Госсенъ, эта сирена XVIII столѣтія. Знаменитую фразу «avoir des larmes dans la voix», фразу,

получившую право гражданства въ театральномъ языкѣ, внушила — Г-жа Тальма.

Несовершенство голоса почти всегда бываютъ слѣдствіемъ привычки дурно образовывать звуки и произносить слова; а потому, несовершенства эти почти всегда могутъ быть устранены. Стоить только открыть причину того или другаго недостатка и указать средство устранить ее. Лекэвъ сдѣлалъ въ этомъ родѣ настоящее чудо: голосъ его, грубый и непокорный во-время дебютовъ этого артиста, достигъ въ-послѣдствіи звучности, столь богатой измѣненіями, столь выразительной, что, увѣряють, трогалъ до глубины души даже иностранцевъ, не понимавшихъ словъ. Молѣ дѣлаетъ по этому предмету замѣчаніе, которое не мѣшаетъ припомнить, а именно, что Лекэвъ, улучшая свой голосъ, не насилывалъ его, не выработывалъ изъ него звуковъ, не заключавшихся въ самой его природѣ, какъ это весьма-часто дѣлають другіе актеры. Не худо было-бы замѣтить себѣ хорошенько и инымъ артисткамъ, которыя, стараясь подражать кому-нибудь, на-примѣръ хоть г-жѣ Марсѣ, стараются создать *искусственный*, т. е. ложный голосъ.

Вкусъ, господствующій въ музыкальной вокализациі (*dans la vocalise musicale*), имѣетъ значительное вліяніе на театральную декламацию и даже на обыкновенный разговорный языкъ. На-примѣръ, во-время Людовика XIII порицали въ пѣніи украшенія (*une ornementation*) дурнаго вкуса, введенныя въ моду итальянскими артистами: и въ тонѣ діалога того времени, на сценѣ и въ обществѣ, преобладаетъ *желеманство*, которое осмѣялъ Мольеръ. Когда Люлли создалъ тотъ прекрасный музыкальный стиль, который, при мелодической прелести, отличается чистотою и вѣрностью выраженія, — преподаватели немедленно стали развѣивать въ этомъ смыслѣ вокальный механизмъ своихъ воспитанниковъ. За-тѣмъ начинается вліяніе знаменитаго Ламберта и Басильи, написавшаго замѣчательную книгу о пѣніи. Въ обществахъ крѣпко заботятся о *приятности* произношенія, а на сценѣ входитъ въ употребленіе та драматическая система, которой главное очарованіе состоитъ въ мелодіи рѣчи. Въ XVIII столѣтіи правило это, такъ сказать, подрываютъ преувеличеніемъ. Для артистовъ и для публики, идеаломъ пѣнія становится декламация акцентованная болѣе сильно, чѣмъ обыкновенная рѣчь. Музыкальное движеніе, даже въ операхъ Люлли, умѣряется, и аріи будто превращаются въ речитативы. Наши тогдашніе знаменитые пѣвцы и пѣвицы, Шассе, Желіоттъ, г-жа Фель, Софія Арну, *фра-*

зируютъ, и славятся своимъ искусствомъ передавать чувство отъбѣнками голоса. Это владычествованіе лирической декламации совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ, когда трагическіе актеры достигли идеальнаго величія, когда въ обществахъ съ наибольшимъ успѣхомъ соединяють прелесть остроумія съ прелестью правильной рѣчи. Потомъ, въ ослабленіи успѣха, систему лирической декламации доводятъ до той степени, гдѣ начинается смѣшное. Наконецъ, наступаетъ день, въ который замѣчаютъ все и каждый, что наши оперные пѣвцы, люди вполнѣ знающіе сцену и очень красивые на ней, имѣютъ одинъ маленькій недостатокъ, а именно, что ужъ вовсе не поютъ ничего. Происходитъ переворотъ: речитативъ падаетъ, мѣсто его заступаютъ ритмованныя мелодіи, большія арии. Упражненія въ вокализации получаютъ другое направленіе. Преподаватели, убѣдясь, сколько мнѣ кажется, ошибочно, что явственное и точное произношеніе словъ не совмѣстно съ звучностію и гибкостію пѣнія, и утрируя нѣкоторыя правила итальянскихъ школъ, стараются развивать въ голосѣ только звучность, да гибкость. Предѣломъ искусства пѣвца становится, мало-по-малу, одно умѣнье преодолевать трудности. Эффектомъ, который можетъ производить явственное, *сознательное* произношеніе словъ, начинаютъ пренебрегать почти все безъ исключенія, и встрѣтить учителя пѣнія, понимающаго просодію нашего языка, становится также трудно, какъ и встрѣтить композитора, который, въ распредѣленіи мелодіи, уважалъ-бы смыслъ и звукъ словъ.

Подъ вліяніемъ этого-то музыкальнаго воспитанія, привыкло нынѣшнее поколѣніе къ небрежности, къ неправильности разговорнаго языка, къ тому ужасному картавленію (*grassaiment*), которое сдѣлалось у насъ заразительныхъ недугомъ. И если наши общество не приходитъ въ ужасъ отъ этого зла, такъ это только потому, что уже не чувствуетъ его вовсе. Одинъ инспекторъ Парижской Академіи, Г. Тальферъ, доказалъ, въ своемъ прекрасномъ педагогическомъ сочиненіи, что нынѣ во всехъ нашихъ школахъ произношеніе не годится рѣшительно никуда. Вотъ какъ упрекаетъ онъ учителей за ихъ непростительную безпечность въ этомъ отношеніи: «Зло это, говоритъ онъ, дошло въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ до того, что если-бъ обращеніе и вообще жизнь въ обществѣ не прерывали привычекъ, усвоенныхъ дѣтьми въ ихъ первомъ возрастѣ, они говорили-бы, выйдя изъ школы, не по-французки, а на какомъ-то особомъ, варварскомъ и непонятномъ нарѣчій.» Замѣчательно, — и это, навѣр-

ное, бросается каждому въ глаза, — что чѣмъ старѣе наши актеры, тѣмъ легче понимать ихъ на сценѣ!

Въ послѣднее время, мы можемъ похвалиться актерами, замѣчательными и по значительности таланта, и по безкорыстному рвенію къ пользамъ искусства. Отъ чего-же они не стали на одну степень съ своими предшественниками? Миѣ кажется отъ-того, что они не позаботились приобрѣсти, посредствомъ труда и изученія, такой органъ, т. е. такой голосъ, который доставилъ-бы имъ возможность производить главнѣйшіе эффекты посредствомъ разныхъ оттѣнковъ произношенія. Актеръ, котораго голосъ не въ такой мѣрѣ выработанъ, не такъ гибокъ, чтобы могъ выразить степень душевнаго волненія характеромъ издаваемого звука, находится въ необходимости форсировать свою дикцію, кричать, иначе онъ покажется безстрастнымъ, холоднымъ. И когда, къ несчастію, имъ восхищаются, когда ему рукоплещутъ, онъ, въ упоеніи своего самолюбія, бѣснуется, кричитъ болѣе и болѣе, кричитъ до-тѣхъ-поръ, покамѣтъ самыя рукоплесканія не выскажутъ ему, какъ онъ жалокъ... Въ настоящее время, тѣ, которыхъ вокальный механизмъ несовершененъ, превратно объясняютъ традиціи, оставленныя намъ величайшими изъ нашихъ трагическихъ артистовъ, и утверждаютъ, что въ драмѣ надобно *просто говорить* (que la poésie dramatique doit être parlée). Баронъ, Г-жа Лекуврёръ, Тальма, если хотите, *говорили* въ трагедіи, въ томъ смыслѣ, что сохраняли истину тона и движенія обыкновенной, инстинктивной рѣчи; но они очищали, они облагораживали, они, такъ-сказать, пропитывали музыкою и поэзію звуки, внушаемые природою. Они *говорили* въ томъ смыслѣ, что не скрипѣли нестерпимо, какъ скрипятъ комедіанты школьники, которые терзаютъ звукъ, чтобы придать ему силы, а старались издавать звуки ясные, чистые. Искусство ихъ было однимъ изъ тѣхъ искусствъ, которыхъ не можетъ опредѣлить критика: оно состояло въ особой методѣ сливать между-собою стихи, не искажая ихъ высокой сущности, не преобразовывая ихъ, — какъ это утверждали, — въ прозу. Разгадать эту тайну, Тальмѣ стоило немалого труда, немалыхъ усилій. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, онъ, дѣйствительно, нѣсколько времени *просто говорилъ* въ трагедіи. Результатомъ этой попытки была дикція отрывистая, неприятная. Наконецъ, его собственный вкусъ и совѣты знатоковъ убѣдили его въ необходимости переменъ, и онъ, по прежнему не любя слова «декламація», сблизился съ тою методою произношенія, которая всегда была великою, истинною трагиче-

скою декламаціею. Не дѣлая на концѣ стиха пошлой модуляціи, не выставляя его рѣзко на-показъ, онъ однако-же произносилъ послѣдній слогъ такимъ-образомъ, что рифма сохраняла всю свою силу. Что-же касается до характера его голоса, то если-бъ Тальма не отказался отъ сухости разговорнаго произношенія, если-бъ онъ не придалъ своему голосу вибраціи особаго рода, если-бъ не сообщилъ интонаціямъ его какой-то неопредѣленной, прелестной мелодіи, могъ-ли-бы онъ сказать, какъ часто говаривалъ въ зрѣлости своего таланта: *Je suis musicien, avant d'être acteur et poète?*

Трудъ актера въ-отношеніи къ образованію своей дикціи во многомъ походитъ на трудъ композитора. Тому и другому даютъ мертвое слово, — слово на бумагѣ, — и тотъ и другой должны вдохнуть въ него жизнь, посредствомъ составленія рисунка мелодическаго, посредствомъ сочетанія различныхъ ритмовъ, посредствомъ распредѣленія переходовъ, наузъ и взрывовъ. Трудно найти истинное выраженіе въ движеніяхъ страстныхъ, но еще труднѣе найти привлекающую *акцентуацію* въ подробностяхъ, въ излишествахъ, въ вставкахъ, которыя есть всюду и которыми особенно обилуютъ наши старинныя піесы въ стихахъ. Сдѣлать это, — придать мысль, придать драматическое значеніе мѣстамъ слабымъ или ничтожнымъ, можетъ только артистъ гениальный.

Есть еще другое затрудненіе, непреодолимое для тѣхъ, у кого вокальный механизмъ не доведенъ до совершенства, — это приспособленіе своей дикціи къ слогу каждаго поэта. Въ этомъ отношеніи, г-жа Клеронъ, не-смотря на все величіе своей *выдержанной* дикціи, просто, приходила въ ужасъ отъ Корнеля. «Онъ такъ великъ», говаривала она не рѣдко, «или такъ просто, (*familier*), что при малѣйшей невѣрности интонаціи голоса легко можно впасть въ напыщенность, или въ тривіальность.» Стихи Расина требуютъ мелочей важной и всегда проникнутой, — какъ онъ самъ выражался, — «тою величественною грустью, которая составляетъ всю прелесть трагедіи.» Въ отношеніи къ Вольтеру, порывистость (*la véhémence*) почти всегда слѣдуетъ предпочитать правильности (*la correction*). У Казимира Делавиня встрѣчается смѣсь систематической простонародности съ расиновскою торжественностію, вообще опасная для артиста-исполнителя. Изъ борьбы съ этимъ затрудненіемъ вышли съ честію два современные намъ актера — Жоаннъ и Лижбѣ. Что-же касается до Виктора Гюгб, то я не знаю, подтверждаетъ-ли онъ, *in pello*, тѣ изъявленія своего удовольствія, которыя съ высоты своего поэ-

тического трона онъ такъ щедро расточаетъ въ-явь артистамъ, участвовавшимъ въ представленіи его пьесъ. А казалось-бы, ему слѣдовало бы жаловаться вдвойнѣ: во-первыхъ на то, что не всегда были выставлены вполне его достоинства; а во-вторыхъ, на то, что не всегда были маскированы какъ должно его недостатки....

III. ПАНТОМИМА.

Сверхъ способа вокальнаго выраженія, который я пытался опредѣлить, идеализированная драма (*drame idéalisé*) отличается отъ такъ-называемой драмы дѣйствительности (*réel*) и способомъ мимическаго выраженія, — способомъ много-объемлющимъ и неполненнымъ истины, — но такой истины, которая скорѣе объясняетъ, чѣмъ копируетъ природу.

Пантомима (я разумѣю подъ этимъ словомъ походку, осанку, тѣлодвиженія, измѣненія лица и даже невнятные восклицанія), пантомима есть языкъ жестикта: это способъ выраженія самый энергическій и самый несомнѣнный. Слово есть анализъ мысли или чувства, и этотъ анализъ легко можетъ быть невразумителенъ или лживъ. Но пантомима вполне обмануть не можетъ никогда: глазъ опытнаго наблюдателя непремѣнно сумѣетъ открыть обманъ. Ея удивительную выразительность, ея перевѣсъ надъ словомъ доказываетъ уже одно то обстоятельство, что въ высшемъ кругу вообще стараются избѣгать тѣлодвиженій: это дѣлается изъ нежеланія, изъ опасенія обнаружить мысль свою; въ низшихъ же слояхъ общества, въ ихъ всендневной жизни, другъ друга понимаютъ болѣею частію только потому, что пантомима поправляетъ и пополняетъ разговоръ. Вообще нѣтъ положенія, нѣтъ движенія, которое не соответствовало-бы или какому-либо физическому ощущенію, или извѣстному состоянію души, и каждое положеніе можетъ служить рѣзкимъ очеркомъ въ изображеніи характера. Справедливость этой мысли подтверждаетъ слѣдующее замѣчаніе Сень-Маркъ Жирардена: «Въ греческихъ изваяніяхъ выраженіе не средоточено въ одномъ только лицѣ, — какъ сосредоточено оно въ изваяніяхъ повѣйшаго времени, — а распространено на все тѣло, и нагота составляетъ для греческихъ скульпторовъ не подражаніе мѣстному обыкновенію (потому-что

Греки носили одежду), а средство лучше выразить мысли и чувства изображаемаго лица».

Учителя декламации не соглашаются въ томъ, что пантомима должна быть для воспитанника предметомъ теоретическаго изученія, спеціальнымъ занятіемъ. У древнихъ, какъ мы замѣтили выше, жестификація составляла, подъ именемъ оркестики, весьма-сложное искусство. Но не-смотря на то, критики очевидно отрицаютъ спеціальность этого искусства, утверждая, что каждое физическое ощущеніе, каждое движеніе душевное вызываетъ неизбежно соотвѣтственный пантомимный знакъ, и что, слѣдовательно, нѣтъ надобности заниматься этими знаками отдѣльно. Мнѣніе это нынѣ преобладаетъ между преподавателями, и даже воспитанникамъ нашей консерваторіи, — какъ я слышалъ, — въ отношеніи къ пантомимѣ дѣлаются замѣчанія только тогда, когда ихъ вызываетъ случайно изученіе ролей. По моему мнѣнію, этого мало. Я не отрицаю, что истинное душевное ощущеніе, каково-бы рода оно ни было, певольно выражается какимъ-либо вѣдшимъ инстинктивнымъ знакомъ; но, спрашивается, бываетъ-ли это съ актеромъ, обыкновенно предающимъ *чувство искусственное*? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. — Пантомима его, если онъ не прибѣгаетъ къ изученію и упражненію, будетъ ложна, какъ и страсть, которую передаетъ онъ. Я имѣлъ случай замѣчать не разъ, что для воспитанниковъ, при первыхъ ихъ опытахъ, каждое, даже самое незначительное тѣлодвиженіе составляетъ почти непреодолимое затрудненіе: они, по робости, или, быть-можетъ, по неловкости, просто не отводятъ рукъ отъ тѣла, и совершенно походятъ на тѣ грубыя статуи, которыя производитъ искусство, находясь во младенествѣ. И когда потомъ имъ удастся выйти изъ этого заколдованнаго круга, они, очертя голову, бросаются въ другую крайность, въ жестификацію необузданную, еще болѣе неприятную. — Есть еще преподаватели другаго рода, спадающіе въ противоположную ошибку. Они излагаютъ своимъ слушателямъ методическую номенклатуру пантомимныхъ знаковъ, которой, какъ утверждаютъ они, достаточно для составленія всѣхъ ролей. Но между этими двумя крайностями, между предоставленіемъ всего случайностямъ вдохновенія и совершеннымъ ограниченіемъ его правъ, есть, по моему мнѣнію, середина. Свѣдущій преподаватель долженъ, посредствомъ теоріи, посвятить своего питомца въ таинства философіи мимическаго языка; онъ долженъ, посредствомъ особаго практическаго способа, сдѣлать его тѣлесный механизмъ гибкимъ; но вмѣстѣ-съ-тѣмъ, надобно

внушить питомцу, что эти упражненія составляютъ для пантомимы то-же самое, что составляютъ вокальныя упражненія для развитія голоса, и что, выходя на сцену, надобно забыть эту гимнастику, точно также, какъ забываетъ грамматику ораторъ, выходящій на трибуну.

Вообще, сравнительно съ древними, новѣйшіе весьма-немного сдѣлали для пантомимы. Упоминанія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ замѣчанія Превиля, книга Энгеля, который въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ директоромъ Берлинскаго театра; сочиненіе Делестра (*Les études sur les passions appliquées aux beaux arts*), которое можетъ быть столько-же полезно актерамъ, какъ и живописцамъ, и наконецъ, замѣчанія, собранныя профессоромъ лирической декламации Дельсартомъ старшимъ, которыя со-временемъ могутъ войти въ составъ большаго сочиненія. Всѣ эти наблюдатели доказали, болѣе или менѣе ясно, несомнѣнность того основнаго факта, что пантомимныя знаки имѣютъ различный характеръ, смотря по тому, откуда они происходятъ, т. е. изъ сердца, изъ ума, или изъ физическаго ощущенія. — Но у Превиля совершенно иная классификація, чѣмъ у Энгеля. Чтобы упростить эти указанія, всего лучше раздѣлить пантомимныя знаки на два разряда, — на *безсознательные* (*passionels*), которые выражаютъ инстинктивно, неизмѣнно или какое-либо движеніе души, или какое-нибудь физическое ощущеніе, и на *описательные* (*descriptifs*), или умышленные, которые передаютъ живописно постиженія ума.

Перваго рода пантомимный знакъ предшествуетъ, или, по-крайней-мѣрѣ, сопровождаетъ слово, когда оно внушено сильнымъ чувствомъ. Описательный-же пантомимный знакъ, напротивъ того, является послѣ слова, для того чтобы объяснить его, чтобы пополнить его. Поясню это примѣромъ. Положимъ, что страсть возбуждаетъ во мнѣ видъ любимой мною женщины: главная роль принадлежитъ здѣсь чувству, и оно немедленно выражается инстинктивными пантомимными знаками. Глаза мои горятъ; грудь моя волнуется отъ какого-то жгучаго дыханія; весь я противувольно стремлюсь къ любимому мною существу; объятія мои распростираются пѣжно, ласково, и я восклицаю въ обаяніи страсти: «Какъ она прекрасна!» Въ этомъ случаѣ, слова мои только подтверждаютъ то, что уже высказали вамъ мои безсознательные пантомимные знаки.—Если-жъ, напротивъ того, я вижу женщину, которой красота поражаетъ меня, но къ которой, не смотря на то, я остаюсь равнодушенъ,—въ такомъ случаѣ, я замѣчаю ее не серд-

цемъ, а умомъ; я анализирую. Увидавъ подобную женщину, я говорю тотъ-же часъ: «Какая красавица!» И потомъ тѣмъ движеніемъ моимъ, спокойнымъ, непривикнутымъ страстью, доканчиваю мою мысль, описывая тѣ особенности красоты, которыя замѣтилъ умъ мой. Значитъ, здѣсь пантомимный знакъ служитъ только комментариемъ слова.

Смѣшеніе этихъ двухъ родовъ пантомимныхъ знаковъ весьма-нерѣдко встрѣчается въ игрѣ посредственныхъ актеровъ, и производитъ тогда на зрителя непріятное впечатлѣніе. И если пантомимы часто кажутся намъ смѣшными, такъ это потому, что за неимѣніемъ діалога, страсть почти всегда изображается въ нихъ, на-перекоръ природѣ, описательными знаками. Знаки эти не могутъ быть предметомъ изученія, потому-что они случайны и, если можно такъ выразиться, своенравны. Но знаки инстинктивные, которые воспроизводятся постоянно подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ-же причинъ, могутъ и должны быть изучаемы актеромъ. Изучать ихъ значитъ изучать душу, въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ.

Сдѣлаю общее замѣчаніе. На сценѣ, точно также, какъ и въ обществѣ, нужна чрезвычайная умѣренность въ тѣмъ движеніяхъ; нужны движенія медленные, точныя и *выдержанныя*, движенія, которыя будто означаютъ власть души надъ тѣломъ: — подобные внѣшніе знаки составляютъ почти вѣрный признакъ превосходства. Но быть живымъ въ глазахъ зрителей и вмѣстѣ съ тѣмъ не уклоняться отъ той осторожности, которую соблюдаютъ въ обществѣ хорошаго тона; оставаться, по наружности, безстрастнымъ, и заставить понять внутреннее волненіе, заставить, какъ выражался Молѣ, «угадать присутствіе перловъ» — есть дѣло великой трудности для комическаго артиста. Приведу вамъ примѣръ. Г-жа Кофта, извѣстная своею остроумною живостию, любила поощрять и руководить неопытныхъ дебютантокъ. — Разъ, одна молоденькая дебютантка, которой она часто совѣтовала умѣрять необузданность своей жестификаціи, сказала ей на репетиціи, что рѣшительно не можетъ слѣдовать ея совѣтамъ. «О, такъ надобно прибѣгнуть къ крайнему средству», замѣтила, улыбавшись, Г-жа Кофта, и тутъ-же связала ей руки платкою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, было потребовано, чтобы платка оставалась цѣла. Сначала повиновались безъ большого труда; потомъ прибѣгли къ усиліямъ; но наконецъ, въ одну чрезвычайно-одушевленную сцену, усилія не помогли, платка лопнула и руки очутились на просторѣ.... «Превосходно!» воскликнула Г-жа Кофта:

«Вотъ вамъ лучшее объясненіе, какъ надобно играть. Не дѣлайте вовсе жестовъ, или дѣлайте ихъ мало, покажетъ страсть не разорветъ нити приличій.» — Если дебютантка эта была, какъ я слышалъ, Г-жа Марсъ, то нельзя не согласиться, что урокъ былъ крайне-полезенъ.

Глубокое изученіе мимической части важно и потому, что безъ него весьма-трудно пріобрѣсти искусство слушать на сценѣ. А это искусство необходимо для полноты иллюзіи. Что за эффектъ, когда одинъ говоритъ, а другой, къ кому обращается говорящій, видимо не сочувствуетъ тому, что слышитъ, и помышляетъ Богъ знаетъ о чемъ? Нынѣ примѣромъ знанія въ этомъ дѣлѣ можетъ служить Г-жа Рашель. Аттитюды ея въ то время, когда она молчитъ на сценѣ, рѣшительно безукоризненны. Нерѣдко даже на лицѣ ея появляется въ эту пору вдохновеніе, возвышающее ее до красоты поэтической.

Есть еще другая выгода для того, кто глубоко изучилъ мимическую часть исполненія. Для подобнаго артиста нѣтъ дурныхъ ролей: онъ придаетъ своею мимикою значеніе самому скудному діалогу; онъ дѣлаетъ поэму изъ нѣсколькихъ минутъ молчанія. Въ этомъ отношеніи, былъ истинно удивителенъ Лекзъ, какъ это свидѣлствуютъ Молё и Гаррикъ. Да и самъ Гаррикъ обладалъ вполне тѣмъ, что одинъ изъ біографовъ его называетъ «высокимъ молчаніемъ.» Играть, какъ онъ игралъ на примѣръ, въ *Виргиніи*, плохой трагедіи одного забытаго нынѣ писателя, значитъ просто сочинять піесу за ея автора. Я расскажу вамъ, какъ это было. На форумѣ толпится народъ. Въ судилищѣ засѣдаетъ Аппій. Съ одной стороны Виргиній (роль эту игралъ Гаррикъ), съ другой — недостойный кліентъ децемвира, который осмѣливается требовать молодую дѣвушку, какъ бѣжавшую рабу. Въ-продолженіе всей рѣчи, въ которой излагаются права похитителя, Виргиній стоялъ молча, неподвижно, скрестивъ руки на груди и печально поникнувъ головою, будто надгробная статуя. Потомъ, пристрастный судья даетъ ему право говорить и требуетъ, чтобы онъ оправдался. Виргиній словно не понимаетъ, чего хотятъ отъ него. Онъ остается въ томъ-же самомъ положеніи еще нѣсколько времени. Только лицо его оживляется мало-по-малу: на немъ поочередно отражаются страсти, волнующія душу Виргинія. Толпа ждетъ, съ мучительною боязнью; она едва смѣетъ дышать. Виргиній медленно поднимаетъ голову и медленно оборачивается къ судилищу. Взоръ его, взоръ гордый и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный, останавливается на главѣ

децемвровъ.... Но онъ молчитъ еще нѣсколько мгновений.... Наконецъ, послѣ всей этой продолжительной нѣмой сцены, онъ восклицаетъ, голосомъ глухимъ и исполненнымъ скорби: «Вѣроломный!» и потомъ снова умолкаетъ на-долго, снова смотреть въ очи врага своего....

То, что говорилъ я выше о вліяніи сценической дикціи на тонъ разговорнаго языка въ обществѣ, можетъ быть примѣнено къ жестификаціи и осанкѣ. Въ прошедшемъ столѣтіи, въ Европѣ была въ ходу поговорка, что для того, чтобъ быть вполне красавцемъ, надобно имѣть ноги Испанца, руки Нѣмца, голову Англичанина, взоръ Италіянца, а фигуру и осанку — Француза. А это было именно въ то время, когда актёры наши отличались краснорѣчивою прелестью своихъ тѣлодвиженій. Но теперь, когда на сценѣ мы не видимъ подобныхъ образцовъ, едва-ли имѣемъ мы право думать, что превосходимъ другіе народы изяществомъ и благородствомъ осанки.

IV. СЦЕНИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА.

Нерѣдко случается, что иные артисты, нешадившіе прежде труда, и приобрѣтшіе нѣкоторыя похвальныя качества, не имѣютъ никакого вліянія на публику; между-тѣмъ, какъ актёры никогда не прибѣгавшіе къ изученію и замѣчательные развѣ только по неопредѣленному инстинкту подражанія, по безцеремонности почти наглою, пользуются на низшихъ сценахъ всѣми выгодами знаменитости. Отъ-чего-же это происходитъ? Отъ-того, что для сцены гораздо-лучше простое, обыкновенное одушевленіе, чѣмъ неприятная окоченѣлость не вполне-развившагося таланта. И къ сожалѣнію, контрастъ этотъ служитъ дурнымъ примѣромъ для натуръ несовершенныхъ и вседневныхъ. Онѣ лишаются мужества въ самомъ разгарѣ изученія и труда, обвиняя многосложность и затруднительность изучаемыхъ началъ. Потомъ онѣ бросаются, съ дикимъ увлеченіемъ, въ преувеличеніе и въ тривіальность, и когда имъ удается наконецъ достигнуть, въ свою очередь, эффектовъ, которые потрясаютъ грубую толпу, онѣ больше чѣмъ кто-нибудь возстаютъ противъ всего, что достойно обдуманнаго одобренія. Такова-то исторія большей части актёровъ нашихъ мелкихъ театровъ.

Въ театральномъ искусствѣ никогда не должно предаваться малодушію. Искусство это отличается отъ другихъ тѣмъ, что на поприщѣ его талантъ и извѣстность увеличиваются обыкновенно съ лѣтами. Способность вполне углубляться въ представляемое лицо и передавать чужую мысль, чужое чувство, какъ собственныя, какъ истинныя, приобрѣтается не скоро. Но приобрѣтя ее, вы будто увѣковѣчите вашъ талантъ. Баронъ на семьдесятъ-шестомъ году отъ роду, Превиль на семдесятъ-пятомъ, Англичанинъ Меклинъ (Masklin) на восемьдесятъ-пятомъ, играли съ жаромъ молодости. «Ему шестьдесятъ-пять лѣтъ,» говаривала г-жа Контъ о Молѣ, «а онъ такъ падаетъ на колѣни передъ женщиною, какъ не сдумѣетъ упасть ни одинъ изъ нашихъ молодыхъ актеровъ.» Монвель, Тальма, г-жа Марсъ, приобрѣли свою наиболѣе прочную знаменитость въ послѣдніе года сценическаго поприща.

Утверждаютъ, и я соглашаюсь, что по усвоеніи себѣ необходимаго механизма, самымъ полезнымъ изученіемъ будетъ изученіе на сценѣ, передъ публикою; но, спрашивается, сколько лѣтъ нужно актеру для того, что достигнуть способности, такъ сказать, смотрѣться въ публику, будто въ свое зеркало. Этою способностію обладалъ Тальма въ высшей степени. Находясь послѣ какой-нибудь сыгранной имъ сцены, за кулисами, онъ обыкновенно уединялся, онъ молчалъ. Что-же тогда происходило въ немъ? Вѣроятно, онъ приготовлялся къ слѣдующей сценѣ, сосредоточивалъ свои силы, чтобы превзойти себя самого? Совсе нѣтъ. Онъ думалъ о сценѣ, которая была имъ сыграна. Онъ старался отдать себѣ отчетъ о ея исполненіи, о достигнутыхъ результатахъ, о томъ, что надобно исправить или пополнить. За то каждый спектакль обогащалъ ту или другую роль какимъ-нибудь новымъ эффектомъ, который потомъ восхищалъ зрителей. Если г-жа Жоржъ, не-смотря на утрату значительной части своего таланта, еще является на сценѣ во всемъ очарованіи царственнаго величія, такъ это по тому, что, играя роли изъ своего стариннаго репертуара, она не покидаетъ своего сценическаго скипетра и во-время антрактовъ. Въ эти минуты она молодѣетъ вдохновеніемъ своей блестящей молодости... Посмотрите на нее: вотъ она уходитъ со сцены. Та-же гордая осанка, то-же-самое выраженіе въ лицѣ, какъ и передъ публикою; молча, углубясь въ самое себя, проходитъ она мимо закулиснаго народа, и народъ этотъ послушно разступается передъ нею, передъ простымъ движеніемъ руки ея....

Въ-теченіе долгаго времени, театральныя преданія были предметомъ какого-то страннаго обоготворенія. Нынѣ, напротивъ того, весьма-многіе актеры рѣшительно не признають пользы традицій. Между этими двумя крайностями есть однако-же середина. Театральныя традиціи не слѣдуетъ принимать слѣпо, но изучать ихъ все-таки нужно. *Созданіе* важной роли изъ стариннаго репертуара есть трудъ столь-обширный, что едва-ли кто изъ нынѣшнихъ актеровъ совершить его, не прибѣгая къ помощи, завѣщанной ему его предшественниками. Да и величайшіе артисты не пренебрегали заимствованіями этого рода. Бывало, когда Тальма, играя роль Нерона, произносилъ слова: «C'est ma mère... Je dois respecter ses caprices», такимъ образомъ, что было понятно, что чудовище скоро отброситъ свое сыновнее почтеніе, — Тальма производилъ восторженное удивленіе; а между-тѣмъ, это удивленіе принадлежало Лекену, которому Тальма подражалъ. Но съ другой стороны не надобно забывать, что рутина, эта упрямая дочь лѣни, весьма-часто употребляла сценическія традиціи во зло. Приведу вамъ нѣсколько примѣровъ въ этомъ отношеніи.

Въ-продолженіе не одного столѣтія существовало правило, чтобы роли царей и крестьянъ игралъ одинъ и тотъ-же актеръ, — и притомъ актеръ высокорослый, тучный, — чтобы какъ можно болѣе походить на Мофлѣри, который первый соединилъ эти два амплуа. Можете себѣ представить, каковы были слѣдствія подобнаго обыкновенія. Съ актрисами поступали точно также: одна и таже артистка играла роли царицъ и субретокъ. — Не рѣдко переходили въ традиціи даже нѣкоторыя физическіе недостатки. Укажу, на-примѣръ, хоть на *згусеніе* комическихъ актеровъ, которое составляетъ наслѣдство Ж. Жоффена, и проч., и проч.

Теперь, еще нѣсколько послѣднихъ замѣчаній объ аксесуарахъ. Первый преобразователь костюмовъ, Лекенъ, говаривалъ не рѣдко: «Надобно быть умѣреннымъ въ живописномъ (pittoresque).» Это было пророческое предчувствіе изобрѣтателя, который предугадывалъ, что открытіе его поведетъ къ злоупотребленіямъ. Нынѣ искусство постановки на сцену доведено уже до того, что театральная иллюзія можетъ быть совершенна. Успѣхъ этотъ имѣетъ ту неоспоримую выгоду, что открываетъ болѣе обширное поприще для творчества поэта; но я не думаю, чтобы онъ

былъ столько-же благопріятенъ и для искусства актера: мнѣ кажется, что удобство очаровывать зрителя внѣшнимъ эффектомъ, *выпшнюю живописностью*, даетъ актеру поводъ не заботиться о томъ, чему-бы хотѣлось удивляться на сценѣ, — объ изображеніи страстей. А это — зло коренное.

Но любопытно знать, каковы были у насъ насъ аксесуары въ ту-пору, когда сценическую иллюзію производили исключительно *нравственные* эффекты, — въ эпоху Корнеля и далѣе. Въ тѣ времена главная люстра висѣла не посреди пространства, предназначеннаго для зрителей, а посреди сцены. Она оставалась тамъ даже тогда, когда декорация изображала лѣсъ или площадь. Къ ней-то, къ ея вонючимъ сальнымъ свѣчамъ, обращался актеръ, когда ему слѣдовало, въ поэтическомъ увлеченіи, обратиться къ солнцу. (Эти несчастныя сальные свѣчи были замѣнены восковыми не прежде, какъ во времена Регенства, благодаря щедрости знаменитаго Лава). У кулисъ аванъ-сцены тянулись въ ту-пору *балконы*, т. е. скамьи, гдѣ помѣщались тогдашніе модники. Случалось, и очень-часто, что къ нимъ пробирался съ шумомъ какой-нибудь наглый маркизъ въ самой серединѣ тирады, что съ нихъ явно волочился какой-нибудь франтъ аа хорошею актрисою, между-тѣмъ-какъ, въ наказаніе за подобныя проделки, изъ партера слышались свистки. Мало-того: когда спектакль былъ особенно-привлекателенъ, у кулисъ ставили часовыхъ, для того, чтобы они сдерживали напоръ публики. — Эти сборища на сценѣ весьма-нерѣдко бывали поводомъ къ приключеніямъ крайне-забавнымъ. Разъ случилось, на-примѣръ, вотъ-что Во-время перваго представленія *Семирамиды*, у могилы Нинія столпилось столько народу, что часовой съ своею обязанностию закричать во все горло: «Пропустите тѣнь, господа! Сдѣлайте милость, пропустите тѣнь!»

Что-же касается до тогдашнихъ костюмовъ, то они совершенно зависѣли отъ личнаго произвола, и были нерѣдко даже просто нелѣпы, а особенно въ аллегоріяхъ. Вотъ вамъ примѣръ: когда было надобно представить *Витры*, — высылали на сцену актеровъ съ небольшими раздувальными мѣхами въ рукахъ. Или еще лучше: однажды вздумали изобразить *земной шаръ*. Какъ же его изобразили? Явился господинъ въ костюмѣ, испешренномъ на-подобіе ландкарты; на груди у него было написано крупными словами: Gallia; на одной ногѣ — Italia; на животѣ —

Germania; а на противоположной части — terra incognita. Однако-жь не слѣдуетъ думать, чтобы тогдашніе трагическіе артисты костюмировались не вѣрно-исторически по невѣжеству: въ ту-пору греческая и римская древность была извѣстна, если не болѣе, то ужъ ни какъ менѣе, чѣмъ теперь. Предки наши простодушно соображались съ своей пинтикою, которой основу составляло идеализированіе, и нисколько не заботясь о *мыслном колоритѣ*, вообще столь-часто обманчивомъ, требовали, чтобы сценической герой самимъ-собою и при самомъ появленіи своемъ пробуждалъ идею своего нравственнаго характера и своего положенія въ обществѣ. При Людовикѣ XIV, костюмъ для трагедіи и комедіи былъ одинъ и тотъ-же: французскій кафтанъ, трехъ-угольная шляпа съ перьями, длинный парикъ, бѣлыя перчатки, короткое исподнее платье, шолковые чулки, красныя каблуки. (Герои, впрочемъ, надѣвали еще нѣчто въ родѣ кирасы). Костюмъ этотъ, составлявшій въ обществѣ принадлежность особъ высшаго званія, производилъ сначала на сценѣ эффектъ довольно-выгодный; но потомъ, когда его измѣнили своенравіе моды и причуды артистовъ, онъ сталъ, просто, смѣшонъ. Около 1740 года, Римляне начали пудриться и, вмѣсто кирасы, носить корсеты и шарфъ черезъ плечо.

Наконецъ эти несообразности бросились въ глаза публикѣ. Разъ случилось, что *Густавъ Ваза*, изгнанный и скрывающійся, появился изъ пещеръ Далекарійскихъ, въ кафтанѣ изъ голубаго атласа, съ горностаевыми отворотами. Зрители засмѣялись; но на этотъ разъ засмѣялись еще потихоньку, про-себя, — потому-что имъ казалось какъ-то не ловко смѣяться громко надъ красавцемъ Дюфреномъ. Взрывъ смѣха разразился уже нѣсколько позже: это было въ «Оперѣ», когда зрители увидали, что Улиссъ, послѣ сильной и продолжительной бури, выходитъ изъ волнъ морскихъ въ великолѣпно-напудренномъ парикѣ. Преобразование сдѣлалось необходимымъ, и его предприняли—въ «Оперѣ» Шассе, во «Французской-Комедіи», Лекенъ и г-жа Клеронъ. Но переворотъ совершился все-таки не вдругъ, и французская прическа вмѣстѣ съ пудрою еще долго сохраняли свое владычество на сценѣ. Рѣшительный ударъ послѣдней нанесъ, наконецъ, весьма-неважный пѣвецъ. Ему слѣдовало играть роль Геркулеса. Онъ вышелъ на сцену съ напудренными, длинными волосами, и держа, въ одной рукѣ, палицу, а въ другой, — парикъ, напудренный до-бѣла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ жестъ его показывалъ явно, что онъ готовъ

возвратиться къ прежней модѣ, если пожелаетъ того публика. Между зрителями пронесся ропотъ одобренія и даль понять артисту, что ему прощаютъ его смѣлость. Пѣвецъ сдѣлался еще рѣшительнѣе: онъ сталъ въ позитуру полубога, а парикъ его полетѣлъ далеко на полъ, поднявъ цѣлое облако бѣлой пыли.... Ему отвѣчали громомъ рукоплесканій. Съ этого дня, сдѣлалось возможнымъ отважиться на все. Ларивъ принялъ прическу à la Titus; Тальма, подѣ влияніемъ живописца Давида, сблизился съ историческою истиною не только въ-отношеніи къ формѣ, но и въ-отношеніи къ самому свойству одежды древнихъ: простая шерстяная ткань замѣнила въ костюмѣ Римлянъ прежнія роскошныя ткани. Нынѣ, на всѣхъ театрахъ, даже на самыхъ смиренныхъ, есть актеры, которые умѣютъ *составлять* и носить историческіе костюмы. (Только не современные: о нихъ я не могу сказать того-же). Но и въ этомъ умѣнии костюмировать себя есть свое неудобство: иногда случается, что костюмы, вѣрные отдѣльно, вовсе не согласуются ни между собою, ни съ декорациями. Эффектъ понятенъ.

Въ-заключеніе, нѣсколько словъ о самой публикѣ. Нынѣ она какъ-будто отказалась отъ правъ своихъ. Современный намъ артистъ знаетъ почти одно только покупное одобреніе — одобреніе наемныхъ хлопальщиковъ. Между нынѣшнею холодною и прежнимъ жаркимъ участіемъ публики разниця неизмѣримая. Въ прежнія времена актеръ и зритель знали другъ-друга, понимали другъ-друга, одинаково знали и репертуаръ, и сценическія преданія, и правила искусства.... Между зрителями были даже такіе люди, которыхъ мнѣніе высоко цѣнили и первостепенные артисты. За-то и эти люди смотрѣли на свое значеніе въ закулисномъ мірѣ, какъ на дѣло важное, серьезное. Одобреніе ихъ не состояло изъ метафоръ и гиперболей, какъ одобреніе меломановъ нашего времени: любовь свою и уваженіе къ таланту артиста, они доказывали постоянствомъ разсудительнаго вниманія и дѣльными совѣтами. Они, такъ-сказать, были въ тайномъ со-

трудничествѣ съ артистами, и, слѣдовательно, имѣли иногда полное право на часть одобренія, которыми награждали актера за исполненіе мысли, внушенной имъ.

Если-бъ лучшіе умы нашего времени могли хорошо понять прелесть наслажденія тѣхъ, кого называли нѣкогда «любителями театра», если-бъ съ обильнымъ запасомъ сценическихъ познаній они попытались руководить нашихъ молодыхъ актеровъ, искусство, нынѣ видимо падающее, возстановилось-бы во всемъ своемъ прежнемъ блескѣ.

ДУМА.

Какъ дѣти или рабы, преданію послушны,
Какъ часто въ жизни мы взираемъ равнодушно
На то, что сердце намъ должно-бы разрывать,
Что слезы изъ очей должно-бы исторгать!
Мы плакать не хотимъ, мы не хотимъ терзаться,
И предразсудкамъ казни въ сомнѣніяхъ искать.
Не лучше-ль слѣпо имъ во всемъ повиноваться,
А въ бѣдствіяхъ судьбу спокойно обвинять,
И мимо жертвъ иди, шумящею толпою,
Вздыхать и говорить: Такъ велѣно судьбою!
А если совѣтъ, вдругъ проснувшись, скажетъ намъ :
Винovníкъ бѣдствій тѣхъ ты, жалкій смертный, самъ, —
Вопль сердца заглушить мы поспѣшимъ скорѣй,
Чтобы не отравить покоя нашихъ дней.

Когда-жъ, среди толпы, является порою
Пророкъ съ могучею, великою душою,
Съ глаголомъ истинны священнои на устахъ, —
Увы! отверженъ онъ.... Толпа въ его словахъ
Ученія любви и правды не находитъ ;
Ей кажется стыдомъ рѣчамъ его внимать,
И, вдохновенный, онъ, когда начнетъ вѣщать,
Съ насмѣшкой каждый прочь, махнувъ рукой, отходитъ....

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

РИЧАРДЪ СЕВЕДЖЪ

ИЛИ

МАТЬ И СЫНЪ.

ДРАМА ВЪ 5-ти ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Карла Гуцкова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Леди Мекельсфильдъ.

Виконтъ Мершель, ея зять.

Лордъ Тирконнель.

Лордъ Бервнкъ.

Лордъ Винчестеръ.

Ричардъ Севеджъ, знаменитый поэтъ.

Ричардъ Стиль, журналистъ, его другъ.

Миссъ Эленъ, актриса.

Лордъ Канцлеръ.

Томсъ, портной.

Китти, его жена.

Дворецкій леди Мекельсфильдъ.

Ея слуга.

Двое слугъ лорда Тирконнеля.

Подмастерье портнаго, безъ словъ.

Актеръ.

Стражи, маски, слуги.

Дѣйствіе происходитъ въ Лондонѣ, въ 172* году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната въ домѣ миссъ Эленъ; письменный столъ со всѣми принадлежностями, покрытый бумагами. Зеркало.

МИССЪ ЭЛЕНЪ, СТИЛЬ, ПОТОМЪ РИЧАРДЪ СЕВЕДЖЪ.

м. эленъ. Вы всегда во всемъ находите недостатки, все хвалите! Неужели вы надѣетесь этимъ выиграть въ моемъ мнѣніи?...

стиль. Напрасно вы называете это хулою, милый другъ! Вы играли вчера роль герцогини Анны превосходно; но вы исполнили-бы еще лучше характеръ этой женщины, если-бъ Глостеръ глубже проникнулъ въ свой характеръ. Страшный тиранъ подаетъ вамъ мечъ лишить его жизни... вы отвергнули его съ удивительнымъ правдоподобіемъ, но при всемъ томъ казалось, что одно только честолюбіе заставляло васъ принять эту покорность ужаснаго человѣка!

м. эленъ. Боже мой, неужели вы думаете, что любовь отдаетъ герцогиню въ объятія Ричарда?...

стиль. Не любовь, добрая Эленъ, не любовь.... Но мнѣ смѣшно, что я берусь объяснять вамъ, почему женщина можетъ забыть слабости мужчины! Ричардъ III чудовище, но чудовище гениальное; его рѣчи дышатъ такою гордостью, такимъ страшнымъ деспотизмомъ, что вся огромность его пороковъ невольно заставляеть Анну забыть эти пороки и любить въ немъ одну величавую его гордость....

м. эленъ. Которая, замѣйте себѣ, Стиль, всѣхъ мужчинъ дѣласть слишкомъ увлекательными.

стиль. Кромѣ насъ, бѣдныхъ рецензентовъ...

м. элленъ. Вы въ этомъ правы! Но, Стиль, зачѣмъ вы не бросите вашихъ вѣчныхъ придирокъ?... Когда во-время спектакля я одушевляю своей игрою зрителей; когда меня вѣнчаютъ лаврами, которыя я, по собственному убѣжденію, заслужила; когда во-время сна меня чаруютъ сладкія грезы, гдѣ мнѣ слышатся одни только громогласныя рукоплесканія, — вы являетесь ко мнѣ на другой день, чтобы дать мнѣ почувствовать всю горечь моего очарованія! Таковъ-ли Севеджъ? Онъ никогда не преувеличиваетъ своихъ похвалъ, потому-что за нимъ никогда не слѣдуютъ порицанія; онъ не входитъ, какъ вы, въ мою комнату съ пышными восклицаніями: «очаровательно, божественно, небесно, чтобъ потомъ пуститься въ безконечныя разсужденія съ своими: да, по, если бы...»

стиль. Ричардъ Севеджъ, милая Элленъ, плохой критикъ. У него рѣшается все первое впечатлѣніе. Какъ всѣ поэтическія натуры, онъ видитъ одно прекрасное, не хочетъ замѣчать дурного, и потому не вертится въ томъ страшномъ омутѣ полукрасоты, полустыни, недостатковъ, заблужденій, которые составляютъ всю сферу истиннаго критика. Мнѣ кажется, миссъ Элленъ, что хорошій драматическій артистъ долженъ болѣе дорожить похвалою ума, нежели фантазіи...

м. элленъ. Что мнѣ въ вашемъ умѣ, въ вашей критикѣ? Выбирайте себѣ другіе предметы для вашего остроумія и насмѣшекъ. Почему-же мы, актеры, должны непременно подвергаться имъ? Я вижу, Стиль, что вся злость, съ которою вы судите въ своемъ журналѣ о нашей сценѣ, происходитъ отъ-того, что вы смѣшиваете актеровъ съ министрами: вы не въ-силахъ проверить парламентъ, а потому хотите уничтожить Дрюриленъ; васъ забываютъ въ кабинетѣ короля — вы говорите, что мы, актеры, забывчивы, что у насъ нѣтъ памяти, что мы худо заучиваемъ свои роли. Если-бъ вамъ дали министерство...

стиль. Я постарался-бы тогда изъ театральной герцогини — сдѣлать настоящую... Но пойдемте, я провожу васъ въ «Шекспиръ-клубъ».

м. элленъ (*поправляясь передъ зеркаломъ*). Что дѣлаетъ Севеджъ? Я такъ давно его не видала, а мнѣ надо еще переговорить съ нимъ о его новой драмѣ и моей роли.

стиль. Странно, какая смѣшная идея занимаетъ его уже нѣсколько дней! Онъ говоритъ, будто-бы узналъ достоверно, что одна знатная дама высшаго общества — его мать.

м. эленъ. О! если-бъ это было справедливо! Вы знаете, какая грусть, печаль овладѣваетъ имъ всегда, когда зайдетъ рѣчь о его рожденіи! Бѣдный, онъ не знаетъ ни отца, ни матери, и никогда не могъ проникнуть тайны, кому обязанъ своею жизнью.

стиль (*иронически*). Я думаю, миссъ Эленъ, что для васъ самое печальное открытіе; въ этомъ случаѣ, было-бы то, что онъ вамъ братъ.

м. эленъ. Вы знаете, Стиль, что изъ всѣхъ мужчинъ я могла-бы любить только двухъ: слышать имя одного запрещаетъ вамъ скромность, другой — Севеджъ. Вы понимаете, которому-бы я отдала преимущество, если-бы Севеджъ, при всей своей пылкости, способенъ былъ подчинить свое сердце вліянію женщины. Но нѣтъ, онъ не способенъ къ этому, и я... (*задумывается, потомъ съ грустною улыбкою*) я люблю васъ, люблю потому, что вы другъ Севеджа!

стиль. Если холодность Севеджа къ женщинамъ происходитъ отъ-того, что онъ никогда не зналъ своей матери, почему знать — не найдетъ-ли онъ вмѣстѣ съ матерью и прекраснаго чувства любви?...

м. эленъ. Удивительный человекъ! Съ его поэтической душою, съ его пламеннымъ сердцемъ — эта безчувственность, эта холодность! Природа жестоко надъ нимъ посмѣялась: одними чувствами она одарила его съ избыткомъ, другихъ въ немъ вовсе нѣтъ! (*Задумывается*).

СЕВЕДЖЪ (*поспѣшно входитъ*). А, ты здѣсь, Стиль? Весь Лондонъ, весь свѣтъ знаетъ мою радость — ты одинъ не знаешь! Я нашла свою мать!

м. эленъ. И вы дѣлитесь теперь вашею радостью съ однимъ Стилемъ?...

СЕВЕДЖЪ. Добрая миссъ Эленъ, вамъ я скажу ея безцѣнное имя: леди Мекельсфильдъ!

м. эленъ. Леди Мекельсфильдъ, эта законодательница большаго свѣта?

стиль. Великая женщина! Она подарила свѣту величайшаго поэта нашей эпохи, Ричарда Севеджа, и новое украшеніе для головнаго убора дамъ, которое теперь въ такой модѣ!

СЕВЕДЖЪ. Друзья, пока я знаю только то, что она должна имѣть сердце, полное самой нѣжной, самой безпредѣльной любви! Показанія моихъ воспитателей, согласіе свидѣтелей, церковныя книги — все говоритъ мнѣ, что я сынъ графа Риверса!

Онъ былъ такъ счастливъ, что понравился моей матери прежде, чѣмъ просилъ руки ея... Смерть графа и предложеніе лорда Мекельсфильда помѣшали мнѣ получить права моего рожденія. Я попалъ въ руки безсовѣстныхъ воспитателей, которые меня лишили моего происхожденія, мою бѣдную мать — ея сына!... Кляпуться, за каждую слезу, которую пролила за меня моя несчастная мать, эти подлые обманщики, выдумавшіе пелѣвную сказку о моей смерти, — заплатятъ мнѣ каплями своей крови!... Чтѣ у меня украли званіе лорда — о, это можно было равнодушно перенести поэту, который своимъ перомъ былъ въ состояніи написать себѣ дворянскую грамоту! Но когда вспомню, что меня лишили матери, что бѣдную мою юность сдѣлали безуханнымъ цвѣткомъ, мое сердце печальною пустынею, въ которую никогда не пропикалъ теплый лучъ нѣжной, сладкой любви матери, — о, всю огромность этого похищенія можетъ понять только тотъ, кто, подобно мнѣ, можетъ сказать себѣ: я нашелъ ту, которой обязанъ жизнию!...

м. эленъ. Вы говорите о своей матери, Ричардъ, какъ о прекрасной подругѣ вашего сердца!

СЕВЕДЖЪ. Друзья, мнѣ раскрывается совершенно-новая жизнь! До-сихъ-поръ я дремалъ, теперь пробуждаюсь. Ключъ безпорядочныхъ, нестройныхъ нотъ моего существованія, котораго только и не доставало для полнаго моего счастья — нашелся; эти ноты превращаются въ очаровательную гармонію, въ которой всѣ мертвые знаки прошедшаго — оживотворяются, дышать райскимъ блаженствомъ! Мои надежды, мои намѣренія получаютъ свѣтъ отъ моего солнца — моей матери; я нашелъ точку, съ которой жизнь моя представляется мнѣ стройнымъ, очаровательнымъ ландшафтомъ. Существованіе женщины, этого милаго творенія Божія, проявляется мнѣ отнынѣ роскошнымъ, пышнымъ цвѣткомъ, чаруетъ мое сердце, господствуетъ надъ моимъ умомъ, моими помыслами! Мнѣ кажется, будто я теперь только понимаю, что всѣ предметы отбрасываютъ тѣнь, всѣ звуки повторяются эхомъ, всѣ отношенія жизни имѣютъ свои правила, свой прекрасный законъ!

м. эленъ. Но... если вы ошиблись, Севеджъ, въ своемъ открытіи... (Умоляетъ). О, скажите, останутся-ли при васъ эти дивныя очарованія?

СЕВЕДЖЪ. Ошибся?... (Вынимаетъ изъ кармана пакетъ бумагъ). Смотрите, друзья — вотъ письма и свидѣтельства! Что я нашелъ свою мать — это такъ-же вѣрно, какъ то, что мы умремъ, воскреснемъ! Читай Стиль! (Отдаетъ ему бумаги). Разсмотри,

ислѣдуй каждую букву этихъ писемъ, вообрази себѣ, что это древній манускриптъ, подлинность котораго ты хочешь доказать, не пожалѣй труда пересмотрѣть каждую точку, запятую, — и ты увидишь, что я дѣйствительно нашелъ мать свою!

м. эленъ. Давно-ли вы открыли эту тайну?

севеджъ. Со вчерашняго дня.

м. эленъ. И вы не бросились еще къ ея ногамъ?... Правда, у нея вчера былъ великолѣпный балъ...

севеджъ. Признаюсь вамъ, миссъ, я не могу преодолѣть въ душѣ своей какой-то ужасной робости. Сто разъ стоялъ я, со вчерашняго дня, передъ ея великолѣпнымъ домомъ и неподвижно смотрѣлъ на окна, которыя были освѣщены почти всю ночь. Звуки музыки, къ которымъ я прислушивался, очаровывали меня, настроивали къ невольной грусти, и я то плакалъ, то смѣялся отъ радости. Я тихо подкрался къ подъѣзду ея дома и съ дѣтской радостью прильнулъ устами къ мраморной ступени, до которой прикасалась нога моей матери!...

стиль (который между-тѣмъ былъ занятъ бумагами). Все эти бумаги единогласно подтверждаютъ справедливость твоего интереснаго открытія.... Изъ нихъ можно сдѣлать такой-же любопытный романъ, какъ и процессъ, который во всякомъ случаѣ долженъ выиграть.

севеджъ (подавая бумаги миссъ Эленъ). Разсмотрите ихъ! Мое открытіе также несомнѣнно, какъ безсмертіе Шекспира! Я болѣе не медлю — и сего-же дня возвращу матери потеряннаго сына!

м. эленъ. Но увѣрены-ли вы, Ричардъ, что вашей матери будетъ пріятно вспомнить проступокъ своей юности?

севеджъ (съ увѣренностію). У моей матери великая душа.

стиль. За-то добрая слава такъ мала, что отъ нея уже нельзя многого отнять!

севеджъ. Ты повторяешь слова безсмысленной толпы!... Если мать моя, леди Мекельфильдъ, не захочетъ признаться, что она своимъ проступкомъ юности сдѣлалась матерью Ричарда Севеджа...

стиль. Какъ гордо — Ричарда Севеджа!

севеджъ. Да, Стиль, гордо, гордо, — вопреки всеѣмъ вашимъ недѣльнымъ изданіямъ!

стиль. Успокойся, твоя новая піеса будетъ превознесена до небесъ прежде, чѣмъ ее дадутъ. Итакъ, если леди Мекельфильдъ не захочетъ признать тебя сыномъ?...

СЕВЕДЖЪ. То мое счастье, къ-сожалѣнію, останется для свѣта тайною. Я буду ея сыномъ только на-единѣ съ нею, только въ уединенной комнатѣ ея дома...

СТИЛЬ. Если не найдешь ее занятою однимъ изъ прежнихъ ея обожателей...

СЕВЕДЖЪ. Перестать! Мнѣ надоѣли твои вѣчныя насмѣшки и колкости!... Если она сохранила огонь своей юности и на старость, если она съ охотою подноситъ къ устамъ своимъ чашу радостей и ловить въ ней розовые листья, плавающіе въ винѣ — она мать Ричарда Севеджа, мать поэта! Его фантазіи, его страсть къ разгульной жизни, его страшныя заблужденія — откуда они, какъ не отъ матери?... О, если она, подобно пчелѣ, и перелетаетъ черезъ плетни и заборы вѣхъ приличій, чтобы собрать медъ для своего улья, — неужели она, эта вѣчно-юная, веселая, безстрашная женщина не будетъ мнѣ матерью?...

М. ЭЛЕНЬ (*возвращая бумаги и съ чувствомъ*). Самое пламенное мое желаніе, добрый Ричардъ, — чтобы послѣдняя печать, которая будетъ положена на эти бумаги — былъ поцѣлуй леди Мекельсфильдъ, чтобы эту гордую женщину, которой вы посвящаете весь пламень вашего благороднаго сердца, не отвергнуло небо, куда должна перенестись любовь подобнаго сына... Прощайте, Ричардъ! Стилъ, намъ пора отправиться въ засѣданіе.

СЕВЕДЖЪ (*обнимая миссъ Элленъ*). Добрая, несравненная миссъ Элленъ! И ты, Стилъ, (*подавая ему руку*), вѣрный другъ мой! Вы раздѣляете со мною мою радость, вы счастливы моимъ счастьемъ!... (*Послѣ краткаго молчанія*). Я останусь на минуту въ вашей комнатѣ, миссъ; мнѣ подобно написать нѣсколько писемъ, и вы, вѣрно, позволите мнѣ исполнить это на вашемъ письменномъ столѣ... я не стану ничего читать...

М. ЭЛЕНЬ. Читайте, читайте Ричардъ! О, я увѣрена, что если-бъ вы на этомъ столѣ увидѣли и смертный приговоръ мой, — вы приняли-бы его за ничтожный счетъ какой-нибудь швей... Что вамъ до миссъ Элленъ!... Пойдемте, Стилъ!

(*Оба уходятъ.*)

СЕВЕДЖЪ (*одинъ, стоя, пишетъ нѣсколько писемъ, которыя кладетъ къ себѣ въ карманъ, съ продолженіемъ чего говоритъ*). Она, кажется, права — моя голова обратилась въ платяной шкафъ, весь наполненный гардеробомъ; эту записку надо отослать къ королевскому портному. Мнѣ должно одѣться какъ можно приличнѣе; кредитъ у меня есть — вѣдь я... сынъ... леди Мекельсфильдъ! Мнѣ надо нанять великолѣпную квартиру, чтобы своей

пищетою не опечалить матери, привыкшей къ великолѣпно и блеску. Она не должна знать, что я донынѣ подвергался отвратительной пуждѣ, пишеть, что я часто зимой, въ пенасть, долженъ былъ согрѣваться прометейскими искрами своихъ фантазій и пламенныхъ мечтаній... Боже, нѣтъ ничего гнуснѣе, какъ съ своею жалкою бѣдностію являться на глаза другимъ людямъ и парушать ихъ безпечность и счастливую жизнь своимъ несчастіями, до которыхъ имъ нѣтъ никакой пужды!... Это письмо къ еврею Миттюсу, — мнѣ нужны деньги; моя мать все заплатитъ; она откроетъ мнѣ свои шкатулки и скажетъ: Ричардъ, вотъ золото, вотъ серебро, банковые билеты — выбирай что хочешь!... Эту записку — хозяйкѣ «Золотаго-гребня», гдѣ меня такъ жестоко обобрали; пусть она представитъ мнѣ счетъ — я заплачу ей — и никогда не возвращусь болѣе въ ея дымное, отвратительное логовище. Смѣшно, я наслаждался въ этомъ вертепѣ зрѣлищемъ пьяныхъ, порочныхъ матросовъ, я дружилъ съ ними для того только, чтобы, глядя на нихъ, утѣшить себя мыслию, что ихъ развратное, гнусное поведеніе — шже моихъ несчастій... (Подходя къ зрителямъ.) О, какъ все это теперь переменялось! Мнѣ кажется, будто я выхожу изъ мрачной, сырой пещеры на свѣтъ Божій, и глаза мои не могутъ еще привыкнуть къ этому блеску, къ этой свѣтлой надеждѣ на счастье!... Она, эта величественная, эта высокая женщина, — должна будетъ ободрять, утѣшать меня, а я... я не принесу ей ничего болѣе, кромѣ безцѣннаго, милаго мнѣ слова: «мать моя!» Она принуждена будетъ думать, дѣйствовать, говорить за меня, — я буду только въ состояніи смѣяться и плакать... Что-жь, я предстану предъ нею не жалкимъ нищимъ, чего такъ злобно желала судьба моя, — нѣтъ, я преодолѣлъ все преграды, я побѣдилъ судьбу свою и на-зло ей, — я положу къ ногамъ своей матери лавровую вѣтвь славы поэта и скажу ей: я стремился къ высотѣ, я трудился, работалъ, самъ не зная, кому все это принесетъ въ послѣдствіи честь и славу! Она, вѣроятно, знаетъ мои сочиненія, она знаетъ, что обо мнѣ писали Стиль, Аддисонъ, Джонсонъ, что я не изъ числа дюжинныхъ рифмоплетовъ, которые трудятся болѣе для славы, чѣмъ надъ славою!... Рѣшаюсь! Отправляю эти письма — и потомъ къ ней! Еще сегодня я долженъ превратить начальные вѣнки, висящіе въ ея воображеніи надъ мнимою моею могилою — въ розы радости и счастья; волшебною силою я обращу ея слезы обо мнѣ въ жемчужную нить, которая обвяжетъ насъ навѣчно-неразрывными узами! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ II.

(Великолѣпная комната въ отели леди Мекельсфильдъ.)

ЛЕДИ МЕКЕЛЬСФИЛЬДЪ; ЛОРДЪ ВИНЧЕСТЕРЪ И ЛОРДЪ БЕРВИКЪ входятъ съ лѣвой стороны. ВИКОНТЪ МЕРИШЕЛЬ уже вошелъ и ожидаетъ.

ЛОРДЪ ВИНЧЕСТЕРЪ. Мы оставляемъ васъ, леди, оба обнаженные, а между тѣмъ только одному изъ насъ можетъ выпасть ваше благосклонное позволеніе....

ЛЕДИ (*граціозно*). Что мнѣ дѣлать съ вами, господа? (*Посль краткаго молчанія*.) Я рѣшаю такъ: вашъ жокей, милордъ, долженъ быть на скачкѣ одѣтъ въ желтое платье, а вашъ, милордъ, въ голубое; такимъ образомъ оба эти цвѣта составятъ мой любимый цвѣтъ, — и тогда вы должны будете остаться друзьями!

ЛОРДЪ БЕРВИКЪ. Приговоръ суровъ, но мудръ.

(*Оба уходятъ, кланяясь.*)

ЛЕДИ (*обращаясь сердито къ лорду Мерिशелю*). Вы опять въ Лондонѣ, вы опять хотите мучить меня своими тяжбами?

ВИКОНТЪ (*во-все время злобно*). Это будетъ зависть отъ васъ, леди!

ЛЕДИ. Что-жъ, вы думаете, что я стану жертвовать вамъ своимъ имуществомъ, стану платить ваши долги, которые вы дѣлаете своею жалкою страстью къ игрѣ?

ВИКОНТЪ. Мнѣ кажется, миледи, что мы напрасно будемъ упрекать другъ друга въ нашихъ страстяхъ и заблужденіяхъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ одинакія права на имѣніе моего покойнаго брата.

ЛЕДИ. Признаюсь, изъ всѣхъ заблужденій моего мужа, — самое непростительное было то, что онъ назначилъ вамъ часть наслѣдства и тѣмъ отнялъ у меня свободу располагать моимъ имуществомъ....

ВИКОНТЪ. Вашимъ имуществомъ?.... Не называйте, леди, вашимъ имуществомъ того, что сдѣлается моимъ, если только я переживу васъ. Нечего сказать, мой братъ былъ набитый ду-

ракъ — иначе онъ никогда не женился-бы на васъ; впрочемъ, все безразсудство своей жизни онъ загладилъ тою благородною мыслію, которую изъявилъ на смертномъ одрѣ своемъ.... Миледи, (*вынимаетъ изъ бокового кармана бумагу*) вотъ вексель въ 10 тысячъ фунтовъ... Я надѣюсь, что вы будете такъ добры и снисходительны, что подпишете его.

леди (*держитъ вексель на свѣтъ и смѣясь.*) Кто поручится, что эти цифры не написаны такими чернилами, которые легко позволяютъ изъ 10-ти сдѣлать 20-ть тысячъ; кажется, милый зять, вы не въ первый разъ докажете намъ, какъ глубоко вы изучили въ Парижѣ всѣ тайны химіи.

виконтъ. Когда мой братъ подписывалъ съ вами свадебный договоръ, — смотрѣлъ-ли онъ его, миледи, на свѣтъ, чтобъ убѣдиться, что въ немъ не вписано симпатическими чернилами имя извѣстнаго вамъ сына графа Риверса?....

леди. Къ вамъ чудесно идетъ читать морали...

виконтъ. Слава Богу, что вашъ сынокъ умеръ прежде, нежели о немъ узналъ мой братецъ: онъ былъ такой добродушный дурачокъ, что какъ-разъ усыновилъ-бы его и въ завѣщаніи, — для него, пожалуй, забылъ-бы о родномъ братѣ....

леди. Жалкій человѣкъ, за чѣмъ ты такой трусъ? Если-бъ ты пускался въ дуэли, я надѣялась-бы тогда, что какой-нибудь искусный дуэлистъ освободитъ меня отъ твоего тягостнаго существованія!.... Ты не перестуналъ-бы болѣе черезъ порогъ моего дома, не писалъ-бы ко мнѣ писемъ, которые подписываешь въ игорныхъ домахъ; не сравнивалъ-бы моихъ чувствъ и наклонностей съ тѣми презрѣнными тварями, которымъ платишь деньги, лишь-бы они приняли твое измятое сердце!.... Я вамъ приплю вексель.

виконтъ. Только не смѣшайте его, пожалуйста, съ какимъ-нибудь любовнымъ письмецомъ, которыхъ вамъ такъ много надо разсылать, и которое, по ошибкѣ, можетъ какъ-разъ попасть ко мнѣ.... Впрочемъ я желалъ-бы этого: я забылъ-бы всѣ векселя въ мірѣ, и, закутавшись въ широкій плащъ, чтобъ вы меня не узнали, не замедлилъ-бы явиться къ одному изъ вашихъ увлекательныхъ свиданій, которыхъ у васъ, какъ я слышалъ, очень много....

слуга (*входитъ.*) Сиръ Ричардъ Севеджъ!

леди (*припоминая.*) Я кажется не знаю его! (*Слугѣ.*) Принять по уходѣ виконта!

(*Слуга уходитъ.*)

виконтъ. Гм, не знаете! Впрочемъ я не стану мѣшать вашему знакомству съ этимъ, вѣроятно, молодымъ человѣкомъ. До свиданія, миледи! Завтра я ѣду во Францію. Прощайте! (Уходитъ.)

ЛЕДИ (играя векселемъ.) Мнѣ кажется, я никого въ жизни не ненавидѣла болѣе этого гнуснаго человѣка.... развѣ графа Риверса, когда онъ мнѣ измѣнилъ! (Задумывается.) Какъ много протекло съ-тѣхъ-поръ времени!...

СЕВЕДЖЪ (входитъ въ смущеніи и медленно идетъ впередъ.)

ЛЕДИ. Сиръ?....

СЕВЕДЖЪ (приближается.)

ЛЕДИ. У васъ есть ко мнѣ дѣло?

СЕВЕДЖЪ (подходитъ къ ней и осматриваетъ съ робостію.) (Въ-сторону.) Я вовсе не ожидалъ этого.... и между тѣмъ.... еслибъ она знала.... еслибъ я былъ въ-силахъ сказать ей....

ЛЕДИ. Ваше имя, сиръ?

СЕВЕДЖЪ. Ричардъ Севеджъ.

ЛЕДИ. Я что-то не помню....

СЕВЕДЖЪ (быстро.) Вы не помните, вы не знаете Ричарда Севеджа?

ЛЕДИ (привѣтливо, но въ затрудненіи.) Ахъ, вы, вѣрно, пришли рисовать съ меня, — вы художникъ.... Но что я говорю.... вы, вѣрно, хотите дать концертъ, вамъ нужно покровительство.... Нѣтъ?.... Такъ объяснитесь, сиръ!

СЕВЕДЖЪ (бользненно въ сторону.) Боже, заря свѣтлой надежды моей угасаетъ!... Она не знаетъ, она не хочетъ знать причину тому, чѣмъ должна обладать! (Обращаясь къ леди робко.) Миледи, Ричардъ Севеджъ — молодой поэтъ, который не совсѣмъ несчастливъ въ своихъ поэтическихъ попыткахъ.... Онъ подарилъ сценѣ нѣсколько пьесъ, которыя были повторяемы....

ЛЕДИ. А, такъ вы принадлежите къ той кастѣ, которая старается опять ввести въ моду Шекспира?.... Вы, вѣроятно, желаете, чтобъ я участвовала въ засѣданіи тѣхъ дамъ (насмѣшливо), которыя пламеннымъ своимъ воображеніемъ, а болѣе денежными средствами, такъ сильно содѣйствуютъ къ возобновленію этого устарѣлаго драматурга?.... Нѣтъ, сиръ, я предпочитаю тѣ сочиненія, которыя соединяютъ въ себѣ британскую силу съ тонкостію и нѣжностію французской граціи....

СЕВЕДЖЪ. Миледи, Британка....

ЛЕДИ. Оставьте это — я вообще чувствую отвращеніе ко всему, что называется литературою.... Литераторы — это какія-то

взбалмошныя головы, которыя свои глупыя бредни вѣчно выдаютъ за высокія вдохновенія и насильно навязываютъ читателямъ! Это болѣею частію молодые люди, изъ низшаго званія, которыя еще сносны, пока все ихъ понятія и воззрѣнія на жизнь основываются на честолюбіи проникнуть въ высшій свѣтъ, но, которые дѣлаются нестерпимыми, когда, при всемъ своемъ врожденномъ недостаткѣ понимать тонкія отношенія свѣта, они толкуютъ объ этихъ отношеніяхъ, на-вѣчно для нихъ закрытыхъ....

СЕВЕДЖЪ. Миледи, вы терзаете мое сердце, а между-тѣмъ... (*Въ полголоса*). Въ ея заблужденіи, въ ея упрямствѣ, заключается что-то такое, что дѣлаетъ еще увлекательнѣе торжество побѣдить ее!... (*Къ леди рѣшительно*). Миледи, разглядите меня!

ЛЕДИ. Что это значить?

СЕВЕДЖЪ. Всмотритесь въ меня.... разглядите мои глаза, черты лица моего — и прислушайтесь, что скажетъ вамъ ваше сердце?

ЛЕДИ. Я васъ не понимаю!

СЕВЕДЖЪ. Я пришелъ открыть вамъ важную тайну, открыть могилу. Но я желалъ-бы, чтобъ голосъ природы предупредилъ меня въ этомъ, что-бы вы сами, миледи, сорвали эту тайну съ моихъ трепещущихъ губъ!

ЛЕДИ. Вы пугаете меня, сиръ! Что значать слова ваши?

СЕВЕДЖЪ. Праведный Боже! Неужели я долженъ пройти тысячу мученій прежде, нежели достигну своего счастья? И дикій звѣрь привязывается къ своему хозяину, и хищная птица любить птенцовъ своихъ, а здѣсь.... здѣсь.

ЛЕДИ (*въ ужасѣ и готовая уйдти*). Ваши сравненія....

СЕВЕДЖЪ. Худо составлены!... Но къ чему я мучу и себя и васъ! Выслушайте меня, миледи. У васъ былъ сынъ, названный, по имени отца, Ричардомъ.... Леди Мазонъ, ваша мать, страдая къ вамъ и бѣдному малюткѣ, отдала его на воспитаніе честному школьному учителю въ Сентъ-Альбансѣ.... Лордъ Риверсъ умеръ, леди Мазонъ тоже, и Ричардъ перешелъ въ руки бѣдныхъ людей, которые его воспитали, а не схоронили, — не схоронили, миледи! Вашъ Ричардъ живъ — онъ у ногъ своей матери! (*Падаетъ къ ногамъ ея*).

ЛЕДИ. Что это? Какой низкій обманъ! Удалитесь! Вонъ, вонъ!

СЕВЕДЖЪ. Мать!...

ЛЕДИ. Низкій, презрѣнный лжець!

СЕВЕДЖЪ. Мать, по гдѣ-же голосъ природы?

ЛЕДИ. Ужъ, вѣрно, не тамъ, гдѣ заговорить голосъ законовъ!
(Спѣшитъ къ столу и сильно звонитъ).

СЕВЕДЖЪ. Матушка, добрая матушка!

(Слуга явлется въ дверяхъ).

ЛЕДИ. Созови весь домъ! (Слуга машетъ рукой). Чего хотятъ отъ меня? (Двери растворяются и нѣсколько лакеевъ входятъ нерѣшительно. Леди, обращаясь къ нимъ). Чтобъ этотъ господинъ никогда не переступалъ черезъ порогъ моего дома! (Къ Севеджу). Низкій человекъ! (Быстро уходитъ).

СЕВЕДЖЪ. Всемогущій Боже, возможно-ли это?

(Слуги приближаются).

=

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната Стиля. Столъ, покрытый бумагами.

СТИЛЬ, ПОТОМЪ ТИРКОННЕЛЬ.

СТИЛЬ (входитъ въ усталости). Непостижимо, какъ трудно забавлять свѣтъ! Надо быть въ вѣчной дѣятельности, въ вѣчномъ напряженіи, чтобъ успѣвать ловить эти тысячи слуховъ, мнѣній, толковъ, прежде, чѣмъ они устарѣють; не успѣешь усвоить себѣ одного происшествія, чтобы въ живой и пріятной формѣ передать его публикѣ, какъ уже что-нибудь другое должно обратиться на себя наше вниманіе! Журналистъ не наслаждается увлекательностію своей дѣятельности: для него одинъ день погоняетъ другой; межъ-тѣмъ, какъ публика читаетъ сегодняшній номеръ, я уже гонюсь за-чѣмъ-нибудь другимъ, что мнѣ нужно еще черезъ недѣлю! Опять весь столъ заваленъ письмами! (Подходитъ къ

столу и садится). Гм! Безыменные сочиненія, которыя, хотя и оставляешь сперва безъ вниманія, а потомъ все-таки напечатать! Это, кажется, безыменные пасквили на редакцію — нечего сказать: половина пуль, которыя мы пускаемъ въ толпу — дѣлаетъ славные рикошеты.... Это что? «Описание пронырствъ при послѣднемъ избраніи парламента». — Очень-радъ!... «Восточная сказка»... вѣрно, сатира на министровъ! — Страшная угроза, что журналъ мой запретятъ — пустая тревога!... Вызовъ на дуэль молодого рифмоплета, котораго лирическія стихотворенія я сравнивалъ съ корью и другими дѣтскими болѣзнями — не дурно!... Записка отъ миссъ Эллепъ... (Встаетъ). Вотъ созданіе, достойное высокой любви! (Читаетъ). Она въ восторгѣ, что новая піеса Севеджа должна произвести такое сильное впечатлѣніе на леди Мекельсфильдъ! Но поѣдетъ-ли эта жестокая женщина, смотрѣть піесу своего сына?...

лордъ тирконнелъ (поспѣшно входитъ). Сиръ, я къ вамъ по-дѣлу, которое занимаетъ теперь весь Лондонъ... Безчеловѣчная жестокость леди Мекельсфильдъ къ ея сыну.... Вы знаете, сиръ, что Ричардъ Севеджъ ея сынъ?...

стиль. Позвольте узнать ваше имя?...

лордъ тирконнелъ. Лордъ Тирконнелъ....

стиль. А, я знаю васъ, милордъ!... Вы долго были самымъ пламеннымъ обожателемъ матери Ричарда, — сначала не совсѣмъ были несчастливы, потомъ получили полную отставку, и теперь, вѣроятно, хотите воспользоваться...

лордъ тирконнелъ (прерывая его). Случаемъ отметить ей? О, нѣтъ, сиръ!... Но признаюсь вамъ, я ненавижу эту женщину, и къ-сожалѣнію, не нахожу въ себѣ столько силы, чтобъ отказать моей безпредѣльной къ ней ненависти въ пищѣ, которую мнѣ доставляетъ само поведеніе ея...

стиль. Чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ?

лордъ тирконнелъ. Ваше перо, Стиль, остро, какъ орудіе палача.

стиль. Благодарю, милордъ!

лордъ тирконнелъ. Вы въ состояніи, сиръ, все безславіе этой женщины, отвергающей своего сына, презираемой цѣлымъ Лондономъ, описать живыми красками въ вашемъ журналѣ. Вы должны передать потомству ужасную повѣсть о женщинѣ, которая, при всѣхъ непреложныхъ доказательствахъ, при всемъ убѣжденіи, — прѣтвится материнскимъ чувствамъ и отвергаетъ съ ледяною холодностію сына, — сокровище, которому завидуютъ всѣ

матери! Не говоря о славѣ Севеджа, — скажите, гдѣ найдете вы сына, который съ такимъ постоянствомъ, съ такимъ смиреніемъ сносилъ-бы такую жестокою прихоть своей матери! Она не принимаетъ его въ свой домъ, — а его умоляющій взоръ прикованъ къ ея окнамъ. Она рветъ его письма, — онъ счастливъ, если возвратитъ себѣ кусочки, къ которымъ прикасались ея руки!... Она чудовище, о которомъ говорить весь Лондонъ, о которомъ должны заговорить журналы!

стиль. Милордъ, Ричардъ Севеджъ миѣ другъ, я сожалею о его участи, — но миѣ не нравится его поведеніе! Миѣ кажется, что мужчинѣ неприлично позволить кому-бы то ни было унижать себя до такой стипени!

лордъ тирконнель. Но, вѣдь она — его мать...

стиль. Развѣ любовь дитяти цѣлуется розгу, которая его наказываетъ?...

лордъ тирконнель. Но вы представьте себѣ его юность, проведенную въ тяжкихъ думахъ о своемъ происхожденіи, въ думахъ, что у него нѣтъ ни отца, ни матери, и вдругъ внезапно онъ узнаетъ, что одна изъ первыхъ дамъ государства — его мать! Онъ, поэтъ, гений — жилъ, какъ я слышалъ, на произволъ судьбы, подвергаясь опасности погибнуть въ безпутномъ обществѣ... Онъ зналъ свѣтъ только изъ книгъ; любовь, женщина — для него не существовали; все прекрасное, все высокое было извѣстно ему только въ области изящныхъ искусствъ.... И вотъ онъ находитъ мать свою, онъ только теперь понимаетъ жизнь, чувствуетъ себя на своемъ мѣстѣ, находитъ фокусъ своему сердцу, нить жизни....

стиль. Вы, можетъ-быть, и правы, но я все-таки не одобряю поведенія Севеджа. Со дня своего несчастнаго открытія, онъ погрузился въ морѣ долговъ, изъ котораго не въ силахъ избавить его всѣ друзья его. Съ увѣренностью, что онъ долженъ прилично являться передъ своей матерью, — онъ закупилъ всѣ магазины города, завелъ экипажи, лошадей, нанялъ великолѣпную квартиру....

лордъ тирконнель. Я богатъ — и готовъ всѣмъ служить ему.

стиль. Ричардъ Севеджъ похожъ на преступника, который, тысячу разъ наказанный, не можетъ оставить свою страсть къ преступленіямъ: всѣ деньги, которые ему передаютъ друзья его, онъ тратитъ только на то, чтобъ во всемъ согласоваться съ своею матерью, чтобъ сто разъ въ день прокатиться четверкою

мимо ея дома, подкупать ея слугъ, дѣлать ей сюрпризы, давать великолѣпные вечера, чтобъ о немъ говорилъ весь городъ....

лордъ тирконнелъ. И все это для такой матери.... И вы допускаете это, Стилъ, вы, которые основали нашу журналистику, вы, которые куете олимпійскія стрѣлы общественнаго мнѣнія.... Не изъ вашей-ли руки эти стрѣлы разрушительно ударяются въ ложныя и обманчивыя мнѣнія нашихъ испорченныхъ правовъ и понятій?

стилъ. Положимъ, положимъ, милордъ! Но чѣмъ опустошительнѣе мое орудіе, тѣмъ осторожнѣе надо имъ дѣйствовать. Общественное мнѣніе не всегда правосудная Фемида, гораздо чаще она Гарпія, которая не возвращаетъ того, что разъ отняла....

лордъ тирконнелъ. Но леди Мекельсфильдъ заслуживаетъ поощреній свѣта....

стилъ. Точно-такъ, какъ ихъ заслуживаетъ и Севеджъ. Онъ, какъ кажется, преувеличиваетъ свою любовь къ матери. То онъ вскакиваетъ на ступень скачущей ея кареты, и осыпаетъ ее цвѣтами, то прибываетъ стихи къ ея дому, то бросаетъ къ ней въ ложу букеты... Поѣдетъ-ли леди Мекельсфильдъ въ паркъ — онъ за нею; въ Ситі — и онъ туда; въ церковь — онъ и тамъ не оставляетъ ея....

лордъ тирконнелъ. Она посѣщаетъ нынче церковь?...

стилъ. Пока все это пустая комедія, милордъ! Только тогда, когда я увижу, что Севеджъ дѣйствительно несчастливъ, что онъ броситъ все свои глупости и перестанетъ жить княземъ въ ожиданіяхъ, что мать за все заплатитъ, только тогда, когда я увижу, что она остается холодною, равнодушною къ необычайному уепѣху новой драмы Севеджа, которая сегодня будетъ представлена на Дрюриленѣ, — только тогда вы можете обратиться ко мнѣ съ вашею просьбою.

лордъ тирконнелъ. Тогда я представлю вамъ біографію этой женщины, написанную моею собственною рукою... Между-тѣмъ вы изучайте все ученія о ядахъ, зоологію африканскихъ пустынь, изучайте заблужденія женскаго ума со-временъ Мессалины до Катерины Медичи — и все-таки вы должны будете у меня заимствовать картины и сравненія, чтобъ вполне изобразить характеръ леди Мекельсфильдъ! Всю горечь вашихъ выраженій, прощій, сарказмовъ — о, сберегите ихъ, Стилъ, для этой знаменитой біографіи! (Ласково). Я поклоняюсь уму вашему, Стилъ, я давно принадлежу къ числу вашихъ друзей, я раздѣляю съ вами

ваши политическія мнѣнія... я... но я мѣшаю вашимъ занятіямъ; Вамъ такъ дорого время... Прощайте! (*Уходитъ*).

стиль (*съ презрѣніемъ смотритъ ему въ-слѣдъ*). О, жалкій родъ людской! Тотъ хочетъ явить себя міру защитникомъ добродѣтели и несчастья; другой, напрасно пролюбезничавъ нѣсколько лѣтъ съ гордою аристократкой, хочетъ подъ старость любезничать съ общественнымъ мнѣніемъ!... Но ты правъ, лордъ Тирконнель, — я не долженъ отказаться отъ твоего предложенія; — видно ужъ въ этомъ мірѣ нельзя вообразить себѣ истины, къ которой не вела-бы скрытная лѣстница интереса! (*Уходитъ въ сторону*.)

ЯВЛЕНИЕ II.

Улица. На-лѣво домъ леди Мекильфильдъ. Сумерки.

СЕВЕДЖЪ, ПОТОМЪ СЛУГА ЛЕДИ.

СЕВЕДЖЪ (*въ плащѣ*). Семь часовъ!... Сегодня идетъ моя драма! Пусть себѣ безобразяютъ, пусть искажаютъ ее, — и безжизненнымъ трупомъ бросаютъ на посмѣяніе публики; пусть изъ моихъ героевъ дѣлаютъ деревянныхъ куколъ съ намалеванными рожами и управляютъ ими проволокой, проведенной изъ ихъ пустыхъ головъ въ спасительную кѣтку суфлера; пусть высокое представляютъ натянутымъ, добродѣтель — притворною, прекрасное слабымъ, безцвѣтнымъ; пусть стихи мои лишаютъ всей ихъ силы и гармоніи... мнѣ все-равно!... Мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла! Вотъ уже часъ, какъ я стою здѣсь, и не могу утѣшить себя мыслию, что она приметъ участіе въ твореніи своего сына, что она поѣдетъ въ Дрюриленъ! (*Ободряясь*). Чтожь, можетъ-быть она хочетъ подождать, пока это сочиненіе выйдетъ въ печати, можетъ-быть, ее тревожитъ мысль о неуспѣхѣ... (*Улыбаясь*). Это такъ естественно съ ея нелѣпнымъ французскимъ вкусомъ.... Въ ея домѣ все тихо и пусто.. Можетъ-быть, она съ трепетомъ, со страхомъ ожидаетъ, чѣмъ-то кончится представленіе... И ее... ее называютъ холодною! Если она меня и не признала, если она не хочетъ признать меня своимъ сыномъ... развѣ не я въ этомъ виноватъ? Я такъ внезапно, такъ неожиданно явился предъ нею... могла-ли она не испугаться моего воскресенія... могла-ли она съ

первой встрѣчи броситься ко мнѣ на шею?... Если она и дѣйствительно холодна, жестока — виновата-ли она въ этомъ?... Ея чувства, ея умъ управляются правилами, расчетами большого свѣта, въ которомъ стынетъ сердце, леденеетъ кровь!... Тсъ!... (Прислушивается). Кажется, кто-то идетъ!.. Нѣтъ!... Мнѣ холодно.. я голоденъ... Нѣтъ, нѣтъ, я не долженъ объ этомъ думать... (Вынимаетъ кешелекъ). Онъ набитъ червонцами... которые не принадлежать мнѣ!... (Слуга леди Мекельсфильдъ выходитъ изъ дому съ маленькимъ сверткомъ и хочетъ удалиться). Послушай, другъ! слуга (оборачиваясь). А, это вы! Смотрите, чтобъ васъ не увидѣлъ дворецкій!... Васъ не хотятъ здѣсь видѣть....

СЕВЕДЖЪ (давая ему денегъ). На, — возьми, другъ — и скажи мнѣ: поѣдетъ-ли сегодня моя мать въ театръ?

СЛУГА (прячетъ деньги). Не знаю, сударь!

СЕВЕДЖЪ. Скажи, какъ живетъ моя мать? Когда она сегодня встала?

СЛУГА. Вы меня вчера спрашивали то-же самое... живетъ, сударь, сегодня — какъ вчера, вчера — какъ сегодня....

СЕВЕДЖЪ. Въ какомъ платьѣ была она сегодня за-столомъ?

СЛУГА. Въ жолтомъ...

СЕВЕДЖЪ. Какой уборъ былъ у нея на головѣ?

СЛУГА. Право не знаю, сударь!... Это не наше дѣло разбирать.

СЕВЕДЖЪ. Гм, гм!... Чтѣ, была она нарумянена? Немного?... договор!

СЛУГА. Была, была... Но объ этомъ ужъ вамъ говорили, кажется, разъ сто!

СЕВЕДЖЪ. Въ хорошемъ-ли она расположеніи духа? Кто ее посѣщалъ сегодня? Читала-ли она чтѣ-нибудь?... Чтѣ это у тебя?...

СЛУГА. Право, леди во-все не такъ зла, какъ о ней говорятъ...

СЕВЕДЖЪ. Ктѣ-жъ это говорить?...

СЛУГА. Она подарила мнѣ эти книги, чтобъ я ихъ продалъ...

СЕВЕДЖЪ (беретъ книги, рассматриваетъ ихъ и съ удивленіемъ). Мои сочиненія! Послушай, другъ, продай ихъ мнѣ! Я дорого тебѣ заплачу. Отнеси ихъ ко мнѣ...

СЛУГА (уходитъ). Очень-хорошо, сударь! Прощайте!

СЕВЕДЖЪ (одинъ). Она права!... Все это глупая суета, суета, которую я сброшу съ себя... Я останусь только ея сыномъ, вѣрнымъ, покорнымъ Ричардомъ. Къ чему мнѣ навязываться къ ней съ своей славою, съ своими сочиненіями, когда она ненавидитъ это! Мнѣ больно видѣть это, но она права! (Отворяетъ

ся дверь и нѣсколько слугъ выносятъ леди Мекельсфильдъ въ богатыхъ носилкахъ).

ЛЕДИ (изъ окна носилокъ) Въ Дрюриленъ! (Удалляется).

СЕВЕДЖЪ (слѣдуя за нею). Это она, она!... Она отправляется въ театръ... Но... но... (Возвращается). Нѣтъ, я не буду за нею слѣдовать... Она можетъ меня замѣтить и воротиться! Боже правый, ея сердце, кажется, смягчается!... Она будетъ великолѣпнымъ брилліантомъ среди великолѣпныхъ ложъ театра; она будетъ бросать кроткіе, живительные лучи мира на славу своего сына... О, я ручаюсь теперь за успѣхъ моей драмы!... Всѣ рѣчи, всѣ выраженія въ ней облекутся теперь въ роскошныя формы, всѣ сравненія будутъ поразительны, всѣ картины, всѣ образы, освѣщенные мопмъ лучезарнымъ солнцемъ, получатъ поразительный свѣтъ, отбрасывая величавыя тѣни!... Она прославитъ мое твореніе, и прижметъ къ своему чудному сердцу счастливѣйшаго сына! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Невысокая, богато-отдѣланная комната; въ средней стѣнѣ широкій входъ въ ложу леди Мекельсфильдъ, завѣшенный занавѣсомъ.

ВИКОНТЪ МЕРИШЕЛЬ (входитъ съ лѣвой стороны и осматривается).

Ея еще нѣтъ здѣсь... У себя она не принимаетъ, а мнѣ необходимо нужно съ ней переговорить! Я прилетѣлъ изъ Парижа, потому что здѣсь начинаютъ происходить чудныя вещи, которыя могутъ быть для меня очень опасными... Появленіе какого-то сына, пожалуй, еще наслѣдника ея имѣнія... О, съ этимъ нельзя шутить! Кто можетъ положиться на наши милые законы, когда они совершенно зависятъ отъ искусства адвоката! Мнѣ надо самому присутствовать здѣсь и предупредить всякіе происки этой женщины! (Прислушивается у отперзтія, обращеннаго къ театру). Сегодня дадутъ піесу ея сына — но мнѣ теперь не до піесы... Славная перспектива разстилается передо мною въ будущемъ! Хотя она, какъ я слышалъ, и не признаетъ еще его... Но законы могутъ принудить ее къ этому! Тогда... О, еслибъ попался мнѣ этотъ выходецъ съ того свѣта! (Берется судорожно

за шпагу. *Лордъ Бервикъ и Винчестеръ выглядываютъ въ дверь и потомъ входятъ).*

ЛОРДЪ БЕРВИКЪ. Ея нѣтъ.... Кого я вижу! Виконтъ Мершель!

ЛОРДЪ ВИНЧЕСТЕРЪ. Вѣроятно, нѣжное вниманіе къ племяннику, заставило васъ пріѣхать къ намъ изъ Парижа?

ВИКОНТЪ. О, нѣтъ, господа! Мой милый племянничекъ не могъ выбрать себѣ худшаго дядюшки! Но скажите, ради Бога, неужели и высшее общество признало справедливость его доказательствъ?

ЛОРДЪ ВИНЧЕСТЕРЪ. Что онъ ея сынъ — въ томъ нѣтъ никакаго сомнѣнія.

ЛОРДЪ БЕРВИКЪ. Ее ужасно тиранятъ. На нее указываютъ пальцами, ее осыпаютъ пасквилями, насмѣшками!...

ВИКОНТЪ. Это похоже на благородную чернь Лондона! Наши дамы — аристократки, почти все поступили-бы въ подобномъ случаѣ точно также; а теперь, когда одна изъ нихъ защищаетъ съ твердостью свою честь, — они чудесно разыгрываютъ роль чувствительныхъ!

Л. ВИНЧЕСТЕРЪ. Ее все бросили. Мы, оставаясь тайно ея друзьями, подвергаемся большимъ неприятностямъ, если только узнаютъ, что мы посѣтили ея ложу.

(Леди Мекельсфильдъ входитъ).

Л. БЕРВИКЪ. Она, вѣрно, не будетъ сюда.... Сегодня, когда даютъ пьесу ея сына, она должна опасаться всеобщаго ропота, насмѣшекъ, если только узнаютъ, что она здѣсь....

ЛЕДИ. Здравствуйте господа! *(Все трое съ удивленіемъ отступаютъ).*

ЛЕДИ *(къ Виконту)*. Вы снова въ Лондонѣ? Я слышала, что вы всеѣмъ уже умирали въ Парижѣ?

ВИКОНТЪ. Потому-то я и поспѣшилъ сюда, услышавъ, что здѣсь и мертвые воскресаютъ....

Л. БЕРВИКЪ. Развѣ отмѣнена сегодняшняя пьеса?

Л. ВИНЧЕСТЕРЪ. Вы, вѣрно, хотите подвергнуть себя докучливымъ взорамъ толпы....

ЛЕДИ *(смѣясь)*. Вы, вѣрно, милордъ, видѣли сегодня дурной сонъ? Вы говорите, какъ супруга Юлія Цезаря, когда тотъ отправлялся въ роковое засѣданіе Сената! Чего вы боитесь?.... *(Указывая на занавѣсъ)* Что сегодня даютъ?

Л. БЕРВИКЪ. «Овербири»...

Л. ВИНЧЕСТЕРЪ. Трагедію....

виконтъ. Въ пяти дѣйствіяхъ, миледи! Подумайте, какая пытка?

леди. Чья піеса? (*Оба лорда съ затрудненіемъ*).

виконтъ (*съ-сторону*). Что бы ей сказать?

леди. Чья-же?

л. бервикъ (*медленно Винчестеру*). Кто этотъ сочинитель?..

леди (*смѣясь*). Славный-же вы судья искусства, милордъ! Вы даже не знаете имени автора....

л. бервикъ. Но онъ, кажется, и не заслуживаетъ этого!... Піеса самая дурная... пустые возгласы, слезы, кривлянья... Этотъ поэтъ столько-же владѣетъ поэзіею, сколько пудель, по выраженію Шекспира, — россою, которую уноситъ на своихъ ухахъ, бѣгая по травѣ.

л. винчестеръ. Эта піеса — Ричарда Севеджа.

леди. А!... Благодарю васъ, милордъ! (*Лукаво*). Впрочемъ, я это знала и безъ васъ. (*Лорду Бервику*) У васъ, милордъ, къ сожалѣнію, очень-мало вкуса, или, лучше сказать, ужь слишкомъ много вѣжливости! Вы знаете, что я не участвую въ клубъ, который основанъ для возобновленія піесъ Шекспира... Но это не мѣшаетъ мнѣ думать, что изъ всѣхъ послѣдователей новой школы — Ричардъ Севеджъ самый сносный! Правда, въ его сочиненіяхъ есть что-то лихорадочное, что-то слишкомъ напряженное; но его картины, его смѣлыя фантазій, при всемъ своемъ недостаткѣ, открываютъ намъ чудный идеальный міръ, который былъ-бы еще прекраснѣе, (*съ некоторымъ чувствомъ*), если-бъ его можно было осуществить! (*Лорду Бервику*). Вашу руку, милордъ!

л. бервикъ (*съ большимъ замѣщательствомъ*). Миледи, тамъ только одинъ стулъ!... Сей-часъ! (*Быстро уходитъ*).

л. винчестеръ. Да, намъ нужно ихъ нѣсколько.... надо распорядиться. (*Уходитъ*).

виконтъ. Ха, ха, ха!... Позвольте узнать, прекрасная миледи, на какой вышинѣ я могу видѣть ваше солнце?... Откуда взялись у этихъ господъ ноги, когда имъ улыбнулось счастье представить васъ обожающему васъ партеру!... Они отправились искать стульевъ.... а завтра вечеромъ явятся съ извиненіями, что не могли нигдѣ найти ихъ! Ха, ха, ха!... Чортъ возьми!... Что это за исторія у васъ съ сыномъ?

леди (*посль краткаго молчанія, съ смущеніемъ*). Я очень-рада, что они удалились.... я хочу остаться одна!... Пріѣзжайте ко мнѣ завтра, милый зять, — мнѣ надо переговорить съ вами о

многомъ. — Я покупаю въ Вестморлендѣ земли и мнѣ хотѣлось бы отъ васъ узнать мнѣніе объ этомъ предметѣ.... При томъ, я получила съ арендъ большія деньги, которыя еще не знаю куда употребить....

виконтъ. О, этому горю я пособлю, милая моя леди!... (*Въ сторону*). Мнѣ почти жаль ее! (*Дружески*). Но скажите-же мнѣ, что это съ вашимъ....

леди. Намъ надобно также распорядиться о нашихъ угольныхъ ломкахъ въ Дургамъ, въ которыя ворвался подземный ключъ, и.... рудокопы....

виконтъ. Богъ съ ними! Оставьте это до другаго раза! Я надѣюсь, что вы будете упорствовать въ признаніи сына графа Риверса?...

леди. Безстыдный человѣкъ! (*Уходитъ въ глубину сцены, садится въ кресло, откидываетъ занавѣсъ и смотритъ на сцену*).

виконтъ. Какая рѣшительность, какая смѣлость! (*Выглядываетъ на сцену*). Всѣ взоры обращены на нее! Если-бъ это были стрѣлы, они умертвили-бы ее.... Какой позоръ: всѣ смотрятъ на нее, толкаютъ другъ-друга, указываютъ на нее пальцами, наводятъ лорнеты. Она произвела цѣлую бурю въ театрѣ! Уйди скорѣе отсюда! (*Уходитъ*).

(*На сценѣ слышны голоса*).

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ (*Миссъ Элленъ*).

О, сынъ мой, бѣдный сынъ!

МУЖСКОЙ.

Повѣрь, сама его ты погубила.

ЖЕНСКІЙ.

Я погубила сына?...

МУЖСКОЙ.

Да твоей любви безумной
Обязанъ онъ злой участью своей...

ЖЕНСКІЙ.

О, другъ, не оскорбляй навѣтомъ злымъ
Той сладкой нѣжности, тѣхъ ласкъ невинныхъ,

Которыми я окружала сына!...
 Скажи, — куда дѣвались радости его —
 Когда подвергся онъ судьбы гоненьямъ?...
 Былъ молодъ онъ еще — и я, я, мать его —
 Могла-ль я не любить, наказывать его, —
 Когда я видѣла, что страшный ангелъ смерти,
 Готовъ былъ каждый часъ его похитить?...
 Когда-же онъ подростъ, — онъ, бѣдный, улетѣлъ,
 Какъ птичка изъ гнѣзда, на Божій, вольный миръ...
 И радостью одной и счастьемъ дней моихъ,
 Была съ чужбины вѣсть о мноумъ, добромъ сынѣ.
 Мнѣ-ль было упрекать его въ порокахъ, заблужденьяхъ —
 Когда вся жизнь моя ему принадлежала,
 Когда я жить могла его лишь только жизнью?...
 Не знаешь ты, что значитъ матери любовь....
 Пройдетъ съ годами все, что въ юности насъ тѣшитъ,
 Застынетъ кровь и сердце охладѣетъ,
 Вся наша жизнь увянетъ, отцвѣтетъ, —
 Но матери любовь съ годами все растетъ,
 И только смерть предѣлъ ей полагаетъ....
 Не пышному брилльянту, въ дорогой оправѣ,
 Любовь и нѣжность матери подобны...
 Нѣтъ, это скромный талисманъ, носимый на груди
 Отъ побужденій злыхъ, отъ помысловъ коварныхъ....
 И ты, ты говоришь, что я сгубила сына,
 Что я виновница его несчастій всѣхъ!...
 Любила я его — какъ только любить въ жизни,
 Желала благъ ему — какъ рая не желаютъ!...

(Какъ-бы указывая).

О, нѣтъ, я не была той матерью жестокой,
 Которая съ презрѣнiемъ отвергла
 Единственного сына!...

(Слышны громкія рукоплесканія).

леди *(задерживаетъ занавѣсъ и встаетъ въ страшномъ волненіи)*. Ужасно!... Я не въ силахъ болѣе переносить этого.... Эти суровые взгляды, эти злобныя улыбки, эти проклятiя со всѣхъ сторонъ — Боже, какой ужасный жребiй назначилъ ты мнѣ въ удѣлъ!... Они отравляютъ всю жизнь, все бѣгiе мое! Сплю-ли я, бодрствую-ли — все тоже безпредѣльное отчаянiе въ груди! Сынъ — мать — мать — сынъ — все тотъ-же мучительный напѣвъ, точно будто я совершила страшное убiйство и не могу стереть крови съ рукъ своихъ!... Виновата-ли я, что я не чувствую къ нему ни малѣйшей материнской привязанности, что въ моемъ сердцѣ нѣтъ для него мѣста!... Я могу быть для него

вѣмъ — нѣжною подругою, вѣрною сестрою, послушною дочерью, я буду набожною, скромною, добродѣтельною, какъ ангелъ — но матерью.... Нѣтъ, я не могу быть его матерью!... Если онъ и дѣйствительно покоился у моего сердца, — при рода, за-чѣмъ-же ты нѣма, за-чѣмъ-же ты молчишь предъ моимъ сердцемъ, не хочешь удѣлить ему малѣйшей искры любви, какъ святаго знака, что онъ мнѣ сынъ, что я мать его? Письма, документы, все, все говоритъ въ его пользу — одно сердце мое безмолвствуетъ!... Нѣтъ, я не мать его!... Пусть позорятъ мое имя, пусть терзаютъ мое сердце раскаленными клещами, пусть направляютъ тысячи ядовитыхъ кинжаловъ на мою бѣдную, оставленную всѣми, жизнь — я не признаю его сыномъ.... Я не хочу, *(вз-отчаяніи)*, я не могу быть его матерью!... *(Убѣгаетъ)*.

Л. БЕРВИКЪ *(бѣжитъ съ лѣвой стороны.)* Миледи, миледи!...

Л. ВИНЧЕСТЕРЪ *(за нимъ.)* Миледи!

Л. БЕРВИКЪ. Ея ужь нѣтъ здѣсь....

ВИКОНТЪ *(быстро входя.)* Миледи, весь театръ въ страшномъ волненіи.... Но гдѣ-же она?....

СЕВЕДЖЪ *(бѣгаетъ въ страхъ.)* Мать моя, я защищу тебя, я не позволю оскорблять тебя!.... Ея уже нѣтъ!....

ВИКОНТЪ. А, это вы, тотъ жалкій мечтатель, который, точно въ жмуркахъ, хочетъ на удачу поймать себѣ мать?.... Приятное знакомство! *(На сценѣ слышны рукоплесканія и громкіе крики: «Севеджа, Ричарда Севеджа!»)*

СЕВЕДЖЪ *(обнажая до половины шпагу.)* Среди этого торжества, среди этихъ ликованій народа, — подобная обида!....

ВИКОНТЪ *(обнажаетъ свою шпагу и старается выбить шпагу изъ рукъ Севеджа.)* Прочь, мальчишка, прочь эту игрушку!....

СЕВЕДЖЪ. Прочь змѣя, заграждающая мнѣ дорогу къ матери!... *(Сражаются. Виконтъ, раненный, падаетъ на руки Бервика.)*

Л. ВИНЧЕСТЕРЪ *(бѣжитъ къ дверямъ.)* Стражу, стражу!....

СЕВЕДЖЪ *(медленными, невѣрными шагами, со шпагою въ рукѣ, подходитъ къ лозей, отдергиваетъ занавѣсъ и говоритъ, при всеобщей тишинѣ.)* Благородное отечество!.... Ты даришь меня завидными лаврами.... О, подари мнѣ лучше пальмовую вѣтвь, въ знакъ примиренія твоего съ моею бѣдною матерью! Что мнѣ въ твоёмъ великолѣпномъ вѣнцѣ, когда въ немъ каждая жемчужина — слеза женщины!.... Что мнѣ въ алтарѣ, воздвигаемомъ тобою въ честь мою, когда на немъ ты приносишь въ жертву мать мою!.... Великая Англія! Высоко безсмертіе, которымъ ты

награждаешь меня, — но оно ничтожно передъ однимъ часомъ бѣдствія, которымъ ты такъ страшно наказуешь меня!.... О, не гнѣвись, жалься надо мною.... Прости мать мою въ награду несчастному сыну!.... (*Громкія рукоплескаиы. — Входитъ стража.*)

Л. ВИНЧЕСТЕРЪ (*показывая на Севеджа.*) Вотъ вашъ арестантъ!...

==

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Въ домъ леди Мекельсфилдъ.

МИССЪ-ЭЛЕНЪ *стоитъ въ ожиданіи. Входитъ дворецкій.*

ДВОРЕЦКІЙ. Леди тотчасъ выйдетъ!.... (*Какъ-бы желая завязать разговоръ.*) Господи, Боже мой! съ-тѣхъ-поръ, какъ умеръ виконтъ — не оберешься отъ дѣла! Поминутно являются новые счета, новые кредиторы, — которымъ нѣтъ конца! Бѣдная наша леди цѣлый день сидитъ за бумагами и ведетъ переговоры то-съ нотаріусами, то-съ адвокатами. Вы, вѣрно, тоже по дѣлу виконта....

М. ЭЛЕНЪ. О, нѣтъ!

ДВОРЕЦКІЙ. Слава Богу! По-крайней-мѣрѣ, леди пріятно будетъ поговорить о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ этихъ безконечныхъ сужденій о виконтѣ и (*тише*) ея сынѣ.

М. ЭЛЕНЪ. Кажется, миледи не имѣетъ причины горевать о смерти перваго?

ДВОРЕЦКІЙ. Безъ сомнѣнія, нѣтъ! (*Тихо.*) Это былъ вампиръ, вѣчно алчущій; что она ему ни давала — все уходило, какъ въ рѣшето!

м. эленъ (*въ-сторону.*) Тѣмъ лучше! Слѣдовательно, она не будетъ безчувственна къ участи Ричарда!

дворецкій. Но ея слыть.... кажется.... приговоренъ къ смерти...

м. эленъ (*ободряясь.*) Она должна спасти его!

дворецкій. Леди идетъ.... (*Уходитъ.*)

леди (*быстро входя.*) Извините, миссъ, что я долго замѣшкалась. Но я хотѣла прежде прочесть письмо, которое вы мнѣ прислали нѣсколько дней тому назадъ....

м. эленъ (*въ смущеніи.*) Теперь только?...

леди. Вы актриса?

м. эленъ (*твердо.*) Да, миледи!

леди. Я уважаю это званіе... Признаюсь, надо имѣть большое самопожертвованіе, чтобъ принять на себя это званіе и, такъ сказать, добровольно исключить себя изъ общества... Я не считала письмо ваше нужнымъ....

м. эленъ. А теперь, когда прочли его?...

леди. Вы должны гордиться, моя милая, что я удостоиваю васъ отвѣтомъ на такой предметъ, о которомъ мнѣ не смѣютъ даже и намѣкать.... Миссъ, вы взялись не за свое дѣло!....

м. эленъ. Но миледи, вашъ... (*поправляясь*) Ричардъ Севеджъ находится въ такой опасности!..

леди. Я васъ прошу не упоминать мнѣ этого имени прежде, нежели я сама не спрошу васъ объ немъ. Вы не въ состояніи, миссъ, судить о предметахъ, которые хоть немного выступаютъ изъ обыкновеннаго круга вещей. (*Иронически*) Вы актриса. Актрамъ рѣдко случается изображать чувства, взятыхъ изъ настоящей жизни; страданія, невыражаемыя крикомъ и шумомъ, для нихъ не есть страданія; радость, которая не бѣснуется съ распущенными волосами, они называютъ холодностию; вѣчно живя въ мірѣ фантазій, они требуютъ отъ жизни того, чего она никогда не даетъ.

м. эленъ (*въ волненіи.*) О миледи, какъ жестоко вы ошибаетесь! Мы, актеры, заслуживаемъ вашихъ упрековъ въ такомъ только случаѣ, если тонкая наблюдательность, чувствительное сердце, вѣрная память, — дѣйствительно достойны упрековъ.... Вы не хотите узнать жизни во всѣхъ мелочныхъ ея отношеніяхъ, вы не хотите знать страданій человѣка; вамъ пріятны одни его радости.... Мы изучаемъ жизнь во всѣхъ ея отношеніяхъ, мы проникаемъ въ самые сокровенные ея изгибы и передаемъ вамъ эту жизнь въ понятныхъ и живыхъ картинахъ....

леди. Вы изучаете жизнь, моя милая, потому, что этого

требуетъ отъ васъ ваше званіе. — Но вы вѣчно видите во всемъ одни только частности, одно сверхъ-естественное, и потому никогда не можете дойти до ясныхъ, простыхъ, естественныхъ чувствъ, которыя такъ сродны человѣку, которыя составляютъ всю цѣпь его жизни.... Вамъ-ли постигнуть мои чувства, положеніе моей души?....

м. эленъ. Миледи, у васъ ложное предубѣжденіе противъ насъ!... Когда, послѣ блестящаго представленія, я сбрасываю съ себя всѣ румяна и пудры, всѣ локутья своей фантастической одежды и возвращаюсь къ настоящему своему существованію, къ своимъ страданіямъ и скорбямъ, которыхъ такъ много дала мнѣ въ удѣлъ судьба, — о, повѣрьте, миледи, мнѣ не нужно ни пышныхъ словъ, ни громкихъ восклицаній, чтобъ перечувствовать, переиспытать всѣ муки моей одинокой жизни, чтобъ воскресить въ умѣ своемъ образъ милой матери, сестры, брата, нашедшаго себѣ могилу въ пучинахъ великаго океана!... (Со слезами.) О, миледи, вы не знаете, какъ часто ошибается зритель, думая, что актеръ, изображая сильныя чувства, страданія, прибѣгаетъ къ своему искусству, къ своимъ заученнымъ выраженіямъ!... Если онъ плачетъ, онъ охотнѣе плачетъ своими собственными, горючими слезами; онъ воскрешаетъ въ умѣ своемъ свѣтлое прошедшее, онъ чувствуетъ знакомыми ему чувствами — и не пуждается въ притворствѣ....

леди. Довольно объ этомъ... Въ своемъ письмѣ вы требуете, чтобъ я просила королеву о прошеніи глупаго искателя приключеній, который лишилъ меня близкаго родственника...

м. эленъ (быстро). Близкаго родственника? (Спокойно). Миледи, кто можетъ быть вамъ ближе несчастнаго Ричарда, котораго ожидаетъ такая горькая участь...

леди. Его участь есть необходимое слѣдствіе его безмѣрнаго честолюбія... Онъ хотѣлъ завоевать себѣ мать изъ высшаго общества...

м. эленъ. Неужели вы считаете счастіемъ, миледи, имѣть знатную и такую холодную мать?

леди. Онъ не будетъ казненъ... Смертный приговоръ смягченъ ссылкой....

м. эленъ. И это — смягченіе!... вмѣсто того, чтобъ въ одну минуту лишить его жизни, полной горестей и страданій, — они влекутъ его чрезъ безпредѣльный океанъ, за тысячи миль, въ жилище преступниковъ, которые съ своею отравленною совѣстью, съ своими безчувственными душами, встрѣтятъ его какъ сотовав-

рища, какъ брата!... Нѣтъ, ему не перенести этого! Миледи, вы можете, вы должны спасти его... Просите королеву — весь Лондонъ ожидаетъ отъ васъ этого, и готовъ за одинъ этотъ шагъ воротить все прежнее къ вамъ уваженіе!...

леди. Я мало забочусь о шаткомъ мнѣніи Лондона! Сегодня въ модѣ меня злословить, завтра другая займетъ мое мѣсто! Я слишкомъ-хорошо знаю свѣтъ, чтобъ понять, какъ непрочно, какъ суетно вниманіе толпы... Если-бы этотъ молодой человѣкъ своимъ преступленіемъ не позаботился-бы, чтобъ о немъ безпрестанно говорили — его давно-бы забыли...

м. элленъ. Нѣтъ, его никогда не забудутъ!... Но я разсердила васъ, миледи!... Неужели вы не станете просить за него королеву? О, нѣтъ, вы будете, навѣрно, будете!

леди. Никогда, миссъ! Если-бъ я сдѣлала эту глупость, я сама подала-бы поводъ думать, что онъ дѣйствительно мой сынъ...

м. элленъ. Эти расчеты, миледи...

леди. Необходимые для меня теперь и послѣ...

м. элленъ. О, вы колеблетесь, вы сомнѣваетесь въ своихъ холодныхъ расчетахъ!... Вы не захотите быть безчувственною, не захотите, чтобъ объ васъ сказали: у этой женщины нѣтъ сердца! Вы противъ воли заставляете себя быть холодною, жестокою.... О, чего-жъ не достааетъ вамъ, чтобы сдѣлаться доброю, нѣжною, чтобы посвятить сердце свое несчастному сыну...

леди. Вы ошибаетесь....

м. элленъ. О, отважьтесь быть справедливою, быть владычицей своихъ чувствъ и мыслей! Только жалкія условія большаго свѣта сдѣлали васъ ко всему холодною, безчувственною равнодушною! Но развѣ это можетъ назваться счастіемъ, развѣ больше славы быть надмѣнною, неприступною, нежели быть рабынею горячей любви къ сыну?... Леди, если Ричардъ вашъ сынъ — матери должна быть свойственна любовь; если нѣтъ, женщинѣ, которую почитаютъ своею матерью — прилично состраданіе!..

леди (*строго и намѣреваясь уйдти*). Довольно, миссъ..

м. элленъ. Нѣтъ, не довольно, миледи, если ваше сердце еще не смягчилось... Я еще надѣюсь... вы колеблетесь, вы боретесь съ своею холодною философіею, съ своими отношеніями, приличіями свѣта, съ своею гордостію... Васъ оскорбляютъ, васъ осмѣиваютъ, преслѣдуютъ... Отметите имъ своимъ великодушіемъ, побѣдите ихъ своею просьбою о прощеніи сына!... Да, я увѣрена, что вы отправитесь ко двору, что вы будете просить о прощеніи Ричарда...

ледп (съ нѣкоторымъ чувствомъ). Я удивляюсь вашему красно-рѣчю... Но я не могу согласиться на вашу просьбу. (*Уходитъ*).
 м. эленъ (*глядитъ ей въ слѣдъ*). Она меня отвергнула, она осталась холодною, безчувственною! Жестокая женщина! (*Послѣ нѣ котораго размышленія, съ твердостію*). Рѣшаюсь! — Что-бы ни случилось — я сама иду къ королевѣ!... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Темница; полумракъ. Севеджъ входитъ съ лѣстницы въ глубинѣ театра. За нимъ задвигаютъ запоры.

СЕВЕДЖЪ. Хоть изрѣдка позволяютъ мнѣ подышать чистымъ воздухомъ! Увы! это послѣднія минуты, въ которыя я дышу еще воздухомъ Англій! Скоро я оставлю свое отечество, переплыву тысячи миль... за-чѣмъ?... Чтобы по ту сторону океана найти себѣ одинокую могилу!... Что мнѣ южное небо, съ его богатою природою, съ его свѣтлыми звѣздами, когда удушливая, закоптѣлая атмосфера Британіи кажется мнѣ бальзамическимъ воздухомъ въ сравненіи съ уюпительною температурою южнаго свѣта! Что мнѣ въ этой природѣ, когда она для меня обратится въ обширную, вѣчно улыбающуюся и тѣмъ еще ужаснѣйшую темницу!... О, мать моя! вся жизнь становится отнынѣ между мной и тобою! И здѣсь, и за далекимъ океаномъ ожидаетъ меня смерть, и только тамъ отрадное свиданіе!... Говорятъ, будто ты виновница моей участи... нѣтъ, я... я виновникъ твоей!... Моя душа не страдаетъ отъ твоей медленности прижать меня къ своему сердцу, — она страдаетъ отъ той ненависти, отъ тѣхъ злословій, порицаній, которыми тебя повсюду преслѣдуютъ!... Мнѣ не больно, что ты меня отвергнула, — мнѣ больно, за-чѣмъ этимъ поступкомъ ты подвергла себя ядовитому жалу клеветы! (*Грустно*). Если-бъ я въ силахъ былъ отказаться отъ мысли, что я покоился у твоего сердца, — я-бъ это сдѣлалъ, лишь-бы за тобой оставить побѣду, лишь-бы оправдать передъ свѣтомъ всю нѣжность, все благородство твоихъ чувствованій! (*Стукъ у дверей, Стиль сходитъ съ лѣстницы*).

СЕВЕДЖЪ. Стиль, добрый Стиль!...

СТИЛЬ (*обнимая его*). Сто разъ я былъ у дверей твоей темницы, но меня не пускали къ тебѣ прежде рѣшенія твоего приговора. Бѣдѣый Ричардъ!

СЕВЕДЖЪ. Часть моя сурова, жестока, добрый Стиль, и я не въ-силахъ перенести ее!...

СТИЛЬ (въ-сторону). Я долженъ разсѣять, успокоить его!... (Севеджу) Но вѣдь тебя не казнятъ, Севеджъ!... Миѣ грустно за нашу разлуку, грустно, что ты долженъ оставить Англiю, но Ботанибей, милый другъ, достоинъ глубокаго изученiя. И что-жь развѣ ты долго тамъ останешься?... Въ этомъ случаѣ ты похожъ, мой милый, на портвейнъ, который дѣлается гораздо лучше, если пройдетъ чрезъ экваторъ... Сколько десятковъ людей, страдающихъ душою, совершаютъ подобныя путешествiя, чтобы среди безчисленныхъ развлеченiй забыть свои страданiя? Ты проживешь нѣсколько лѣтъ тамъ, а потомъ снова возвратишься въ Англiю...

СЕВЕДЖЪ. Какая отрада будетъ миѣ возвращаться сюда? Что я найду здѣсь? Страшныя слѣды смерти, можетъ-быть, могилу моей матери! Но нѣтъ, я не доживу до этого... Моя жизнь уже подмолена... Я похожъ на перезрѣлый плодъ, который отъ малѣйшаго дуновенiя вѣтерка, — отпадаетъ отъ вѣтки!... Что мать моя?...

СТИЛЬ. Забудь эту женщину! Внезапная смерть Вьконта примирила съ нею нѣсколько фамилiй. Она снова даетъ балы, которые бывають довольно многочисленны для того, чтобы дать ей случай похвастаться своимъ равнодушиемъ. Королева, убѣжденная въ твоей правотѣ, смягчила приговоръ твой ссылкой — и тѣмъ ясно дала замѣтить, что леди Мекельсфильдъ можетъ исхodataйствовать тебѣ совершенное прощение; ее закидываютъ письмами, просьбами объ этомъ, — она остается спокойною и даетъ себѣ балы. Если-бъ тебя приговорили къ смерти, она поѣхала-бы смотрѣть на твою казнь...

СЕВЕДЖЪ. Миѣ, право, смѣшно, Стиль! Ты гнешь въ своихъ рукахъ вещь до-тѣхъ-поръ, пока она или скривится или сломается....

СТИЛЬ. Миѣ жаль тебя, Севеджъ! Ты мѣняешь своихъ искреннихъ друзей на какую-то мечту, которой никогда не дождешься!

СЕВЕДЖЪ. Оставимъ это милый другъ!... Можешь-ли ты проникнуть въ тайны, которыя покоятся въ глубинѣ сердца чело-вѣческаго? Что дѣлается у васъ въ свѣтъ?....

СТИЛЬ. Чудеса, Севеджъ, чудеса! Могущество наше возрастаетъ не вѣроятно! Нынче въ нашихъ рукахъ нити всего, о чемъ только думаютъ, судятъ, предполагають. Изъ золотыхъ слитковъ наукъ мы вычеканили ходячую монету, и тѣмъ содѣйствуемъ еще скорѣйшему обороту идей. Мы выдаемъ правду

въ 6, 7, 8 золотниковъ, смотря потому, сколько ее требуется... Теперь всякой хочеть имѣть свою мѣру: философамъ мы даемъ стаканами, дѣтямъ ложками; для женщинъ мы самыя труднѣйшія проблемы отдѣливаемъ въ блестящую оправу, въ видѣ вѣера, которымъ они могутъ пріятно кокетничать въ обществѣ....

СЕВЕДЖЪ. А поэтовъ погребли въ могилы!

СТИЛЬ. Пишите комедіи, комедіи, Севеджъ! Людямъ надоѣли ваши плачевныя драмы, ваши сумашедшіе короли, ваши дѣвы, ломающія себѣ руки, — надоѣли, право надоѣли! Пишите комедіи! Тонкія отношенія обществъ, сатиры на образъ жизни высшаго свѣта, на адвокатовъ, докторовъ, — вотъ поприще для остроумія! Спроси у актеровъ — они сами такъ судять. (*Вынимаетъ бумагу*). Чуть, чуть не забылъ показать тебѣ это чудо! Вотъ ужаснѣйшая сатира, которая когда-нибудь была написана на человѣчество! Если-бъ мать твоя была Гречанка — она по-вѣсплась-бы!

СЕВЕДЖЪ (*вырываетъ бумагу*). Что это?

СТИЛЬ (*держитъ ее къ-верху*). Она будетъ напечатана въ слѣдующемъ номерѣ моего журнала. Нашъ языкъ никогда еще не уподоблялся такъ-хорошо игламъ, булавамъ, какъ здѣсь.... Все, что я только могъ найдти въ нашемъ богатомъ хранилищѣ языка щетинистаго, царапающаго, впивающагося когтями, — я все употребилъ здѣсь, чтобъ соорудить эту колючую пирамиду!...
Читай самъ!

СЕВЕДЖЪ (*беретъ спокойно бумагу*). Я тебѣ дамъ за нее оду къ моей матерн! (*Рветъ ее*).

СТИЛЬ (*притворно разсерженный*). Что ты сдѣлалъ, Севеджъ! Разорвать мое лучшее сочиненіе, мою сатиру, исполненную самаго жгучаго купороса! Это ужасно! Она должна быть въ моемъ журналѣ, — а изъ памяти я не въ силахъ собрать всѣхъ этихъ мыслей.... (*Уступчиво*). Ну, Богъ съ тобой! Не сердись только на меня, Севеджъ, не считай меня безучетвеннымъ. Въ концѣ этой сатиры было набросано защищеніе правъ твоихъ, которое заключало много хорошихъ мыслей, которое, (*нѣжно*), добрый другъ мой, было написано со всѣмъ жаромъ моего краснорѣчія, исходящаго прямо изъ сердца.... Когда я вспомню твой взоръ, твою грустную, болѣзненную улыбку, тогда слова, которыми я разказалъ міру всю повѣсть твоего прекраснаго сердца, снова прійдутъ ко мнѣ, какъ свѣтлыя, чистыя сновидѣнія! Прежде, нежели ты оставишь насъ, Севеджъ, мы еще увидимся.... Но и въ нашей разлукѣ, я буду твоимъ вѣрнымъ другомъ. Ко-

гда, въ минуту грусти, въ минуту раздумья, ты будешь стоять на берегу далекихъ острововъ Тихаго-океана, вспомни обо мнѣ, о твоёмъ пѣжномъ другѣ, братѣ, — и забудь, что ты одинокъ въ мѣрѣ. Когда, въ минуту отчаянія, ты увидишь блескъ молніи надъ поверхностію разъяренныхъ волнъ — тогда думай: это предвѣстникъ того грома, который загремитъ изъ усть Стіля, изъ усть моего мстителя!... Могущество краснорѣчія не можетъ ожидать себѣ лучшаго торжества, какъ быть защитою безцельной жертвы, какъ оправдать ее предъ цѣлымъ свѣтомъ! Меня томить негодование... Мы еще увидимся, прощай! *(Хочетъ идти. Севеджъ бросается къ нему и обнимаетъ его. У дверей слышенъ шумъ замковъ. Входитъ лордъ канцлеръ со стражею, за нимъ лордъ Турконнель съ блестящею свитою).*

СЕВЕДЖЪ. Они идутъ объявить мнѣ о изгнаніи! Неужели это лучше смерти?

л. канцлеръ *(съ бумагою въ руки)*. Сиръ Ричардъ, я исполняю съ истиннымъ удовольствіемъ обязанность, которая меня привела сюда.... Вы свободны!

СЕВЕДЖЪ *(кидается къ нему)*. Милордъ!

л. канцлеръ. Вы свободны! Королева была сперва не расположена къ вамъ. Вашъ жестокий поступокъ, ваше прежнее дурное поведеніе — все заставило дворъ не благоволить къ вамъ.... Прощеніемъ и полной свободою вы обязаны своей поэтической славѣ и посредству какой-то дамы, о которой не могу вамъ дать подробныхъ свѣдѣній.

СЕВЕДЖЪ *(Стілю)*. Стіль, она побѣждена, она смягчилась....

л. канцлеръ. Я не думаю, чтобъ вы своею свободою были обязаны матери. Выслушайте бумагу: «Принимая во вниманіе, что Ричардъ Севеджъ совершилъ убійство виконта Мершиля при такихъ обстоятельствахъ, которыя побудили насъ смягчить смертный приговоръ на ссылку; равнымъ образомъ, принимая во вниманіе и то, что Ричардъ Севеджъ еще молодъ и неопытенъ, и что отъ него можно ожидать образа жизни, свойственнаго его талантамъ, — Мы даримъ ему полную свободу и все гражданскія права, съ особенною нашею надеждою, что онъ все способности свои употребитъ для увеличенія славы своего отечества и нашего знаменитаго дома».

стіль *(въ-сторону)*. Изъ него хотятъ сдѣлать придворнаго стихотворца! Да благословятъ музы твою свободу!

СЕВЕДЖЪ. Я какъ будто во-снѣ! (*Указывая на слугъ*). Что это за странная свита?

Л. ТИРКОНЕЛЬ (*выходя впередъ*). Сиръ Ричардъ, — во мнѣ вы видите одного изъ величайшихъ вашихъ поклонниковъ. Лордъ Тирконецъ вполне понимаетъ, что Англія должна вознаградить васъ за все оскорбленія, которыя вы претерпѣли. Я довольно богатъ, чтобы загладить эту ошибку. Я былъ съ вашимъ отцомъ, лордомъ Риверсомъ, въ родственныхъ связяхъ, — и потому признаю васъ своимъ родственникомъ. Какъ скоро въ моей фамилии освободится имѣніе или титулъ — они тотчасъ перейдутъ къ вамъ. Въ моемъ домѣ я отвелъ вамъ этажъ и отдѣлалъ его такъ поэтически, какъ только могъ себѣ представить. Все круги высшего общества, все празднества двора для васъ открыты. Вамъ это нужно для уравновѣшенія интригъ вашей матери.

СЕВЕДЖЪ (*быстро*). Она просила обо мнѣ королеву?

Л. ТИРКОНЕЛЬ. Можетъ-быть, — но она еще не признала васъ публично своимъ сыномъ, и не признаетъ до-тѣхъ-поръ, пока вы не будете окружены тѣмъ блескомъ, которымъ я хочу васъ окружить.... Нѣсколько отборнѣйшихъ коней, нѣсколько экипажей, которыя я собственно для васъ выписалъ изъ Парижа, — ожидаютъ вашихъ приказаній. Вотъ вашъ дворецкій, вотъ вамъ первый камердинеръ, вотъ вся остальная ваша прислуга! (*За сценою слышенъ торжественный маршъ*.) Я не тайкомъ хочу ввести васъ на то мѣсто, которое вы должны занять въ обществѣ, вопреки всѣмъ интригамъ. Отъ этого ужаснаго мѣста, въ которомъ вы провели слишкомъ два мѣсяца, до моего дома я приказалъ разостлать богатые ковры. Весь Лондонъ будетъ праздновать ваше торжество, при громѣ музыки всѣхъ королевскихъ полковъ. Отнынѣ вы не сынъ безчувственной матери, — вы сынъ великой Англіи! Пойдемте! (*Они медленно уходятъ при звукахъ музыки, которая слышна за сценою*.)

СТИЛЬ (*указывая на уходящаго Севеджя, съ ироніей*). Что ни говорите, а, право, хорошо имѣть такую скромную матушку, какъ Леди Мекельсфильдъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Великолѣпная комната въ домѣ лорда Тирконнеля; по бокамъ двери. На правой сторонѣ окно. Задняя сцена состоитъ изъ занавѣсей, которыя послѣ откидываются и тѣмъ значительно увеличиваютъ сцену. Впереди столъ, на которомъ стоятъ зажженные свѣчи.

Лордъ Тирконнель, Винчестеръ и Бервикъ.

л. тирконнель. Совершенно моя участь! Та-же гордость, тѣже причуды, колкости, за которыми непременно послѣдуетъ изверженіе вулкана. Ха, ха, ха!

л. бервикъ. Но послѣдніе полгода она удивительно измѣнилась. И кожа и чувства — все въ ней состарилось....

л. винчестеръ. Это неизбѣжное слѣдствіе душевной тревоги, которую поминутно возбуждаетъ въ ней исторія съ сыномъ.... Хотя она и не соглашается съ этимъ, но ея наружное спокойствіе нарушилось, ея обращеніе съ нами значительно измѣнилось. Скажите сами, Бервикъ, сколько разъ она, при ясномъ, солнечномъ свѣтѣ, вздрагивала, будто видитъ предъ собою привидѣніе?...

л. бервикъ. Да, въ ея поведеніи есть что-то странное, неестественное. Ея мнѣнія стали еще рѣзче; ея гордость, обиженная, заносится — будто обитаетъ въ всякихъ садахъ Семирамиды.

л. тирконнель. Какъ подѣйствовало на нее извѣстіе, что я поставилъ ея сына на такую погу?

л. винчестеръ. Что вы думаете объ этомъ, Бервикъ? Мнѣ кажется, это жестоко ее оскорбляетъ.

л. бервикъ. Именно отъ васъ, милордъ, она не ожидала такого поступка. Вы были такъ счастливы, что нѣсколько лѣтъ ей нравились....

л. тирконнель. Я этимъ поступкомъ хотѣлъ только, безъ пера и чернилъ, написать пасквиль на ея добродѣтель.

л. бервикъ. Такъ-ли, милордъ? Будьте хоть разъ откровенны: съ-тѣхъ-поръ, какъ васъ не видно на охотѣ за лиценцами, вы, говорятъ, рыщете по иному полю! У васъ, кажется, на умѣ что-то въ родѣ политическихъ предпріятій....

л. тирконнель (*улыбаясь*). Полноте, полноте, господа....

л. винчестеръ. Недаромъ всѣ журналы пустились прославлять васъ. Стиль.... кажется Стиль, доказываетъ, что вы говорите на шести языкахъ....

л. тирконнель. На пяти я дѣйствительно говорю, а подъ шестымъ онъ, вѣроятно, разумѣтъ языкъ откровенности.... Извольте, я скажу вамъ правду: я чувствую въ себѣ склонность присоединиться къ одной изъ партій парламента. Конечно это стоитъ мнѣ денегъ.

л. бервикъ. А между-тѣмъ, быть всѣмъ восхваляему такъ пріятно! Послѣ вашего благороднаго поступка съ Ричардомъ Севеджемъ, васъ просто боготворятъ.

л. тирконнель (*съ удовольствіемъ*). Мнѣ пріятно, что меня поняли. Я хотѣлъ оказать гению должное уваженіе и защитить человѣка, который сдѣлался невольною жертвою различія состояній....

л. винчестеръ. Но онъ васъ, кажется, мало радуется.

л. тирконнель. Разумѣется, его долгъ быть мнѣ нѣсколько болѣе благодарнымъ. Но онъ боленъ — и я его извиняю. Я опасаясь, чтобъ отчаяніе его не сокрушило.

л. бервикъ. Онъ, говорятъ, ужасно расточителенъ?...

л. тирконнель (*медленно*). Да, пожалуй. Но вѣдь онъ не знаетъ цѣны деньгамъ. Онъ пригоршнями бросаетъ ихъ толпѣ, даетъ сотни за развлеченія, которыя не доставляютъ ему никакого удовольствія. Къ-счастью еще, что всѣ его дурачества направлены на мать, и я утѣшаюсь—видя, какъ онъ ее терзаютъ... Сегодня, господа, намъ можно-было-бы немножко позабавиться; только вамъ надо принять на себя нѣкоторыя роли.

л. винчестеръ. Что вы хотите этимъ сказать?....

л. тирконнель. Имѣете-ли вы еще столько вліянія на леди Мекельсфильдъ, чтобъ проводить ее въ одно общество?

л. бервикъ. Последнее удовольствіе, которое она доставляетъ мнѣ — состоитъ въ томъ, что я провожу ее сегодня вечеромъ на балъ къ герцогинѣ Суссексъ.

л. тирконнель. Чудесно! У меня сегодня вечеромъ будетъ

маскерадь; мои друзья виги не ходять на балы къ торіямъ. Вы, милорды, занимаетесь только политикой любовныхъ приключеній, и потому можете быть сегодня у меня, а не у герцогини....

л. винчестеръ. Но леди Мекельсфильдъ?

л. тирконнель. Вотъ мой планъ, господа: вмѣсто того, чтобъ проводить леди къ герцогинѣ, вы проводите ее ко мнѣ.

л. винчестеръ. А кучеръ?

л. тирконнель. Разумѣется, она ему откажетъ, но вы скажите ему, что онъ тотчасъ поступитъ ко мнѣ, пусть только остановится передъ моимъ домомъ. Фасадъ дома герцогини очень схожъ съ фасадомъ моего дома; лѣстницу я украшу цвѣтами, которые любитъ герцогиня; статую Кромвеля я замѣню копіею съ Дианы, которая стоитъ у герцогини; маски могутъ быть здѣсь такія-же, какъ и тамъ — и она не скоро замѣтитъ свою ошибку. Я представлю ей Ричарда и попрошу ее съ нимъ танцевать....

л. бервикъ. Но что будетъ...

л. тирконнель. Съ кучеромъ?.. у меня ему будетъ лучше!

л. винчестеръ (*Бервику*). У леди болѣе нѣчего выиграть — такъ эту шутку можно-бы состроить.

л. бервикъ. Пожалуй, я не прочь — въ половинѣ двѣнадцатаго мы явимся...

л. тирконнель. Уже девять, посѣщите! (*Лорды уходятъ*). Севеджъ ничего не долженъ знать. Его откровенность какъ разъ разстроитъ все дѣло. Еще немножко пускай продолжатся эти шутки, — а потомъ мы назначимъ ему маленькую пенсію и покажемъ дверь. А, вотъ онъ и самъ!

СЕВЕДЖЪ (*входитъ въ великолѣпномъ костюмѣ*). Я васъ вездѣ искалъ, милордъ, а теперь (*нерешительно*), когда я васъ вижу, у меня не достаетъ смѣлости обезпочить васъ своею просьбою.

л. тирконнель. Я, кажется, стараюсь, Севеджъ, предупредить всѣ ваши желанія? Неужели вы сомнѣваетесь въ моей готовности исполнить вашу просьбу?

СЕВЕДЖЪ (*береть его за руку*). Въ вашемъ сердцѣ, милордъ, великодушіе соединено съ удивительною скромностію! Я узналъ, что мать моя родилась въ Кентѣ, въ замкѣ отца ея, лорда Мазонъ; скоро день ея рожденія.... Мнѣ-бы хотѣлось скупить въ этомъ замкѣ все, что можетъ напомнить ей ея счастливую юность?..

л. тирконнель. Я на все согласенъ, добрый Севеджъ; но вы предполагаете въ вашей матери такія чувства, которыми она никогда не обладала. Притомъ-же, она имѣетъ еще претензіи вра-

виться, плѣнять, слѣдовательно, ей неловко напоминать о днѣ ея рожденія....

СЕВЕДЖЪ. Такъ у меня есть другая просьба! Матушка обнаружила желаніе....

Л. ТИРКОННЕНЬ (*улыбаясь*). Вы все узнаете....

СЕВЕДЖЪ. О, у меня вездѣ есть шпионы! (*Запинаясь*). Она желала-бы имѣть въ своей галлерей нѣсколько картинъ Гогарта....

Л. ТИРКОННЕНЬ. Чтѣ-жъ?

СЕВЕДЖЪ. Нельзя-ли поручить этому живописцу сдѣлать хоть одну картину для моей матери?

Л. ТИРКОННЕНЬ. Вы знаете, что я всегда готовъ исполнить все ваши желанія: поговорите съ Гогартомъ.... онъ такъ дорогъ.... у него такъ много работы — но положитесь во всемъ на меня! Вы будете сегодня въ нашемъ маскарадѣ?

СЕВЕДЖЪ. Только изъ любви къ вамъ, милордъ! Я долженъ признаться, что для меня маски какъ-то страшны! Въ Италіи, гдѣ люди живутъ вѣчно подъ открытымъ небомъ, — тамъ еще можно почувствовать желаніе закутаться, быть неузнаннымъ; но у насъ, гдѣ и безъ того все сокрыто, спрятаю — къ чему эти маски?...

Л. ТИРКОННЕНЬ. Для веселья, для интригъ, забавныхъ мистификацій. Все это иногда такъ пріятно, такъ занимательно, Севеджъ!...

СЕВЕДЖЪ. Я буду, буду....

Л. ТИРКОННЕНЬ. Только будьте, пожалуйста, веселѣе! Отбросьте въ сторону свою грусть, свое уныніе, и предайтесь вполне удовольствіямъ, которыя повсюду васъ окружаютъ. Вы должны быть сегодня отъ-души веселы — иначе все, что будетъ здѣсь происходить, останется для васъ мертвымъ, неинтереснымъ. Хотя я и не Альфонсъ Феррарскій, но вы, какъ новый Тассъ, медленно изнываете среди всѣхъ радостей, которыя щедро на васъ сыплются. Будьте веселы хоть этотъ вечеръ — онъ готовитъ вамъ пріятную печальность.... (*Уходитъ*).

СЕВЕДЖЪ (*одино*). По-крайней-мѣрѣ Тассъ, среди тягостныхъ ему удовольствій, среди непрощеннаго участія, покровительства, писалъ свой «Освобожденный Иерусалимъ»! Ему были открыты роскошные сады Альфонса, гдѣ онъ находилъ отрадное уединеніе, необходимое поэту; любимыя имъ женщины пріятливо улыбались ему и только за тѣмъ прерывали его сладкія мечты и упонительныя грезы — чтобы вѣнчать счастливое чело его — лаврами, имъ самимъ соплетенными! Его усаждала дивная природа южнаго неба, онъ пилъ воздухъ счастливой Италіи; самое ве-

ликолѣпіе, его окружавшее, дышало тою классическою нѣгою греческой образованности, тою идеальною прелестью формъ, которыя были наслѣдіемъ времени божественнаго Рафаэля! Что-жъ дарятъ здѣсь? Толпу лакеевъ, въ безобразныхъ ливреяхъ, свору собакъ, если я захочу, бронзы, позолоты, дорогія мебели, вина, роскошный столъ — все, что дѣлаетъ жизнь спокойною, безпечною, усыпляющею! Моему воображенію нечего создавать, потому, что ему дано здѣсь все, все; моею душѣ, въ этихъ роскошныхъ палатахъ, полныхъ блеска и ослѣпительнаго свѣта — нѣтъ уединенія! Муза моя съ боязнію перелетаетъ здѣсь съ одного мѣста на другое, не слыша моего зова.... И что мнѣ въ этой музѣ, — когда меня отвергаетъ мать!...

слуга (*входитъ*). Концертъ состоится. Ну ужъ этотъ Итальянецъ, сирь! Трудно повѣрить!...

севеджъ. Что, вѣрно, онъ не соглашался?...

слуга. Ни за что!... Ужъ я чуть не кланялся ему въ ноги, чтобъ онъ только избралъ вашу матушку покровительницей своего концерта! «Она, говоритъ, не въ модѣ; всё, говоритъ, артисты, меня предостерегали, что концертъ мой будетъ пустъ, если только она будетъ его главою»... Нечего дѣлать, падо было посылать за нотаріусомъ.... Я поручился отъ имени вашего за полный сборъ пяти концертовъ, которые онъ даетъ въ Лондонѣ, если только имя леди — повредитъ ему въ чемъ-нибудь....

севеджъ. Хорошо! (*Слуга уходитъ*). Я долженъ отстранять всё оскорбленія, которыми преслѣдуютъ мать мою. Англія не должна судить о ней слишкомъ-строга — мои несчастія происходятъ отъ меня самого... Я въ этомъ увѣренъ, и благодарю Бога, что начинаю быть нерѣшительнымъ, начинаю сознаться самъ въ себѣ! Между-тѣмъ, какъ я создаю въ своемъ воображеніи фантастическіе замки, — подошвы ихъ омываются моремъ сомнѣній, и то, что одной рукой я создаю, другою я самъ разрушаю! Я насаждаю деревья, и самъ поднимаю сѣкиру, чтобы срубить ихъ (*Подходитъ къ открытому окну*). Томная луна проливаетъ свой блѣдный свѣтъ на утомленный городъ. Дома и церкви бросаютъ мрачныя, таинственныя тѣни. Тихій вечеръ проливаетъ на всю природу отрадный сонъ, который всёхъ уравниваетъ, всё сердца дѣлаетъ благородными и добрыми!... Запоетъ пѣтухъ — и люди снова сдѣлаются завистниками, клеветниками, безбожниками, страшными врагами. Одна ночь ихъ пугаетъ, одинъ только мѣсяцъ, своими лучами, сковываетъ всё ихъ страсти! Можно подумать (*указывая въ окно*), что этотъ уснувшій міръ полонъ любви

и дружбы, кротости и добродѣтелей!.... Люди, люди! развѣ всѣ вы не плодъ одного дерева, развѣ всѣ вы не дѣти того яблока, которое нѣкогда въ раю поселило грѣхъ, а въ мѣрѣ страданія?... Развѣ не всѣ вы скоро уснете навѣчно тѣмъ сномъ, которымъ теперь успокоились до завтра?... Къ чему-же вамъ непаришь, злоба, страсти! Люди! именемъ этихъ звѣздъ, парящихъ надъ вами съ такою нѣжною любовію цѣлыя вѣка, прошу, умоляю васъ, — примиритесь между собою, сдѣлайтесь друзьями, братьями! Отъ-чего вы не улыбаетесь другъ-другу, отъ-чего вы не такъ добры, какъ создалъ васъ Творецъ?... Священная почва, въ твоёмъ таинственномъ мракѣ сокрыта блаженная надежда, что рано или поздно прійдетъ минута, когда люди предстанутъ на судъ Божій, когда хитрость, коварство, ложь — все, все упадетъ! О, отрадный геній смерти, снизойди ко мнѣ! Дай мнѣ силу охладить горячую грудь свою у твоего сердца, и покойно, весело перейти изъ этого міра скорбей, страданій — въ міръ лучшій, надзвѣздный!.... (За занавѣсью слышна балльная музыка. Она откидывается. На сценѣ видны зажженные люстры, толпы масокъ, которыя расхаживаютъ по сценѣ. Лордъ Тирконнель въ маску и съ маскою въ рукѣ подходитъ къ задумавшемуся у окна Севеджу.)

Л. ТИРКОННЕЛЬ. Вотъ вамъ маска, Севеджъ. Нашъ балъ въ полномъ разгарѣ.... Перестаньте мечтать. Надѣньте маску. (Надвигаетъ ее ему) Теперь (беретъ его за руку) пойдемте и вмѣшаемся въ толпу. (Уходитъ).

М. ЭЛЕНЬ (въ богатомъ костюмѣ). Маска, что читаешь ты въ звѣздахъ?

СЕВЕДЖЪ. Что Севеджъ не достоинъ быть другомъ миссъ Элени.... О, это вашъ голосъ, ваши сладкіе звуки, которыми вы сотворили для меня чудеса, и я неблагодарный....

М. ЭЛЕНЬ (прерываетъ его нѣжно). Чудеса, Ричардъ, болѣею частію происходятъ отъ самыхъ естественныхъ причинъ....

СЕВЕДЖЪ. Но никогда не имѣютъ столь неестественныхъ послѣдствій, какъ это было со мною.... Добрая миссъ Эленъ! простите меня, что я не усыпалъ пути, по которому вы шли къ королевѣ просить обо мнѣ — самыми нѣжными, безцѣпными цвѣтами благородности. Ахъ, вы слишкомъ хорошо знаете, что вся радость вашего великодушнаго, благороднаго поступка, была смѣшана съ горькимъ, ужаснымъ для меня разочарованіемъ.

м. эленъ. Я привыкла, Севеджъ, слѣдить за вами взорами, когда вы на крылатомъ конѣ своей грозной судьбы, летите, уносите мимо бѣдной Эленъ... Прежде васъ удаляли отъ меня ваши друзья, теперь — жестокая мать.

СЕВЕДЖЪ. Думали-ли вы когда-нибудь, что исполненіе моего единственнаго желанія будетъ сопряжено съ такими ужасными мучками?...

м. эленъ. Мнѣ не должно было поощрять въ васъ влеченія къ вашему, неизвѣстному родителю... Вы были похожи, Севеджъ, на дитя, когда рассказывали мнѣ о своихъ снахъ, въ которыхъ видѣли мать, о своемъ предчувствіи, что вамъ нѣкогда должно будетъ отметить отцу за оскорбленіе матери...

СЕВЕДЖЪ. Думая только объ одномъ этомъ, чѣмъ я не пренебрегалъ, чего не потерялъ! О, ужасно разочарованіе, когда, гоняся цѣлые годы за какой-нибудь мечтой, наконецъ видишь, что она улетѣла, исчезла! А между-тѣмъ годы шли, а съ ними уходила и счастливая, невозвратная юность! Ахъ, добрая миссъ Эленъ, чего я не лишился этимъ ужаснымъ обманомъ!

миссъ эленъ. Но не отчаявайтесь, Ричардъ! Вы обладаете завиднымъ даромъ поэзіи, изъ которой можете черпать и создавать все, что люди до-этихъ-поръ такъ напрасно вамъ предлагали. Пейте изъ этого цѣлебнаго источника, Ричардъ, и для васъ взойдетъ иное свѣтило, иныя радости.

СЕВЕДЖЪ. Никогда, никогда! Отринутая дружба, отвергнутая любовь — также невозвратны, какъ и годы младенчества. Жестокая судьба! Надобно-же было, чтобъ для меня, все счастье жизни, все мое блаженство, все радости, заключались въ одной только мысли о матери! Ей посвящалъ я все свои благородные помыслы, все высокія свои чувства, весь пламень своей восторженной души. Отъ нея одной ожидалъ я утѣшеній, радостей, примиренія съ своей горькой судьбою! Все напрасно! Надежда моя рушилась, а съ нею и все фантастическое зданіе моего счастья!

м. эленъ (указывая на сцену). А это счастье, этотъ блескъ, — развѣ вы ихъ ни чѣмъ не считаете?

СЕВЕДЖЪ. Не напоминайте мнѣ объ этомъ! Знаете-ли, я похожъ на сорванный цвѣтокъ, котораго сперва лишаютъ одного листка за другимъ, потомъ находятъ слишкомъ испорченнымъ, чтобъ поставить въ стаканъ, — и выбрасываютъ за окно!

м. эленъ (беретъ его за руку). Пойдемте! Будьте веселы! Я хочу сперва подстрекнуть ваше любопытство, а потомъ мно-

гое вамъ разказать!.... (Смѣшваются съ другими. Лордъ Тирконнель и лордъ Винчестеръ быстро выходятъ впередъ.)

Л. ВИНЧЕСТЕРЪ. Нашъ планъ удался какъ нельзя лучше — карета Леди летитъ сюда во всю прыть. Бервикъ въ послѣдній разъ удостоился чести быть ея кавалеромъ: она хочетъ, или, по крайней мѣрѣ, говорить, что хочетъ удалиться изъ большаго свѣта....

Л. ТИРКОННЕЛЬ. Тѣмъ лучше; наша шутка будетъ ей предложеномъ разыграть роль обиженной, разсерженной.... (Показывая назадъ) Посмотрите!

Л. ВИНЧЕСТЕРЪ. Это она!

Л. ТИРКОННЕЛЬ (увидя ее). Уйдемте! Мы представимся ей позже! (Леди Мекельсфильдъ и Л. Бервикъ выходятъ впередъ, въ маскахъ.)

ЛЕДИ (удивленная). Странно, комнаты герцогини совершенно измѣнились!

Л. БЕРВИКЪ. Ихъ осенью передѣлывали.... Прежде эта зала была настоящій Оермопильскій проходъ, гдѣ болѣе трехъ-сотъ человѣкъ гостей — находились въ опасности задавить другъ друга....

ЛЕДИ. И самое общество что-то странное....

Л. БЕРВИКЪ. Подъ масками все кажутся незнакомыми.... Отыскать-бы намъ только герцогиню.... (Проходятъ.)

СТИЛЬ (арлекиномъ, съ трещеткою въ рукахъ, еще прежде показывающійся). Вотъ и мы тутъ!.... Послушай, почтенная маска, что продолжительнѣе затмѣнія луны?

МАСКА. Мое министерство....

СТИЛЬ. Нѣтъ, — честность: она хоть и рѣдка, за то не забывается скоро! (Другой маскѣ) Г. Парламентскій ораторъ, отъ-чего у свободы нашей матушки Англiи нѣтъ рукъ, а?

МАСКА. Отъ-того....

СТИЛЬ. Отъ-того, что-вы водите ее за носъ.... (Другой маскѣ) Почтеннѣйшій Вилькенсъ, отъ-чего вы свой журналъ назвали Аргусомъ?

МАСКА. Отъ-того, что сто глазъ видятъ болѣе двухъ....

СТИЛЬ. Нѣтъ, почтеннѣйшій Вилькенсъ, отъ-того, что вы 99 глазъ можете закрыть, а все таки вамъ останется еще одинъ открытый, чтобъ считать деньги, которыя вы обираете съ обманутой публики.... (Другому). Веселись, брюзга!.. Послушай, какъ ты думаешь, на кого ты похожъ, а?

МАСКА. Станный вопросъ....

СТИЛЬ. Совсѣмъ нестранный, — на верблюда! (*Указывая на него.*) Верблюда не продѣнешь въ иглиное ушко! (*Ударяетъ по плечу другую маску*) Любезный судья, отъ-чего говорить, будто Оемида слѣпа?

МАСКА. Отъ-того....

СТИЛЬ. Отъ-того, отъ-того!... Отъ-того, что она на всё смотритъ сквозь пальцы! (*Другой маскѣ.*) Ну, любезный философъ, скажи-ко мнѣ, изъ чего Парки должны ткать нить европейской жизни?..

МАСКА. Изъ.....

СТИЛЬ. Изъ англійской бумаги — замѣть себѣ это — а не изъ французскаго шолку. (*Другой маскѣ.*) Позвольте узнать, г. директоръ таможни, сколько часовъ провозятъ изъ Женевы въ Англію?

МАСКА. Тринадцать тысячъ.

СТИЛЬ. Тринадцать тысячъ! А между-тѣмъ все таки не знаютъ въ Англии, какое теперь время! (*Другой маскѣ.*) Послушай, Лордъ, тебѣ только 19 лѣтъ и ты уже камергеръ... Чтѣ ты скажешь о своемъ камергерскомъ ключѣ?...

МАСКА. Чтѣ....

СТИЛЬ (*Указывая на него.*) Чтѣ у него нѣтъ еще бородки! (*Бьетъ по плечу Севежда, который проходитъ подъ руку съ миссъ Элленъ.*) Любезный, какъ ты думаешь, чтѣ крѣпче моей трещетки?

СЕВЕЖДЪ. (*Уныло.*) Посохъ нищеты!... (*Проходитъ.*)

СТИЛЬ. (*Задумчиво, смотритъ ему въ-смыдъ.*) При этомъ блескѣ ты такъ печаленъ, добрый другъ! Не долженъ-ли я стыдиться своей веселости! (*Теряется въ толпѣ.*)

(*Леди Мекельсфилдъ въ безпокойствѣ и лордъ Бервикъ выходятъ впередъ.*)

ЛЕДИ. Я ни гдѣ не нахожу герцогини...

Л. БЕРВИКЪ. Тѣснота такая... Она, кажется, не принимаетъ сама....

ЛЕДИ. Всѣ голоса здѣсь такъ незнакомы мнѣ....

Л. ТИРКОНЕЛЬ. (*Подходя.*) Прекрасная маска, ты найдешь здѣсь человѣка, котораго можешь сдѣлать счастливейшимъ изъ смертныхъ...

ЛЕДИ. (*Въ-сторону.*) Этотъ голосъ!...

Л. ТИРКОНЕЛЬ. (*Къ группѣ, которая ихъ окружаетъ.*) Господа! если-бъ вы знали, кого счастливый случай привелъ къ намъ подъ этой маской!....

ЛЕДИ. (*Срываетъ маску, съ энвоиомъ и гордостію.*) Чтѣ здѣсь

хотять представлять со мною! Кто я, какъ не я сама? (Музыка прерывается, всѣ въ удивленіи.)

СЕВЕДЖЪ. (Съ радостнымъ смущеніемъ.) Мать моя!

ЛЕДИ. (Язвительно захохотавъ.) А, вотъ что здѣсь за фиглярство! (Срываетъ съ л. Тирконнеля маску.) Вы дерзнули на такой низкій обманъ!? (Снимая маску съ л. Бервика.) Вы, вы участникъ этого обмана! (Лорду Винчестеру.) Вы радуетесь его успѣху! (М. Эллею.) И вы здѣсь, чувствительная дуручка! Вѣрно за тѣмъ, чтобъ свои театральныя румяна выдавать этому милому обществу за цвѣтъ добродѣтели?...

СЕВЕДЖЪ. (Бросаясь къ ногамъ леди.) Матушка!

ЛЕДИ. (Отступая съ холодностію.) Ты?.. Я оставляю маску на твоёмъ преступномъ лицѣ, — изъ состраданія къ стыду, который долженъ загорѣться на немъ отъ этой подлой измѣны!

Л. ТИРКОННЕНЬ. (Язвительно.) Онъ, кажется, еще не танцевалъ съ вами, миледи!

ЛЕДИ. Если-бъ когда-нибудь я чувствовала, что могу быть его матерью, — то имѣла-бы теперь полное право осѣпять его, умертвить своими проклятіями.....

Л. ТИРКОННЕНЬ. (Злобно.) Встаньте, Севеджъ, ваша матушка признаетъ васъ....

ЛЕДИ. Да, узнайте всѣ и расскажите всему Лондону, — что я признаю его, что я не въ силахъ болѣе противиться мнѣнію свѣта. Но скажите ему также, что въ моемъ покоренномъ материнскомъ сердцѣ, уже нѣтъ холоднаго презрѣнія, — а пожирающее пламя ненависти! Если я прежде робко и, истерзанная тысячами пытокъ, бѣжала стыда, которымъ меня клеймили, — теперь я буду идти ему на-встрѣчу! Теперь я стану отыскивать опасности, въ кототорыя меня вовлекають, вызову жертву своей ненависти на открытую площадь — и при цѣломъ свѣтѣ назовусь его матерью; да, да, его матерью, — чтобъ проклясть часъ, въ который онъ родился, жизнь, которую онъ посвятилъ несчастію, мукамъ бѣдной женщины! (Убѣгаетъ изъ залы.)

СЕВЕДЖЪ. (Встаетъ, снимаетъ маску и кидаетъ ее къ ногамъ л. Тирконнеля, съ спокойною рѣшительностію.) Милордъ, вотъ вамъ маска, которою вы хотѣли сдѣлать меня участникомъ вашего подлаго маскерада! (Снимаетъ золотую цѣпь и бросаетъ ее.) Вотъ одна изъ золотыхъ оковъ, отъ которыхъ я освобождаюсь въ эту минуту! (Бросаетъ ему часы, кольца, деньги и ключъ.) Вотъ все золото, всѣ блески, которыми вы сдѣлали меня пугалищемъ женщины, ненавидимой вами. Вотъ вамъ ваши драго-

цѣнности, кольца, деньги, вотъ ключъ отъ всего, что вамъ принадлежитъ; я чувствую въ себѣ болѣе силы умереть съ голоду, чѣмъ жить милостію человѣка, котораго презираю! Я возвращусь снова къ бѣдности, оставленной мною, кажется, для того только, чтобы узнать, что жить въ нищетѣ, умереть съ горя — блаженство въ сравненіи съ счастьемъ, покупаемымъ на счетъ чести. (*Извѣстно.*) Ступайте теперь къ моей матери,— своимъ проклятіемъ она меня признала, примирилась со мною. — (*Съ злобною насмѣшкою.*) Ваши сердца бьются однимъ тактомъ! Посмѣйтесь съ нею надъ этою шуткою, надъ свѣтомъ,— надо мною, милордъ! (*Съ стѣсненнымъ сердцемъ.*) Я слишкомъ хорошо теперь знаю, какой назначенъ мнѣ въ этомъ мірѣ жребій,— и жажду корки хлѣба, соломеннаго ложа, нищеты — среди которыхъ все-таки могу сказать себѣ: ты лучше своей участи! Если вы, милордъ, лишитесь этого блеску, — вы ничѣмъ не можете быть; я, (*съ гордостью*) я могу сдѣлаться опять тѣмъ, кѣмъ былъ прежде!

(*Уходитъ.*)

Во время опущенія занавѣси. } м. эленъ. Ричардъ!
 } стилъ. Другъ, успокойся! (*Всеобщее движеніе.*)

=

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Бѣдная комната, съ дверью прямо на улицу. У окна столъ, на которомъ работаетъ Томсъ съ подмастерьемъ. — На-лѣво впереди старое высокое кресло. На-право, у стола, Китти складываетъ бѣлье.

томсъ. Подожди только до пасхи, Китти, когда сводятся наши счеты... Оно, конечно, многого не соберешь,.. всякой знаетъ, что нашему брату, портному, росписки да за записки ни къ чорту ни годятся... Ну да все-таки гиней, другая перепадетъ, что-бъ исправить твои тряпки!

китти. А ужъ нечего сказать, славно поспился!.... За-то все это было лучшаго сорта, все подарки господь....

томсъ. Да, ты таки понакопила себѣ добра, какъ служила у князей да графовъ — на двадцать лѣтъ хватило!.... (*Глядя въ окно.*) Посмотри, — опять ползеть сюда нашъ бѣднякъ, у котораго вотъ здѣсь (*указывая на голову*), кажется, не-совсѣмъ въ порядкѣ!

китти. Какъ-бы къ намъ, не забрелъ опять? — мы сами люди бѣдные.

томсъ. Ну что онъ у тебя отниметь? Тепло — что-ли? Или каплю чернилъ, которыхъ онъ иногда попроситъ.... За-то онъ выведетъ мнѣ къ пасхѣ счеты.... Господи Боже мой! Смерть такъ вотъ и написана на его лицѣ, и мнѣ кажется, что я отсюда слышу, какъ у него ворчитъ въ желудкѣ....

китти. Пусть запишется въ приходъ, чтобъ богатые за него платили.... Онъ думаетъ, что намъ, бѣднякамъ, ничего не значить давать ему по вечерамъ свѣчъ, когда мы сами, изъ бережливости, сидимъ въ потьмахъ. — Да и желала-бы я знать, что онъ такое цѣлый день пишетъ?

томсъ. Полно, полно, Китти! Ну, статочное-ли дѣло обижать человѣка, которому нужно только шить саванъ, да поставить гробъ, чтобы исполнить единственное его желаніе!... У этихъ бабъ — вѣчно чортъ сидитъ въ головѣ!....

(*Входитъ мальчикъ.*)

мальчикъ. Нельзя-ли мнѣ узнать, гдѣ-бы мнѣ отыскать здѣсь Ричарда Севеджа?

томсъ (*ставая*). Китти, да кажется такъ зовутъ этого бѣднаго человѣка, о которомъ мы только-что говорили!.... Подождите немного.... онъ (*выглядывая въ окно*) сейчасъ былъ тутъ.... Странно, куда онъ дѣвался?

мальчикъ. Въ вашихъ темныхъ улицахъ, за этими лавками, не скоро его отыщешь.... У меня есть къ нему письмо....

томсъ (*услужливо*). Знаете ли что, сударь? Г. Севеджъ иногда приходитъ сюда, такъ я....

китти. Пожалуйста, не принимай на себя этого....

томсъ (*сердито*). Я не понимаю, что тебѣ пужно! (*Ласково мальчику*.) Оставьте письмо здѣсь, и будьте уврены, что я передамъ его, кому слѣдуетъ....

мальчикъ. Съ удовольствіемъ. (*Отдаетъ письмо и уходитъ.*)

китти. Вѣрно, у него требуетъ кто-нибудь долга?....

томсъ (*глядя въ окно*). А, воиъ онъ опять появился! Боже

милосердый! Онъ весь дрожить, нагота его едва прикрыта!.... То онъ надъ чѣмъ-то задумывается, то устремляетъ глаза къ небу, то какъ-будто хочетъ проникнуть землю.... Народъ такъ уже привыкъ къ нему, что не обращаетъ на него и вниманія!.. Ну ужъ народецъ Божій! Только о себѣ и думаетъ!.... Какъ онъ скоро идетъ сюда!....

СЕВЕДЖЪ (*выходитъ въ черномъ изношенномъ платьѣ; во вспѣхъ движенійхъ его что-то лихорадочное* Краткое молчаніе.) Добрые люди, дайте мнѣ пера и бумажки!

ТОМСЪ (*подаетъ ему то и другое. Китти смотритъ угрюмо и наблюдаетъ за Севеджемъ, который, написавъ что-то, выходитъ впередъ, перечитываетъ написанное и говоритъ, едва не падая отъ напряженія.*) Это моя пѣснь смерти!

ТОМСЪ (*ведетъ его къ кресту.*) Отдохните, вы устали! Вотъ вамъ письмо.

СЕВЕДЖЪ (*беретъ его, распечатываетъ, читаетъ и подаетъ Томсу вынутыя изъ конверта деньги.*) Возьмите, добрый человѣкъ! Книгопродавецъ прислалъ мнѣ эти деньги за мои стихи... (*Вдыхая и слабо.*) Кажется ихъ довольно — чтобъ схоронить меня?

ТОМСЪ. Полноте, сударь....

СЕВЕДЖЪ. Просто — небольшую могилку.... но (*настойчиво*) непременно крестъ.... съ черными, ясными словами: «Ричардъ Севеджъ»!

ТОМСЪ. Перестаньте гнѣвить Бога, сударь; вы еще долго проживете.... отдохните. Китти, подай имъ чего-нибудь подкрѣпиться.... (*Китти уходитъ.*)

СЕВЕДЖЪ. Мнѣ ничего не нужно.... оставьте, оставьте меня.... дайте мнѣ только краткаго спокойствія.... Занимайтесь, добрые люди, своей работою.... я вамъ не мѣшаю, — работайте себѣ....

ТОМСЪ. Я знаю, вы любите уединеніе. Хорошо, что вы пришли сюда — на дворѣ такая буря! (*Садится за работу.*)

СЕВЕДЖЪ. Время летитъ!.... Я вижу, какъ стрѣлка приближается къ тому счастливому часу, когда я покину эту ужасную жизнь!.... Прости, прекрасный міръ! О, я твердо вѣрю, что небо никогда не хотѣло сдѣлать тебя страшною темницею, изъ которой душа рвется на свободу!.... Оно украсило тебя зеленою полемъ, пѣсями пернатыхъ, лучами роскошнаго солнца, пріятною прохладою водъ.... мы сами тебя испортили, отравили своимъ ядовитымъ дыханіемъ!.... Нѣтъ, одинъ человѣкъ, при всѣхъ своихъ порокахъ и злодѣяніяхъ, не въ силахъ навлечь на себя

бѣдствій и горя цѣлой жизни; они, подобно лавинѣ, скопляются, переходятъ отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку, и только надъ избранными несчастливцами, подобными мнѣ, — разражаются въ страшныхъ ударахъ, отъ которыхъ гибнуть эти немногіе.... гибнуть — чтобъ прочіе остались цѣлы и невредимы!.... (*Пронически.*) Славно я пожилъ на свѣтѣ!.... Родился въ тиши, тайкомъ, какъ совершается убійство, воровство; родился такъ постыдно, какъ только можетъ родиться самое презрѣнное животное; вскормленъ въ грязи, въ нищетѣ, надъ черствою коркою хлѣба, которую давали мнѣ изъ состраданія... потомъ убѣжалъ отъ жестокостей воспитателей, выросъ на дикой свободѣ, сдѣлался поэтомъ, наконецъ открылъ тайну своего рожденія.... О, если жить значитъ довѣрчиво отдаться судьбѣ и свѣту — то я могу сказать, что я жилъ три дня!.... (*Сильно*) Жестокая, несправедливая судьба! Три дня я былъ счастливъ, счастливъ — мечтаю!.... Ха, ха, ха!.... Межъ-тѣмъ, какъ я переходилъ отъ страха къ надеждѣ, отъ блаженства къ отчаянію — я чувствовалъ, какъ мало-по-малу замирали во мнѣ всѣ органы жизни.... Я надѣялся, что нищета и горе меня вылечатъ, я бѣжалъ отъ своихъ друзей — и горько ошибся въ расчетѣ! Бури и непогоды, подъ которыми я спалъ на открытомъ полѣ, погасили замирающее пламя; если что-нибудь и осталось еще — это тлѣніе углей и дымъ, который еще клубится.... но скоро уже утихнетъ, утихнетъ на вѣки!.... Я слышу въ воздухѣ райскіе напѣвы.... Мнѣ чудятся какія-то божественные звуки.... (*Опускается въ изнеможеніи въ кресло; слышенъ стукъ кареты.*)

томсѣ (*соскочивъ со стула.*) Великолѣпная карета....

(*Слуга и Китти входятъ.*)

СЛУГА. Здѣсь живетъ Китти Смитъ?....

КИТТИ. Урожденная Китти Смитъ, нынѣ Китти Томсѣ?....

СЛУГА. Которая двадцать-пять лѣтъ тому назадъ служила у лорда Монка....

КИТТИ. Въ графствѣ Кентскомъ? Это я, я....

СЛУГА. Очень-хорошо. (*Уходитъ.*)

КИТТИ (*съ любопытствомъ*) Чтò-бы это значило?....

(*Леди Мекельсфильдъ входитъ, покрытая вуалемъ, не замѣчая Севеджа.*)

ЛЕДИ (беретъ Китти за руку и выходитъ впередъ.) Вы Китти Смитъ.... Знали вы леди Мазонъ?

(Севеджъ обращается къ ней.)

КИТТИ (медленно.) Но она, миледи, такъ давно уже умерла....
ЛЕДИ. Прошу васъ, припомните себѣ все, что вы знали объ этой дамѣ....

СЕВЕДЖЪ (поднимается и держится за спинку кресель.) Этотъ голосъ!....

КИТТИ. Миледи, это было такъ давно.... двадцать-пять лѣтъ назадъ.... Леди Мазонъ была гордая дама, и то, что я знаю о ней, не-такого рода, чтобъ рассказывать другимъ....

(Севеджъ падаетъ въ изнеможеніи.)

ЛЕДИ. Говорите все откровенно — я дочь леди Мазонъ.

(Севеджъ съ усиленіемъ обращается къ леди.)

ЛЕДИ. Вамъ дали на воспитаніе дитя, которое принадлежало дочери леди Мазонъ....

КИТТИ. Сына графа Риверса.

(Севеджъ старается оживиться, но отъ страданій не можетъ.)

ЛЕДИ. Что съ нимъ сдѣлалось? Именемъ Бога умоляю васъ, будьте откровенны! Небо и земля зависятъ отъ вашего отвѣта.

КИТТИ (съ замѣшательствомъ.) Мнѣ извѣстно, миледи, что вы изъ ненависти къ графу Риверсу, совершенно отреклись отъ его сына.... Одна только ваша матушка заботилась сначала о его бѣдной участи....

ЛЕДИ. Я это знаю, знаю.... но осталось-ли это дитя въ живыхъ.... Матушка на смертномъ одрѣ своемъ сказала мнѣ, что оно умерло....

(Севеджъ выпрямляется дико.)

КИТТИ. Миледи, я бѣдная женщина....

ЛЕДИ. Говорите, говорите — я желаю вамъ добра.... говорите!

КИТТИ. Мать ваша, миледи, была гордая и рѣшительная жен-

щина.... Она ненавидѣла графа Риверса, и чтобъ разлучить его съ вами, она отняла у меня... Вы сбиваете меня.... я бѣдная женщина.

леди (*рѣшительно*). Живо-ли дитя?....

китти. Ваша матушка его гнушалась.... Когда я приходила съ нимъ за деньгами... Она никогда не брала его на руки.... потому она отдала его на прокормленіе какому-то ремесленнику.... тамъ дитя выросло.... убѣжало....

леди (*съ отчаяніемъ*). Боже милосердый!

китти. Его воспитатели умерли и молодой Ричардъ нашелъ у нихъ бумаги, письма, метрику.... Кажется.... все это такъ было.... какъ я вамъ.... говорю.... Клянусь вамъ, миледи.... я.

леди (*какъ-бы уничтоженная*). Такъ онъ былъ мой сынъ!...

СЕВЕДЖЪ (*падая*). Искушеніе.... свѣтъ.... свобода....

ТОМСЪ (*подбѣгая къ нему*). Что съ вами? Милосердый Боже! онъ умираетъ!...

леди (*увидя Севеджа*). Кто.... кто это?... Не обманываютъ-ли меня глаза мои?... Боже правый! Сынъ, сынъ мой!...

(Задняя дверь быстро отворяется, входятъ Стиль и м. Элленъ).

СТИЛЬ. Послушайте, гдѣ-бы мнѣ найти Ричарда Севеджа?

м. элленъ. Всемогущій Боже! онъ умеръ, умеръ! Ричардъ, Ричардъ! (*Падаетъ передъ умирающимъ Севеджомъ*).

СТИЛЬ (*тронутый*). Мой добрый другъ, мой Севеджъ! мы принесли тебѣ пальму побѣды и должны положить ее на твою могилу!... (*Увидя леди*). Миледи! Какой злой духъ привелъ васъ сюда! Неужели одна только смерть могла привести васъ къ сыну, котораго при жизни вы чуждались.... Миледи, я объявилъ и защищалъ права Ричарда предъ парламентомъ; бумаги его строго изслѣдованы и признаны за подлинныя всѣми представителями народа...

леди (*оправясь, съ достоинствомъ, но привѣтливо*). Когда Ричардъ началъ убѣгать меня, я сама его отыскала, когда свѣтъ пересталъ говорить о немъ, — мое сердце за него заговорило.... Тысячи страданій моей юности не поколебали моего характера, напротивъ, сдѣлали его еще болѣе упорнымъ и настойчивымъ, чѣмъ дали мнѣ его природа и воспитаніе. — Я охотно оставляю свѣтъ и сама признаю надъ собою наказаніе вѣчнаго изгнанія изъ Англій.... Въ далекомъ уединеніи (*глядя на Севеджа*) его

геній будетъ парить надо мною.... (Чувства ее одолюваютъ). Нѣтъ, нѣтъ, я не достойна этого! Я дала ему жизнь, — дала и смерть. СЕВЕДЖЪ (судорожно протягиваетъ ей свою руку).

ЛЕДИ (бросаясь къ нему, и хватая его руку). Онъ прощаетъ меня! Сынъ мой! (Севеджъ умираетъ). За-чѣмъ ты долженъ умереть, теперь, — когда мое сердце смягчилось къ тебѣ, когда я чувствую, что я могу любить тебя! (Молчаніе; она встаетъ и оправляется). Схороните его въ склепѣ моихъ предковъ... поставьте.... у его ногъ... (Съ усиленіемъ) да, у его ногъ... свободное мѣстечко для меня.... его матерн.... которая скоро, скоро за нимъ послѣдуетъ.... (Хочетъ уйти, но чувства ее одолюваютъ и она падаетъ около Севеджа).

СТИЛЬ (съ грустію). Времена и правы — вотъ ваши жертвы!... О, если-бы спали съ человѣка оковы предразсудковъ, если-бъ въ хаосѣ свѣта, съ его холодными разчетами, съ его рабскими законами, восторжествовалъ-бы голосъ природы, — люди не были-бы такъ несчастны, такъ достойны горькаго сожалѣнія!...

Съ Ильм. П. РУД-ЫЙ.

Надъ тобою мнѣ тайная сила дана,
Это — сила звѣзды роковой.
Есть преданье — сама ты преданій полна —
Такъ послушай: бываешь порой,
Въ небесахъ загорится, средь сонма свѣтилъ,
Небывалое вдругъ иногда,
И горѣть ему ярко Господь присудилъ;
По падучая это звѣзда,
И сама ли нечистымъ огнемъ сожжена,
Или звѣздному кругу чужда,
Серафимами съ неба столкнута она,
Разсыпается прахомъ звѣзда;
И дано, говорятъ, той печальной звѣздѣ
Искушенье посѣять одно,
Да лукавые сны, да страданья вездѣ,
Гдѣ рассыпаться ей суждено.

Надъ тобою мнѣ тайная сила дана,
Эту силу я знаю давно:
Такъ, изъ пристани вырвавъ, морская волна
Въ безпредѣльность уноситъ судно.
Такъ отъ дерева листь оторвавши гроза,
Въ вихрѣ пыли его закружить,
И съ учащемъ слѣдя, не увидать глаза,
Гдѣ кружится, куда онъ летитъ...
Надъ тобою мнѣ тайная сила дана
И тебя мнѣ увлечь суждено,
И пускай ты горда, и пускай ты скрытна, —
Эту силу я понялъ давно.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

ЮМОРИСТИКА.

=

ЗАМѢТКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЗѢВАКИ.

§ 5.

ФИЗИОЛОГІЯ ДИЛЕТТАНТА.

Немузыкальность Петербурга. — Романы бабушекъ. — Романы мамекъ. — Древняя опера. — Нашествіе дѣвы, луны, мечты и чаши. — Романы двадцатыхъ годовъ. — Дилеттантизмъ до Итальянцевъ. — Псевдо-дилеттанты. — Современная фортепіанная школа. — Любители и концерты. — Польки. — Рожденіе дилеттантизма. — Дилеттанты и меломаны. — Нетеатральные дилеттанты. — Ультра-дилеттанты. — Театральные дилеттанты. — Дилеттантъ-классикъ. — Дилеттантъ-романтикъ. — Дилеттантъ-доктринеръ. — Дилеттантъ-экстатикъ. — Дилеттанты-музыканты. — Дилеттанты-пѣвцы. — Благоразумные дилеттанты. — Роверисты. — Тамбуринисты. — Тамбуринистки. — Рубинисты. — Унануисты. — Альбонисты. — Ниссенисты. — Кастелманясты. — Виардисты. — Дилеттантки. — Подписка одного Кастелманиста.

Петербургъ — городъ не музыкальный. Это давно рѣшено и принято всеми, кромѣ-тѣхъ, которые поютъ или играютъ на какомъ-нибудь инструментѣ. Только этому немногочисленному сословію любимцевъ Аполлона кажется, что Петербургъ, если не понимаетъ, то по крайней-мѣрѣ чувствуетъ музыку, особливо въ то вре-

мя, когда они сами поютъ или играютъ. Но пріятное заблужденіе ихъ было-бы уничтожено самымъ безжалостнымъ образомъ, если-бы они могли узнать, что думаютъ о музыкѣ тѣ лица, которыя съ самой милой улыбкой говорятъ имъ: *comme c'est joli*, когда они окончили какую-нибудь музыкальную или вокальную піесу. Петербургъ по своему климату, географическому положенію, общественному значенію и столичной степенности не можетъ любить музыку. Ему даже, просто, *нѣкогда* заниматься ею; пойдутъ-ли въ голову мотивы и рулады при 20-ти градусахъ мороза, при хлопотахъ и спекуляціяхъ разнаго рода, при многочисленныхъ служебныхъ занятіяхъ, нетерпящихъ ни малѣйшаго отлагательства? Можетъ-ли существовать меломанія при чипоманіи, преферансоманіи, денъгоманіи и другихъ тому подобныхъ *маніяхъ*? Со дня основанія его по 1843-й годъ, Петербургу приходилось иногда выть и охать, но пѣть ему не случалось вплоть до настоящей поры. Конечно, въ немъ пѣвались всегда разныя пѣжные романсы, но если нѣтъ правила безъ-исключенія, то самыя исключенія никогда не могутъ составить правила. Бабушки наши пѣвали: «*Кто могъ любить такъ страстно*», «*Звукъ унылый фортопьяна*», «*Канареечка любезна*», «*Законы осуждаютъ предметъ моей любви*», «*Лейтесь, лейтесь токи слезны*» и тому подобныя чувствительныя пѣсенки, списывая ихъ въ тетрадки безъ всякой орфографіи, часто даже, ставя стихи не по куплетамъ, а одинъ подлѣ другаго, во всю длину страницы, сколько упишется, перенося слова какъ придется, не употребляя ни запятыхъ, ни точекъ, ни прописныхъ буквъ, ни другихъ подобныхъ имъ бесполезныхъ украшеній. Маменьки бѣльшей части нынѣшняго поколѣнія пѣвали аріи и романсы изъ *Русалки*, *Сандриліоны*, *Любовной Почты*, *Красной шапочки*, *Лодиски* и другихъ, нѣкогда знаменитыхъ оперъ. Нѣжныя пѣсенки писалъ для нихъ Карамзинъ, Нелединскій-Мелецкій, Дмитріевъ, и цѣлая туча ихъ подражателей, чьи имена даже позабыло неблагодарное потомство. Въ двадцатыхъ годахъ, вошли въ моду романсы Пушкина, Дельвига, Жуковскаго и ихъ послѣдователей. По бѣльшей части въ нихъ воспѣвались горестъ, любовь и измѣна. Наконецъ въ тридцатыхъ годахъ явились на сцену бурныя страсти, упительныя очи и ночи, неистовые восторги, и презрѣніе общественныхъ предразсудковъ. Родились на свѣтъ *Божій дѣва*, *луна*, *мечта и чаша*, страшные союзники, грозившіе нѣкогда конечной гибелью русской поэзіи. Явились романсы, воспѣвавшіе очи, зубы, груди, башмаки, кудри, губы, бирюзу, кольца, шарфы, незабудки, ландыши, полночь,

утро, вечеръ, балъ, деревню, усы, эпюлеты, саблю, разлуку, гусаровъ, солону, вдохновеніе, упоеніе, уединеніе, слезы, розы, грезы, безумье, раздумье, страданіе, рыданіе и разочарованіе, — послѣднее въ особенности было въ большой модѣ. Русскія мелодіи также приобрѣли право гражданства между музыкальными произведеніями, но мелодіи вылощенные, вымытыя, вычищенные, приглаженные — какъ слѣдуетъ, для появленія въ высшемъ обществѣ. Почти въ это же время родился и оперный *дилеттантизмъ*, въ началѣ едва замѣтный, и неявлявшійся въ высшемъ кругѣ. Въ то время дилеттанты сдвигались съ театралами; они одинаково восхищались балетной музыкой и мотивами «Фенеллы» и «Роберта», сходили съ ума отъ «Морскаго-Разбойника» и «Капулетовъ». Барышни къ своему музыкальному репертуару прибавили нѣсколько арій изъ «Жизни за Царя» и *Grave, grandioso*, изъ «Роберта». Нѣкоторыя изъ итальянскихъ оперъ, спѣтыя въ-то-время русскими пѣвцами, не сдѣлали на публику большаго впечатлѣнія; комическія оперы Обера правились больше; нѣмецкіе пѣвцы усыпляли публику произведеніями германскихъ композиторовъ, въ родѣ «Nachtlager in Granada» — Крейцера и «Fidelio» — Бетговена. *Жидовку* спасли одни лошади. Не смотря на то, что между нашими музыкантами явилось нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ, что мелодіи Глипки и Варламова тронули не одно сердце, — музыка не дѣлала видимыхъ успѣховъ въ Петербургѣ. Правда, почти всѣ наши барышни брещатъ на фортепіано, но, увы, — господа кавалеры не очень-любятъ этотъ родъ вечернихъ занятій и дѣлаютъ весьма-плачевныя гримасы, когда на какомъ-нибудь вечерѣ ихъ заставляютъ слушать блистательныя варіаціи Листа и Тальберга, для успѣшнѣйшаго и удобнѣйшаго исполненія которыхъ къ десяти пальцамъ, даннымъ намъ природою, скоро придется прибавлять еще столько-же искусственныхъ. Конечно, есть между слушателями такіе господа, которые считаютъ своею обязанностью закатить глаза и ахнуть эффектнымъ образомъ при исполненіи серенады Шуберта, или какой-нибудь мелодіи Гензельта, но эти *псевдо-дилеттанты*, о которыхъ мы еще будемъ говорить подробно, съ такимъ-же восторгомъ прослушаютъ и трепака, если вы назовете его сначала серенадой. Упадку дилеттантизма способствовалъ очень-много нынѣшній родъ музыки, господствующій впрочемъ во всей Европѣ, и состоящій болѣею частью въ побѣжденіи трудностей. Скачки и прыганья по клавишамъ доходятъ нынче до удивительныхъ пассажей. Скоро можетъ дойти до того, что знатоки будутъ играть на двухъ фортепіано разомъ,

поставленныхъ одно подлѣ другаго, для того, чтобы дать болѣе простора своимъ семимильнымъ гаммамъ. Это дребезжанье, трещанье, выбиванье барабанной дробы, и безъ того не на весьма благозвучномъ инструментѣ, можетъ заставитьъ уйти самаго терпѣливаго слушателя. Бѣглость въ наше время главное условіе игры на фортепіано. Играть двумя руками такъ, какъ другой не сыграетъ четырьмя — верхъ совершенства искусства. Если-бы со-роконогія насѣкомыя могли когда-нибудь достигнуть до понятія нашихъ музыкальныхъ знаковъ, то затмили-бы непременно славу всѣхъ фортепіанныхъ скороходовъ. Вокальная музыка въ нашихъ салонахъ, — говоря ихъ языкомъ, еще менѣе *кюльти-вируется*. Скорость въ бѣганьи по фортепіано еще можно пріобрѣсти навывкомъ, но голосъ дается природою, а мѣдный котелъ какъ ни обдѣлывай, онъ все будетъ издавать тѣтъ-же дребезжащій звукъ. Пѣвцовъ и пѣвицъ у насъ, по-крайней-мѣрѣ, въ тысячу разъ менѣе, чѣмъ музыкантовъ. Хорошій голосъ въ Петербургѣ большая рѣдкость, — при нашемъ благорастворенномъ климатѣ это иначе и не можетъ быть. Замѣчательные пѣвцы и пѣвицы извѣстны всѣ на-перечетъ, но немногіе понимаютъ, какого труда стоило имъ выработать и сохранить свой голосъ. *Любители*, правда, даютъ иногда въ пользу разныхъ бѣдныхъ семействъ и благотворительныхъ заведеній, частные и публичные концерты, гдѣ, за рубль-сорокъ три копейки серебромъ, можно видѣть цвѣтъ петербургскаго общества, которое чрезвычайно довольно, когда достигаетъ извѣстности въ Коломнѣ и на Васильевскомъ-островѣ, хотя, на словахъ, показываетъ большое презрѣніе къ мнѣнію этихъ античныхъ частей города. Концерты *любителей* не очень *любятъ* публика, которая, кромѣ пожертвованныхъ ею денегъ, должна еще жертвовать двумя или тремя часами времени, чтобы выслушать *любимыя* мѣста изъ *любимыхъ* оперъ, спѣтыя и разыгранныя съ *любовью* къ искусству. Композиторовъ у насъ еще меньше, чѣмъ пѣвцовъ. Большая часть изъ нихъ перебивается кроеніемъ арій изъ итальянскихъ оперъ по-мѣрѣ кадрили и вальсовъ, или, просто, безъ дальнѣйшаго труда переложеніемъ на фортепіано *любимыхъ* арій. Последній родъ работы носятъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ на французскомъ языкѣ пропитское названіе: «*arrangé pour le piano!*» Въ настоящее время образованный Петербургъ сходитъ съ-ума отъ *полекъ*, которыя одинъ господинъ, отличающійся необыкновенно-*сильною* игрою на фортепіано, пишетъ въ невѣроятномъ количествѣ, съ ужасающею скоростью. — Есть между композиторами и такіе, которые въ уединеніи пи-

шутъ грозныя оперы въ дико-мейерберовскомъ вкусѣ. Публика однако-же не имѣетъ удовольствія слушать ихъ, потому-что онѣ, по какому-то странному случаю, не принимаются дирекціею.

При такомъ-то состояніи музыки въ С. Петербургѣ, представляющей, по-счастью, дѣсколько блистательныхъ исключеній во всѣхъ родахъ, — въ послѣднее время, въ сезонъ 1844 и 1845 года развила новый элементъ общественной жизни — *дилеттантизмъ*, явилось новое, замѣчательное типическое лицо *дилеттантъ*. Итальянская опера пробудила въ публикѣ страсть къ музыкѣ и пѣнію, своимъ благотворнымъ дыханіемъ, способствовала къ образованію дилеттанта, скрывавшагося до той-поры въ неизвѣстности, въ зародышѣ, въ скорлупѣ, въ хризалидѣ. До итальянской оперы дилеттантъ былъ всѣмъ и ничѣмъ, онъ былъ похожъ на другихъ и ни на-что не похожъ. Онъ могъ быть и чиновникомъ, и театраломъ, и свѣтскимъ человѣкомъ, и поэтомъ, и акціонеромъ какой-нибудь золотопромышленной компаніи, и членомъ какой-нибудь богоугодной комиссіи. Съ появленіемъ оперы, дилеттантизмъ дѣлается *главнымъ* его занятіемъ. Мы не говоримъ *исключительнымъ*, потому что дилеттантъ, посвятившій всю жизнь свою музыкѣ, дѣлается *меломаномъ* и умираетъ имъ тогда, какъ обыкновенный дилеттантъ, при перемѣнѣ моды или просто мѣста жительства, дѣлается снова чиновникомъ, баринкомъ, офицеромъ. Дилеттантизмъ есть болѣзнь временная, эпидемическая, хотя и заразная, но не опасная, которую можно вылечить разными физическими и моральными средствами. Меломанія напротивъ часто губитъ человѣка, отравляя жизнь его, дѣлая для него несносными наши обыкновенныя радости; она преслѣдуетъ несчастнаго въ глушь какого-нибудь уѣзднаго города, не даетъ ему покоя среди провинціальныхъ сплетней и службы въ палатахъ и правленіяхъ, отпугиваетъ отъ него всѣхъ сосѣдей, и хорошо еще, если не упрячетъ его въ домъ сумасшедшихъ. — Дилеттантъ, напротивъ, восхищается музыкою *въ часы свободные отъ помысловъ духовныхъ* и служебныхъ занятій, и не жертвуетъ для нея выгодными знакомствами, могущими поддержать его «карьеру». Меломанъ долженъ непременно *знать* музыку, дилеттантъ болѣею частью только *любитъ* ее. Меломаны въ Петербургѣ, какъ и вездѣ — чрезвычайно-рѣдки; дилеттантовъ въ послѣднее время расплодилось множество, до-того, что, описывая ихъ, мы, какъ театраловъ, должны будемъ раздѣлить и ихъ на классы, для удобнѣйшаго уразумѣнія этого типа, занимающаго во многихъ отношеніяхъ.

Самое главное, генерическое раздѣленіе дилеттантовъ на *театральныхъ* и *не-театральныхъ*. Последніе существовали уже давно въ Петербургѣ, но только съ появленіемъ *театральныхъ* возстали, восшумѣли и составили отдѣльное общество, чтобы всѣми силами противоборетвовать плачевному направленію въка и упадку *истинной* музыки, какъ они ее называютъ. *Не-театральные* дилеттанты всѣ знаютъ музыку, основные законы ея, теоретическую часть даже еще лучше, чѣмъ практическую. Вообще всѣ они безъ ума отъ *ильмецкой* музыки XVII-го и XVIII-го столѣтій, и терпѣть не могутъ итальянскую. Оперу они называютъ профанацией музыки, а Россіи — вандаломъ, заслуживающимъ торжественнаго ауто-да-фе за свои произведенія. Между ними рѣзко различаются два класса, изъ которыхъ первый можно назвать *ультра-нетеатральными дилеттантами*. Эти ультра-дилеттанты простираютъ нетерпимость въ музыкѣ до невѣроятной степени: ону не приписываютъ даже большаго достоинства музыкѣ Моцарта и Бетговена, но преклоняютъ колѣна свои передъ Бахами, Генделемъ, Гайденомъ и даже Палестриною! — Презирая оперы, они уважаютъ только ораторіи, фуги, симфоніи и духовные концерты. Это самые закорѣвѣлые и опасные фанатики музыки. Чтобы заслужить ихъ благорасположеніе, — мало боготворить этихъ мафусаиловъ музыки, надобно цѣлать ненависть ко всѣмъ остальнымъ композиторамъ послѣдующихъ школъ, втопывать ихъ въ грязь, ругаться надъ ними. Середины у нихъ нѣтъ: — все, что принадлежитъ къ школъ ихъ кумировъ — божественно, несравненно, гениально, все, что написано другими — дрянь, бездарность, безвкусіе, поношеніе искусства. По-счастію, эти черные дѣхи музыки не являются въ общество, потому-что всякое противорѣчіе раздражаетъ ихъ, и въ своихъ дуллахъ и логовищахъ восхищаются какою-нибудь дикою фугою, не доставляя благодарному свѣту небеснаго удовольствія слушать эти восхитительные звуки. — Другой родъ *не-театральныхъ дилеттантовъ* гораздо снисходительнѣе и имѣетъ болѣе терпимости. Презирая итальянскую музыку, онъ, по-крайней-мѣрѣ, не гонитъ оперы, хотя и восхищается однимъ Моцартомъ и Бетгеномъ. Его твердое убѣжденіе, *profession de foi*, состоитъ въ томъ, что музыка не пойдетъ дальше этихъ геркулесовскихъ столбовъ искусства, что выше и лучше Моцарта и Бетговена никогда не будетъ и не можетъ быть композитора, и что въ то время, когда всѣ искусства, вмѣстѣ съ цѣлымъ человѣчествомъ, его познаніями и открытіями, стремятся впередъ, — музыка одна остановилась

на какой-то неподвижной точкѣ, ни за что не усовершенствуется и никакія человѣческія силы не сдвинуть ея съ этого мѣста, на которомъ заколдовали ее Моцартъ и Бетговепъ. По ихъ мнѣнію, гармонія сферъ должна быть непремѣнно написана въ стилѣ *ut*-мипорной симфоніи Бетговена, а ангельское пѣніе походить на хоры Волшебной Флейты. Тѣ изъ нихъ, которые рѣшились сходить однажды послушать «Донъ-Жуана», исполненнаго итальянскими пѣвцами, возвратились домой съ отчаяніемъ въ душѣ, дали заклятіе никогда не быть въ театрѣ, и безъ содраганія не могутъ говорить о *варварскомъ искаженіи* безсмертной оперы безсмертнаго Моцарта. Впрочемъ, если бы самые знаменитые пѣвцы всѣхъ вѣковъ и народовъ разыграли имъ Донъ-Жуана, то они и тогда бы остались недовольны, потому что, по словамъ ихъ, музыка эта такова, что нѣтъ человѣческой возможности исполнить ее такъ, *какъ слѣдуетъ*, и одинъ финалъ перваго акта таковъ, что ни на какомъ театрѣ въ мірѣ не можетъ быть поставленъ такъ, какъ написанъ. Между этими дилеттантами есть однакоже небольшой классъ, допускающій въ святилище музыки старинныхъ итальянскихъ *maestro*, Сакквини, Перголезе, Пиччини; нѣкоторые отзываются благосклонно о старинной французской школѣ, въ главѣ которой стоитъ Глюкъ, есть даже и такіе, которые признаютъ талантъ Вебера, наконецъ, между ними есть нѣкоторые индивидуумы, удивляющіеся Мейерберу; — впрочемъ лица этого послѣдняго разряда считаются раскольниками у истинныхъ не-театральныхъ дилеттантовъ.

Но оставимъ этихъ музыкальныхъ аптикваріевъ восхищаться звуками, доступными не грубой толпѣ и массѣ, но немногимъ избраннымъ, обладающимъ особенной способностью, данной имъ небомъ, понимать то, чего не понимаютъ другіе, — и обратимся къ главному типу петербургскихъ дилеттантовъ, — *театральному дилеттанту*.

Этотъ замѣчательный классъ можно раздѣлить на нѣсколько разрядовъ, изъ которыхъ къ каждому принадлежатъ отдѣльныя группы. Къ первому разряду по нашей классификаціи будутъ относиться: 1) *дилеттантъ-классикъ* 2) *дилеттантъ-романтикъ*, 3) *дилеттантъ-доктринеръ* и 4) *дилеттантъ-экстатикъ*. Разсмотримъ отдѣльно эти разряды.

1. *Дилеттантъ-классикъ* одною сторопою своей музыкальной привязанности подходитъ къ *нетеатральнымъ дилеттантамъ*. Онъ очень-любитъ музыку Моцарта, восхищается *Доцъ-Жуаномъ*, о которомъ говоритъ съ-особеннымъ чувствомъ, закрывая глаза

подъ лобъ: «Ахъ господа, о Донъ-Жуанъ не всякой можетъ судить! Эта музыка такая... такая! Надо въ нее викнуть и тогда вы почувствуете такое чувство тутъ... тутъ.» При этихъ словахъ дилеттантъ-классикъ сильнѣе бьетъ себя по лѣвой сторонѣ фрака и уходитъ, оставляя слушателей своихъ вполне убѣжденными его доказательствами въ превосходствѣ музыки Моцарта. Кромѣ Донъ-Жуана дилеттантъ-классикъ любитъ еще Россини, любитъ горячо и безусловно каждую ноту, каждую паузу великаго маэстро, будь это *Италіанка въ Алжиръ* или *Ченерентола*. Онъ улыбается съ презрѣніемъ при имени Беллини, съ негодованіемъ при имени Доницетти; на попытки русскихъ композиторовъ поддѣлаться подъ итальянскую музыку смотритъ, какъ на оскорбленіе искусства. «Писали-бы лучше эти господа марши да народныя мелодіи, чѣмъ подражать великому Россини. Дилеттантъ-классикъ ходитъ обыкновенно важно, держитъ голову высоко, говоритъ съ вѣсомъ, смотритъ съ достоинствомъ, улыбается съ чувствомъ, одѣвается съ изысканностью, сидитъ въ первыхъ мѣстахъ, пріѣзжаетъ поздно, уѣзжаетъ рано, хлопаетъ мало, и въ представленія оперъ Доницетти кресло его часто остается пустымъ, — что у насъ чрезвычайно въ-тонѣ, потому что передавать или продавать свое кресло считается въ Петербургѣ доказательствомъ овоскресенившагося мѣщанства (*bourgeoisie endimanchée*).

2. *Дилеттантъ-романтикъ* напротивъ небольшой почитатель серьезныхъ классическихъ оперъ. Изъ оперъ Россини — онъ безъ ума отъ одного *Севильскаго цирюльника* и зѣваетъ порядочно въ представленіе *Семирамиды*, находя, что музыка ея утомительна. Онъ не скрываетъ того, что предпочитаетъ комическія оперы — операмъ *seria*, любитъ равно Беллини и Доницетти и выше всѣхъ оперъ въ мірѣ ставитъ *Любовный напитокъ*. Онъ, если хотите, восхищается и Донъ-Жуаномъ, какъ самъ говоритъ: «Такъ, немножко!» больше исполненіемъ, чѣмъ музыкаю. Кромѣ музыки онъ обращаетъ вниманіе на постановку, костюмы и декорации, хлопаетъ минуэту въ Донъ-Жуанѣ, восходу солнца въ *Лидѣ* ди Шамуни, вавилонскому храму въ *Семирамидѣ*, и остается до конца въ *Біанкѣ* и *Гвальтьеро*, смотрѣть взятіе крѣпости и разрушеніе стѣны конгревовыми ракетами, въ XV столѣтіи. Онъ приходитъ въ отчаяніе, когда вмѣсто *Лукреціи Борджіа*, стоящей на афишѣ, даютъ *Отелло*, по болѣзни г-на Тамбурины, или вмѣсто *Пуританъ* играютъ *Норму*, то-же по болѣзни г-на Тамбурины, или вмѣсто *Севильскаго Цирюльника* даютъ *Лукрецію Бор-*

джіа, все также по болѣзни г-на Тамбурини. Онъ приходитъ въ восторгъ, когда въ Любовномъ-напиткѣ г-нъ Тамбурини командуетъ солдатамъ по русски *на-крайюль*, говоритъ по французски *la voilà*, или въ Севильскомъ Цирюльникѣ ласть по собачьи и съ особеннымъ эффектомъ бьетъ себя по лбу со словами: *какой дуракъ!* Слѣдующее за тѣмъ выраженіе: *oh! che bestia!* дилеттантъ романтикъ, въ простотѣ души своей, будучи не причастенъ итальянскому диалекту, принимаетъ также за русское слово — хлопаетъ ему отъ чистаго сердца. Онъ очень-хорошо помнитъ всѣ эти милыя выходки и любезности нашихъ итальянскихъ артистовъ, и съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ рассказываетъ, въ какое представленіе Любовнаго-напитка г-нъ Ровере сказалъ г-жѣ Гарціи: *душа моя!* и въ какое: *плотовка!* Особенное удовольствіе доставило ему то, что г-жа Альбони, въ первое свое знакомство съ петербургскою публикою, въ роли венеціанскаго вельможи, въ Лукреціи Борджіа, съѣла почти русскіе слова на итальянскій мотивъ, хотя болѣшая часть публики и не поняла ни слова изъ этой странной любезности и самъ дилеттантъ-романтикъ разобралъ только одинъ стихъ: «*Станіемъ пить и любить*», по тѣмъ не менѣе, онъ цѣлую недѣлю кричалъ всему городу объ этомъ удивительномъ происшествіи и чрезвычайно жалѣлъ, что оно болѣе не повторялось. — Дилеттантъ-романтикъ бываетъ во-всѣхъ мѣстахъ Большаго-театра, гдѣ придется; онъ гораздо-живѣе и развязѣе дилеттанта-классика, говоритъ громко и скоро, машетъ руками, бѣгаетъ въ антрактахъ по фойѣ и ложамъ, хлопаетъ очень-много, споритъ еще больше, и, не зная ни слова по-итальянски, выучиваетъ изъ либретто первыя строки всѣхъ любимыхъ арій и поетъ ихъ на каждомъ шагу, коверкая самымъ безжалостнымъ образомъ и слова, и музыку. Если онъ внѣ театра услышитъ гдѣ-нибудь оперный мотивъ, то тотчасъ начинаетъ кивать головою и кланяться ему какъ знакомому, называя его по имени и фамиліи, болѣшею частію не-впопадъ. Этотъ родъ дилеттантовъ можно чаще всего встрѣтить на Невскомъ и въ гостиныхъ. Ихъ можно тотчасъ узнать по какому-то торжественному, пріятному и самодовольному выраженію лица. Два подобныхъ индивидуума, встрѣчаясь другъ съ другомъ, обыкновенно довольствуются обмѣною нѣсколькихъ отрывистыхъ фразъ и восклицаній, въ родѣ. «Ахъ, мой шеръ, каково вчера: ю сонъ рика, ту сонъ белла? Удивительно!» — «Нѣтъ, мой шеръ, это еще что! а какъ она взяла: не сапеси ля риче...ееее ... Та! вотъ прелесть-то!» — Ахъ да! — Ахъ какъ хорошо! — «Адье

снѣгорь! — Буонъ джорно!» И пріятели расходятся въ разныя стороны, одинъ стараясь поддѣлаться подъ *vibrato* Тамбурины, другой употребляя все усилія, чтобы перескочить октаву съ низу въ верхъ, какъ это дѣлаетъ Гарція въ послѣдней аріи Соннамбулы при словахъ: *ah m'abbraccia!*»

3) *Дилеттантъ-доктринеръ* занимаетъ такое-же мѣсто между дилеттантами классикомъ и романтикомъ, какое доктринеры занимаютъ въ парижскихъ палатахъ, между министерскою и оппозиціонною партіями. Они держатся середины между тѣмъ и другимъ мнѣніемъ, принадлежать къ той и другой сторонѣ, или, лучше сказать, не принадлежать ни къ той, ни къ другой. Они не чувствуютъ никакого особаго предпочтенія ни къ Моцарту, ни къ Россини, ни къ Беллини, ни къ Доницетти, и наслаждаются музыкою умѣренно, благопристойно, съ толкомъ, чувствомъ и разстановкой. Въ театрѣ они сидятъ очень-скромно и тихо, никогда не хлопаютъ и не вызывая, не бѣснуются и не обращая на себя вниманія. Они не поютъ подъ носъ сосѣду и не выводятъ его изъ терпѣнія вопросами и восклицаніями. По лицу ихъ, сытному и спокойному, не узнаешь, правится-ли имъ опера или нѣтъ и что именно въ ней правится. Они очень-мило улыбаются восторженной похвалѣ и ругательству оперы или артиста и на вопросѣ о достоинствѣ пѣвца или композитора отвѣчаютъ: «Да-съ, хорошо-съ». Если-же вопрошавшій ихъ завопитъ: «Помилуйте! Неужели это вамъ правится? Это, просто, дрянь, пошлость,» — то они и тогда отвѣчаютъ точно съ тою-же неизмѣнною улыбкою: «Конечно-съ!... Кому какъ! Съ какой стороны смотрѣть на предметъ!» Сбираясь отдать отчетъ въ характерѣ этихъ лицъ, мы рѣшительно не въ состояніи сказать: любятъ-ли они все роды музыки или не любятъ ровно ни одного? Они сидятъ неподвижно сфинкса и разгадать ихъ труднѣе египетскаго іероглифа. Истиннаго мнѣнія своего они никогда не высказываютъ и трудно даже рѣшить, есть-ли оно у нихъ. Нѣкоторые изъ нихъ хвалятъ рѣшительно все и всехъ, другіе обо всехъ отзываются ни-то ни-се. Большая часть изъ нихъ даже вовсе не абонирована на итальянскіе спектакли, а ѣздитъ въ первые ряды кресель, оставшіеся свободными отъ абонемента, или въ ложи знакомыхъ. Конечно, лица эти зачѣмъ-же-нибудь да ѣздить въ театръ, но *зачѣмъ* именно — это, какъ говоритъ г. Кайдановъ, *покрыто мракомъ неизвѣстности*, и мы не можемъ объяснить настоящаго значенія *дилеттанта-доктринера*, котораго также можно-бы было назвать и *дилеттантомъ-миромъ* или *загадкой*.

4. Дилеттантъ-экстатикъ — совершенная противоположность дилеттанту доктринеру. Онъ восхищается рѣшительно все́мъ и все́ми, но восхищается не спокойно и положительно, а бурно, неистово, съ экстазомъ, съ оглушительнымъ топаньемъ; ревомъ и хлопаньемъ, съ конвульсивными жестами, съ не-человѣческими восклицаніями. Этотъ родъ дилеттантовъ чума, язва скромнаго зрителя и всего Большаго-театра. Онъ не хочетъ знать никого и ничего, реветъ безъ устали, хлопаетъ безъ перчатокъ, бѣснуетъ безъ зазрѣнія совѣсти. Не понимая ровно ничего въ музыкѣ, онъ восхищается какой-нибудь чрезвычайно-высокой чрезвычайно-фальшиво взятой нотѣ, трели, продолжающейся десять минутъ, излишеству не все́мъ-пріятныхъ фіоритуръ, не все́мъ-чистому фальцету тенора, не все́мъ-гармоническимъ нотамъ контральта. Чѣмъ громче поетъ пѣвецъ, тѣмъ онъ громче ему хлопаетъ, адажію не обращаетъ на себя его просвѣщеннаго вниманія. Если ему понравится какой-нибудь пассажъ въ партитурѣ, то онъ безо всякой церемоніи начинаетъ хлопать въ самой срединѣ аріи. У дилеттантовъ-экстатиковъ принято за правило — не давать оканчивать ни одной рулады. Не успѣтъ пѣвецъ выдѣлать и половину своей фіоритуры, какъ дилеттантъ-экстатикъ раздражается оглушительнымъ аплодесментомъ. Едва пѣвица пропоеетъ первую половину аллегро какой-нибудь аріи, онъ, не дожидаясь *da capo*, кричитъ *bis* такимъ пронзительнымъ голосомъ, что у сосѣдей его звенитъ въ ушахъ. Повторенія и вызовы его страсть. Вызывая усталыхъ артистовъ въ десятый разъ, онъ думаетъ, что доставляетъ имъ этимъ большое удовольствіе. Посмотрите на него, когда онъ кому-нибудь хлопаетъ, — онъ весь преданъ этому пріятному занятію, онъ самъ съ наслажденіемъ прислушивается къ дребезжающимъ звукамъ, выходящимъ изъ его толстыхъ, красныхъ ладоней, волосы прыгаютъ у него на головѣ, щеки раздуваются самымъ неестественнымъ образомъ, на лбу выступаетъ потъ, и въ тоже время онъ топаетъ ногами и кричитъ *bravo! brava! brave! браво!* и даже *браву!*, потому-что слышалъ когда-то отъ знатоковъ итальянскаго языка, что прилагательное *bravo* согласуется въ родѣ и числѣ съ существительнымъ, къ которому относится. Въ обществѣ дилеттантъ-экстатикъ невыносимъ, онъ толкуетъ объ одномъ, жужжитъ все́мъ въ уши итальянскіе мотивы, восхищается каждою нотою. При общемъ разговорѣ, онъ найдетъ средство вернуть слово объ оперѣ въ толки о производствахъ и акціяхъ на золотыя россыпи. Попробуйте при немъ найти въ томъ или другомъ персонажѣ оперы какой-нибудь не-

достатокъ — онъ оглушить васъ восклицаніями: «Да что вы, да съ чего вы взяли, да какъ это можно?» до того, что вы по-неволѣ должны будете согласиться съ нимъ или, по-крайней-мѣрѣ, замолчать; въ противномъ случаѣ дилеттантъ-экстатикъ готовъ насказать вамъ множество неприятныхъ вещей. Если вы немного знакомы съ нимъ и встрѣтите его гдѣ-нибудь на улицѣ, то поворачивайте скорѣе въ первый переулокъ, спасайтесь въ первыя ворота, — иначе вы погибнете. Дилеттантъ-экстатикъ непременно поймаетъ васъ, остановитъ, и, прижавши васъ гдѣ-нибудь къ стѣнкѣ, пропоетъ вамъ цѣлыя сцены изъ оперы, игранныя па-канунѣ, хотя-бы около него сформировалась группа русскаго лапотнаго и душегрѣйнаго народа, чрезвычайно-привязаннаго ко всякаго рода необычайнымъ происшествіямъ и *оказіямъ*.

Ко второму разряду дилеттантовъ можно отнести также два довольно-большія семейства: 1) *дилеттантовъ-музыкантовъ* и 2) *дилеттантовъ-пѣвцовъ*. Названія эти впрочемъ не означаютъ, чтобы первые знали музыку, а вторые пѣли — нисколько! *Дилеттанты-музыканты*, просто, въ оперѣ предпочитаютъ инструментальную часть, а *дилеттанты-пѣвцы* вокальную. Дилеттанты-музыканты болѣею частью недовольны исполненіемъ оперъ, и говорятъ, что ѣздить въ театръ слушать музыку, а не пѣвцовъ. Если имъ разсказываютъ о какой-нибудь удивительно-свѣтой аріи, то они презрительно улыбаются и отвѣчаютъ: «Конечно, вамъ понравилось пѣніе, а на оркестровку-то вы не обратили нисколько вниманія. Да это, милостивый государь, такая вещь.... Впрочемъ конечно пѣніе гораздо-доступнѣе музыки; на инструментовку у насъ не обращаютъ никакого вниманія!...» Дилеттантъ-музыкантъ восхищается увертюрами и интродукціями, хлопаетъ соло всѣхъ инструментовъ, знаетъ по имени всѣ первыя скрипки, флейты, кларнеты, виолончели, гобой. Во-время представленія, онъ, нахмуривъ брови и наклонивъ голову на правую сторону, внимательно слѣдитъ за оркестромъ, то покачивая неодобрительно головою, то выбивая тактъ на своихъ колѣняхъ. Если онъ и не посвященъ въ таинства контрапункта и генераль-басса, то, по-крайней-мѣрѣ, знаетъ нѣсколько музыкальныхъ техническихъ терминовъ и шпигуетъ ими всѣ свои разговоры. Видъ сцены онъ вообще важенъ, молчаливъ и громко жалуется на упадокъ музыки. Дилеттантъ-музыкантъ страстный охотникъ до концертовъ и не пропускаетъ ни одного изъ нихъ, потому-что, по его словамъ, въ однихъ концертахъ онъ можетъ слушать *настоящую музыку*. Семейство этихъ дилеттантовъ весьма-немногочисленно, и очень-

часто только они одни и наполняют концерты въ пользу какихъ-нибудь вдовъ и сиротъ или бѣднаго семейства.

Дилеттантовъ-пѣвцовъ столько-же, сколько у насъ знаменитостей труппы. Лица, восхищающіяся всѣми ими равно, принадлежать къ дилеттантамъ доктринерамъ или экстазикамъ; здѣсь мы будемъ говорить только о тѣхъ, которые творятъ себѣ кумиръ изъ одной какой-нибудь знаменитости, и поклоняясь ей, считаютъ за необходимость на счетъ ихъ кумира унижать всѣ другіе таланты. Конечно есть между дилеттантами и такіе, которые отдаютъ должную справедливость всѣмъ талантамъ и не восхищаются теноромъ только потому, что имъ не нравится сопрано; но этотъ разрядъ дилеттантовъ, которыхъ можно назвать *благоразумными*, такъ не великъ, что мы не рѣшились говорить объ немъ особенно. *Благоразуміе* очень-часто уступаетъ предубѣжденію и пристрастію ослѣпляетъ нерѣдко самыхъ просвѣщенныхъ людей.

Дилеттанты-пѣвцы подраздѣляются на *Рубинистовъ*, *Віардистовъ*, *Кастеланиистовъ*, *Альбонистовъ*, *Тамбуринистовъ*, *Ниссенистовъ* и даже *Унанистовъ*. Есть также партія и *Роверистовъ*, но она весьма-незначительна. Приверженцы ея утверждаютъ между прочимъ, что оперы надо пѣть такъ, какъ поетъ ихъ г-нъ Ровере, что музыкальныя украшенія доказываютъ только упадокъ музыки, и что главное вниманіе пѣвца должно быть обращено на игру и на слова, которыя пропадаютъ у всѣхъ пѣвцовъ Итальянской оперы, кромѣ г-на Ровере. *Роверисты*, какъ всѣ партіи вообще, не довольствуются похвалами своему кумиру, но для большаго славы его считаютъ пужнымъ унижать Тамбурины. Они говорятъ, что у него нѣтъ никакого голоса, что онъ шарлатанить въ пѣніи, выдѣлываетъ трели дрожаніемъ подбородка, что въ игрѣ онъ фарситъ, что онъ правится гораздо-больше лицомъ, костюмомъ и игрою, чѣмъ голосомъ, что берется за роли, которыя совсѣмъ не идутъ къ его характеру, какъ на-примѣръ *Донъ-Жуана*, на котораго онъ при своей полнотѣ и пятомъ десяткѣ совсѣмъ непохожъ, — и что онъ вообще, по ихъ выраженію, *надуетъ* публику. *Тамбуринисты* отвѣчаютъ имъ на это насмѣшками надъ Ровере, у котораго, по словамъ ихъ, всего три ноты въ голосѣ, и тѣ значительно поношенныя, и отъ частаго употребленія скрипящія весьма-непріятнымъ образомъ. Они упрекаютъ Ровере за выпускъ арій изъ оперъ и замѣненіе ихъ другими, весьма-плохими, по которыя за то можно *проговорить*, а не пропѣть, какъ на-примѣръ въ Севильскомъ Цирюльничѣ. Градъ обвиненій падаетъ на него за неумѣстные фарсы и

кривлянья, за искаженіе характера Донъ-Паскаля, за совершенное убійство роли Лепорелло въ Донъ-Жуанъ. Сравнить его съ Тамбурины, Тамбуринисты считаютъ святотатствомъ, приводя въ доказательство гениальныхъ способностей великаго баритона удивительное разнообразіе его ролей. «Можетъ-ли обыкновенный талантъ сыграть съ одинаковымъ совершенствомъ такія роли какъ: *Фигаро* и *Генрихъ VIII*, *Докторъ Малатеста* (въ Д. Паскаль) и *Антоніо* (отецъ Лиды ди Шамуни), *Белькоре* (въ Любовномъ Напиткѣ) и *Ассуръ*, *Донъ-Жуанъ* и *Сиръ Ричардъ* (въ Пуританахъ) *Альфонецъ*, Герцогъ Фераррскій, (въ Лукреціи Борджіа) и *Дандино*, конюшій (въ Ченерентолѣ). Кромѣ превосходнаго голоса, Тамбурины удивляетъ ихъ своимъ искусствомъ костюмоваться, своею ловкостью и даже своею красотою. Въ партіи его приверженцевъ гораздо-болѣе *Тамбуринистокъ*, чѣмъ *Тамбуринистовъ*, — мы должны признаться въ этомъ, не дѣлая впрочемъ никакаго невыгоднаго заключенія о вкусѣ петербургскихъ дамъ. *Тамбуринистки*, какъ это и должно быть, съ большимъ жаромъ восхищаются нашимъ баритономъ и возстаютъ на тѣхъ, которые осмѣливаются не признавать въ немъ генія. Онѣ считаютъ его гораздо-выше Рубини, увѣряя что теноръ не производитъ никогда такого впечатлѣнія, какъ басы. При появленіи Тамбурины пѣкоторыя изъ ложъ втораго и въ особенности третьяго и четвертаго ярусовъ приходятъ въ необыкновенное волненіе; на лицахъ поклонницъ счастливаго Итальянца появляется такое выраженіе, котораго иногда круглый годъ не подсмотришь въ холодномъ Петербургѣ. Неумолимые законы приличія не дозволяютъ имъ выражать хлопаньемъ и криками своего удивленія, и онѣ, съ отчаяньемъ въ душѣ, сердясь на непростительную холодность публики, неотдающую, по мнѣнію ихъ, должной справедливости, — заставляютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ хлопать до обморока *небесному* Тамбурини. Бываютъ даже минуты, когда многія изъ Тамбуринистокъ, будучи не въ-силахъ побѣдить своего восторга, наравнѣ съ самыми отчаянными Тамбуринистами кричатъ и хлопаютъ своему кумиру. Многія изъ нихъ начинали даже брать уроки пѣнія и итальянскаго языка, чтобы еще болѣе сочувствовать Тамбурини и понимать звуки его чуднаго голоса. Есть и такія, которыя неначе говорятъ объ немъ, какъ закатывая глаза подъ лобъ, вздыхая самымъ ураганнымъ образомъ и называя его — *ange Tamburini!*

Партія *Рубинистовъ* многочисленнѣе всѣхъ прочихъ. Почти половина театра удивляется Рубини, исключительно передъ всѣми

остальными тенорами, басами и сопранами. Она съ благоговѣніемъ слушаетъ каждый звукъ его замирающаго голоса, и не всегда внимательная къ другимъ знаменитостямъ труппы, при появленіи Рубини, послѣ грома рукоплесканій, не произноситъ ни одного слова, кромѣ восклицаній восторга, до самаго ухода его. Рубинисты, истощивъ весь словарь похвалъ, только охаютъ при сужденіи о пѣніи Рубини и дѣлаютъ выразительныя жесты. Не говоря уже о голосѣ, поклонники его восхищаются каждымъ жестомъ, каждымъ шагомъ его. Какъ спасенія ждуть они нѣкоторыхъ арія великолѣпнаго пѣвца и въ этихъ аріяхъ въ особенности нѣкоторыхъ нотъ и трелей. Знаменитое «*maledetto!*» въ Лючіи, музыкальные вздохи въ Соннамбулѣ, грудная трель въ аріи Донъ-Жуана — производятъ такой фуроръ, что смиренному зрителю становится страшно и за себя, и за публику, и за пѣвца, и за театр. Рубинистовъ восхищаетъ рѣшительно все въ этомъ великомъ пѣвцѣ, и знаменитый жестъ его, состоящій изъ поднятія къ верху задрожавшей руки, и волосы, въ безпорядкѣ падающіе на лобъ, при патетическихъ сценахъ Лючіи и Соннамбулы.... Къ Унануе Рубинисты питаютъ самое безжалостное презрѣніе, называя голосъ его давленнымъ, и говоря, что когда онъ поетъ, т. е. кричитъ и жмится, то ихъ такъ и позываетъ за него откашляться. *Унануисты* въ свою очередь смѣютъ увѣрять, что голосъ у Рубини очень-старъ, что многія ноты великій пѣвецъ совершенно проглатываетъ, что фистула его не всегда пріятна и иногда срывается, что актеръ онъ не блистательный и жесты у него во всѣхъ операхъ одни и тѣже, что у Унануе голосъ большой и много чувства.... Мыслия господъ *Унануистовъ* такъ странны, что мы не хотимъ даже приводить ихъ изъ уваженія къ искусству.

Партія *Альбонистовъ* также чрезвычайно велика и господствуетъ большею частью въ *высшихъ* сферахъ театра. Аплодисменты ей бываютъ всегда самые неистовые, но производимыя отдѣльными группами и неувлекающіе остальную публику. *Альбонисты* считаютъ контръ-альтъ лучшимъ голосомъ въ мірѣ и входятъ въ самые жаркіе споры съ Віардистами о ничтожествѣ сопрано. Они въ-особенности восхищаются этими удивительными переходами дѣвицы Альбони отъ басовыхъ нотъ къ самому высокому сопрано, этому искусственному раздвоенію голоса, который до того обманываетъ зрителей, что они сомнѣваются, одна или двѣ пѣвицы поютъ имъ аріи Альбони. Конечно, поклонники другихъ талантовъ посмѣиваются порядочно именно надъ этимъ

своимъ голосомъ, сравнивая его съ мѣшкомъ, изъ котораго сыплются попеременно безъ всякаго порядка, какъ мука басовыя, сопранныя, контральтовыя, и даже дишкантовыя ноты. Долгъ справедливости требуетъ сказать, что Альбонисты любятъ именно эти послѣднія ноты, увѣряя, что въ нихъ-то и заключается вся эссенція музыки и искусства. Мужественная наружность г-жи Альбони также приводитъ ихъ въ восторгъ. Въ мнѣнїя о томъ, что ей еще очень-много надо учиться, что она совѣтъ не верхъ совершенства и что за роли, подобныя Арзасу въ Семирамидѣ, ей-бы совѣтъ не слѣдовало браться, — Альбонисты считаютъ завистью и *интригами* сопрано. Въ особенности протежируютъ г-жѣ Альбони одна часть петербургскаго юношества, Не обладая большими познанїями въ музыкѣ, она приходитъ въ восторгъ именно отъ того, что возбуждаетъ смѣхъ въ истинномъ музыкантѣ. Въ послѣднія представленїя оперы, когда цвѣтотбѣе царствовало во всей силѣ, Альбонисты были въ совершенномъ отчаянїи, что въ-слѣдствїе разныхъ финансовыхъ обстоятельствъ, не могли бросить на сцену такое-же количество блѣдныхъ и тощихъ цвѣтовъ, силою вымученныхъ у природы, какое пожертвовали поклонники Виардо и Кастелманъ.

Ниссенисты чрезвычайно немногочисленны, но изъ упрямства, или по какому-нибудь другому странному чувству человѣческой природы, доводятъ поклоненїе г-жѣ Ниссенъ до самой восторженной степени...

Но приверженцы и антагонисты всѣхъ выше-приведенныхъ нами партїи не такъ замѣчательны, восторженны, эксцентричны, какъ враги и поклонники Виардо и Кастелманъ. Двѣ эти партїи представляютъ очень-любопытное и поучительное зрѣлище въ нашъ хладокровный вѣкъ. Никогда Глюккисты и Пиччинисты, Гвельфы и Гибеллины, Армапьяки и Бургиньонцы, рыцари бѣлой и алой розы, колпаки и шапки, Карлиеты и Христиносы, виги и торїи, правая и лѣвая сторона палаты — не шитали другъ къ другу такой ожесточенной ненависти, какъ *Виардисты* и *Кастелманисты*. Если-бы въ наше положительное время существовали турниры среднихъ вѣковъ, или поединки временъ Людовика XIII, или драки Калабрїйцевъ на жожахъ, или даже, просто, боксированье благородныхъ джептлеменовъ, то Петербургъ часто-бы имѣлъ удовольствїе видѣть битвы подобнаго рода за *очаровательную* Виардо и *исравненную* Кастелманъ. Но, къ-сожалѣнїю, подобныя прїятныя забавы теперь не въ модѣ, и поклонники той и другой партїи ратоборствуютъ только въ Большомъ-

театръ, дерутся вызовами и аплодиссентами, криками и цвѣтами. Чрезвычайно-интересное зрѣлище представляетъ зала Большаго-театра въ эти дни. Смотри на иныхъ отчаянныхъ дилеттантовъ, когда они, по русскому выраженію, лѣзутъ изъ кожи, вызывая предметъ своего восторга, можно подумать, что они подвержены конвульсивнымъ припадкамъ, или страдаютъ пляскою св. Витта. Ознакомясь ближе съ представителями этихъ странныхъ породъ, мы вполнѣ убѣдились въ справедливости народной поговорки, увѣряющей, что русской человѣкъ ни въ-чемъ не знаетъ границъ. Если онъ ругается, то разбранивъ въ-пухъ и въ-прахъ, какъ сапожникъ, если хвалитъ, то захваливаетъ до-смерти, такъ, что небу становится жарко. Послушайте какого-нибудь Виардиста или Кастелланиста — и вы удивитесь, откуда эти господа почерпаютъ такое неистощимое богатство похвальныхъ фразъ и эпитетовъ въ превосходной степени! Истинные Виардисты, разумѣется, не отдають никакой справедливости г-жѣ Кастелланъ, а Кастелланисты — г-жѣ Виардо. Первые говорятъ, что Кастелланъ фальшивитъ, что она вовсе не умѣетъ пѣть, что верхнія ноты она выкрикиваетъ, что актриса она дурная и играетъ съ непростительною холодною, что въ голосѣ ея нѣтъ ни искры чувства, и что *Семирамида* она — изъ-рукъ-вонъ плохая. Вторые, въ свою очередь, увѣряютъ, что Гарція поетъ хорошо только комическія роли, что въ оперѣ *seria* — она не на своемъ мѣстѣ, что голосъ ея ниже голоса Кастелланъ, что она не должна брать на себя контръ-альтовыхъ партій, которыя совершенно не идутъ къ ея голосу, что она часто употребляетъ слишкомъ-много фіоритуръ въ пѣніи, и дѣлая слишкомъ-много жестовъ, бываетъ иногда черезъ-чуръ развязна, что многіе костюмы къ ней не совѣмъ идутъ, и что *Норма* она — очень-плохая. Ясно, что и тѣ и другіе несправедливы въ своихъ сужденіяхъ, но какъ мы уже не однажды имѣли случай замѣчать, преувеличеніе — въ натурѣ человѣка. Реторическая фигура гиперболы — современна первому дню творенія. — Должно признаться также, что Виардисты имѣютъ гораздо-больше причинъ восхищаться, чѣмъ Кастелланисты. Такихъ пѣвицъ, какъ Виардо-Гарція — немного, такихъ, какъ Кастелланъ, найдется довольно, и напрасно хрипятъ въ защиту послѣдней разныя эксцентрическія лица. Виардистовъ гораздо-болѣе, и принадлежать къ этой паріи вдвое понятнѣе и простительнѣе. Недостатки — есть и будутъ въ каждомъ человѣкѣ, но все-же лучше восхищаться тѣмъ лицомъ, у кого ихъ меньше, нежели въ другомъ лицѣ обоготворять именно

эти недостатки. Г-жѣ Кастелланъ много *помогаютъ* безконечные аплодисменты, раздающіеся, впрочемъ, въ извѣстныхъ мѣстахъ и ложахъ, г-жѣ Гарціи, напротивъ, много *вредятъ* безтолковыя хлопанья ея поклонниковъ, выкрикивающихъ на каждомъ шагу *bravo! Bravo!* (съ удареніемъ на *a*); но какъ ни интригуютъ противъ знаменитой пѣвицы, г-жа Виардо-Гарціа будетъ всегда одной изъ замѣчательнѣйшихъ пѣвицъ нашего времени.

Если мы должны молить судьбу, чтобы она избавила насъ отъ дилеттантовъ, *кольми-паче* должны возсылать къ ней моленія о спасеніи насъ отъ *дилеттантокъ*. Это самыя ужасныя, невысочисимыя созданія современнаго петербургскаго общества. Въ мужчинѣ страсть дилеттантизма не выказывается никогда такими рѣзкими чертами, какъ въ женщинѣ. *Дилеттантка* — это утрированный дилеттантъ, доведенный до самой нелѣпой степени экстаза, это дилеттантъ въ квадратѣ, бичъ и зараза общества. Отъ дилеттанта вы можете спастись бѣгствомъ, смѣхомъ, грубостью.... прошу покорно только заспорить съ дилеттанткой и вы проклянете день вашего рожденія. Намъ страшно даже и говорить о подобныхъ лицахъ, и при мысли о возможности какого-либо спора съ дилеттанткой, перо падаетъ изъ рукъ нашихъ...

Въ-заключеніе приведемъ небольшой анекдотъ, случившійся съ однимъ изъ Кастелланистовъ, за достовѣрность котораго однако-же не ручаемся. Всего вѣроятнѣе, даже, что онъ вымышленъ.

Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ и отчаянныхъ поклонниковъ Кастелланъ, до того надоѣлъ благоразумнымъ дилеттантамъ своими склюскими выходками протить таланта г-жи Виардо, и царво-кокшайскими сужденіями о ея пѣніи, что нѣкоторые изъ поклонниковъ ея, выведенные изъ терпѣнія безмысленными криками Кастелланиста, рѣшились заставить его замолчать. Случай къ этому скоро представился. Кастелланистъ служилъ гдѣ-то, и вечеромъ толкуя о музыкѣ, каждое утро проводилъ въ канцеляріи, скрѣпляя отпуски. По какому-то странному случаю, ему почти всегда нужны были деньги гораздо-ранѣе срока, въ который жалованье выдавалось казначею. Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда надобность въ деньгахъ была для него ощутительнѣе обыкновеннаго, онъ явился къ казначею съ просьбами и поклономъ. Казначей отказалъ на-отрѣзъ. Кастелланистъ былъ въ отчаяніи. Напрасно допытывался онъ причины отказа, толковалъ о необходимости, предлагалъ въ замѣнъ свои услуги, — казначей былъ неумолимъ! «Требуйте отъ меня все, что вамъ

угодно, только дайте денегъ!» вскричалъ наконецъ Каstellанистъ въ отчаяніи. «Съ однимъ условіемъ — отвѣчалъ казначей, — если вы согласитесь дать подписку такого рода.» При этихъ словахъ онъ подалъ ему бумагу. Каstellанистъ прочелъ ее, поморщился, вздохнулъ, и подписалъ. Съ-тѣхъ-поръ у Віардо меньше однимъ врагомъ, самымъ отвѣвленнымъ. Подписка эта заключалась въ слѣдующемъ:

«Я нижеподписавшійся, принадлежа пѣкоторое время, вопреки чистой совѣсти и здраваго разсудка, къ малочисленной и ничтожной партіи завистниковъ таланта г-жи Віардо и желая нынѣ чистосердечнымъ раскаяніемъ загладить прежнее свое заблужденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ искоренить въ себѣ чувство какой-то опьянѣлой ненависти къ этой несравненной пѣвицѣ — прошу всѣхъ и каждаго забыть прежніе мои, до не вѣроятности нелѣпые отзы-вы о несравненной Віардо, которая, несмотря на то, что я пѣ-когда принадлежалъ къ постыдной кастѣ ея противниковъ, все-гда и во всякое время очаровательнымъ пѣніемъ своимъ доставля-ла мнѣ истинное наслажденіе.»

Губернскій Секретарь Н. Н.

Февраля 14-го дня 1845 года.

О М Ъ О Ъ .

ФЕЛЬЕТОНЪ АЛЬФОНСА КАРРА (*).

Въ то самое время, когда публика толпилась у театра *Vodeville*, ожидая открытія кассы, одинъ изъ любимѣйшихъ актеровъ этого театра, Арналь, разыгрывалъ съ своимъ директоромъ въ сердцѣ совсѣмъ не ту пиесу, которая была означена на афишѣ.

Вмѣсто того, чтобы нарядиться барабанщикомъ, Арналь въ синемъ фракѣ и желтомъ жилетѣ судился съ г. Ансло, директоромъ театра *Vaudeville*.

Арналь утверждалъ, что не знаетъ еще роли въ объявленной пиесѣ, *Два Барабанищика*, и не хотѣлъ играть; Ансло утверждалъ, что Арналь знаетъ свою роль, какъ нельзя лучше и требовалъ, чтобы судьи припустили его одѣваться, упрекая Арналя въ неблагодарности.

— Не забудьте, что я плачѣ вамъ 50,000 франковъ! восклицалъ съ негодованіемъ директоръ.

Экое счастье, подумаешь! 50,000 франковъ за то, что природа

(*) Веселый, остроумный, перѣдко злой, очень-часто поэтически-увлекательный авторъ *Осз*, Альфонсъ Карръ, съ начала нынѣшняго года сдѣлался постояннымъ фельетонистомъ одной парижской газеты. Чтобы ознакомить читателей нашихъ съ манерою А. Карра на этомъ новомъ для него литературномъ поприщѣ, мы переводимъ одинъ изъ послѣднихъ его фельетоновъ. *Ред.*

наградила человѣка смѣшной физиономіей, и за то, что онъ прекрасно умѣетъ быть дуракомъ!

Адвокаты долго толковали; судьи слушали и рѣшили, что Арналь *долженъ* быть въ этотъ вечеръ забавенъ до крайности; если-жъ публика не будетъ смѣяться, то онъ обязацъ заплатить 2000 франковъ проторей и убытковъ. Справедливый судъ! Въдъ султанъ Шахабахамъ рубиль-же тѣмъ головы, которые не веселились на празднествѣ его!

Но увы! пока адвокаты толковали, а судьи рѣшали — *Васька успѣлъ съѣсть мясо*, т. е. пробило семь часовъ, время открытія кассы пришло и прошло, и спектакль былъ отложенъ.

Это напоминаетъ исторію женщины, вышедшей за двухъ мужей: она была молода и хороша собою; мужа оспаривали ее другъ у друга; затѣялся процессъ, прошелъ всѣ инстанціи и продолжался такъ долго, что между-тѣмъ молодая женщина успѣла заболѣть оспой, вылечиться, подурнѣть и состарѣться, такъ, что тотъ, кому судьи пресудили ее, не хотѣлъ уже и смотрѣть на нее.

На слѣдующій день театръ былъ полонъ. Подняли занавѣсъ и Арналь, одѣтый барабанщикомъ, вышелъ на сцену.

— *Экая досада! Какъ мнѣ надоѣли!*... были первыя слова его. Публика поняла намекъ, расхохоталась и громкими рукоплесканиями старалась утѣшить актера, повѣрившаго сѣ свое горе.

Дѣйствіе происходитъ въ Алжирѣ. Вотъ въ чемъ дѣло. Старому тамбуръ-мажору пришла охота образовать новичка; онъ хочетъ сдѣлать изъ него лихаго солдата.

— Для этого, говоритъ онъ, надо надуть стараго солдата, отнять у него возлюбленную, подраться съ кѣмъ-нибудь на сабляхъ и наконецъ, отличиться чѣмъ-нибудь.

Молодой барабанщикъ, Арналь, исполняетъ всѣ приказанія тамбуръ-мажора, надувъ его самого, отнявъ у него невѣсту, и подравшись съ нимъ-же на дуэли.

Судъ публики на счетъ этой пьесы былъ совсѣмъ противоположенъ суду присяжныхъ. Публика рѣзкими свистками дала Арналю право не играть болѣе въ этой пьесѣ. Не-смотря на то, услужливые журналы возвѣщали на слѣдующій день объ «*успѣхѣ милой пьески*», — и ее даютъ каждый день, вѣроятно, для того, чтобы *надоѣдать* Арналю.

Вчера вечеромъ давали двѣ новыя пьесы: во Французскомъ-театрѣ *Виргинію*, въ которой главную роль занимала Рашель; въ театрѣ *Ambigu Чорную Смерть*, мелодраму виконта д'Арленкура. Я цѣлый день колебался между этими двумя пьесами. Хотя мнѣ и очень хотѣлось повеселиться въ своемъ фельетонѣ на счетъ прозы автора *Пустынника*, я однако-жъ не могъ не идти смотрѣть Рашель; публика потребуетъ отчета. Итакъ я рѣшился идти во Французскій-театръ.

Когда я, по обыкновенію своему, зашелъ въ одну изъ бульварныхъ кофейныхъ, чтобы отобѣдать, меня остановили два пріятеля.

— Куда вы идете? спросилъ одинъ.

— Обѣдать.

— Какъ обѣдать? по развѣ вы забыли, что обѣдаете сегодня съ нами у ***?

— Забылъ; теперь хоть и вспомнилъ, такъ все-таки не могу идти съ вами; я долженъ быть во Французскомъ-театрѣ....

— Это не отговорка.

— Я непремѣнно долженъ быть въ восемь часовъ въ театрѣ.

— Такъ, что-же? Вы можете быть тамъ въ три четверти осьмаго, потому-что *** живете въ двухъ шагахъ отъ театра.

— Но....

— Ничего знать не хочу; мы сами отказались отъ многихъ дѣлъ и удовольствій, чтобы обѣдать съ вами, слѣдовательно, вы не должны ничѣмъ отговариваться; притомъ-же, развѣ не все равно, гдѣ обѣдать, и пр. и пр. и пр.

Я долженъ былъ согласиться. Прихожу къ ***, многихъ гостей еще нѣтъ.... Ждемъ три четверти часа.. . наконецъ садимся обѣдать; я выхожу изъ-за стола прежде десерта, прервавъ разговоръ съ добрыми и остроумными философами, схожу съ дѣстницы, перехожу черезъ улицу; мимо меня проѣзжаетъ кабриолетъ; одно колесо попадаетъ въ лужу и я съ ногъ до головы забрызганъ грязью.... Невозможно было въ этомъ видѣ идти въ театръ; надо-было вернуться домой и переодѣться. Пѣшкомъ идти далеко; хочу нанять извозчика — нѣтъ ни одного! Нечего дѣлать, надо идти пѣшкомъ. Прихожу домой, переодѣваюсь и опять пускаюсь въ дорогу. На улицѣ я вспоминаю, что забылъ взять съ собою лорнетъ, надо опять идти на-верхъ и опять сойти. Бульвары благоухали отъ фіалокъ, продаваемыхъ женщинами и дѣтьми; воздухъ былъ теплый, пріятный; гуляющихъ было много — я завидовалъ имъ. Каждую минуту меня останавливали.

— Знаете-ли вы новость? говорили мнѣ всѣ: Александръ Дюма получилъ премію въ 10,000 франковъ, назначенную академіей автору лучшей трагедіи: *Калигула* признанъ мастерскимъ произведеніемъ....

— Калигула, трагедія, не имѣвшая успѣха....

— Именно; академія пошла на-перекорь суду публики.

— Слѣдовательно, Дюма будетъ сдѣланъ академикомъ.

— Нѣтъ, не онъ, а Алфредъ де-Виньи.

— Да, де-Виньи займетъ мѣсто Этьена, а Дюма попадетъ на кресло Суліе.

— Нѣтъ, г. Деказъ хлопочетъ объ этомъ мѣстѣ.

— Деказъ? Что за вздоръ! Я не знаю музы молчаливѣе музы Декáза.

— Еще ищетъ этого мѣста г. Ватý.

— Этотъ, по-крайней-мѣрѣ, писалъ; притомъ Ватú человекъ не глупый и если не произведутъ Дюмá въ академики, то пусть попадетъ въ это званіе Ватú; но я думаю, что академія будетъ въ большомъ затрудненіи, когда дѣло дойдетъ до выборовъ; признавъ Каллигулу лучшей трагедіей, она не осмѣлится отказать автору ея, тѣмъ болѣе, что музу Дюмá никто не осмѣлится обвинить въ молчаливости; всѣмъ извѣстно, что Александръ Дюмá пишетъ больше всѣхъ, академія-жъ рѣшила, что онъ пишетъ лучше всѣхъ, чего-же болѣе?

— То-то и есть, что, вѣроятно, и это уже слишкомъ много для академіи.

Разговаривая такимъ образомъ, я два раза прошелся взадъ и впередъ по бульвару; собираясь пройти третій разъ, я вдругъ опомнился.

— Извините, господа, вскричалъ я, мнѣ надо идти во Французскій-театръ.

— Успѣете.

— Нѣтъ, уже восемь часовъ.

— Слѣдовательно ужъ поздно; это другая, противоположная, но равносильная причина для того, что-бы вы еще остались съ нами.

— Я прозѣваю первый актъ....

— Что за бѣда? Вѣдь даютъ трагедію; первый актъ нечто иное какъ введеніе, и вы угадаете его по слѣдующимъ актамъ.

Я, однакожь, разстался съ пріятелями и пришелъ къ театру, но тамъ увидѣлъ, что забылъ дома билетъ. Нечего дѣлать, надо опять идти назадъ.... Но тутъ, по счастью, я нашелъ извозчика. Куда я дѣвалъ этотъ проклятый билетъ? Я цѣлыя три-четверти часа держалъ его въ рукахъ и даже цускался по милости его въ разныя разсужденія. Сначала, съ гордымъ самодовольствіемъ я увидѣлъ, что директоры театровъ поняли мое безпрістастіе. Они очень-хорошо знаютъ, что билеты, которые они мнѣ присылаютъ, не имѣютъ и не могутъ имѣть вліянія на мое сужденіе. Сотоварищи мои получаютъ ложу; лучшее мѣсто даютъ тому, котораго болѣе другихъ боятся, тому, кто, какъ всѣмъ извѣстенъ, разберантъ пьесу и актеровъ, если не будетъ имѣть хорошаго мѣста; но къ чему заботиться обо мнѣ? если пьеса дурна, то хоть-бы мнѣ дали самое лучшее мѣсто, я все-таки скажу, что она дурна; если-жъ пьеса хороша, то я похвалю ее, хоть-бы меня посадили въ *раекъ*, мѣстѣ называемомъ этимъ именемъ потому, какъ увѣряетъ одинъ моихъ пріятелей, что оттуда не видно и почти не слышно актеровъ.

Мнѣ прислали мѣсто въ оркестрѣ. Я-бы охотно купилъ себѣ другой билетъ, но все распродано за нѣскольکو дней. А скучно просидѣть сряду пять актовъ, не имѣя возможности выдти въ антрактахъ.... но все-равно, пять актовъ не вѣчность, тѣмъ болѣе, что одинъ уже прошелъ. Прихожу домой. Никакъ не могу

найти билета. Роясь въ бумагахъ, я нахожу билетъ въ театрѣ Ambigu. Все-равно! пойду туда; тамъ пьеса въ семи актахъ, слѣдовательно я еще успѣю на послѣдніе четыре или пять.

Прихожу въ театрѣ Ambigu; опускаю руку въ карманъ и вынимаю... знаете-ли, что? Билетъ во Французскій-театръ... Я рылся только въ правомъ карманѣ, а онъ былъ въ лѣвомъ. Тогда мнѣ опять пришли на умъ всѣ важныя причины, по которымъ я хотѣлъ отдать «*Виргиніи*» предпочтеніе предъ «*Черной смертью*». Иду во Французскій-театръ. Память-ли извозчика? Ба! погода прекрасная, и притомъ второе дѣвствіе уже началось. Я успѣю посмотрѣть три послѣдніе акта. Опять пошелъ я по бульвару. Что-бы не потерять билета, вынимаю его изъ кармана, смотрю на него. Надо признаться, что эти билеты очень-невѣжливы; тѣмъ, которымъ они *даются*, даютъ престрашную инструкцію.

Билетъ исписанъ слѣдующими правоученіями:

«Этотъ билетъ не можетъ-быть проданъ.

«Предъявляя этотъ билетъ при входѣ, должно раскрывать его.

«Дамы не могутъ-быть впущены съ этимъ билетомъ.

«Малѣйшее измѣненіе дѣлаетъ его недействительнымъ.

«Администрація имѣетъ право разнолагать этимъ мѣстомъ въ такомъ случаѣ, если оно не будетъ занято въ назначенное для начатія спектакля время.»

Слѣдовательно почтенная администрація боится, что-бы:

1. Я не продалъ на улицѣ билета, который она мнѣ присылаетъ; этому виноватъ Жанъ-Жакъ-Руссо, рассказывающій въ своей «*Исповѣди*», что онъ однажды продалъ билетъ, который ему дали, что-бы идти въ оперный театрѣ.

2. Я не рѣшился подписаться подъ чужую руку и вмѣсто одного мѣста не написалъ два; въ самомъ-дѣлѣ, это довольно опасно.

Дамы не могутъ-быть впущены съ этимъ билетомъ, слѣдовательно:

3. Мнѣ этимъ даютъ знать, что меня сожуютъ на такое мѣсто, гдѣ женщины нѣтъ. Въ театрѣ три пола: женщины, мужчины и журналисты. Послѣднихъ сожуютъ особо. Сердитыхъ, бѣшеныхъ сожуютъ въ особія ложи. Болѣе кроткихъ, смиренныхъ помѣщаютъ вмѣстѣ въ большомъ пространствѣ, раздѣленномъ на мѣста. Но и смиреннѣйшіе изъ журналистовъ такъ опасны, что съ ними нельзя сажать ни женщинъ, ни дѣтей.

4. *Предъявляя билетъ должно раскрывать его.* Будетъ съ меня и того, что въ замѣнъ журнала, посылаемаго мною въ театрѣ, мнѣ даютъ билетъ, слѣдовательно, я очень-хорошо могу избавить тѣхъ, которые принимаютъ билеты, отъ труда — развертывать ихъ.

5. Я не долженъ воображать, что могу придти поздно и только для новой пьесы, какъ на то имѣетъ право всякой, *купившій*

билетъ; я долженъ-быть въ театрѣ не только въ то время, когда начинають, но даже въ назначенный часъ; если-жъ начнутъ поздно... не бѣда! Могу подождать.

Я чрезвычайно доволенъ; то, что другимъ могло-бъ показаться неуваженіемъ, кажется мнѣ высшей наградой за мою добродѣтель.

Согласно предписанію, я предъявляю раскрытый билетъ. Но когда я вошелъ въ театръ, то начинали четвертый актъ. Я никакъ не могъ рѣшиться обезпозоконтъ человѣкъ шестьдесятъ, чтобы пробраться до своего мѣста и пошелъ въ пале-рояльскій садъ выкурить сигару. Прихожу къ пятому акту: мѣсто мое занято; я-бы могъ попросить господина, занявшаго это мѣсто, что-бы онъ удалился, но онъ былъ такъ счастливъ; просмотрѣвъ четыре дѣйствія онъ какъ-бы получилъ право и на пятый; притомъ-же я не могъ дать отчета о трагедіи по одному пятому акту. Пойду прогуливаться по корридорамъ. Кончился спектакль; раздался неистовый рукоплесканія, вызывали Рашель; въ щелочку я увидѣлъ, что ей бросали цвѣты,—слѣдовательно и пьеса, и актриса имѣли успѣхъ.

Проходя мимо Теофила Готье я слышалъ, какъ онъ сказалъ, пожимая плечами:

— Вяло!

Я-же самъ на-дняхъ пойду смотрѣть «Виргинію», и Рашель, и исполню свою обязанность, т. е. разскажу вамъ пьесу и мое мнѣніе о ней и объ Рашели.

ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ МУЖА.

(Анекдотъ.)

На парижской биржѣ теперь въ большомъ ходу слѣдующій достовѣрный анекдотъ, много подходящій къ забавнымъ анекдотамъ времени Регентства. Около трехъ мѣсяцевъ уже какъ молодой банкиръ, левъ Жюль Р. покровительствуетъ своею кассою одной премиленькой актрисѣ театра Водевиль. Четыре или пять разъ въ недѣлю денежный аристократъ самъ заѣзжаетъ за своею богинею въ «храмъ Галии и Мельпомены», гдѣ она обыкновенно каждый вечеръ собираетъ дань славы съ восторженныхъ зрителей. Въ прошедшую субботу, часу въ 11-мъ вечера, онъ по обыкновенію явился въ театръ, и по окончаніи спектакля сѣлъ съ торжествующею артисткою въ экипажъ и приказалъ кучеру ѣхать къ ея дому. Дорогою утомленной красавицѣ показалось слишкомъ-жарко: она сняла съ головки прелестную, украшенную цвѣтами шляпку, прикрѣпила ее посредствомъ булавокъ

къ верху кареты, и заснула. Черезъ десять минутъ прѣзжаютъ домой, артистка прощается съ своимъ покровителемъ и входитъ къ себѣ, позабывъ въ каретѣ свою прелестную шляпку. М. Жюль тоже, какъ самый невинный человекъ, возвращается домой.— На другое утро одинъ изъ лакеевъ г. банкира приноситъ супругъ его прелестную шляпку и объявляетъ, что нашелъ ее въ баринной каретѣ. Довѣрчивая по природѣ, супруга Жюля беретъ шляпку, примѣриваетъ ее, находитъ, что она очень къ лицу ей и полагаетъ, что это сюрпризъ со стороны ея любезнаго супруга. При каждомъ посѣщеніи какой-нибудь подруги она съ гордостію показываетъ свою обновку, прибавляя: «Это сюрпризъ моего мужа. Не правда-ли, какъ онъ любезенъ и какъ заботится мною?»

ПОЛИШИНЕЛЬ ВЪ ПЕРСІИ.

Изучая нравы и обычаи разныхъ народовъ, иногда встрѣтишь совершенно-неожиданныя сходства между ними. Кто-бы, на-примѣръ, полагалъ въ самомъ сердцѣ Азіи найдти полишинеля и ма-рионетокъ, сдѣлавшихся въ такой степени народными во Франціи и въ другихъ европейскихъ сторонахъ? Однакожъ этотъ родъ представленій извѣстенъ издревле въ Персіи и вполнѣ народенъ тамъ. Персидскій полишинель называется Ketchel Pehlèvan (плѣшивый герой). Онъ не имѣетъ особаго костюма, только непремѣннымъ отличительнымъ признакомъ его — лысыя, какъ у нашего полишинеля горбъ. Что касается до характера, то Ketchel Pehlèvan много походитъ на неаполитанскаго пульчинелло: но что отличаетъ его и отъ неаполитанскаго пульчинелло, и римскаго матапакко, и болонскаго арлекина, и французскаго полишинеля-каламбурнета — это его отличное воспитаніе и его глубокое лицемѣріе. Ketchel pehlèvan ханжа, ученъ и даже поэтъ, такъ какъ въ Персіи всѣ почти больше или меньше поэты. Онъ обманываетъ мужей и волочится за женами.

Вообще вкусъ къ театральнымъ представленіямъ въ Персіи довольно-всеобщій, но только всѣ эти представленія бездешевныя. Антрепренёры, авторы; поэты и даже сами торговцы съѣтнымъ — никто и не думаетъ о выручкѣ. Антрепренёръ чаще всего богатая и знатная особа, которая этимъ средствомъ ищетъ усилить свое религіозное и политическое вліяніе. Онъ пользуется случаемъ выказать публикѣ всѣ свои сокровища, шалъ, ковры, драгоценныя матеріи и дорогую посуду. Въ знаменитомъ спектаклѣ, продолжавшемся четырнадцать дней и данномъ въ Тегеранѣ, въ 1833 году, Мирзою Абуль-Гассанъ-Ханомъ, бывшемъ

посланникомъ въ Парижъ, по объѣту (ex-voto), за выздоровленіе своего сына, этотъ персидскій Лукуллъ представилъ глазамъ публики болѣе восьмидесяти кашемировъ и множество драгоценностей, въ числѣ которыхъ были такія, которыя оцѣнивались въ три-милліона франкъ. Великолѣпная обстановка нашихъ спектаклей, которой мы удивляемся въ балетахъ, въ глазахъ тегеранскихъ аристократовъ показалась-бы просто пищенскими лохмотьями.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПОЕДИНКИ ВЪ ИРЛАНДІИ.

Въ Ирландіи съ древнихъ и почти до нашихъ временъ были въ обычаѣ музыкальные турниры или поединки. Встарину тамъ въ каждомъ городѣ, даже въ каждой деревнѣ былъ свой арфистъ; въ разныхъ провинціяхъ были учреждаемы торжества, и тутъ-то музыканты боролись за честь своего города или своего рода. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія знаменитый ирландскій арфистъ былъ вызванъ на публичный бой однимъ чужеземнымъ арфистомъ. Бой этотъ происходилъ въ Дублинѣ, въ залѣ нижняго-парламента, для чего депутаты охотно прекратили на время свои засѣданія. Пальма первенства отдана была Ирландцу. — Самая арфа въ Ирландіи, съ первыхъ самыхъ временъ цивилизаціи, была всегда священнымъ и народнымъ инструментомъ; она всегда была неприкосновенною собственностью. Законъ позволялъ запереть должника въ тюрьму, но не позволялъ отнимать у него арфу. Когда Ирландія приняла христіанскую религію, то епископы допустили этотъ любимый народомъ инструментъ къ божественной службѣ, и только пуритане завоеватели, изъ партіи Кромвеля, вмѣстѣ съ святыми иконами разрушили въ церквахъ и арфы. И съ-тѣхъ-поръ любимый этотъ инструментъ Ирландцевъ почти вовсе исчезъ изъ Ирландіи, и въ настоящее время видѣнъ только на гербахъ. За-то теперь народнымъ инструментомъ Ирландіи сдѣлалась волынка. И такъ-какъ охота къ борьбѣ нисколько не уменьшилась въ Ирландцахъ, то и теперь часто происходятъ подобныя поединки. Большею частію они происходятъ въ деревняхъ, передъ церквами, куда, послѣ окончанія службы, собирается вся община, слушать г-дъ артистовъ. Судьями избираются самые старшіе обитатели деревни.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

— Иные актеры, играя Кина (въ комедіи А. Дюма), *отъ-души* говорятъ — если *имъ* вѣрить — слѣдующій монологъ: «Есть у насъ журналисты, которые поняли свою обязанность съ похвальной стороны: цѣнители всего благороднаго, покровители всего изящнаго, поклонники всего высокаго (т. е. похваливающіе насъ выше всякой мѣры)... эти люди — слава народной литературы, отголосокъ *всей* публики (конечно!). Но есть и другіе, которыхъ бездарность заставила приняться за критику!... Завистники всего, они *попрагаютъ благородное, порогаютъ изящное*, унижаютъ *высокое*» и пр. Эти послѣдніе журналисты всѣхъ досаднѣ!... За-то есть и журналисты, которые, въ свою очередь, смотря на доморощенныхъ Киновъ, не менѣе *отъ души* говорятъ то что Гамлетъ говоритъ актеру: «Если ты будешь *кригать*, какъ многіе изъ нашихъ актеровъ, такъ это будетъ мнѣ также пріятно, какъ если-бы стихи мои распѣвалъ разнощикъ. Не пили слишкомъ усердно воздуха руками, — *будь умпреннѣе*. Среди потопа, бури, водоворота страсти долженъ ты сохранять *умпренность*: она придастъ тебѣ пріятности. О, мнѣ ужасно досадно, если какой-нибудь *дюжий, длинноволосый молодецъ разрываетъ страсть въ кложки, чтобы греметь въ ушахъ райка, который не смыслитъ ничего, кромѣ непонятнаго крикливо и крика*. Такого актера я въ состояніи-бы высѣчь за его крикъ и натяжку.... Мимика и слово должны соответствовать другъ-другу; особенно обращай вниманіе на то, чтобы *не преступить за границу естественности*. Все, что *изыскано, противорѣчитъ назначенію театра*, цѣль котораго всегда была, есть и будетъ — отражать въ себѣ природу: добро, зло, время и люди должны видѣть себя въ немъ, какъ въ зеркалѣ. Если представишь ихъ слишкомъ сильно, или слабо, — конечно, профана заставишь иногда смѣяться, но знатоку досадно, а для васъ сужденіе знатока должно перевѣшивать мнѣнія всѣхъ другихъ. Я видѣлъ актеровъ, которыхъ превозносили до небесъ, — и что-же? *Въ словахъ и походкѣ они не подходили ни на христіанъ, ни на жидовъ, ни вообще на людей; выступали и козлогласовали* такъ, что я подумалъ, какой-нибудь поденщикъ надѣлалъ людей, да неудачно! Такъ удачно *подражали* они человѣчеству!» Жаль, что почтенный Н. А. Полевой выпустилъ эти слова Гамлета въ своемъ переводѣ Шекспирова произведенія: актеръ долженъ затвердить ихъ, долженъ золотыми буквами написать на стѣнѣ своего рабочаго кабинета; въ этихъ немногихъ словахъ заключается цѣлая теорія сценическаго искусства, написанная великимъ мастеромъ — Шекспиромъ.

— Въ одномъ обществѣ шелъ разговоръ о ловкости мошенниковъ. Рассказывали разныя объ этомъ анекдоты. Это все еще пустяки, сказали

кто-то, въ сравненіи съ тѣмъ, что случилось именно со мною. Разъ я пошелъ въ театръ: въ бумажникъ у меня была пяти-рублевая ассигнація. При входѣ было страшная тѣснота и я пробираясь, замѣтилъ, что около меня все вертится одинъ, подозрительной наружности, человекъ; но такъ-какъ бумажникъ съ деньгами былъ у меня въ боковомъ карманѣ, и сюртукъ до верху застегнутъ, то я и не боялся покражи. Послѣ театра прихожу домой, достаю бумажникъ, разкрываю — и что-же, какъ-бы вы думали? — ловкой мошенникъ стянулъ таки изъ него два съ половиной. —

— При первомъ представленіи Софокловой Антигоны въ Дублинѣ, по окончаніи спектакля, публика, начала вызывать автора. Онъ, разумеется, не являлся и нетерпѣніе публики возрасло до такой степени, что режиссёръ театра принужденъ былъ выдти на сцену и объявить «почтеннѣйшей публикѣ», что авторъ пьесы г-нъ Софоклъ скончался уже побольше двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ.

— Фелисіанъ Давидъ, отставной Сень-Симонистъ, котораго симфонію: «Le désert» даютъ теперь въ Парижѣ, и котораго журналы вдругъ произвели въ знаменитость первой величины, не былъ такъ счастливъ съ первыми своими мелодіями, вывезенными имъ съ Востока и изданными порознь. Одинъ издатель передавалъ ихъ другому и наконецъ дошли они до книпштовъ на Мазариновой-набережной, гдѣ на вольномъ воздухѣ, подъ дождемъ и непогодюю, созрѣвали для макулатуры. Но теперь дѣло измѣнилось. Г. Шлесингеръ, купившій въ былое время рукопись этихъ первыхъ музыкальныхъ опытовъ Давида, издаетъ ихъ вновь, арранжированныя кадрилью, которую и назвалъ онъ «Le desert». Другой издатель, купившій у Давида его восточныя мелодіи, которыя тоже не шли тогда съ рукъ, издалъ ихъ опять, подъ названіемъ «Brises d'Orient,» и теперь всѣ диллетанты, *servum pecus*, такъ и рвутъ тѣ самыя вещи, на которыя прежде не хотѣли обратить вниманія и которыя просто гнили на Мазариновой-площади. Выводите изъ этого правоученіе, г-да моралисты!

— Что человекъ, въ нестоимыхъ надеждахъ и въ неутомимомъ стремленіи къ цѣли своихъ желаній, часто забываетъ настоящее и не обращаетъ вниманія на то, что, такъ-сказать, находится у него въ рукахъ — старая и ежедневнымъ опытомъ доказываемая истина. Но чтобы человеку, вполне преданному астрологін и твердо вѣрившему въ глубокое вліяніе созвѣздіи на судьбу человеческую, дѣйствительно пагубно было какое-нибудь определенное число — это, въ-самомъ-дѣлѣ, чрезвычайно-удивительно. И однакожъ примѣръ тому — Валленштейнъ. На всю судьбу его имѣло таинственное вліяніе число *семь*. Всѣ случаи его жизни, кончившіеся неприятно или имѣвшія неприятыя послѣдствія, случились именно

въ такія числа, которыя или кончаются на 7 или въ сложности составляютъ это число. Вотъ, на-примѣръ, самые важные моменты судьбы его: онъ родился въ 1583 году (въ сложеніи 17), убитъ въ 1634, (въ сложеніи 14, слѣдовательно, два раза по 7, да сверхъ-того каждая половина этого числа сложенная составляетъ тоже по 7-ми, а именно 16 — и 34). Еще замѣчательнѣе, что это убійство совершено 25 февраля, потому что число 25 составляетъ въ сложеніи 7, да даже и самое названіе февраль состоитъ изъ 7 буквъ. Валленштейну было 52 года — опять въ сложеніи 7 и въ 7 часовъ вечера въ день его смерти умерщвлены лучшіе друзья его. При этомъ надобно бы замѣтить, что имена Бутлеръ и Оттавіо (такъ какъ Николомини было двое, то рѣшается ими) каждое состоитъ изъ 7 буквъ.

— Главные признаки гения — оригинальность и плодовитость. Гениальнѣйшіе поэты, мыслители, художники всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, съ рѣдкими исключеніями, были и самые плодовитѣйшіе. Въ-примѣръ приведемъ хоть слѣдующихъ: Софокль, Шекспиръ, Кальдеронъ, Аріостъ, Гёте, Вальтеръ-Скоттъ, Жанъ-Поль, Викторъ Гюго, Дикенсъ, Эжень-Сю, Рафаель-Санціо, Тиціанъ, Дюреръ, Буанаротти, Рубенсъ, Горасъ Вернѣ, Торвальдсенъ, Корнеліусъ, Глюкъ, Бетховенъ, Моцартъ, Россини, Платонъ, Аристотель, Ксенофонтъ, Ливій, Гиббонъ, Руссо, Кантъ, І. Ф. Миллеръ, Мишье, Роттекъ. Что могутъ быть плодовиты и простые, даже плохіе умы, это нисколько не опровергаетъ нашей мысли, подтверждаемой такими блистательными примѣрами, какъ не опровергаетъ ее и то, что и гениальные умы могутъ быть неплодовиты, по какимъ-нибудь физическимъ или житейскимъ отношеніямъ.

соч. Г. Каратыгина 2-го; и 2) Жены наши пропали, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго Г. Григорьевымъ.

— Намъ пишутъ изъ Москвы, что теноръ тамошней итальянской оперы, Сальви, дававшій въ свой бенефисъ Отелло, произвелъ такое шумоу, какого давно уже не запомнятъ московскіе театральные старожилы. Во множествѣ букетовъ и вѣнковъ, которыми засыпали пѣвца, брошенъ былъ ему драгоцѣнный брильянтовой перстень. Нѣкоторые любители, желая показать уваженіе свое къ таланту знаменитаго пѣвца, платили за ложу по триста рублей серебромъ. Не знаемъ, справедливо-ли это извѣстіе: мы за чтó купили, за тó и продаемъ; но впрочемъ Москва всегда отличалась такимъ такимъ радушіемъ къ знаменитымъ артистамъ, такую теплою любовію къ искусству, и наконецъ, такую щедростію въ вознагражденіи талантовъ, что нѣтъ причины и сомнѣваться въ справедливости этого извѣстія. А притомъ, вызовы и осыпаніе цвѣтами сдѣлались такою пошлою наградой съ-тѣхъ-поръ, какъ образованная публика стала бросать букеты и вѣнки смазливенькимъ дѣвочкамъ, отчаянно танцующимъ польку, и заѣзжимъ ломакамъ-фиглярамъ, отвратительно коверкающимъ, маленькихъ дѣтей своихъ, что вознагражденіе артиста деньгами и богатыми подарками имѣеть единственную цѣну. На подобныя награжденія способенъ не всякій и не для всякаго. Во-время Екатерины II бросали же на сцену артистамъ кошельки съ золотомъ... Такая награда — истинно-дорогая награда для артиста!

— Парижскія дамы болѣе и болѣе дѣлаются свободными женщинами (émancipées). Въ настоящее время цѣлые легионы ихъ наполняютъ анатомическія залы. Скоро нѣжность чувствъ придется отыскивать въ казармахъ.

— Въ Алжирѣ теперь два театра. На такъ-называемомъ Большомъ театрѣ не рѣдко играютъ, какъ гости, первые парижскіе артисты.

Редакторъ Межевицъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОПИСЬ.

АПРѢЛЬ.

=

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

НѢКОЛЬКО СЛОВЪ О БЕРЛИНСКИХЪ ТЕАТРАХЪ.

Письмо къ Редактору изъ Берлина.

Въ Берлинѣ считается до 6-ти театровъ, изъ которыхъ два королевскіе: Опера (Das Königlische Opernhaus) и театръ назначенный для комедій и драмы (Königlische Schauspielhaus). Въ послѣднемъ зданіи два театра нѣмецкій и французскій, который помѣщается въ такъ-называемой концертной залѣ. Кенігштедскій театръ (Königsstädtisches Theater), принадлежащій Г. Серору, и наконецъ три театра общества любителей или клубовъ: Уранія, Таія и Конкордія. Сверхъ-этого существуютъ еще нѣсколько театровъ, на которыхъ упражняются молодые таланты, готовящіеся посвятить

себя драматическому поприщу, или, просто, любители, для собственной своей забавы и для забавы своих друзей и знакомых, но послѣдніе не такъ извѣстны; къ тому-же они имѣютъ видъ совершенно частныхъ театровъ, по-этому мы и не будемъ говорить объ нихъ.

Первое мѣсто, по красотѣ зданія и по роскоши отдѣлки, разумѣется, принадлежитъ Оперѣ. Опера находится въ лучшей части города, подъ Липами, противъ Университета, близъ дворца Наслѣднаго Принца. Это зданіе выстроено при Фридрихѣ Великомъ, по плану Кнобельсдорфа въ весьма-короткое время: именно, 5-го сентября 1741 года былъ положенъ первый камень, а въ 1742 году 7 декабря въ новомъ театрѣ давали уже новую оперу Грауна Клеопатру. Зданіе прекрасно. Съ двухъ сторонъ высокое крыльцо ведетъ къ портику, окруженному колоннами; статуй Аполлона, Мельпомены и Талии возвышаются надъ фронтономъ, котораго тимпанъ открываетъ барельефъ, представляющій жертвоприношеніе Аполлону, съ надписью, сдѣланною Фридрихомъ II-мъ: *Fridricus rex Appolini et musis*; подъ нишемъ портика четыре статуи Софокла, Аристофана, Менаандра и Эврипида. Театръ этотъ сгорѣлъ въ 1843 году, въ ночь съ 18 на 19 августа, такъ что осталось только одни стѣны, но снова возобновленъ сообразно первому плану, и 19 ноября прошлаго года, въ день Ангела королевы, послѣдовало торжественное открытіе. Теперешняя зала также велика; она образуетъ полкруга, посреди королевская ложа, формою и расположеніемъ напоминающая Императорскую ложу Большаго-театра въ Петербургѣ: ложъ четыре яруса; онѣ совершенно открыты, и мѣста въ ложахъ сдѣланы амфитеатромъ; къ самой-же сценѣ въ каждомъ ярусѣ по три скрытыхъ ложи, отдѣленныхъ одна отъ другой статуями; театръ освѣщается люстрою въ два яруса, верхній ярусъ освѣщается лампами, покрытыми матовыми стеклами, для того что-бы слишкомъ рѣзкій свѣтъ не бросался въ глаза, а нижній свѣчами; на потолкѣ, надъ люстрою, въ видѣ гирлянды, расположены портреты великихъ драматическихъ писателей Германіи, а весь потолокъ украшенъ картинами, отдѣленными одна отъ другой золотыми фресками; обои пунцоваго цвѣта, двери прекрасно сдѣланы изъ дуба, на каждой двери прибитъ номеръ ложи, изображенный на фарфоровой бѣлой доскѣ, вставленной въ рамку. Коридоры широки, теплы, украшены зеркалами и мебелью; вообще театръ отдѣланъ роскошно, въ полномъ смыслѣ этого слова; жаль только, что на переднемъ заавѣсѣ изображены маленькія картины, ко-

торыя не имѣютъ никакого виду: для передняго завѣса приличіе одна картина большаго размѣра. Въ прежнемъ театрѣ была концертная зала, которой нѣтъ въ настоящемъ: ее должны были уничтожить, чтобы дать надлежащую ширину коридорамъ, которые теперь, право, могутъ назваться маленькими залами. Этотъ театръ назначенъ для оперы и балета; иногда играютъ здѣсь и комедіи, но только очень-рѣдко.

Еффаиріхгаузъ тоже одно изъ лучшихъ зданій Берлина. Этотъ театръ выстроенъ гораздо-позднѣе Оперы, именно, въ 1820 году; онъ между прочимъ замѣчательнъ и тѣмъ, что это была первая большая работа гениальнаго Шинкеля; здѣсь ему представлялась большая трудность употребить въ-дѣло нѣсколько сгорѣвшихъ зданій; въ этомъ дѣлѣ ему помогали многіе. Зданіе тоже съ одной стороны, съ главнаго фасада, украшено высокимъ крыльцомъ и колоннами; для пѣшеходовъ назначены особые выходы и входы; коридоры тоже просторны, но темны; вообще, театръ внутри бѣдно отдѣланъ и сталъ уже грязенъ. Зала невелика: она едва можетъ помѣстить полторы тысячѣ зрителей; но расположена хорошо: отсюда видно и слышно, а это не малое достоинство. Здѣсь-же, въ другой части зданія, помѣщается французскій театръ.

Кѣнигштедскій театръ выстроенъ по плану Отмера, въ 1821—27 годахъ, обществомъ акціонеровъ. Полагаютъ, что съ покушкою земли зданіе обошлось въ 380,000 таллеровъ. Зданіе помѣщается на Александровскомъ-плацѣ, нѣсколько отдаленномъ отъ центра города; касса для продажи билетовъ помѣщается въ другомъ мѣстѣ, что производитъ много неудобствъ. Театръ этотъ съ 1829 года принадлежитъ г-ну Серру. Прежде онъ славился знаменитою оперою, сочленомъ которая была Генриетта Зонтагъ. Потомъ упалъ до послѣдней степени; въ настоящее-же время, когда Кѣнигштедскій театръ началъ давать народныя піесы и когда въ этомъ театрѣ снова итальянская опера, онъ опять началъ возвышаться во мнѣніи публики. Здѣсь представленія бывають ежедневно, опера два раза, а иногда и три раза въ недѣлю. Внутри театръ бѣдно отдѣланъ, дурно освѣщенъ, а часто бываетъ и дурно отопленъ.

Теперь, представивши краткій очеркъ исторіи театровъ, поговоримъ объ исполненіи піесъ и объ игрѣ актеровъ. Начнемъ съ оперы. Берлинская опера въ весьма-неблизкательномъ положеніи, пѣвицъ мало и то все золотая посредственность, пѣвцы еще хуже. Манціусъ, говорятъ, когда-то пѣлъ, да еще и хорошо пѣлъ, но оперы Спонтини и Глюка совершенно убили его голосъ: те-

перь онъ только кричитъ, да и кричитъ-то пренепрятно. Представьте маленькую самую маленькую фигуру, приподнявшуюся на цыпочкахъ, которая всѣми силами старается пѣть и кричитъ, да еще кричитъ въ носъ — вотъ вамъ первый теноръ берлинской оперы; второй еще хуже. Басомъ опера похвалиться тоже не можетъ. У Бѣтихера весьма-небольшой голосъ, хотя довольно-обработанный. Хоры хороши и хорошо слажены; обстановка пѣсь удовлетворительна; не многія изъ оперъ поставлены роскошно, къ числу этихъ немногихъ принадлежитъ новая опера Мейербера Силезскій-лагерь. При мнѣ всякой разъ опера наполнялась зрителями, при мнѣ всякой разъ раздавались громкія и единодушныя рукоплесканія; трудно очень-трудно было достать билетъ... (*) При мнѣ пѣла Линдъ. Я съ нетерпѣніемъ желалъ ее видѣть и слышать; имя ея мнѣ было извѣстно по журналамъ, относившимся объ ней съ большою похвалою; прѣзжаю въ Берлинъ, спрашиваю о театрѣ, объ Линдъ, и узнаю, что она больна. Сначала я не предполагалъ пробыть такъ долго въ Берлинѣ и совершенно было отчаялся слышать ее... наконецъ она выздоровѣла, пѣла и я слышалъ ее нѣсколько разъ. Похвалы ничуть не преувеличены; въ-самомъ-дѣлѣ, Линдъ прекрасна; мнѣ она особенно понравилась по многимъ качествамъ, которыя я болѣе всего люблю и уважаю въ артисткѣ,—но объ этомъ послѣ. У Женни Линдъ сопрано, голосъ ея весьма-обширенъ и пріятенъ; тихія ноты также хороши, какъ и громкія; пѣтъ и слѣда нѣмецкой методы; каждый звукъ вылетаетъ прямо изъ груди; голосъ ея для ея лѣтъ обработанъ какъ нельзя лучше; она едва начинаетъ свое поприще, а ужъ на такой степени совершенства, которой достигнуть не всѣ, оканчивая его. Игра ея полна одушевленія и простоты, которая еще рѣзче выдается при натянутой и манерной игрѣ нѣмецкихъ актеровъ.... Еще что мнѣ нравится въ молодой художницѣ, такъ это удивительная скромность. Большая часть извѣстностей.—Линдъ тоже извѣстность, —по-крайней-мѣрѣ, въ Берлинѣ, на сценѣ такъ ужъ и держутъ себя, какъ прилично извѣстности... Поеть-ли она или не поеть, играетъ или ждетъ своей реплики, все-равно, она

(*) Здѣсь всѣ жалуются на перепродажу билетовъ, которую правительство всѣми силами старается прекратить; впрочемъ для иностранца вѣго легче получить билетъ, адресуясь къ директору театровъ къ барону Кюстнеру; за нѣсколько дней до представленія, для иностранцевъ всегда оставляютъ нѣсколько билетовъ.

впереді всѣхъ, стоитъ въ приличной позѣ, она уже смотритъ царицей сцены, она какъ-бы хочетъ сказать: «Смотрите на меня, любуйтесь мною, вѣдь я первое амплу». Самая скромная изъ извѣстностей, и та держатъ себя съ полнымъ сознаниемъ собственнаго достоинства. Не такъ ведетъ себя Ж. Линдъ на сценѣ. Если вы войдете въ театръ въ то время, когда она не поетъ, а ждетъ своего нумера, вы не узнаете, что въ этомъ хорѣ Линдъ, если какой-то тайный голосъ не подскажетъ вамъ и не укажетъ ея ибо между артистами и зрителемъ, любящимъ искусство, всегда существуетъ какое-то сочувствіе. Вглядитесь... и вотъ посреди хора, а часто и позади, вы увидите дѣвушку небольшого роста съ каштановыми волосами, съ большими голубыми глазами, опущенными внизъ, всегда съ какимъ-то грустнымъ выраженіемъ лица, всегда въ простой, натуральной позѣ — это Линдъ. Она далеко нехороша собою, черты лица ея, обличающія шведское происхожденіе, совершенно неправильны; но вотъ оркестръ заигралъ ригурнель ея нумера, вотъ она подошла къ аванъ-сценѣ... вотъ покойное лицо ея оживилось... въ глазахъ показался огонь... приподнялась грудь... и чистые звуки полились по залѣ, на восторженныхъ и рукоплескающихъ зрителей!... Люблю я эти подвижныя фізіономіи, на которыхъ отпечатлѣвается всякое чувство, прошедшее по душѣ... Промѣняю-ли я эту живую красоту на мертвенность прекрасныхъ чертъ, похожихъ на статую, которыя также тонки и также правильны, какъ черты статуи, но — и также холодны!... Линдъ вытерпѣла много неудачъ: было время, когда она было потеряла голосъ, ей шикали, въ Парижѣ ей не хотѣли давать уроки пѣнія, потому-что она пѣла фальшиво; но стараніе, трудъ и надежда подкрѣпили ее, голосъ возвратился, и хотя нѣкоторые замѣчаютъ въ ея голосѣ маленькіе слѣды поврежденія, но я, какъ ни старался, кромѣ необыкновенной пріятности, ничего замѣтить не могъ. Теперь судьба ея перемѣнилась, теперь она любимая пѣвица Стокгольма, Берлина, (куда она была ангажирована на нѣсколько представленій) и, вѣроятно, на какой-бы сценѣ она ни пѣла, она всегда займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ первый разъ слышалъ я ее въ «Nachtwandlerin» Бельгии. Хотя она мнѣ поправилась съ перваго выхода съ первой аріи; но, признаюсь, въ первый разъ она не произвела на меня того впечатлѣнія, которое производила въ слѣдующія представленія; это, я полагаю, произошло во-первыхъ отъ-того, что она пѣла послѣ болѣзни, а во-вторыхъ потому, что я могъ наслаждаться только ея прекраснымъ голосомъ, независимо отъ

игры, стало-быть однимъ наслажденіемъ меньше. Судьба помѣстила меня въ крайнюю ложу близъ самой сцены, а впереди меня посадила нѣсколько существъ женскаго пола, въ различныхъ чепцахъ, прическахъ и уборахъ, стало-быть, этотъ вечеръ сцена для меня не существовала. Оркестръ очень-хорошъ. Хоры исполняютъ свое дѣло тоже хорошо; о пѣвцахъ говорить нечего: я сказалъ уже, что пѣвцы плохи. Я не говорю здѣсь ни о восторгѣ публики, встрѣтившемъ Линдъ, ни о рукоплесканіяхъ, ни о вызовахъ: гдѣ поетъ Линдъ, тамъ не могутъ не раздаваться рукоплесканія. Для меня талантъ Линдъ вполне обнаружился въ роли *Wichla*, въ новой оперѣ Мейербера. Кстати скажемъ нѣсколько словъ о самой оперѣ. Опера совершенно не удалась великому композитору; она написана на случай, — стало-быть, по заказу; а отъ такихъ произведеній рѣдко можно ожидать чего-нибудь замѣчательнаго. Не знаю, какъ привѣтствовала ее берлинская публика въ первыхъ представленіяхъ, а на этотъ разъ публика была удивительно-холодна, хотя опера поставлена со всею сценическою роскошью, (декорація и костюмы очень-хорошіе) и оркестромъ дирижировалъ самъ Мейерберъ. Правда, по-окончаніи втораго акта нѣсколько голосовъ вызывали автора, но, въ вызовѣ этомъ публика не принимала участія — это было голосъ или записныхъ поклонниковъ Мейербера, или его пріятелей. Носится слухи, что Мейерберъ пишетъ новую оперу, чтобы выкупить неудачу; впрочемъ человѣку, создавшему Роберта и Гугенотовъ, нечего бояться неудачъ. Музыка новой оперы удивительно-громка и шумна, множество литавръ, барабановъ, тромбоновъ, оркестръ гремитъ въ залѣ, а роговая музыка на сценѣ — просто, ужасъ. Впрочемъ есть чудныя мѣста: таковы въ первомъ актѣ пѣсія Линдъ съ тамбуриномъ и хоромъ, хоры втораго акта и марши прусскій и дессаускій. За оперою слѣдуетъ эпилогъ, гдѣ г-жа Кремлигеръ, представляющая Пруссію, читаетъ предлинныя стихи, а въ живыхъ картинахъ изображаются различныя замѣчательныя эпохи, между-прочимъ пожаръ театра и его возобновеніе. Въ первое представленіе, разумѣется, все это имѣло смыслъ и занимательность, а въ послѣдующія эпилогъ только растягивалъ оперу и безъ того довольно-скудную и утомительную; какъ быть, отмѣнить теперь эпилогъ почти-невозможно, потому-что онъ тѣсно связанъ съ окончаніемъ самой оперы. Здѣсь Линдъ совершенно очаровала меня, — сколько простоты, граціи и вмѣстѣ силы, — особенно въ сценѣ, гдѣ она, исполненная предсказательнаго пантія, прозираетъ будущее... Много сладкихъ воспоминаній

понесу я изъ Берлина, и за эти воспоминаія я отъ всего сердца желаю молодой артисткѣ полного успѣха на трудномъ поприщѣ пѣвицы, которое она избрала въ-слѣдствіе призванія. Да будетъ путь ея усыпанъ цвѣтами, пусть за нею и предъ нею будетъ восторгъ и обожаніе толпы, и пусть не одна черная клевета не дерзнетъ коснуться ея свѣтлой извѣстности!...

Балеты въ Берлинѣ хороши, но никакъ не идутъ въ сравненіе ни съ петербургскими, ни съ московскими; они уступаютъ послѣднимъ во всемъ и въ богатствѣ обстановки, и въ талантахъ самихъ танцовщицъ. Здѣсь нѣтъ ни одной солистки, которая могла-бы соперничествовать съ Санковскою въ граціи, легкости и въ манерѣ. Явись Санковская 1-я въ Берлинѣ, весь городъ бѣгалъ-бы смотрѣть ее.... Досадно, право, что у бѣльшей части нашихъ русскихъ артистокъ и артистовъ не достаетъ или охоты, или смѣлости попытать счастья, а за успѣхъ, право, можно ругаться.

Знакомство мое съ другимъ королевскимъ театромъ началось съ произведенія моего любимаго поэта — Шиллера. Когда я въ первый разъ былъ въ театрѣ, назначенномъ для драмъ и комедій, давали „Kabale u. Liebe“, піесу, исполняемую королевскими актерами съ удивительнымъ стараніемъ и добросовѣстностію. Шиллеръ народный поэтъ Германіи: какъ-же актерамъ не сочувствовать ему, какъ-же не любить его, какъ-же не изучать? Да и кто не любитъ Шиллера?... Кого ни плѣняетъ мечтательною характеръ его музы, его свѣтлая душа, выразившаяся въ чистыхъ лицахъ, имъ созданныхъ. Я благоговѣю предъ гениемъ Англіи, меня поражаетъ громадность Шекспира, я его считаю первымъ и величайшимъ творцомъ между поэтами; но самая эта громадность часто пугаетъ, устрашаетъ меня; чтобы почитать Шекспира, недостаточно сочувствовать ему; ибо сочувствовать иногда можно безсознательно, въ-слѣдствіе какого-то внутренняго влеченія; нѣтъ, чтобы постигать Шекспира, надо быть глубоко проникнуто его духомъ, надобно много мыслить и страдать. У Шекспира, что ни шагъ — то глубоко заданный вопросъ о жизни, который разрѣшить можетъ не всякій, — что ни сцена, то новый поводъ къ размышленію. Съ Шиллеромъ я смѣлѣе; чтобы понимать Шиллера надобно умѣть только сочувствовать ему. Немногіе могутъ похвалиться тѣмъ, что понимаютъ Шекспира, и почти нѣтъ ни одного человѣка, которому не былъ-бы доступенъ живо-трогающій голосъ нѣмецкаго поэта. Много было говорено о Шиллерѣ, много критиковъ, имѣющихъ авторитетъ, разбирали

его драмы; они обыкновенно ставили выше всего или «Валленштейна» или «Вильгельма Теля»; по-моему у Шиллера нѣтъ ничего выше «Коварства и Любви». Вотъ драма, въ которой отъ начала до конца все совершенство, дѣйствіе которой просто, интрига естественна, послѣдовательность удивительная, также, какъ и удивительное знаніе человѣческаго сердца, въ благородномъ и свѣтломъ его проявленіи — въ любви. Всѣ характеры поражаютъ особенною вѣрностію, начиная отъ любовниковъ, поставленныхъ на первомъ планѣ, до слуги, приносящаго подарки Леди Мильфортъ. Піеса ведена художнически; нѣтъ ни одного лишняго лица, ни одной лишней сцены, ни одного лишняго слова. Однако это не помѣшало одному критику весьма-основательно замѣтить, что драма Шиллера мѣщанская, потому-де, что между дѣйствующими лицами нѣтъ принцевъ, и слезная, потому-что тамъ много плачутъ?... Избави Богъ отъ этакихъ судей! Многіе упрекаютъ Шиллера въ томъ, что лица его идеализированы и это ставятъ ему въ недостатокъ; я такъ на-оборотъ вижу въ этомъ достоинство; чтобы лица сдѣлать любезными зрителю, надобно ихъ идеализировать; онѣ чрезъ это нисколько не теряютъ. Всѣ лица, особенно въ этой драмѣ, скажутъ мнѣ, преувеличены.... — Нисколько, онѣ только идеализированы, очищены, если можно такъ выразиться; онѣ чрезъ это не теряютъ ни сколько изъ своей истины, онѣ совершенно возможны, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, хотя вы какую-нибудь Луизу встрѣтите очень-рѣдко въ свѣтѣ, а можетъ-быть и вовсе не встрѣтите, но ужъ въ этомъ не-виноватъ Шиллеръ. Онъ держался еще той системы, что искусство должно возвышать и облагораживать души, онъ былъ еще того спасительнаго мнѣнія, что искусство должно подкрѣплять человѣка на пути жизни, представляя ему образцы. Луиза, это идеалъ любящей дѣвушки, это идеалъ добродѣтели и невинности, достойный всѣхъ великихъ гениевъ міра. Притомъ посмотрите, какъ мастерски очерчены два рода любви, — любовь мужчины и любовь женщины, посмотрите, какой чудной контрастъ между Луизою и Фердинандомъ. По-видимому, они равно любятъ другъ-друга, а въ-самомъ-то-дѣлѣ, въ любви ихъ большое различіе, что, мнѣ кажется, между-прочимъ хотѣлъ выразить Шиллеръ въ своей драмѣ. Любовь мечтательной дѣвушки тиха, спокойна, но глубока; любовь въ ея сердцѣ не подавляетъ всѣхъ чувствъ; любовь ея къ Фердинанду это ея жизнь, и не-смотря на это, она готова пожертвовать ею долгу; любовь не заставляетъ ее забывать обязанности въ отношеніи къ отцу и въ отношеніи къ матери. Любовь Фердинанда касается стра-

сти; она, по-видимому, сильнѣе любви Луизы, а на самомъ-то-дѣлѣ она свирѣпа, слѣпа, ревнива, метительна и исполнена эгоизма. Луиза, чтобы видѣть Фердинанда счастливымъ, готова пожертвовать своею любовью; Фердинандъ хочетъ, чтобы она была счастлива непременно съ нимъ, съ нимъ однимъ; любовь Луизы болѣе до-вѣрчива; она, быть-можетъ, не повѣрила-бы, если-бы ей сказали, что Фердинандъ измѣнилъ ей; онъ-же, найдя письмо ея къ маршалу, тотчасъ предается ревнивому бѣшенству, потому-что его страсть болѣе свирѣпа, стало-быть, болѣе слѣпа. Въ Миллерѣ вы видите образъ честнаго гражданина; а какъ вѣрно схваченъ характеръ его жены, доброй, но простой и недалежнаго ума женщины, которая не можетъ не приподнять носа, при мысли, что дочь ея будетъ женою майора, не предвидя страшной пропасти, раздѣляющей ихъ, хотя эта пропасть не что-иное, какъ смѣшной предразсудокъ, но этотъ предразсудокъ, при нѣкоторыхъ обетельствахъ, дѣлается ужаснымъ. А этотъ президентъ, спрашивающій Луизу, хорошо-ли ей платитъ его сынъ, за ея любовь? Не подумайте, чтобы президентъ говорилъ такимъ-образомъ съ намѣреніемъ оскорбить это доброе семейство, — нѣтъ, онъ былъ убѣжденъ въ справедливости своихъ словъ, онъ, пораженный порокомъ, не могъ возвыситься до той мысли, что бѣдность не мѣшаетъ быть честнымъ, и что можно быть нищимъ и не позволить купить себя; онъ самъ до всего добрался ползкомъ, и испачканный грязью, онъ не хотѣлъ, не могъ вѣрить въ чистоту другихъ. А этотъ ужасный и отвратительный Вурмъ, котораго Луиза хочетъ просить — и не можетъ; она отталкивается отъ него болѣе съ отвращеніемъ, чѣмъ съ ужасомъ. Лицо леди Милфордъ тоже чудесно изображено. Это павшая женщина съ большимъ характеромъ, ядовитое дыханіе порока не поразило всей души ея.... и эти уцѣлевшія части души опрокидываютъ порокъ; ибо много надобно душевной силы, чтобы, впадши въ бездну порока — встать, чтобы отказаться отъ блеска и роскоши, конечно, купленныхъ цѣной чести, и предпочесть бѣдную, но честную жизнь! Это лицо вообще одно изъ совершеннѣйшихъ лицъ Шиллера. А какъ хорошъ этотъ ничтожный маршалъ! Подобнаго рода маршаловъ много вездѣ: это обыкновенно люди съ хорошимъ состояніемъ, съ приличною кличкою, ихъ вездѣ пускаютъ и употребляютъ въ свою пользу. Теперь, показавши характеръ каждаго лица драмы, какъ я ихъ понимаю, посмотримъ, какъ это великое произведеніе, по простотѣ своей всякому доступное, было разыграно берлинскими актерами драматической

труппы. Я въ-правѣ быть строгимъ, потому-что они играли произведеніе своего народнаго поэта. И скажу, съ большимъ удовольствіемъ, что драма болѣею частію участвовавшихъ актеровъ, была разыграна такъ, что удовлетворила-бы самому разборчивому и взыскательному требованію. Жаль только, что главныя лица пьесы, особенно лицо Фердинанда, были исполнены очень-слабо. Исполненіе пьесы походило на какую-нибудь найденную картину великаго художника, въ которой всѣ второстепенныя фигуры, стоящія на второмъ планѣ сохранились ярко и живо, каждая изъ нихъ имѣетъ свое выраженіе и свое значеніе, а главныя двѣ фигуры стерты или обезображены. Бауеръ въ роли Миллера былъ очень-хорошъ. Роттъ (президентъ) своею игрою могъ удовлетворить самаго взыскательнаго критика. Блюссъ въ роли маркиза былъ прекрасенъ. Крелингеръ (Мильфортъ) тоже хороша; но лучше всѣхъ, безспорно, былъ Гоппе, въ роли Вурма. Вотъ роль, изученная и переданная съ большимъ искусствомъ, безъ всякихъ преувеличеній и натяжекъ. У Гоппе, Вурмъ, по-видимому, самый обыкновенный человѣкъ, чисто-одѣтый, даже довольно-ловкій, ничуть неотвратительной наружности, безъ этого глупаго рыжаго парика, сдѣлавшагося у насъ принадлежностію Вурма; на лицѣ у него даже является улыбка; но взгляните въ это лицо, взгляните на эти сжатые губы, и вы тотчасъ увидите отсутствіе души и сердца. Гоппе въ Вурмѣ прекрасенъ. Его вѣжливый, но сухой тонъ, его нѣсколько-согнутая фигура, отъ привычки изгибаться, его манера говорить, особенно съ президентомъ, — все обличаетъ изученіе. Лучшее всего была передана имъ сцена съ президентомъ. Президентъ звонитъ, входитъ Вурмъ. Посмотрите, въ какомъ почтительномъ отдаленіи онъ останавливается.... онъ уклончивъ, вѣжливъ.... онъ подлѣ, онъ его подчиненный и слуга; но потомъ, когда президентъ спрашиваетъ его совѣта, когда онъ дастъ ему совѣтъ, когда онъ начинаетъ имѣть вліяніе на президента, онъ уже не тотъ, и по-мѣрѣ-того, какъ онъ пріобрѣтаетъ болѣе-и-болѣе власть надъ умомъ президента, онъ перемѣняетъ голосъ выраженія; посмотрите, станъ его нѣсколько выпрямился, онъ стоитъ уже рядомъ съ президентомъ: чего ему бояться? теперь ужъ нѣтъ болѣе ни начальника, ни подчиненнаго, есть только два сообщника.... Это вѣрно и прекрасно передано. Луизу играла молодая дебютантка, вышедшая въ первый разъ на сцену въ драматической роли. Кёрнеръ прежде участвовала въ кордебале-

тѣ, но теперь хочетъ оставить балетъ для драмы. Разумѣется, по первому дебюту трудно рѣшить, что и чѣмъ можетъ быть Кернеръ, но можно сказать къ чести ея, что много сценъ выполнено было кедурно, первый актъ въ особенности былъ сыгранъ хорошо, но потомъ въ послѣдующихъ актахъ недостатокъ души сильно обнаружился.... особенно въ сценѣ съ леди Мильфортъ.... Это можно было-бы приписать робости, но она нисколько не показывала несмѣлости дебютантки, она иногда уже становилась въ позу; да и какъ хотите, голосъ души, съ какою-бы стыдливою робостію ни скрывался онъ въ душѣ дебютантки, все-таки невольно обнаружится, хоть въ одномъ движеніи, хоть въ одномъ словѣ, а одно такое слово, одинъ взглядъ, полный души, одна слеза, горячая слеза сочувствія въ дебютанткѣ, для меня всего дороже. Искусство можетъ придти съ годами, душа-же — никогда, сколько не изучай искусство, этотъ природный недостатокъ замѣнить ни чѣмъ не возможно: огонь вдохновенія дается свыше. Таланты отъ Бога.... По окончаніи пьесы, Кернеръ была вызвана, и сказала публикѣ краткую рѣчь, впрочемъ какъ видно заученную, въ которой благодарила публику. Журналы отозвались объ ней не совѣмъ-то благосклонно; одинъ изъ нѣмецкихъ рецензентовъ весьма-благоразумно замѣтилъ, что ей много еще надобно учиться, и что на королевскомъ театрѣ учиться не приходится: сюда ужъ поступають выучившіеся.... т. е. мастерами, а не учениками... Это не мѣшало-бы замѣтить многимъ изъ нашихъ дебютантовъ и дебютантокъ. Что сказать о Фердинандѣ (Лавалядѣ)?... Онъ былъ очень-плохъ.... Я не смотрѣлъ на него, я не видалъ его. Съ перваго выхода, изъ тайниковъ души моей я вырвалъ воспоминаіе о прекрасномъ и чудномъ Фердинандѣ, игра котораго глубоко запала мнѣ въ душу.... И вотъ передо мной, вмѣсто затынутаго, причесанаго, приглаженаго Фердинанда-Франта, стоитъ другой: онъ небольшого роста, нѣсколько сутуловатъ, въ старомъ поношенномъ мундирѣ съ выставленными воротничками, чуждый манерности, онъ даже нѣсколько пеловокъ, но глаза, большіе черные глаза горятъ огнемъ вдохновенія, густые волосы разсыпались мелкими кудрями, голосъ гармоническій и сильный, то заставляетъ вздрагивать, то влечетъ къ себѣ какою-то невидимою силою.... на прекрасномъ и оживленномъ лицѣ выражаются все отбѣнки чувства и страсти.... И отраденъ былъ мнѣ этотъ воображаемый образъ любимаго артиста, котораго я видалъ часто, который еще живъ, по котора-

го я уже не увижу такимъ, какимъ видалъ!...—Что нужды, воспоминаніе объ его игрѣ всегда сохранитъ душа моя.

На этомъ-же театрѣ видѣлъ я комедію: Докторъ Веспе (*Doctor Wespe*). Премилая и презабавная піеса, въ легкомъ родѣ, хотя авторъ, кажется, мѣтилъ на высокую комедію. Все дѣйствіе основано на *qui-pro-quo*, что производитъ много смѣшныхъ сценъ, комическихкихъ положеній, заставляющихъ смѣяться отъ души. Здѣсь есть даже очерки характеровъ, взятые изъ современнаго общества; такъ вы увидите въ комедіи эмансипированную женщину, женщину-писательницу, и поэта-журналиста. Но какъ-бы то ни было, а пяти-актная комедія не только не производитъ зѣвоты, но и смотрится съ удовольствіемъ, стало-быть, она написана авторомъ даровитымъ; особенно забавна та сцена, въ которой женщина-писательница (Валентина) принимаетъ писца (Рютлингъ) за журналиста, проситъ его прослушать первый актъ ея трагедіи и дать совѣтъ, и даритъ ему довольно-дорогое кольцо. Комедія въ цѣломъ была разыграна прекрасно, и возбудила всеобщій восторгъ. По окончаніи піесы, всѣ дѣйствующія лица были вызваны, что бываетъ здѣсь очень-рѣдко: здѣсь весьма-скупы на вызовы. Доктора Веспе играли уже нѣсколько разъ и всегда съ большимъ успѣхомъ; впрочемъ здѣсь съ такимъ стараніемъ ставятъ піесы на сцену, что ужъ если піеса упадетъ, то авторъ не имѣетъ права пѣнять на актеровъ. Не-смотря на то, что въ этотъ вечеръ на Кеннигшtedскомъ театрѣ давали новую драму, театръ былъ полонъ. Въ этотъ-же вечеръ я въ первый разъ видѣлъ Шнейдера (*); актеръ хорошій, игра его обдуманна,

(*) Шнейдеръ весьма-образованный человекъ и большой лингвистъ; онъ знаетъ нѣсколько языковъ, между-прочимъ и русскій, на которомъ онъ довольно-свободно и довольно-хорошо говоритъ. Онъ очень любитъ Россію и Русскихъ и собирается все побывать въ Петербургѣ и особенно въ Москвѣ; онъ много писалъ для сцены (Фрѣнхъ тоже его піеса) и между-прочимъ перевѣлъ Горе отъ Ума прозою, также извѣстное стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи». Теперь онъ занимается исторіею берлинской Оперы, которую уже кончилъ. Это будетъ дорогое и роскошное изданіе; онъ мнѣ показывалъ первые листы, печать прекрасна, картины тоже очень-хороши. Вѣроятно, это изданіе будетъ имѣть огромный успѣхъ; дай Богъ! Я полюбилъ его душевно за его готовность быть полезнымъ путешественнику (такъ онъ мнѣ доставилъ случай быть въ Ураніи, въ театрѣ любителей), а болѣе всего за то, что онъ любитъ Россію. Шнейдеръ очень-за-

отчетлива; но большаго таланта (мнѣ говорили объ немъ, какъ о замѣчательномъ талантѣ) я не замѣтилъ.

Недавно на королевскомъ театрѣ давали новую піесу Гудкова: «Первообразъ Тартюфа»; я еще не видалъ ея, но слышалъ, что исполненіемъ всѣ вообще остались очень-довольны; что касается до самой піесы, то объ ней судятъ различно.

Французскій театръ, какъ я уже сказалъ выше, помѣщается въ концертной залѣ, которая очень-невелика, сцена еще меньше. Въ залѣ, какъ выстроенной для другаго назначенія, нѣтъ ни ложъ, ни райка, есть только партеръ и хоры; но она за то всегда хорошо освѣщена и украшена бюстами Глюка, Гайдна и другихъ. Въ смежныхъ съ нею залахъ тоже поставлены бюсты великихъ композиторовъ, драматическихъ писателей и актеровъ; комната, назначенная занимать мѣсто фойе, украшена бюстами Шекспира, Гёте, Шиллера и Коцебу.... Въ одной изъ залъ видѣлъ я прекрасную статую Ифланда, сдѣланную во весь ростъ и представленную въ сидячемъ положеніи; тамъ же поставленъ бюстъ замѣчательнаго берлинскаго трагика Людвигъ Девріента, о которомъ люди, знавшіе его, до-сихъ-поръ не могутъ говорить безъ восторга. Людвигъ Девріентъ былъ одинъ изъ величайшихъ актеровъ; теперь въ цѣлой Германіи нѣтъ ни одного актера, который могъ-бы не только замѣнить его, но къ нему приблизиться (*).

нять, онъ часто играетъ, работаетъ для сцены и къ-тому-же преподаетъ русскій языкъ въ берлинскихъ военныхъ училищахъ. Изъ актеровъ русскихъ онъ знаетъ только одного г. Максимова, о талантѣ котораго онъ отзывался съ большою похвалою; онъ не видалъ его на сценѣ, но г. Максимовъ, въ бытность въ Берлинѣ, читалъ ему нѣсколько тирадъ; похвала такого образованнаго человѣка должна быть очень-лестна для г-на Максимова.

(*) Людвигъ Девріентъ принадлежитъ совершенно Берлину, потому-что онъ родился въ Берлинѣ (въ 1787 году) и большую часть своего сценическаго поприща провелъ въ Берлинѣ, ибо онъ былъ ангажированъ къ этому театру на всю жизнь, спустя годъ послѣ того, какъ Ифландъ былъ принятъ въ члены Королевскаго-театра. Талантъ Девріента былъ обширенъ и разнообразенъ; онъ напоминаетъ собою Гаррику, потому-что онъ, подобно Гаррику, игралъ и комическія роли и драматическія; особенно любилъ онъ Шекспира и съ особеннымъ стараніемъ изучалъ его роли. Такъ онъ создалъ Фальстафа, Шейлока, Лира, игралъ прекрасно дурака въ королѣ Лирѣ, наконецъ, Ричарда III и Меркуціо. Онъ былъ другъ Гофмана, который часто помогалъ ему своими совѣтами и съ удовольствіемъ принималъ его совѣты. Обѣ эти поэтическія натуры, недовольныя мелочною нѣмецкою

Французская труппа въ Берлинѣ управляется антрепренёромъ Делькуромъ, которому впрочемъ король отпускаетъ ежегодно определенную сумму; она играетъ въ Берлинѣ девять мѣсяцевъ, съ октября по июль, два раза въ недѣлю, и обыкновенно въ дни, назначенные для оперы. Эта кочующая французская труппа весьма-невелика; она состоитъ изъ нѣсколькихъ персонажей, которыхъ природа не одѣлила талантомъ; все, что я ни видалъ здѣсь на французской сценѣ, ниже всякой посредственности; лучше всѣхъ комикъ Вилларъ, да и тотъ не очень-хорошъ. Къ немалой досадѣ моей, въ тотъ вечеръ когда я пошелъ во французскій театръ, давали прекрасную пьесу: *La Marquise de Senneterge*, въ которой я нѣсколько разъ видалъ обоихъ Алланъ, а здѣсь судьба привела меня видѣть какую-то Гарикъ и Монталанда (*Montaland*). Мнѣ очень хвалили *Mlle Mélanie*, но она теперь нездорова, не играетъ и я ее не видалъ. Театръ былъ полонъ, и вообще, какъ я слышалъ, усердно посѣщается; не понимаю, какъ можно смотрѣть такихъ французскихъ актеровъ тамъ, гдѣ такъ хороши нѣмецкія драматическія труппы, Королевская и Кенигштедскаго-театра.

О Кенигштедскомъ-театрѣ можно сказать тоже, что и о Королевскомъ, хотя первый уступаетъ ему въ средствахъ. И здѣсь пьесы въ цѣломъ исполняются прекрасно, всегда прекрасно обставлены, сретированы, слажены.... актеры трудятся, изучаютъ свои роли и, по мѣрѣ силъ своихъ, стараются способствовать общему успѣху. У берлинскихъ актеровъ есть особые назначенные дни, въ которые они собираются потолковать о театральныя новостяхъ, объ искусствѣ, читаютъ журнальныя статьи о театрахъ, спорять, подають другъ-другу совѣты. Какъ это почтенно и похвально! Послѣ этого можно-ли не уважать берлинскихъ актеровъ? При мнѣ на сценѣ Кенигштедскаго-театра игралъ Кунстъ. Я его видѣлъ нѣсколько разъ... Природныхъ средствъ много, но недостатокъ души вездѣ ошутителенъ. Въ талантѣ отказать Кунсту нельзя, но все это не великій актеръ.... вездѣ

жизнію, уходили къ Лютеру (погребщикъ) и тамъ, разгорячая и безъ того пылкое воображеніе впношь, они создавали одинъ шекспировскія лица, другой свои фантастическія повѣсти. Такая жизнь свела Девриента преждевременно въ могилу. Въ началѣ 1832 года Германія потеряла великаго и едва ли ни единственнаго актера. Смерть его была оплакана его друзьями, товарищами и многочисленными поклонниками его таланта. Вообще онъ былъ добръ, честенъ и заслужилъ всеобщую любовь.

видны расчетъ на эффектъ, патяжка, принужденіе; онъ часто впадаетъ въ декламацию, а у него прекрикливая декламация; притомъ-же онъ однообразенъ, а это тоже большой недостатокъ; характеры создавать онъ тоже не мастеръ, у него часто Тель походить на Отто, а Отто напоминаетъ какое-нибудь еще лицо; впрочемъ иногда бываютъ сцены прекрасныя... такъ въ Вильгельмъ Тель сцена въ его семействѣ разыграна была чудесно, и весь четвертый актъ драмы Отто Фонъ-Виттельсбахъ. Отто одна изъ лучшихъ ролей Кунста. Конечно Кунстъ не могъ удовлетворить меня вполне, но все-таки во-многихъ роляхъ я смотрѣлъ его не безъ удовольствія. На Кенигштетскомъ-театрѣ для второстепенныхъ ролей въ драмѣ недуренъ тоже Эйхенвальдъ.

Теперь скажемъ что-нибудь объ итальянской оперѣ. Она замѣчательна только тѣмъ, что дала возможность берлинской публикѣ слышать Рубини, Пасту и Марію, а сама по-себѣ удивительно-плоха; не понимаю, для кого и для чего она существуетъ, кому приходитъ охота слушать такихъ пѣвцовъ! Оркестръ тоже не хорошъ. Мнѣ случилось видѣть на этой сценѣ оперу Доппизетти *Maria ossia la figlia del reggimento*; музыка мнѣ очень понравилась, но оркестръ исполнялъ свое дѣло очень-дурно; такъ въ интродукціи ко 2-му акту композиторъ далъ прекрасное соло скрипки, но несчастное соло было ужасно искажено исполнителемъ соло. Въ настоящее время эта опера хоть немного оживлена пріѣздомъ Зои. Зоя, пѣвица весьма-незамѣчательная, но играетъ хорошо, особенно роль Маріи; голосъ ея весьма-небольшой и какой-то неопредѣленный; она поетъ и контральтовые партиціи, хотя у нея не чистый контральтъ, и даже рѣшается пѣть въ Нормѣ. Голосъ ея также значительно истраченный; можно подумать, что слышишь пѣвицу, которая двадцать лѣтъ на сценѣ, когда она еще весьма-молодая дѣвушка. Роль Маріи совершенно въ ея средствахъ и по справедливости, она въ этой роли прекрасна: сколько жизни, рѣзости, веселости!—Не знаю, что будетъ съ итальянскою оперою, когда ее оставитъ Зоя, а она ангажирована сюда только на нѣсколько представлений.

Кенигштетскій-театръ вообще очень мало посѣщается, всегда почти пустъ, а, право, тамъ піесы исполняются очень-хорошо; я не говорю объ итальянской оперѣ, и Кенигштетскій театръ, по моему мнѣнію, заслуживаетъ лучшей участи.

Въ Берлинѣ, какъ я уже сказалъ выше, много театровъ, гдѣ играютъ любители; мнѣ изъ этихъ театровъ случилось видѣть только Уранию. Представленія на этихъ театрахъ бываютъ черезъ

каждыя двѣ недѣли, по воскреснымъ днямъ; чтобы получить билетъ надобно имѣть знакомаго члена; безъ этого пройти не возможно. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней я отправился посмотреть, какъ играютъ гг. любители искусства. Прихожу за четверть часа до начала, а всѣ мѣста уже заняты... зала была переполнена зрителемъ. Съ перваго взгляда Уранія напомнила мнѣ наши провинціальныя театры, но когда заигралъ оркестръ, когда поднялась занавѣсъ, когда только показались нѣсколько изъ дѣйствующихъ лицъ, я увидѣлъ свою ошибку. Это тотъ-же королевскій театръ, только въ миниатюрѣ... если-бы у насъ, хоть въ лучшихъ провинціяхъ былъ такой театръ, такъ это было-бы чудесно. Здѣсь все идетъ прекрасно; игра артистовъ-любителей удовлетворитъ кого угодно; особенно понравился мнѣ одинъ молодой человѣкъ, игравшій комическую роль, который притомъ своею игрою, манерами, голосомъ, до такой степени напоминаетъ Мартынова, что можно подумать, что онъ видалъ его и хочетъ подражать ему. Я спрашивалъ у моихъ сосѣдей, кто онъ, но мнѣ не могли сказать его имени. Жаль, если этотъ молодой человѣкъ уже избралъ себѣ дорогу въ жизни... театръ потерялъ въ немъ замѣчательнаго комика. Уранія еще и тѣмъ замѣчательна, что въ этой залѣ прошедшаго года студенты давали латинскую комедію: *Captivi*.

По примѣру прошлаго года, студенты берлинскаго университета и нынѣшнюю зиму сыграли еще комедію Плавта. Въ этотъ разъ выборъ палъ на *die Menächsen*. Эту комедію перевелъ стихами на нѣмецкій языкъ профессоръ Геппертъ, съ тою цѣлю, чтобы сдѣлать ее понятною для неосвященныхъ въ таинства латинскаго языка; да и знающимъ-то латинскій языкъ это не малое облегченіе, потому-что Плавтъ, какъ поэтъ писавшій для народа, весьма-труденъ. Я считаю себя вполне счастливымъ, что могъ присутствовать при этомъ зрѣлищѣ. Концертная зала была полна зрителями, еще за часъ до представленія. Какъ пріятна эта поснѣшность, какъ она показываетъ всеобщій интересъ, принимаемый въ этомъ торжествѣ! Дамъ не было, но за то сколько почтенныхъ и знаменитыхъ посѣтителей! Вотъ Шеллингъ, вотъ Тикъ, вотъ виновникъ торжества Геппертъ: онъ въ оркестрѣ, онъ дирижируетъ хоромъ. Сцена была устроена по примѣру древнихъ. Пьеса разыграна съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, хоры были прекрасны, особенно хоръ *Ad Lyden*. Публика была въ восторгѣ и громко просила повторить; хоръ былъ повторенъ, къ большому удоволь-

ствію и исполнявшихъ хоръ, и публики.... Послѣ спектакля былъ ужинъ, въ которомъ приняли участіе все зрители. За ужиномъ, посреди тостовъ, студенты пѣли различныя гимны и наконецъ раздались звуки всеѣмъ извѣстной пѣсни: *Gaudeamus igitur*.... Велъ зала, вспомнивъ старину, — ибо почти всякій изъ зрителей былъ тоже студентомъ, — подхватила эту пѣсню, и сотни голосовъ потрясли зданіе. Радость была не-притворная.... И я, пришлецъ, чужой на этомъ вечерѣ, видя веселыя лица, громкій разговоръ, непритворный смѣхъ, веселился и радовался съ ними невольно.

Вотъ вамъ отчетъ обо всемъ, касающемся до театра, что я въ продолженіе моего мѣстнаго пребыванія въ Берлинѣ могъ видѣть, слышать, записать. По этому вы можете судить, что въ Берлинѣ любятъ театръ и что театральныя зрѣлища здѣсь весьма-разнообразны. Разумѣется, много постороннихъ причинъ помогаютъ и этой любви къ зрѣлищамъ, и разнообразію самыхъ зрѣлищъ. Первая и одна, можетъ-быть, изъ главныхъ причинъ — это необыкновенная дешевизна мѣста въ театрѣ. Въ самыя чрезвычайныя представленія цѣна на билетъ въ ложу не восходитъ выше талера, а въ обыкновенныя представленія мѣста въ партерѣ стоятъ 20 грошей. Вторая причина — это частое сообщеніе и размѣнъ артистами. Берлинскіе актеры уѣзжаютъ въ Дрезденъ, въ Вѣну, а изъ Вѣны и изъ другихъ германскихъ городовъ пріѣзжаютъ артисты въ Берлинъ... Давно-ли кончились блистательныя представленія Линдъ, а вотъ уже афиши возвѣщаютъ о другой пѣвицѣ г-жѣ Лѣве. Этотъ размѣнъ не вездѣ возможенъ, а гдѣ этотъ размѣнъ возможенъ, тамъ онъ приноситъ большую пользу, онъ осмѣляетъ театры, придаетъ имъ новую занимательность.... Въ публикѣ рождаются новыя желанія, — она сѣвшитъ въ театръ, а это-то и поддерживаетъ театры.

Мнѣ говорили, что теперь существуетъ проектъ о сооруженіи въ Берлинѣ зданія, похожаго на Палеройаль, гдѣ между прочимъ будетъ помѣщаться новый театръ и зала для французской труппы, только, вѣроятно, не для той, которая теперь въ Берлинѣ; но для этого нужна порядочная сумма — миллионъ талеровъ, а городъ и безъ того небогатъ. А хорошо если-бы этотъ проектъ

состоялся: Берлину. еще-бы одно, другое богатое зданіе было бы ни чуть не лишнее.

Впрочемъ берлинскіе театры вообще въ прекрасномъ состояніи, хотя средства ихъ весьма-невелики, талантовъ большіхъ мало; но за то на сценѣ нѣтъ и бездарности, потому-что здѣсь всякой, болѣе или менѣе, понимаетъ свое дѣло, болѣе или менѣе образованъ. Піесы обставлены прекрасно, (*) ни что не упущено изъ виду, всякой свою роль исполняетъ, собираясь съ своими средствами, съ стараніемъ, болѣе или менѣе отчетливо. Все, отъ начала до конца, обличаетъ любовь къ дѣлу, трудъ, прилежаніе. Всѣ вечера, проведенные мною въ берлинскихъ театрахъ, были пріятные вечера; я всегда выходилъ изъ театра, если не очарованный, то вполне удовлетворенный; если они не доставляли мнѣ наслажденія, то всегда доставляли удовольствіе, тѣмъ болѣе полное, что у насъ я не всегда его испытывалъ. У насъ въ исполненіи піесъ середины нѣтъ, или сыграно прекрасно, или... Здѣсь я никогда не оставлялъ театръ съ досаднымъ чувствомъ: я не смѣлъ, я не могъ жаловаться на актера, — онъ исполнялъ такъ свое дѣло, какъ только могъ; если ему не доставало иногда таланта, это уже не его вина. А у насъ, гдѣ столько яркихъ талантовъ, мнѣ случалось выносить изъ театра самое грустное чувство.... Отъ чего-же въ Германіи піесы посредственными актерами исполняются такъ, что доставляютъ удовольствіе, а у насъ не рѣдко талантливые люди играютъ такъ, что смотреть нельзя? Отъ-того, что здѣсь всякой призываетъ на помощь науку и изученіе, отъ-того, что ему помогаютъ стараніе и почтенная любовь къ своему дѣлу. У насъ-же нерадѣніе, а иногда какая-то самонадѣянность губятъ актера...(*) Сознать

(*) Мнѣ нравится также обыкновеніе выставить на афишѣ имя режиссера: право, это не ничуть лишнее. Режиссёръ хотя лицо и неважное, а не менѣе необходимое; при томъ-же, когда имя его означено, онъ уже по-неволѣ долженъ повристъальнѣе слѣдить за ходомъ цѣлой піесы.

(*) Разумѣется, все это нельзя отнести ко всемъ русскимъ актерамъ безъ исключенія — но къ сожалѣнію, этихъ исключеній мало, очень-мало...

свои силы прекрасно, да это не должно вести къ самонадѣянности и къ небреженію. И сколькимъ талантамъ помѣшало развиться это недостойное небреженіе, сколько талантовъ совершенно погубило это небреженіе!... У насъ не рѣдко трудъ и работа считаются даже признаками бездарности. Какое заблужденіе!... Нѣтъ, изученіе также необходимо генію, какъ и чело-вѣку съ небольшимъ дарованіемъ, изученіе даетъ новую жизнь, новую силу. Изученіе — это роса, освѣжающая природный цвѣтъ таланта, отъ которой онъ еще болѣе благоухаетъ... Итакъ, артисты русскіе, поймемъ-же, чего не достаесть намъ, поймемъ, на какую ногу мы хромаемъ. Сбросимъ-же съ себя перадѣніе и лѣнь, отженемъ отъ себя самонадѣянность, щепетильность и самохвальство!... Докажемъ, что не даромъ перенесены искусства на нашу дѣвственную почву... Прибѣгнемъ-же къ наукѣ и къ изученію, обновимся, и, обновленные, оживимъ самое искусство!... Тогда, призвавъ на помощь изученіе и опираясь на этотъ твердый посохъ, смѣло пойдемъ по скользкому пути, ведущему къ славѣ. Тогда искусство получитъ новую силу, жизнь и блескъ... Тогда искусство высоко подниметъ вѣками вѣнчанную главу свою... Тогда все поклонится искусству!... (*)

М. КУВЛИЦКІЙ.

Берлинъ, $\frac{5}{7}$ Марта 1845.

(*) Мы въ нынѣшнемъ году почти не сообщали читателямъ нашимъ извѣстій о новостяхъ парижскихъ театровъ; этотъ долгъ лежитъ у насъ на душѣ. Причина нашей несправности произошла не отъ насъ: нашъ парижскій корреспондентъ, взявшій на себя обязанность доставлять намъ театральныя извѣстія изъ Парижа, нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ боленъ. На-дняхъ мы получили отъ него извѣстія, что къ слѣдующей книгѣ онъ пришлетъ намъ обзоріе всѣхъ замѣчательнѣйшихъ новостей на парижскихъ театрахъ, отъ начала нынѣшняго года, и потомъ будетъ уведомлять редакцію «Репертуара и Пан теона» аккуратно каждый мѣсяць обо всемъ, что касается до театра. *Ред.*

КЕНИГСБЕРГСКИЙ ТЕАТРЪ.

(Изъ путевыхъ записокъ.)

Кенигсбергскій театръ имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ театрамъ рижскому и тильзитскому: въ Тильзитѣ нѣтъ постоянной труппы; зданіе театра помѣщается на Deutsche-Straße. Зданіе, хотя каменное, но весьма-бѣдно и наружноію напоминаетъ московскіе балаганы. Въ Тильзитѣ пріѣзжаютъ иногда актеры изъ Берлина, а больше изъ Кенигсберга и Риги, даютъ нѣсколько представленій, публика спѣшитъ раскупить билеты; актеры соберутъ *малую-толику* и снова уѣзжаютъ, довольные публикой, а публика, въ свою очередь, всегда остается довольна актерами. При мнѣ въ Кенигсбергѣ былъ рижскій трагикъ Бюргеръ (Bürger); объ немъ писали, имя его печатали на афишѣ крупными буквами, называя его гостемъ, стало быть, онъ имѣлъ нѣкоторую извѣстность; я былъ на его послѣднемъ представленіи, на его бенефисѣ; онъ давалъ Кина, драму Дюма, передѣланную какимъ-то нѣмецкимъ авторомъ. На бенефисѣ гостя-актера (нѣмецкое-выраженіе) театръ былъ совершенно-пустъ, не знаю только отъ-чего: отъ-того-ли, что актеры не умѣли понравиться публикѣ, или отъ-того, что было двадцать два градуса мороза, и въ театрѣ было ужасно холодно, и, не-смотря на объявленіе въ афишахъ, что «das Theater wird täglich geheizt», въ театрѣ можно было замерзнуть. На сценѣ царствовалъ тотъ-же холодъ; самъ рижскій трагикъ Бюргеръ душевной теплотой похвалиться не можетъ; правда, говоритъ онъ съ толкомъ, съ разстановкой, да и только, а отъ трагическаго актера, играющаго такую роль, какъ Кинъ, публика въ-правѣ требовать чего-нибудь побольше. Прочіе актеры слѣдовали тоже его примѣру, входили чинно, читали роль съ соблюденіемъ всѣхъ знаковъ препинаія и уходили тоже чинно, весьма-довольные собою; одна только г-жа Роспетъ хоть немного оживила сцену своею живостію, впрочемъ нѣмецкою живостію; она лучше всѣхъ сыграла свою маленькую роль канатнаго плясуна, бывшаго нѣкогда въ одной

труппѣ комедіантовъ съ Киномъ. Публика была настроена тоже по состоянію атмосферы: она была холодна, и въ продолженіе всей пьесы царствовало глубокое, ничѣмъ непрерываемое молчаніе. Право, эта мертвенность можетъ вагнать скуку на любого записнаго весельчака. Я пробылъ въ Кенигсбергѣ нѣсколько дней; при мнѣ давали еще нѣсколько трагедій, впрочемъ переведенныхъ съ французскаго; но я далъ слово отказать себѣ въ удовольствіи видѣть еще разъ Кенигсбергскій театр, — и сдержалъ свое слово.

М. К.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

=

ПЕТЕРБУРГСКІЕ.

=

ПИСЬМА ВЪ ПРОВИНЦІЮ.

I.

Когда,

во дни печальные великаго поста,

въ эпоху представленій Раппо и Ризлея, концертвъ вокальныхъ, инструментальныхъ и другихъ тому подобныхъ художественныхъ зрѣлищъ, ты покидалъ надолго и, можетъ-быть, навсегда нашъ веселый и пріятный Петербургъ, — я общалъ тебѣ присылать самый подробный и полный отчетъ обо всѣхъ петербургскихъ театральныхъ новостяхъ. Ты гдворилъ, уѣзжая изъ Петербурга на твою теплую и благодатную родину: «Я увожу изъ вашего регулярнаго города одно воспоминаніе — о театрѣ, одно сожалѣніе о томъ, что долго не увижу его.» Эта любовь къ театру въ настоящее время и въ человѣкѣ, который могъ-бы найти много другихъ предметовъ для любви, казалась странною нашимъ общимъ друзьямъ и пріятелямъ; но я не смѣлся надъ тобою; я понялъ возможность существованія этой привязанности къ самому высокому роду литературныхъ произведеній, къ этимъ

подмосткамъ, съ которыхъ можно имѣть такое огромное вліяніе на умы и сердца массы, къ этимъ живымъ картинамъ жизни человѣчества, въ которыхъ воплощались тѣни прошедшаго, олицетворялись пороки настоящаго. Я разгадалъ твою любовь къ театру, къ самому зданію, ко всему, что въ немъ является и происходитъ, но, разумѣется, не къ жрецамъ, а еще менѣе къ жрицамъ искусства, любовь самую возвышенную и отвлеченную, которая не перемѣнилась-бы при самомъ плачевномъ состояніи драматическаго искусства, при самомъ жалкомъ униженіи высокой цѣли театра, потому-что любовь эта не опирается на настоящее, а обнимаетъ все прошедшее и будущее театра, видитъ въ немъ глубокий символъ отдѣльной стороны, одного изъ замѣчательныхъ проявленій человѣческаго духа, поклоняется идеалу драмы, которому, можетъ-быть, никогда не осуществиться вполнѣ и во всѣхъ подробностяхъ....

И я, исполняя свое обѣщаніе, буду, по-мѣрѣ силъ и возможности, присылать тебѣ бюллетени петербургскихъ спектаклей, вѣрные и справедливые. Я буду приводить тебѣ одни факты; правоченія къ нимъ можешь подобрать самъ, зная очень-хорошо всѣ пружины и формулы закулисной жизни.

Нынче, какъ и всегда, спектакли новаго театрального года начались нѣмецкими *драматическими вечерами* (Abendunterhaltungen). Первый давалъ г-нъ *Гелмузеусъ*, режиссёръ-ветеранъ нѣмецкой труппы, въ понедѣльникъ 16-го апрѣля. Въ началѣ шелъ первый актъ *Фрадіаволо*, прекрасно-разыгранный г-номъ Голландомъ. Не-смотря на то, что вокальная часть этой оперы какъ-то не соответствовала инструментальной, я прослушалъ съ удовольствіемъ этотъ актъ, напомнившій мнѣ живо то время, когда у насъ была нѣмецкая опера, тихо и незамѣтно, въ прошедшемъ году, исчезнувшая съ нашей сцены. Разумѣется, что въ настоящее время, при опасномъ соперничествѣ нашей блпстательной итальянской оперы, она-бы не могла существовать; но, не-смотря на это, все-таки какъ-то жаль покойницы. Комедійка «Юристъ и актеръ» (*Zurist und Schauspieler*), данная послѣ *Фрадіаволо* — какъ говоритъ Гоголь, *такъ-себѣ*, недурна и не хороша, на нѣмецкой сценѣ правится, на другой упадетъ съ перваго представленія. Все дѣло въ ней на неизбѣжномъ *quiproquo*. Въ одной гостинницѣ, юриста принимаютъ за владѣтельнаго принца, а страствующаго актера за графа, и изъ этого выходитъ рядъ довольно-забавныхъ сценъ. Очень-хороши г-нъ *Моръ* въ роли трактирщика и г-нъ *Замтъ* въ роли его племянника. Третья пьеска,

игранный въ тотъ-же вечеръ, очень-хороша и оригинальна. Она называется *T. F. или Энтузиастъ* (T. F. oder der Enthusiast) и взята изъ извѣстнаго анекдота объ одномъ страстномъ поклонникѣ обѣихъ сестеръ Эльсеръ, Терезы и Фанни, выклеившемъ себѣ на рукѣ начальныя буквы ихъ имени. Въ Булоньѣ (Boulogne sur mer), въ самую ночь приѣзда энтузиаста, одинъ изъ карторжниковъ убѣгаетъ съ галеръ, и бѣднаго поклонника Эльсеръ принимаютъ въ гостиницѣ за бѣглеца, потому-что на рукѣ его выклеивены двѣ буквы Т. и F. — Тереза и Фанни, означающія въ то-же самое время «Traivaux forcés». Изъ этого забавнаго анекдота сдѣлана очень-интересная и хорошо-веденная пѣсса, въ которой г-нъ Голландъ прекрасно танцуетъ качучу.

Второй *Abendunterhaltung*, въ пользу г-нѣ *Дамье*, состоялъ изъ комедіи *Er muß auß's Land* (Le mari à la campagne), которую ты не разъ видѣлъ на французской и русской сценахъ. У Нѣмцевъ она разыгрывается хуже, чѣмъ у Французовъ, но лучше, чѣмъ у Русскихъ; г-нъ *Голландтъ* (мужъ) и г-нъ *Ладдей* (Иезуитъ) и г-жа *Альбрехтъ* (теща) очень хороши. Г-нъ *Мюллеръ* въ роли Цезаря чрезвычайно-слабъ. Въ этотъ-же вечеръ явилась наконецъ и на нѣмецкой сценѣ знаменитая *Полька*, составившая такую блистательную эпоху въ лѣтописяхъ Александринскаго-театра; нѣмецкая полька переведена съ русской, а не съ французской, nach Grigorieff! — Какъ это пріятно нашей національной гордости! Г-нъ Григорьевъ переводится на иностранныя языки! Ай да мы!.... Нечего и говорить, что фуроръ въ Михайловскомъ-театрѣ былъ равносиленъ Александринскому. Г-нъ *Моръ* и г-жа *Альбрехтъ* въ первой парѣ танцовали лучше всѣхъ....

Третій драматическій вечеръ, въ пользу г-на *Видемана*, кромѣ двухъ, также довольно-посредственныхъ пѣсесъ, *Der Arzt* и *Die Rückkehr zur Heimath*, въ которыхъ не было рѣшительно ничего ни дурнаго, ни хорошаго, также льстилъ нашему самолюбію водевилемъ: *Demofrit und Heraklit oder die Philosophen auf der Beski*, Lustspiel in 1 Akt von P. Karatugin, aus dem Russischen übersetzt. И сверхъ того въ самыхъ дѣйствующихъ лицахъ стояли знакомыя и сладкія сердцу должности: *Minister—Titulairrath*, *Sauer—Collegien-Rath*. Рѣшительно, мы входимъ въ моду. Водевиль былъ разыгранъ прекрасно. Народу всѣ три вечера было очень-много. Въ этотъ же день, въ Большомъ-театрѣ былъ маскарадъ съ томболою и аллегри, такой-же веселый и блестящій, какъ и въ прошлыхъ годахъ. Народу было бездна.

Съ четверга начались французскіе спектакли дебютами г-на

Генриха Варле, «эксъ-артиста Французской комедіи и водевиля», какъ сказано въ афишѣ. Онъ ангажированъ Дирекціею на ампула Дюфура. Уѣзжая изъ Петербурга, ты, вѣрно, не зналъ о томъ, что превосходный Дюфуръ навсегда оставилъ нашу сцену. Признаюсь, что и мы всѣ, постоянные и присяжные посѣтителѣ театра, рѣшительно ничего объ этомъ не знали, и были поражены самымъ неприятнымъ образомъ, услышавъ такую неожиданную новость. Отъ-чего это г-нъ Дюфуръ, столько лѣтъ бывший постоянно любимцемъ нашей публики, оставилъ Петербургъ, не простясь съ нимъ? Въ Парижѣ, также какъ и во всей образованной Европѣ, артистъ, покидая сцену въ слѣдствіе растройства здоровья, перехода на другой театръ, или какихъ-бы-ни-было обстоятельствъ, всегда даетъ прощальный спектакль; — не знаемъ, почему г-ну Дюфурѣ вздумалось покинуть насъ такъ тихо, скрытно, незамѣтно, а мы, кажется, такъ любили его.... Въ «Journal des Débats», отъ 20 апрѣля, было напечатано письмо Его Свѣтлости Князя П. М. Волконскаго къ этому заслуженному артисту, перепечатанное потомъ и въ другихъ журналахъ. Перевожу для тебя это письмо (зная, что ты еще не скоро получишь этотъ номеръ «Journal des Débats») въ доказательство того, какъ нашъ Высокій Покровитель искусствъ милостивъ къ артистамъ, о которыхъ не забываетъ даже посреди своихъ многотрудныхъ занятій государственнымъ управленіемъ.

«Милостивый Государь! По случаю вашего увольненія, Его Императорское Величество соизволилъ поручить мнѣ выразить вамъ сожалѣніе Его объ оставленіи вами нашей сцены, гдѣ вашъ прекрасный талантъ и ваши полезныя заслуги были достойно оцѣняемы. Его Величество изволилъ также приказать препроводить къ вамъ, въ награду вашихъ заслугъ и въ воспоминаніе Его высокаго къ вамъ благоволенія, перстень, осыпанный брилліантами, который я снѣшу вамъ доставить.

Примите М. Г., увѣріе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Министръ Императорскаго Двора

Кн. П. Волконскій.»

Этотъ высокій знакъ вниманія такого Великаго Монарха и это прекрасное письмо такого знаменитаго сановника, оставляютъ въ душѣ сладостное чувство. Только въ одной Россіи такъ оцѣниваютъ таланты и заслуги!

Г-нъ Варлѣ дебютировалъ въ драмѣ *La Duchesse de la Vau-balière*, въ роли нотаріуса *Мориссо*. Онъ не молодъ уже, довольно-позоцъ, высокій мужчина, съ оживленною физиономією; органъ его чистъ и звученъ, хотя и имѣетъ много высокихъ сопранныхъ нотъ; игра его умная, обдуманная, манеры благородныя, хорошаго общества, дикція правильная и ровная, въ каждомъ жестѣ и шагѣ видно совершенное знаніе сцены, въ каждомъ пріемѣ видны опытность и знаніе дѣла; но въ немъ нѣтъ этаго жара, силы, энергіи Дюфура, увлекавшаго, бывало, однимъ словомъ всю разнородную массу зрителей, заставлявшаго порою забывать, что мы видимъ въ немъ актера и сидимъ въ театрѣ. Къ тому-же и пѣса, выбранная имъ для дебюта, и роль его въ этой пѣсѣ, — очень-слабы. Во-время Регенства Герцогъ Лавобальеръ похищаетъ дочь своего фермера; его заставляютъ на ней жениться; онъ отравляетъ ее, за что его сажаютъ въ Бастилію, а жена его, спасенная докторомъ — ея обожателемъ и братомъ Герцога, переходитъ въ полное владѣніе къ этому-же доктору, со всеѣмъ имѣніемъ и герцогскимъ титуломъ. Изъ этого вздорнаго сюжета выкроена довольно-длинная, неправдоподобная, утомительная драма. Роль нотаріуса (г-нъ Варлѣ) въ ней очень-ничтожна, даже ниже роли фермера, отца похищенной дѣвушки; — и тутъ-то мы опять съ сожалѣніемъ вспомнили о г-на Дюфурѣ. Г-нъ Додель, прекрасный актеръ на роли комическихъ стариковъ, не хорошо передалъ характеръ оскорбленнаго отца. Чрезвычайно-дурень также былъ г-нъ Алермъ въ роли Регента Фравціи. Г-нъ Александръ и г-жа Александръ-Майеръ были очень-хороши. Передъ драмою давали старый водевилъ «*Entre ciel et terre*», въ которомъ, при поднятіи завѣсы, вмѣстѣ съ воздушнымъ шаромъ чуть не подняли къ верху за ноги г-на Ружѣ, запутавшагося въ веревкахъ.

Въ тотъ-же день утромъ въ залѣ г-на Вильгорскаго дѣвица Юлія Гринбергъ давала концертъ, въ которомъ нашъ неувыдаемый Рубини пѣлъ превосходную арію изъ *Нюбен Паччини*, ту самую, которую онъ, три года тому назадъ, пѣлъ въ своемъ первомъ концертѣ, первый разъ передъ петербургскою публикою. Дѣвица Юлія Гринбергъ сама очень-замѣчательная пианистка.

Въ пятницу, 20-го апрѣля, Г-нъ Варлѣ дебютировалъ во второй разъ въ старинной прекрасной комедіи *L'ami Grandet*, въ роли, въ которой такъ высокъ былъ Дюфуръ. Г. Варлѣ сыгралъ очень-хорошо свою роль, но между имъ и Г. Дюфуромъ не можетъ быть

никакого сравненія. Въ этотъ-же спектакль шла французская полька и водевилъ *Le flagrant d'elit*.

Третій дебютъ Г. Варлэ былъ въ субботу, въ новомъ веселенькомъ и умномъ водевилѣ: *Les deux demoiselles à marier*. Здѣсь, въ роли простаго, необразованнаго, но добраго помѣщика (progrétaire), любезничающаго по своему, онъ былъ-очень, хорошъ — тѣмъ болѣе, что его не съ кѣмъ было сравнивать. вмѣстѣ съ этою пьесою шелъ водевилъ *La Consigne*, гдѣ такъ хорошъ Г. Ружэ, и *L'homme blasé*, гдѣ удивителенъ Вернэ. Въ воскресенье, Г. Варлэ во второй разъ игралъ въ драмѣ *Герцогиня Лавобальеръ*, вмѣстѣ съ которою шелъ водевилъ *Mlle Dangeville*, гдѣ такъ мила Г-жа Александръ-Майеръ.

Въ воскресенье-же начались русскіе спектакли *Королемъ Лиромъ*. Потревожили опять александринскіе артисты прахъ стараго Шекспира, вывели на сцену этотъ гигантскій образъ помѣшаннаго короля съ его ангельскою дочерью, добрымъ дуракомъ и вѣрнымъ Кентомъ. Но не-смотря на варварское изуродываніе переводчикомъ этого гениальнаго произведенія, не-смотря на слабое исполненіе его, — мнѣ все-таки было пріятно видѣть на нашей сценѣ хотя подобіе Шекспира; пріятно было и то, что театръ былъ почти полонъ, что многихъ расшевелила и тронула эта глубоко-гуманная драма, задуманная съ такимъ сердечнымъ чувствомъ, созданная съ такою исполнскою мощью. Нашъ первый трагикъ былъ очень-хорошъ въ роли Лира. По нашему мнѣнію это лучшая роль его, уступающая, можетъ-быть, только роли Людовика XI-го въ «Заколдованномъ Домѣ». Многія мѣста въ этой роли, какъ на-примѣръ: первую сцену, сцену сумасшествія и послѣднюю съ мертвой дочерью, сыгралъ онъ чрезвычайно искусно и удачно. Онъ могъ тронуть, поразить и увлечь. — Въ газетахъ разнеслась вѣсть о скоромъ отъѣздѣ Г. Каратыгина за границу, и ты, вѣроятно, читалъ уже остроумный субботній фельетонъ Фаддея Венедиктовича Булгарина, въ которомъ онъ увѣдомляетъ публику объ этомъ чрезвычайномъ происшествіи.... Съ удовольствіемъ упоминаю также объ игрѣ г-жи *Гриневой* (Корделія) и г-на *Самойлова* (Дуракъ Лира). Они одни хотъ нѣсколько осуществляли передо мною созданія Шекспира — отъ всего остальнаго упаси насъ Господи! Были люди, которые послѣ *Королл Лира* остались смотрѣть *Макара Алексѣвича Губкина*. Разные бываютъ люди на бѣломъ свѣтѣ! Я могу сказать тебѣ только то, что этотъ знаменитый водевилъ шелъ въ одинъ день съ *Лиромъ*. О томъ, какъ онъ шелъ, спро-

си у тѣхъ, которые остались смотреть его. — Въ этотъ-же день по-утру былъ концертъ г-жи Юліи Искуль, въ которомъ Рубини пѣлъ дуэты изъ *Отелло*, изъ Роберта Девере и тріо изъ *Борджин*. Съ кѣмъ опъ пѣлъ и кто еще пѣлъ, кромѣ него — ты, вѣрно, не станешь спрашивать: съ Рубини, до Рубини и послѣ Рубини можно вытерпѣть всѣхъ и cadaго.

Въ понедѣльникъ, нѣмецкая труппа повторяла *Et tuif auf's Land* и *Die Pariser Volks*. На Александринскомъ шли, наконецъ, корифей, военачальники, головы всѣхъ русскихъ піесъ — *Герои Преферанса*, *Полька* и заурядъ съ ними *Булочная*. Эти старые, но все еще милые знакомые, приняты были съ прежнимъ восторгомъ. Долгая разлука не охладила въ сердцѣ петербургской публики той неизмѣнной, горячей привязанности, которую она всегда питала къ этимъ чадамъ драматическаго искусства.

Во вторникъ г. Каратыгинъ игралъ *Велизарія*. Въ этой роли онъ также хорошъ, кромѣ нѣсколькихъ утрированныхъ жестовъ и громогласныхъ восклицаній.... Но самая піеса составлена какъ-то неискусно и не оставляетъ большаго впечатленія въ зрителѣ. Водевиль *Два Мужа*, игранный вмѣстѣ съ драмою, имѣетъ то важное достоинство, что идетъ 20 минутъ и нѣсколько секундъ. На Михайловскомъ-театрѣ въ этотъ-же день г. Варлѣ игралъ въ новой піесѣ *Les petites misères de la vie humaine*. Если ты читалъ книгу Жюль-Жанена, подъ этимъ заглавіемъ, то будешь имѣть полное понятіе и о піесѣ. Г. Варлѣ тутъ смѣшить и болѣе ничего. Вмѣстѣ съ нею шла *Calypso*, уморительный вздоръ и *Ma femme et mon parapluie* — торжество неподражаемаго Вернѣ.

Въ среду Александрія (какъ ее называютъ театралы) разразилась пѣлою гибелью водевилей. Тутъ были и *Комедія съ дядюшкой*, и *Чиновникъ по особымъ порученіямъ*, и *Недопрога*, и *Дружеская Лотерея*. Надѣюсь, что ты не потребуешь, чтобы я распространялся тебѣ объ этихъ удивительныхъ произведеніяхъ, къ несчастію, знакомыхъ тебѣ столько-же, какъ и мнѣ. Не правдали, что и въ жизни часто случается то-же самое: рѣдко видишь ся съ людьми, которыхъ любишь и уважаешь, а всякой день долженъ подавать руку человѣку, котораго съ удовольствіемъ поглядилъ-бы эту-же рукою, только — противъ шерсти!...

Въ этотъ-же день на Михайловскомъ-театрѣ дебютировалъ *Кунстъ*; но объ этомъ замѣчательномъ талантѣ поговорю въ слѣдующемъ письмѣ.

С. Петербургъ.

25-го апрѣля.

=

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ (*).

=

ТЕАТРЪ ВЪ НИКОЛАЕВѢ.

Нашъ театръ..... Нѣтъ, не такъ я началъ, — это ужъ слишкомъ *избитое начало*. Въ одинъ прекрасный лунный вечеръ.... Это, кажется, *новое*? Итакъ въ этотъ чудный вечерокъ, я пошелъ прогуляться — такъ, вдоль по улицѣ, и, чтобъ разогнать скуку, началъ немножко мечтать....

(*) Въ послѣднее время въ редакціи «Репертуара и Пантеона» набралось значительное количество статей о провинціальныхъ русскихъ театрахъ; къ сожалѣнію, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, мы не могли *въ свое время* напечатать всѣхъ этихъ извѣстій; печатаемъ ихъ теперь, кромѣ тѣхъ только, которыя или залежались и потеряли интересъ новости (какъ напр. статья *Театральнѣй ливаръ въ Рязани*) или въ которыхъ больше *словъ* нежели *дѣла*, какъ двѣ статьи г-на А. о *Ставропольскомъ театрѣ* (на Кавказѣ). При этомъ считаемъ долгомъ благодарить почтенныхъ нашихъ корреспондентовъ и просить ихъ и на будущее время сообщать намъ извѣстія о провинціальныхъ русскихъ театрахъ. Желательно было-бы, во-первыхъ, находить въ этихъ извѣстіяхъ болѣе *фактовъ*, нежели неопредѣленныхъ сужденій, споровъ и восторжен-

— Стой, братецъ, о чемъ замечтался? здравствуй, куда идешь?... вдругъ забросалъ меня вопросами встрѣтившійся со мною приятель, только-что пріѣхавшій изъ Одессы.

— Я гуляю; а думалъ — знаешь о чемъ?

— Знаю: о какой-нибудь малиновкѣ.

— О театрѣ.

— О, восхитительный, удивительный театр!... А опера!... А...

— Не горячись, дружокъ.... О какомъ ты говоришь театрѣ?

— Разумѣется объ одесскомъ!

— А кто тебя о немъ спрашиваетъ.

— Какъ?

— Я мечталъ о николаевскомъ.

— А здѣсь есть.... оперы даютъ....

— Какъ-же. И еще не простыя — а волшебныя. Да вотъ, кажется, сегодня спектакль.... Пойдемъ.

— Изволь. А что сегодня даютъ?

— Увидимъ. А между-тѣмъ дорогою я тебѣ *наброшаю очеркъ* нашего театра.

— Назадъ тому года три, здѣшній купецъ М..., движимый благороднымъ чувствомъ къ день.... виноватъ, — къ искусству, выкопалъ большую четырехугольную яму, обклавъ ее камнемъ....

— Шутить....

— Не перебивай. Выстроилъ около ямы стѣны, покрылъ ихъ черепичною крышей — и театръ готовъ.

Вѣсть эта, на крылышкахъ зефира, разнеслась далеко за рѣки и моря.... Нахлынули къ намъ труппы.... вѣтъ, сперва одна труппа актеровъ, подъ предводительствомъ г. Рекановскаго.

Николаевъ взволновался. И было отъ чего: какъ, столько времени (чуть-ли не отъ основанія города), не видать театрального представленія!? — (я не говорю о высшемъ кругѣ). Но теперь, по милости Гг. Рекановскаго и Зелинскаго, никто не можетъ жаловаться на это.

Заговорили о театрѣ и старые, и малые. Веѣ начали судить,

ныхъ похвалъ, а во-вторыхъ, чтобъ эти извѣтія сообщались въ редакцію въ какомъ нибудь опредѣленномъ порядкѣ, если не каждый мѣсяць, то черезъ три, четыре мѣсяца, даже черезъ полгода, смотря по обилію матеріаловъ, и чтобъ эти извѣстія, такимъ-образомъ, по истеченіи года, составляли по возможности полную картину театральной дѣятельности въ русскихъ провинціяхъ.

рядить.... Наконецъ, театральная афиша огласила всѣ концы года: «Съ дозволенія начальства, сегодня, такого-то числа, такою-то труппою, представлено будетъ въ первый разъ... Забылъ какую пьесу давали, — за оною послѣдуетъ то-и-то.

Боже мой милостивый! будемъ мы помнить первое представление !...

Театръ трещалъ, отъ народу. — А въ райкѣ... одинъ на другомъ, держась кое-какъ за колонны и, вѣся почти на воздухѣ... того и смотри, что какой-нибудь смѣльчакъ смѣряетъ своею особою разстояніе отъ райка до кресель!... Въ театрѣ, на театрѣ, возлѣ театра — народъ, все народъ.

Такъ, хотя и не совсѣмъ такъ, былъ набить театръ и въ слѣдующія представленія г. Рекановскаго, но онъ былъ и тѣмъ доволенъ; онъ не былъ въ убыткѣ.

Соблазнила слава г. Рекановскаго и г. Зелинскаго. Въ «одно прекрасное утро» — по улицѣ ѣхала цѣлая вереница подводъ съ театральными принадлежностями.

Мы испугались... мы думали, что г. Рекановскій, среди нашего восторга, оставилъ насъ... бросилъ насъ. Всѣ было уже пригорюнились... всѣ были въ недоумѣніи: какъ это, что это! — отъ-чего-жъ онъ не простался съ публикою, отъ-чего не давалъ представленія, съ прибавленіемъ на афишѣ: «въ послѣдній разъ?»... отъ-чего?... отъ-чего?...

Наконецъ, вѣсть, радостная для насъ, не совсѣмъ-приятная для г. Рекановскаго, пробралась въ каждый домъ. Вдругъ всѣ заговорили: пріѣхалъ г. Зелинскій съ труппою въ сто человѣкъ (!?) отборнѣйшихъ актеровъ (!?!).

Что оставалось г. Рекановскому? Нѣкоторые лучшіе актеры изъ его труппы перешли къ г. Зелинскому, — оставалось одно средство: взять да и уѣхать. Онъ такъ и сдѣлалъ.

— Конецъ?

— Нѣтъ, постой, это первый періодъ нашего театра; а вотъ второй.

— А тамъ третій... четвъ....

— Нѣтъ, кажется, больше не будетъ. Вотъ г. Зелинскій съ 100 человѣкъ «отборнѣйшихъ» актеровъ даетъ первое представление и въ первый разъ: «Кремневъ, русскій солдатъ», комедію съ пѣснями, танцами, и прочими.... какъ-бишь? ну, однимъ-словомъ, русскую комедію.

Театръ былъ полнѣе перваго представленія г. Рекановскаго. Вызовамъ, хлопаньямъ — не было конца....

— Какъ твоей исторіи о театрѣ....

— Кремнева игралъ самъ Зелинскій — и сыгралъ прекрасно.

Вотъ Зелинскій утвердился у насъ, повидимому, на - долго. Публика всегда принимала его благосклонно, — да онъ того и стоилъ.

— Кончай, братецъ, скорѣе.... А что, далеко еще до театра?

— Нѣтъ. Началъ давать онъ представленія по три, по четыре раза въ недѣлю. Театръ хоть и не бывалъ полонъ, но все-таки игра стоила свѣчь....

— Стой! куда мы идемъ?.. Читай вывѣску: «Комнаты для проѣзжающихъ.» — Да мѣ, братецъ, и тамъ, гдѣ я остановился, хорошо.

— Иди, иди, не разглагольствуй. Видишь, повыше вывѣски, другая вывѣска, которая рѣчетъ: *сего-дня спектакль!*...

— Такъ это....

√ Входимъ.... или лучше, сходимъ — по узкой-узкой, освѣщенной однимъ сальнымъ огаркомъ лѣстничкѣ, — одинъ за другимъ, потому, что двумъ вмѣстѣ нельзя помѣститься, — въ театрѣ... Театръ, изволите видѣть, устроенъ, какъ я уже говорилъ, въ землѣ, и потому прежде нужно сойти — а потомъ войти въ него. Блаженные посѣтители райка! Они прямо изъ улицы, чрезъ маленькія сѣни и прямо въ рай. За-то они должны ожидать, по окончанія представленія, добрыхъ полчаса, пока выйдутъ изъ всѣхъ ложъ и креселъ.... и тогда имъ уже отпирается рѣшотка на свободный выходъ изъ святилища искусствъ. А онъ, добрый народъ, не ропщетъ на такое заключеніе, — и ожидаетъ смиренно — покорствуя судьбѣ!

Театръ довольно-просторенъ; только слишкомъ несоразмѣрно продолговатъ, — и выходитъ крутой полу-кругъ, такъ что изъ первыхъ двухъ ложъ возлѣ сцены, едва-ли видна вся противоположная сторона сцены. Освѣщеніе очень-слабое. При Рекаповскомъ было свѣтлѣе. Оркестръ.... но я когда-нибудь поговорю о немъ и о прочемъ другомъ.... √

Итакъ, въ мы театрѣ.... театръ пусть. Ложи двѣ заняты, да кресла три, полагая въ то число занятыя и нами — и только всего! Въ райкѣ.... но что объ немъ говорить....

Мой пріятель посмотрѣлъ на часы, на меня, кругомъ себя, и спросилъ: «Это что значить?..»

— Ахъ, какой ты нетерпѣливый! который теперь часъ?

— Половина седьмого. —

— Ну, подожди, публика еще соберется. Вѣдь начало въ семь.

— Увидимъ.... Скажи, братецъ, что это, вонъ та дама въ ложѣ — все берется за голову. Вѣрно, у бѣдняжки головка болитъ....

— Это для тебя тайна.... я сейчасъ тебѣ ее по-секрету скажу.... Вонъ и другая тоже дѣлаетъ.... смотритъ на потолокъ своей ложи....

— Право, чудно!

— Тутъ нѣтъ никакого чуда: просто съ верхней ложи сыплется песокъ на головы дамъ — вотъ и все!

— Семь!... десять минутъ уже прошло... нѣтъ никого!... Занавѣсъ даже и не шевелится!...

— Подожди, зашевелится....

— Ты меня удивляешь своимъ терпѣніемъ; до какихъ поръ ожидать?... Развѣ для насъ однихъ будутъ играть... да для того, что вонъ въ ложѣ спитъ!

— Тс.. смотри....

Занавѣсъ вполонину взвился....

Является благовѣститель: «По случаю малаго сбора, представление не можетъ состояться»!

— Малаго сбора! воскликнулъ пріятель мой: малаго сбора, котораго совѣмъ не было. Такъ вотъ братецъ каковъ у васъ театр!

— А театръ чѣмъ виноватъ?.. Онъ какъ былъ три года тому назадъ, такъ и теперь есть, а.... Не знаю, право, кто больше виноватъ, публика, или Зелинскій?. Наша публика слишкомъ взыскательна, а Зелинскій....

— А вѣдь устройство театра недурно. Разумѣется, нельзя равнять съ одесскимъ...о!..

— Николаевскій, если хочешь, имѣетъ преимущество....

— Ну!...

— Да. А вотъ почему: лѣтомъ въ немъ бываетъ прохладно, потому что онъ устроенъ въ землѣ, а зимою, не топяши, тепло, кромѣ партера и райка, которые остаются неизмѣнными, по времени года, т. е. если на дворѣ холодно, то и въ *онихъ* не согрѣбьешься... А знаешь что я вспомнилъ?.

— А что?

— Зайдемъ вотъ направо, — тамъ чудесный билліардъ... сръжемся!..

— О, такъ вашъ театръ куда сколько имѣетъ преимуществъ предъ.. на-пр. одесскимъ,- тутъ есть и комнаты для пробъжающихъ и билліардъ, и... и что еще?....

— Все.... я говорю....

— А я слушаю.

— Да, я говорю, печальная, горемычная, хотя иногда и привлекательная участь странствующей труппы!.... Вотъ Зелинскій сперва имѣлъ чудесные сборы... Ахъ чортъ возьми! на себя 12-ть положилъ... Гадкіе какіе кін...

— Ну, договаривай, что ты хотѣлъ...

— Да, я говорю, Зелинскому на первыхъ парахъ куда какъ повезло, и надо отдать ему справедливость: онъ было затѣялъ выстроить настоящій театръ, который-бы походилъ на свое названіе, взялъ уже было бойкое мѣсто, — но планъ его разстроился, а почему? ты самъ видѣлъ — театръ сегодня пусть, завтра тоже, — чѣмъ жить?

— Досадно... А чтожь ты мнѣ цѣлый часъ говорилъ, а не сказалъ ни слова объ актерахъ?... тѣфу пропасть!.. проигралъ... скверный билліардъ, шары неровные... сколько вѣхъ партій?

Маркеръ: три-сь.

— А? чтожь ты не говоришь объ игрѣ актеровъ? или, можетъ, ихъ такъ много, что не знаешь съ кого пачать?..

— Объ игрѣ актеровъ!... что тебѣ сказать?... Лучше дамъ тебѣ прочитатъ статью, въ которой ихъ, хотя и не вѣхъ, опѣнили по достоинству и безкорыстно, въ Екатеринославѣ.

— Ладно.

.....

На другой день прибѣгаетъ ко мнѣ мой пріятель.

— Идешь въ театръ!.

— Богъ съ тобой! а вчерашнее забылъ!

— Нѣтъ, не то, сегодня играютъ драму въ 5 дѣйств.; мнѣ хочется посмотреть Рыбаковыхъ.. вѣдь ихъ расхвалили.. Они, вѣрно, привлекутъ публику... Вѣдь они вчера, вѣрно, не играли?..»

— Охъ, увы! нѣтъ у насъ теперь Рыбаковыхъ!... а драмы все-таки даются.. этими драмами Зелинскій, кажется, теперь настрашалъ всю публику...

— А гдѣ Рыбаковы?

— На харьковскомъ театрѣ... Рыбаковы незамѣнимы въ труппѣ Зелинскаго.

Можетъ-быть, они-бы и поддержали его. Кажется, — дай Богъ, чтобъ предвѣщаніе мое не сбылось, — труппа г. Зелинскаго разстраивается.... Да чѣмъ-же ей существовать?... Расходы ужасны, а приходъ....

Но кто знаетъ, быть-можетъ здѣшняя публика вспомнить о

театръ, поддержитъ его не словомъ, но дѣломъ. Тогда опять пойдетъ все своимъ прежнимъ чередомъ.... Тогда прѣзжай къ намъ восхищаться Рыбаковыми: они, я думаю, побываютъ у насъ..... А когда ты ѣдешь?

Думалъ завтра; но теперь не за-тѣмъ оставаться, итакъ прощай!..»

— Adieu!

Николаевъ

И. Бар-евъ.

1844.

САРАТОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

Провинціальный театръ нашъ такъ вѣренъ своему назначенію, что невольно вызываетъ сказать объ немъ что-нибудь.

Передавая листкамъ «Репертуара и Пантеона» сценическіе успѣхи и недостатки саратовскаго театра, во всей подробности ихъ, я постоянно руководствовался одною мыслію, представить на судъ любителей-изыщнаго, въ какой степени замѣчательна была игра здѣшнихъ артистовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ произвести соревнованіе въ тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ способности и не хотятъ сдѣлать изъ нихъ лучшаго употребленія. Съ этою цѣлію берусь за перо и теперь, не подчиняя себя нисколько условіямъ взыскательной критики, которая, не поощряя талантъ, часто убиваетъ его въ самомъ развитіи силъ.

Въ театральномъ обзорѣиіи прошлаго года можно видѣть имена актеровъ и актрисъ здѣшняго театра, болѣе или менѣе бывшихъ замѣтными на сценѣ; можно видѣть и причины, по которымъ публика не всегда одинаково пользовалась удовольствіями и которыхъ она въ правѣ требовать. Съ-того времени на здѣшней сценѣ не произошло почти никакихъ переменъ. Вмѣстѣ съ наступленіемъ долгихъ, осеннихъ вечеровъ, когда наша степная природа хмурится, какъ брюзгливая старуха, многіе, очень-многіе, находили въ загѣ театра и отдыхъ отъ трудовъ, и развлеченіе. Хорошо исполненная серьезная піеса заставляла невольно разчувствоваться чувствительныхъ, смѣшная посмѣяться, и такимъ-образомъ осень,

а тамъ и зима, пробѣжали незамѣтно, до-того времени, когда православный міръ бросаетъ всѣ игрушки и думаетъ о болѣе важныхъ, священныхъ обязанностяхъ.

Въ-продолженіе зимняго репертуара мы видѣли пьесы драматическія, комическія и оперы. Последнихъ, сказать правду, было немного. Изъ актеровъ на первомъ планѣ сцены были болѣе замѣтны: гг. *Самойловъ*, *Борисоглебскій*, *Карауловъ*, *Михайловъ*, *Зальскіе*; женскія роли исполнялись удачлѣе: гг. *Николаевою*, *Гусевою*, *Михайловою*, *Завидовою*; о прочихъ говорить не слѣдуетъ. Ни количество, ни качество саратовскихъ музъ и грацій, какъ и выше-сказано, почти не измѣнилось противъ того, что было сказано въ прошлогоднемъ «Реперт. и Пант.», исключая только отсутствіе нѣкоторыхъ лицъ, которые, по разчетамъ содержателя театра, отправлены были на зиму къ нашей сосѣдкѣ Пензѣ. Не знаемъ, что сдѣлала тамъ эта отпадшая часть труппы, и была-ли Пенза рада такимъ гостямъ. Разставаясь съ этими артистами безъ сожалѣнія, саратовская публика не могла перенести также равнодушно отсутствіе г-на Самойлова, оставившаго театръ нашъ въ то самое время, когда присутствіе его на здѣшней сценѣ становилось необходимымъ по ограниченному числу хорошихъ актеровъ, а больше по прекрасной игрѣ его. Потеря была столько чувствительна, что ампула Самойлова замѣнить рѣшительно было некъмъ, и публика тщетно укоряла дирекцію театра, неумѣвшую удержать при себѣ такой замѣчательный талантъ. Говорятъ, что больше досадное, нежели опасное соперничество, заставило Самойлова удалиться отсюда. Какъ-бы ни было, а должно сказать, что ни одно лицо здѣшней сцены, въ роляхъ, усвоенныхъ Самойловымъ, не только не имѣетъ его облагороженнаго искусства, но даже не въ-силахъ подражать ему, и отъ-того, само-собою разумѣется, роли его, отдаваемые другимъ, исполнялись неудачно. Если, въ-самомъ-дѣлѣ, справедливо, что Самойловъ въ этой низкой борьбѣ палъ жертвою интригъ, то это не сдѣлаетъ чести дирекціи театра, обязанной для удовольствія публики и собственныхъ выгодъ употребить всѣ усилія сохранить въ составѣ труппы талантъ, столь трудно замѣняемый даже на лучшемъ театрѣ, нежели каковъ саратовскій. Нельзя не пофѣять этой-же дирекціи, что она не нашла средствъ удержать при себѣ актера *Божанова*, актера съ прекраснымъ теноръ-басомъ для оперы.

Одно еще мирить публику съ содержателемъ театра: это появленіе на здѣшней сценѣ г-жи *Бобровой*, которая въ полномъ смыслѣ слова обладаетъ въ высшей степени способностями игры

въ пьесахъ, какъ драматическихъ, такъ и комическихъ. Г. Бобровъ, мужъ ея, присутствіемъ своимъ также довольно-выгодно разнообразить здѣшнюю труппу: у него сильный басъ, мужественная наружность, и въ роляхъ милиціонныхъ ветерановъ, злодѣевъ и вельможъ онъ всегда на своемъ мѣстѣ.

Не лишнимъ пахожу сказать, что изъ упоминаемыхъ выше актрисъ нашего театра, гг. Николаева, Гусева и Михайлова, въ послѣднее время были лучшимъ украшеніемъ сцены. Обладая прекрасными голосами, онѣ, безъ сомнѣнія, могли-бы поддержать всякую оперу, и къ-сожалѣнію, тратятъ этотъ прекрасный даръ только для легкихъ водевилей. Не относя къ нимъ собственно этого обвиненія, мнѣ остается прибавить, что публика во всякое время даритъ вниманіемъ этихъ актрисъ, и съ удовольствіемъ смотритъ на ихъ одушевленную, прекрасную игру. Д. Михайлова, еще недавно ознакомившаяся со сценой, участвуетъ почти во всѣхъ пьесахъ, и роли, принимаемая ею, исполняетъ весьма-удовлетворительно; о д. Николаевой говорено было и прежде много; теперь остается сказать, что въ настоящее время игра ея сдѣлалась еще совершеннѣе, полнѣе; со всякимъ представленіемъ она упрочиваетъ за собою славу даровитой артистки и привлекаетъ благосклонность публики.

Вотъ и все, что можно сказать о здѣшнемъ театрѣ. Сообщая общепользному изданію «Реперт. и Пант.» извѣстія о ходѣ пьесъ, мнѣ шичего не оставалось-бы болѣе сказать, если-бъ къ тому не подали поводъ замѣчанія на пензенскій театръ, помѣщенные въ 3-ей кн. «Реперт. и Пант.» прошлаго года, неизвѣстнымъ авторомъ, и какъ видно, строгимъ цѣнителемъ изящныхъ искусствъ: это, просто, критическій взглядъ рецензента на страстную когда-то саратовскую труппу, и, вѣроятно, никогда неподозрѣвавшую встрѣтить строгой судъ и оцѣнку тамъ, гдѣ она, бѣдная, жертвовала всѣми усиліями своего искусства. Противъ этихъ-то замѣчаній мнѣ хотѣлось-бы прибавить нѣсколько словъ, чтобы сказать большое спасибо за-то, гдѣ истина водила перомъ критика, и не согласиться съ нимъ тамъ, гдѣ замѣтно меньше справедливости.

Авторъ статьи, говоря о благородномъ спектаклѣ въ Пензѣ, какъ видно, вмѣсто эпиграфа, выразился, что здравая критика есть десятая муза. Извольте видѣть, онъ, то-есть, авторъ, принимаясь за дѣло, желалъ, чтобы читающая публика не иначе приняла статью его, какъ статью, писанную въ здоровомъ смыслѣ и вѣрила ему на-слово. Отвѣчая на эту парафразу, заимствован-

ную у фернейскаго мудреца, мы готовы повторить слова одной изъ новѣйшихъ писательницъ, что всякое мнѣніе заслуживаетъ уваженія, если оно внушено добрымъ побужденіемъ и высказано чистосердечно, и потому вѣримъ, что все то, что только относилось къ прекрасной мысли дворянства пензенскаго, исполненной съ пользою для дѣтскихъ пріютовъ, есть истина неопровергаемая, но никакъ не рѣшимся примѣнять вышеупомянутой десятой музы къ содержанію статьи о саратовской труппѣ, а тѣмъ меньше вѣрить, чтобы рецензентъ пензенскаго театра говорилъ безпристрастно объ ея недостаткахъ.

Не знаемъ, точно-ли *звонкая благосклонность* (говоря словами того-же рецензента) пензенской публики привлекла къ себѣ эту труппу, хотя всякому извѣстно, что подобныя артисты стремятся во-все не по страсти къ путешествіямъ, а по другой, весьма-положительной причинѣ — найти средства къ своему существованію; — слѣдовательно, цѣль такихъ путешествій, по крайней-мѣрѣ, не была никогда необыкновенною и не можетъ обвинять труппу въ желаніи видѣть трудъ свой оцѣненнымъ. Но дѣло въ томъ, что если словамъ «звонкая благосклонность» авторъ хотѣлъ дать смыслъ огромныхъ интересовъ, то онъ прямо ошибался: та-же самая труппа, изъ *дальнихъ странствій возвращаясь*, горько жаловалась на скудость средствъ, пріобрѣтенныхъ ею на чужбинѣ, и едва, едва могла сохранить своихъ граціи и музъ, чтобы доташиться до своихъ пенатовъ. Это не выдумка. Пусть авторъ статьи потрудится собрать всевозможныя подробности о печальномъ возвращеніи нашей труппы, которая на будущее время, вѣроятно, не будетъ довѣрять благосклонности, звонкой только на словахъ рецензента. *Славны бубны за горами!*

Далѣе рецензентъ въ своихъ обвинительныхъ пунктахъ выражается такъ: *нѣкоторыя пѣсы, за недостаткомъ публики, давались для 20 или 15 человекъ*. Кого-же обвинять въ этомъ, труппу или публику? Первая, вѣроятно, готовила спектакли съ желаніемъ доставить послѣдней возможное удовольствіе, и, слѣдовательно, исполняла свое дѣло. Въ Саратовѣ, тоже нелишнемомъ общественной жизни, какъ и въ Пензѣ, театръ посѣщается всею образованной публикой. Нельзя впрочемъ думать, чтобы публика Пензы раздѣляла мысль рецензента, унижающаго таланты саратовскихъ артистовъ; нельзя думать потому, что образованное общество, готовое покровительствовать искусствамъ, скорѣе проститъ недостатки, нежели будетъ указывать на нихъ. Оно

должно напередъ знать, что на судъ его предстають не тѣ знаменитые артисты, которые, какъ представители искусствъ, вездѣ рвутъ лавровыя вѣнки. Однимъ-словомъ, скорѣе можно сдѣлать заключеніе, что одинъ только рецензентъ остается недовольнымъ. Въ такомъ случаѣ, мнѣніе одного лица не есть еще приговоръ цѣлаго общества.

Еще дальше, та-же статья гласитъ о множествѣ недостатковъ, подмѣченныхъ авторомъ въ саратовской труппѣ; но стоило-ль принимать такъ много труда указывать на то, что на провинціалномъ театрѣ всегда извиняется скудными его средствами? Обратимся нѣсколько назадъ, чтобы посмотрѣть, какъ самъ этотъ авторъ сознается, что и пензенскій театръ то-же нечуждъ недостатковъ (7 кн. «Реперт. и Пант.» 1843 и 3 кн. 1844 года). Тамъ онъ говоритъ, что въ одной изъ пьесъ, даваемыхъ когда-то, ни одинъ изъ актеровъ не зналъ настоящаго своего амплуа и былъ нынче бояринъ, а завтра татаринъ. Зачѣмъ-же отыскиваетъ онъ недостатки только въ актерахъ саратовскаго театра? Мысль о такомъ пристрастіи ведетъ прямо къ заключенію, что рецензентъ хвалитъ только свой муравейникъ, какъ это подтверждается замѣчаніями его на игру пензенскаго актера Быстрова, что разнообразно-художественная игра его живо напоминала Дюра и Живокина!! А въ другомъ мѣстѣ изъясняется о томъ-же Быстровѣ, что онъ не-совсемъ понималъ роль Рутли (въ Кетли) и отъ того често изъ швейцарскаго простака впадалъ въ русскаго Филатку! — Вотъ вамъ подражатель Дюра и Живокина! Какъ-же сообразить такія противорѣчія?

На это должно замѣтить, что Быстровъ дѣлалъ пробы и на саратовской сценѣ прошлаго зимою, но игра его, по строгой оцѣнкѣ любителей театра, не только не можетъ стать въ уровень съ артистами, на которыхъ указываетъ рецензентъ, но не можетъ даже-быть въ параллели съ саратовскими комиками, каковы суть Михайловъ и Залѣскіе. Да и гдѣ можно найти такъ много легковѣрія, чтобы огромные таланты Дюра и Живокина могли быть такъ близки къ актеру, невидавшему ничего дальше подмостокъ пензенскаго театра? Нѣтъ, почтеннѣйшій рецензентъ, съ вами нельзя согласиться, не оскорбивъ знаменитыхъ талантовъ такимъ обиднымъ сравненіемъ. Одни тѣ только, которые не видали игры знаменитыхъ нашихъ столичныхъ комиковъ, могутъ безмолвствовать при такомъ опрометчивомъ сужденіи. Однимъ словомъ, много погрѣшилъ пензенскій рецензентъ, увлекаясь излишнею похвалою Быстрову.

Незаслуженная похвала больше вредна, нежели полезна, и губить талант ложной самоуверенностью.

За что-же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалить пѣтуха!

Впрочемъ не станемъ много оспаривать успѣховъ, совершающихся на пензенской сценѣ. Тамъ, если вѣрить рецензенту, творятся чудныя вещи. Онъ рассказываетъ, что актриса пензенскаго театра, *Петрова*, при игрѣ *Быстрова*, была развлѣчена, *живые*, который, какъ новый *Нигмаліонъ*, оживилъ ее силою своего таланта. Что-же, въ-самомъ-дѣлѣ, долженъ быть Быстровъ, если присутствіе его воодушевляетъ другихъ? Да онъ, просто, долженъ быть необыкновенный человѣкъ; самый завѣсѣ театра пензенскаго, на которомъ, неизвѣстно для чего, какъ *memento mori* древнихъ, блистаетъ латинская надпись: «*Ridendo castigat mores*», — не служитъ-ли уже доказательствомъ, что тамъ все должно быть оригинально и особенно.

Обращаемся опять къ той-же статьѣ. Тамъ сказано, что саратовская труппа рѣшилась ѣхать въ Пензу, по сознанію своихъ дарованій, такъ щедро прославляемыхъ саратовскимъ рецензентомъ, по словамъ котораго, *все саратовскіе артисты должны быть талантѣ на талантѣ*. — Противъ этого не нужно возраженій: — стоитъ только пензенскому рецензенту принять трудъ внимательнѣе просмотрѣть ту самую статью, на которую онъ ссылается, чтобъ изобличить его въ непонятномъ желаніи, дать статьѣ той превратный смыслъ. — Эта статья не прославляла никого, но не могла отозваться о нѣкоторыхъ иначе, какъ съ похвалою, на-примѣръ о *Вышеславцевой* и *Самойловой*, игра которыхъ въ строгомъ смыслѣ должна принадлежать лучшимъ театрамъ, что должно думать, хорошо замѣтилъ и самъ рецензентъ пензенскаго театра, хотя и не говоритъ о томъ; — о другихъ если и было сказано что-нибудь, то, вѣрно, не въ пользу ихъ; да и самая цѣль статьи заключала въ себѣ всего больше замѣчанія на отсутствіе вниманія дирекціи саратовскаго театра къ доставленію публикѣ большаго удовольствія. —

Нельзя не обратить вниманія и на тѣ слова пензенскаго рецензента, что *пензенская сцена не заидуетъ саратовской*. Нельзя потому, что трудно постигнуть цѣль, съ которою они произнесены. Чему тутъ завидовать? Не будь атихъ роковыхъ словъ, можно-бы еще мириться съ мыслию, что статья пензенскаго рецензен-

та есть нечто иное, как плод воображенія автора, повѣряющаго успѣхи возникающихъ искусствъ, анализъ, въ строгомъ критическомъ проявленіи своемъ, по при вышерѣченныхъ словахъ зрѣтъ мысль недовѣрія, не въ самомъ-ли-дѣлѣ недостойное чувство зависти водило перомъ пензенскаго рецензента.

Постараемся привѣсти точь-въ-точь другія слова его, какъ новое доказательство неправильнаго ихъ толкованія. Тамъ сказано, что на сценѣ саратовской готовилась *тьма ощущеній, рыцарскихъ подвиговъ, или-же тьмъ мелкихъ сюжетовъ, въ которыхъ такъ много блесковъ ложнаго остроумія и такъ мало пищи для сердца и ума.* Этимъ замѣчаніемъ старались показать дирекціи неудовлетворительный, однообразный выборъ пьесъ, но пензенскій рецензентъ, неизвѣстно съ какимъ-то невиннымъ намѣреніемъ, отнявъ послѣднюю фразу, и въ сокращенномъ видѣ повтореннаго имъ періода, сообщилъ ему совершенно иной смыслъ. Покорнѣйше просимъ почтеннаго рецензента на будущее время не искажать статей, посылаемыхъ въ редакцію, о ходѣ пьесъ театра, гдѣ, конечно, нельзя встрѣтить ни новыхъ Пигмалионовъ, ни подражателей Дюру и Живокини, ни завѣсовъ съ цитатами изъ Корнелія-Непота, Виргилія и иже съ ними, но гдѣ, по-крайней-мѣрѣ, скромные таланты не приобрѣли права на жалкую извѣстность.

Много, очень-много перо пензенскаго рецензента трудилось для статьи, цѣлю которой, кажется, было уничтоженіе существованія нашего бѣднаго театра. Это-же самое перо, въ сильномъ припадкѣ негодованія автора, не пощадило и публики саратовской. Оно написало, что *пензенская публика, не какъ саратовская, посещаетъ театръ не всегда съ охотой и желаніемъ.* Бѣдная саратовская публика! Чѣмъ она могла заслужить гнѣвъ пензенскаго рецензента, существованія котораго она совѣмъ не подозреваетъ на бѣломъ свѣтѣ? Неужели тѣмъ, что она бываетъ часто въ залѣ своего театра? Но это еще не преступленіе. Лучше видѣть незавидную игру провинціального актера, нежели встрѣтить жолчную статейку рецензента. Сомнѣваемся, чтобы вышеупомянутое выраженіе рецензента было отголоскомъ мнѣнія пензенской публики, и скорѣе думаемъ, что, вѣроятно, никто изъ образованныхъ членовъ ея не захочетъ цѣной униженія равнаго ей общества присвоивать себѣ преимущества, которыя могло создать одно тщеславіе; и, въ-самомъ-дѣлѣ, если содержаніе статьи не удовлетворяло вкуса рецензента, не странно-ли, что онъ взялся объясняться за публику тамъ, гдѣ она не была

готова раздѣлять его мнѣніе? Въ доказательство того, что приговоры пензенскаго рецензента не совсѣмъ безпристрастны, скажемъ нѣсколько словъ о *Самойловѣ*, объ игрѣ котораго было замѣчено въ статьѣ саратовскаго театра, что игра Самойлова вѣрна, отчетлива и соединяетъ въ себѣ преимущества методы нынѣшней школы; но опредѣленіе это, какъ видно, не понравилось пензенскому рецензенту, утверждающему, что *нѣтъ школы кромѣ природы, природы, какъ впрямую ея выраженій*.

Съ такимъ заключеніемъ нѣтъ однако-же возможности согласиться съ почтеннѣйшимъ рец. пенз. театра; нельзя согласиться, потому, что природа соединяетъ въ себѣ такъ много условій, больше или меньше близкихъ къ совершенству. Положимъ, что самъ пензенскій рецензентъ писалъ свою статью въ минуту вдохновенія, — слѣдовательно, это было дѣло природы; но откуда-бы онъ заимствовалъ все замѣчанія свои, все матеріалы для обработки мыслей, если-бъ по образованію своему не принадлежалъ какой-нибудь *школе*? Такъ точно и актеръ, сколько-бы ни подмѣчали въ немъ достоинства, какъ на-пр. прославляемый *Быстровъ*, безъ навыка, безъ приготовленій къ сценѣ, съ одной природой далеко не уйдетъ. Если уже этому не будутъ вѣрить, то конечно, повѣрятъ успѣхамъ, производимымъ приуготовительными театральными школами, существованію которыхъ мы обязаны блистательной славою нашихъ русскихъ артистовъ(?!). Въ школахъ зрѣютъ и совершенствуются таланты.

Часто самыя высокія способности, безъ виѣшняго образованія, безъ примѣненія къ искусству, гибнутъ безъ возврата, какъ жертва, обреченная забвенію, какъ алмазъ въ грубой корѣ своей: пролежитъ нѣсколько столѣтій, до-той-поры, когда рука рудокопа извлечетъ его изъ нѣдръ земли и откроетъ свѣту его сокровище. Нужно-ли указывать на-примѣры, что молодой артистъ, затаившій въ душѣ своей призваніе къ искусству, терялся въ толѣ, незамѣченный ею, собственно потому только, что въ глазахъ его не совершались еще примѣры, которые развили-бы рождающійся талантъ? Оканчивая статью мою, я считаю долгомъ высказать мнѣніе мое вообще о произведеніяхъ, гдѣ господствующій духъ критики постановляетъ свои приговоры: пріятно встрѣчать замѣчанія основательныя, дѣльныя: они поощряютъ дарованія и исправляютъ ошибки; противныя этому сужденія изобличаютъ несчастный даръ видѣть одно худое.

29 Декабря. 1844 года.

Обращаемся теперь къ другому, любопытнѣйшему событію, дѣтскому спектаклю, данному прошлою зимою въ залѣ саратовскаго Дворянскаго-собранія, въ пользу дѣтскихъ Приютовъ.

Здѣсь осуществилась благонамѣренная цѣль Правительства въ человѣколюбивомъ подвигѣ. Представлены нѣкоторыми любительницами театра двѣ пьесы: *Спящая*, съ хорами и танцами, и другая, на французскомъ языкѣ: *La Curieuse*. Роли выполнены были очень-мило и отчетливо. — Чтобы поселить въ дѣтяхъ, воспитываемыхъ иждивеніемъ Приюта, чувство признательности къ высокой цѣли спектакля, изъ Приюта, было взято нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ, которые были свидѣтелями этого прекраснаго праздника. Сборъ простирался до 1250 р. — Неменѣе отраднѣмъ явленіемъ для Саратова былъ концертъ, данный въ слѣдъ за тѣмъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ въ пользу семейства бывшаго Директора саратовскихъ училищъ, Гине, пропавшаго безъ-вѣсти. 12 дѣвицъ приняли участіе въ этомъ концертѣ, и на 6 ройяляхъ весьма-отчетливо разыграли лучшія пьесы извѣстныхъ композиторовъ. Оркестромъ управлялъ Г. Бахметовъ, еще въ прошедшемъ году доставившій здѣшной публикѣ такъ много наслажденій своимъ музыкальнымъ талантомъ. Г. Стальке пропѣлъ двѣ аріи, изъ *Соннамбулы* и *Аскольдовой могилы*. Объ игрѣ Г. Бахметева ничего не остается сказать больше, какъ повторить, что исполненныя имъ нѣсколько собственныхъ фантазій, были дѣломъ необыкновеннаго искусства. Передъ концертомъ, по желанію публики, повторенъ былъ дѣтскій спектакль: *Спящая*, по окончаніи котораго одна изъ любительницъ танцевала качучу. Публика была очарована граціозной манерой милаго ребенка, выполнившего этотъ танецъ, и шумнымъ рукоплесканіемъ изъясляла восторгъ свой. Денежный сборъ простирался до 1300 р. Такимъ пособіемъ облегчена участь несчастнаго семейства Гине, остававшагося въ самомъ бѣдномъ положеніи.

Событія сіи, соединяя въ себѣ изящныя искусства съ удовольствіемъ публики и пользою для человѣчества, останутся прекраснымъ памятникомъ для тѣхъ, которые, какъ новые друзья человѣчества, первые подали мысль осуществить ихъ.

ЕЩЕ ИЗВѢСТІЕ ИЗЪ САРАТОВА.

Еще недавно листки общепользнаго изданія «Реперт. и Паунт.» передавали читающей публикѣ тѣ отрадные вѣсти, въ которыхъ проявлялось благородное побужденіе саратовскаго дворянства къ пользѣ здѣшнихъ Дѣтскихъ Приютовъ.

Эта благодѣтельная цѣль повторилась, въ исполненіи своемъ, другой разъ, и я, подѣ живымъ впечатлѣніемъ ее, берусь за перо, чтобъ передать о пріятномъ событіи, совершившемся на саратовскомъ театрѣ. Вчерашній день (25 января) дано было предетавленіе двухъ водевилей: *Жена и зонтикъ* и *Балъ у банкира*. Въ исполненіи ихъ приняли участіе г-жа П., дѣвнцы Ф. и Ч. и гг. З., С., Т., Б., Ж., Б. и кн. О. Какъ любители театра и одушевленные благородною цѣлію спектакля, они исполнили роли свои очень удовлетворительно. Казалось-бы не нужнымъ говорить, кто именно были дѣйствующими на сценѣ, потому-что кто исполнилъ доброе дѣло, тотъ не нуждается въ журнальныхъ отголоскахъ и находитъ награду въ благородномъ движеніи своего сердца; но какъ подвигъ такой свойственъ только истиннымъ друзьямъ челоѣчества, то да простятъ невольному увлеченію моему.

Нахожу совершенно-излишнимъ разбирать игру лицъ, участвовавшихъ въ піесахъ: эти лица дѣйствовали не по расчетамъ самолюбія и личныхъ интересовъ, но по высокому стремленію милосердія къ безпріютнымъ. Какая-же рецензія, послѣ этого, была-бы столько рѣшительна, чтобы отыскивать недостатки, если-бъ они даже были, но гдѣ ихъ, говоря въ строгомъ смыслѣ, почти не было. Напротивъ повторю, что все благородные артисты наши исполнили свое дѣло безъ отступленій. Изъ числа ихъ г-нъ З., въ роли парикмахера *Бишоно*, изумилъ даже публику строгимъ знаніемъ сцены и отчетливымъ исполненіемъ всехъ ея условій. Въ игрѣ его талантъ развивался съ тою блистательной силой, которая рѣшительно увлекла общее вниманіе; во всехъ явленіяхъ его было такъ много комизма, что публика непрерывно дарилъ его оглушительными рукоплесканіями. Въ антрактѣ г-жа Мясоѣдова и дѣвнца Штейнъ превосходно сыигра-

ли на двухъ фортепіанахъ вариациі Герца, изъ Вильгельма-Теля, и большой концертъ бр. Грецъ.

Все благородное сословіе Саратова было свидѣтелемъ этого прекраснаго праздника. Театръ былъ полонъ и освѣщенъ великолѣпно. Къ-сожалѣнію, зданіе не могло помѣстить всѣхъ, кто желалъ быть при этомъ представленіи, — за всѣмъ тѣмъ сборъ простирался до 2000 рублей.

Такимъ образомъ осуществилась прекрасная мысль нашего дворянства къ удовольствію и пользѣ человѣчества. Общественный отголосокъ есть желаніе, чтобъ на саратовской сценѣ повторилось подобное событіе. Можно смѣло надѣяться, что въ талантахъ не будетъ недостатка, точно также, какъ и въ готовности общей содѣйствовать столь похвальному предпріятію. Это будетъ лучшимъ свидѣтельствомъ, что и Саратовъ не отстаетъ отъ другихъ городовъ въ подвигахъ благотворенія.

К. М.

26 Января 1845 года.

ВАРШАВСКІЕ ТЕАТРЫ ВЪ 1844 ГОДУ.

Какъ въ предъидущихъ, такъ и въ прошломъ году, театръ принадлежалъ къ числу самыхъ любимыхъ развлеченій варшавской публики и дирекція не упустила изъ виду никакихъ мѣръ, которыя могли послужить къ возвышенію въ глазахъ публики національной сцены. Порядокъ, заведенный во всѣхъ частяхъ управленія, обширность репертуара, старательность въ постановкѣ новыхъ піесъ, множество новыхъ костюмовъ и декораций, могутъ свидѣтельствовать о трудахъ дирекціи. Не вдаваясь въ подробности, мы сдѣлаемъ перечень всѣмъ новымъ піесамъ, постановленнымъ въ прошломъ году на варшавской сценѣ. Въ Большомъ-театрѣ (Teatr wielki) поставлены были слѣдующія піесы: Изъ оперъ: національная опера г-на Дамсе: *Контрабандистъ*, съ текстомъ Станислава Богуславскаго; итальянскія: *Монтекки* и

Капулетти, Донъ Паскуале, Анна Болѣнъ, Любовный напитокъ, Эдмбургская темница, Джемма-де-Верѣси, Клятва, Безумный на островъ Санъ-Доминго и Фаворитка. Изъ драмъ: *Жиды* 1) г. Корженёвскаго, *Убийство* (переводъ актера Коморовскаго), *Восходъ и закатъ* (переводъ г-на Дависона), *Парижскія тайны*, (переводъ Флорентина Гвоздецаго), *Юанна Неаполитанская* (переводъ Марселія Павловскаго), *Фанъ-Брукъ* (переводъ г-на Сыгѣтинскаго). Изъ новыхъ балетовъ поставлены были: *Тень, Ловы Дианы, Индѣйское утро, Венеціанскій карнавалъ* (всѣ четыре балета поставлены были новымъ директоромъ варшавской балетной труппы, г-мъ Филиппомъ Тальиони), *Миранда и Два вора.* Изъ классическаго репертуара возобновлены были сцены изъ *Сида* и *Федры.*— Въ театрѣ «Разнообразіа» (Teatr Rozmajosci) даны были, въ первый разъ, слѣдующія пьесы: оригинальныя: *Замужняя дѣвица, Фабрикантъ, Окно съ бель-этажъ*, (г-на Корженёвскаго), *Семейство Мазуровъ* (г-на Карла Куча), *Это братья! Послъ маскарада*; переводныя: *Первое волокитство молодого Ришельё* (г-на Ясеньскаго), *А. О. Р. Р., Семейство* (г-на Ясеньскаго), *Три шурина* (г-на Сыгѣтинскаго), *Пьерротъ, Бріэнь* (madame Віенне, переводъ г-жи Хобрижнвской), *Обстоятельства* (г-на Близиньскаго), *Голубя шляпка* (дѣвицы Венгеръ), *Баирбадухъ Робертъ* (переводъ Дамсе, съ его-же оригинальной музыкой), *Мелкія непріятности человѣческой жизни* (г-на Ясеньскаго), *Бурбонэска* (дѣвицы Венгеръ), *Пять лѣтъ* (г-на Близиньскаго), *Новый вымыселъ* (г-на Сыгѣтинскаго) и *Этажемъ выше.* На этомъ же театрѣ были возобновлены: *Облдець съ Магдусей, Лекторка*, оперетка *Два слова* и водевилъ *Старые грѣхи.* Въ прошломъ году, опера *Волшебный стрѣлокъ*, идиллія г-на Ясеньскаго: *Новый годъ*, даны были въ сотый разъ.

Прошлогодніе маскарады, въ залахъ театра, отличались особеннымъ блескомъ, веселостью и разнообразіемъ. Два маскарада даны были лѣтомъ. Танцы, живыя картины и лоттерея давали имъ особенный отпечатокъ, тѣмъ-болѣе привлекательный, что удовольствіе мѣшалось тутъ съ челоѣколюбивою цѣлю. Вспоминая объ этой благородной цѣли, нельзя умолчать о нѣсколькихъ представленіяхъ, данныхъ театрами въ пользу благотворительныхъ заведеній, и особенно, въ пользу потерпѣвшихъ отъ наводненія Вислы прибрежныхъ ея жителей. — Изъ иностранныхъ артистовъ, въ прошломъ году Варшаву посѣтили: *Рубини, Пассини и Вартель*; изъ пѣвицъ: *Віардо-Гарсіа, Миффеи, Ассандри, Фонтанъ, Скибиньскал* и *Франкетти.* Въ итальянской оперѣ, кромѣ

пѣвцовъ и пѣвицъ, входившихъ въ составъ этой оперы, въ прошломъ году участвовали: пѣвцы: Пуконни, Джинги; пѣвицы: Ронси Дебенисъ, Перелли, Джоя, Монани, а изъ варшавскихъ артистовъ и артистокъ: г-нъ Матушинскій г-жа Рывацкая и дѣвицы Полина Риволи и Витге. Концерты прїѣзжихъ артистовъ были многочисленны. Изъ скрипачей, Варшава въ прошломъ году слышала Липинскаго, Базини, Терезу Оттаво, г. Париса (Люблинскаго уроженца), Мечислава Старжевскаго, (12-ти-лѣтняго Галиціанина), и г-на Шлетынскаго (слѣпаго). Изъ пианистовъ: Леополда Мейера, Фонтэня Пуша, молодыхъ Антона и Николая Рубинштейновъ, Верника, Волянжа, и дѣвицу Ядвигу Брюсовскую;— артистовъ на контръ-басѣ: Самуила Коссовскаго и Красовскаго, и на трубѣ г-на Маффеи.

Не менѣе знаменитъ былъ прошедшій годъ балетными знаменитостями. Несравненная Тальйони дала нѣсколько представлений. Варшавская публика видѣла на своей сценѣ въ первый разъ, ея родственниковъ, Филиппа Тальйони и жену его. Мимолетнымъ и, сверхъ чаянїя, шумнымъ явленїемъ на варшавской балетной сценѣ была хорошенкая Лола Монтезъ, о подвигахъ которой въ Берлинѣ разгласили по всему свѣту французскія газеты. Варшавская публика произнесла уже свой приговоръ, если не о талантѣ миленкой Лолы, то объ ея красотѣ и нѣсколько шумливомъ характерѣ, — слѣдствїи, вѣроятно, андалузской крови...

Изъ провинціальныхъ польскихъ актеровъ являлись на варшавской сценѣ, въ пробныхъ роляхъ, Гг. Дависонъ, Мошиковскій и Рихтеръ. Изъ композиторовъ — соотечественниковъ, Варшава слышала Гг. Эльснера, Курпинскаго, Стефани, Нидецкаго, Добрынскаго, Новаковскаго, Дамсе, Высоцкаго, Водницкаго и другихъ; за границей Шопенъ и Эдуардъ Вольфъ утверждали за собою еще болѣе стяжанную ими славу. — Прибавимъ, что Варшавянинъ Петровскій, изобретѣннымъ имъ, въ прошломъ году, аккордаметромъ, оказалъ большую услугу музыкальному міру.

Въ заключенїе, скажемъ что Общество вспоможенїя убогимъ артистамъ продолжало въ прошломъ году свои дѣйствїя съ тою же ревностїю и усердїемъ, какими оно отличалось постоянно въ предшествовавшїе годы. Въ продолженїе семилѣтняго существованїя своего, оно успѣло собрать капиталъ въ 36,000 злотыхъ, и теперь призрѣно имъ шесть извѣстныхъ публикѣ, заслуженныхъ артистовъ.

14 марта 1845 года.

НѢКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ОБЪ ОРЛОВСКОМЪ ТЕАТРѢ, ВО-ВРЕМЯ ДВОРЯНСКИХЪ ВЫБОРОВЪ 1844 ГОДА.

Недолго сиротѣли мы безъ театра. Труппа, покинувшая насъ, разбрелась по сосѣднимъ губернскимъ городамъ; лучшіе сюжеты вступили на сцену воронежскаго театра, — нѣкоторые попали въ Курскъ, — другіе въ Харьковъ, Кіевъ, а нѣкоторые, какъ слышно, и еще далѣе. Но появился предприимчивый антрепренёръ, *человѣкъ, прославившійся знаніемъ своего и дѣла многолѣтней опытностью*; антрепренёръ, имѣвшій свои труппы и въ Кіевѣ, и въ Воронежѣ, и въ Харьковѣ, и въ Курскѣ; — онъ-то, *исписавшій чашу горечи* повеюду, онъ-то и рѣшился помочь нашей бѣдѣ. Не посчастливилось ему, какъ слышно, въ Харьковѣ, гдѣ сдалъ дирекціи онъ всѣ свои права, и предприимчивый нашъ прожектёръ пустился въ новую, неслыханную до-той-поры аферу. Куда дѣваться? Гдѣ собрать новую труппу? Изъ прежней ни одинъ не захотѣлъ послѣдовать за нимъ..... И вотъ Млотковскій появился въ Петербургѣ!

Дирекція Императорскихъ театровъ, отдавши четырехъ воспитанниковъ и трехъ воспитанницъ *въ полное распоряженіе* Млотковскаго, заключила съ нимъ на этотъ предметъ контрактъ, съ тѣмъ, что по истеченіи года онъ обязался представить всѣхъ сказанныхъ воспитанниковъ и воспитанницъ обратно въ С. Петербургскую Дирекцію. Итакъ у Млотковскаго явилась вдругъ новая, юная труппа, новый театръ, — новая публика, новые способы къ существованію. Какъ опытный мастеръ своего дѣла, Млотковскій не задумался ни на минуту, гдѣ основаться. Харьковъ покинулъ онъ съ негодованіемъ, — воронежская труппа процвѣтала и безъ него, — кіевская не торопилась, съ приглашеніями, кѹрская хоть и терзалась, но не звала его: оставался по близости Орелъ, Калуга и Екатеринославъ. Нетрудно было рѣшиться предпочесть первый изъ этихъ городовъ: театръ, каковъ ни есть, стоялъ готовый, публика, давно невкушая наслаженіи сценическихъ, навѣрно жадною толпою бросится на представленія; выборы дворянства наступали.... И Млотковскій въ Орлѣ!

Будучи членомъ дворянства орловской губерніи, успѣшилъ и я на выборы, которые начались у насъ въ первой половинѣ декабря минувшаго года. Я знакомъ съ петербургской и московской сценами, — видѣлъ все провинціальныя знаменитости, начиная съ тульской труппы до одесской (Мочалова) включительно — а потому мнѣ хотѣлось и поближе рассмотреть и повую орловскую труппу. Млотковского уже зналъ я издавна; но что вполне меня заинтересовало, такъ это новыя воспитанники и воспитанницы Императорскихъ театровъ.

Во-время выборовъ, которые продолжались до двухъ недѣль, Млотковскій ежедневно угощалъ насъ спектаклемъ. Имѣя въ виду написать со-временемъ хоть нѣсколько страницъ о нашемъ *губернскомъ* театрѣ, я набрасывалъ тогда-же репертуаръ даваемыхъ пьесъ, съ краткими отмѣтками, что проходило хорошо, а что посредственно. Этимъ-то комментариемъ я буду руководствоваться нынѣ, и Боже оборони меня отъ всякаго пристрастія или преувеличенія хорошаго или дурнаго.

Начнемъ по порядку.

Безспорно, первое мѣсто въ юной орловской труппѣ занимаетъ г-нъ *Дранше* (восп. С. Петерб. теат.), онъ-же и трудолюбивый, дѣятельный режиссёръ. Сужденіе о какомъ-либо предметѣ мы получаемъ чрезъ сравненіе его съ другимъ, ему однороднымъ, — а потому мѣриломъ дарованія Дранше я и возьму *Соленика*, — перлъ провинціального комизма, котораго случалось мнѣ видать многое множество разъ въ Курскѣ, Коренной и Ромнахъ. Итакъ, полага руку на сердце, скажу: гдѣ *Соленикъ хорошиъ*, тамъ Дранше *превосходенъ*, гдѣ *Соленикъ слабъ*, тамъ Дранше опять-таки *превосходенъ!* — Какъ прекрасно, на-примѣръ, обдуманъ и создана имъ роль *Синичкина*, отъ самаго начала и до конца ея! Довольно видѣть разъ, съ какимъ неподдѣльно-сладкимъ взоромъ Дранше взглянетъ на публику, (когда упрасиваетъ поддержать сокровище его: неогнѣннаго Лизка), чтобы вполне отдать дань справедливости этому прекрасно-созрѣвающему таланту! Въ этой роли Дранше такъ натураленъ и хорошиъ, что, если я переберу весь незначительный репертуаръ орловской сцены, то этимъ ужъ нѣсколько не прибавлю къ похваламъ ему. Въ роль *Синичкина* мнѣ случалось не разъ видать и *Соленика*. Какая безмѣрная разниа! Разсмотримъ, что дѣлаетъ изъ этой роли *Соленикъ*: съ перваго выхода и до паденія завѣса, онъ кричитъ благимъ матомъ, и машетъ, или лучше сказать, работаетъ руками, будто вѣтренная мельница въ хорошей вѣтеръ

крыльями. Синичкинъ, имъ изображаемый, не закулисный хитрецъ-проньера, а какой-то неспособный старикъ, сварливый крикушъ, котораго, удивительно, что графъ Зефировъ немедленно не велитъ вытолкать изъ своего дома. И какъ, напротивъ, хорошо постигнуть эту роль Дранше; постигнувъ, усвоивъ и передать характеръ бѣднаго Синичкина такъ вѣрно, будто подлинно Синичкинъ передъ вами.... *Синичкинъ-Дранше* входитъ къ графу точно съ шумомъ, но этотъ шумъ отъ-того, что негодяй-лакей не хочетъ пропустить его — и Синичкинъ въ крайности дерзаетъ даже силою ворваться.... Но едва узрѣвъ онъ черты «великаго мужа, покровителя искусствъ», — онъ смиряется, робѣетъ, шепчетъ уже — не говорить.... Куда кричать, какъ поступаетъ въ этомъ случаѣ Соленикъ!... Онъ боится вымолвить уже слово: *вѣдь онъ проситель!*

Хвала и честь таланту вашему, прекрасный, трудолюбивый артистъ! Вы такъ хороши были во всѣхъ исполненныхъ вами роляхъ, что не напрасно публика васъ осыпала похвалами, вызовами и аплодиссменомъ. За Дранше слѣдуютъ два брата *Максимовыхъ* (также воспитанники Импер. театровъ). Какъ старшій хорошъ въ роляхъ старичковъ-волокичь, старичковъ-простаковъ, — такъ младшій хорошъ молодымъ фертикомъ, хватикомъ, волокичьей, львомъ, словомъ, *первымъ любовникомъ*, какъ называютъ эти роли.

Старшій Максимовъ особенно понравился мнѣ «Маркизомъ» въ водев. «Мельничиха въ Марли», и «башмачникомъ Роде» въ водев. «Ножка». Младшій-же былъ очарователенъ въ «Сироткѣ-Сусаннѣ», «Ночи послѣ бала» и «Искусствѣ платить долги».

Роли драматическія занимаетъ *Крыловъ*. Это артистъ съ дарованіемъ и душою. Побольше-прилежанія и изученія ролей, и Крыловъ не далеко отсталъ-бы отъ Рыбакова, столько извѣстнаго въ провинціяхъ. До появленія Крылова на орловской сценѣ первыя драматическія роли выполнялъ Максимовъ младшій. Я видѣлъ его даже въ Гамлетѣ: прекрасно читаетъ стихи, но.... но виноватъ-ли Максимовъ? Что велитъ ему «управляющій трупною», то онъ и долженъ выполнять, по силѣ заключеннаго контракта. — Крыловъ былъ очень-хорошъ въ роли «Артиста», въ драмѣ «Жена артиста».

Слѣдуетъ оказать и о *самомъ Млотковскомъ*: и здѣсь придется, по-справедливости, повторить о немъ все сказанное г-номъ Беклемишевымъ, въ статьѣ о харьковскомъ театрѣ, помѣщенной въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», помнится, въ одной изъ книжекъ

за 1843 годъ. То-есть, что Млютковскій предприимчивый про-
жектёръ, дѣятельный и смышленный антрепренёръ, по незавид-
ный, и даже больно-плохой актёръ. Не-будучи въ состояніи
правильно и чисто выражаться по русски, онъ говоритъ какимъ-
то ломанымъ полупольскимъ, полурусскимъ, полумалороссійскимъ
наръчіемъ. — Но за то въ сценахъ бѣшеной ревности обману-
таго мужа, сумасшествія отъ любви, онъ неподражаемъ. Глаза
его, какъ дикаго звѣря, наливаются кровью, онъ весь дрожитъ,
и мимика его невольно ужасаетъ душу зрителя. Лучшая роль его
— это «Безумнаго Отца,» въ драмѣ Ободовскаго «Отецъ и дочь».

Сергеевъ (воспитанникъ С. Петербургскихъ театровъ) имѣетъ
свои хорошія роли, хотя и уступаетъ въ сценическихъ дарова-
ніяхъ юнымъ товарищамъ своимъ.

Бобровъ, актеръ съ дарованіемъ; въ «Симонъ-Сиротникъ» былъ
очень, очень хорошъ.

За-тѣмъ слѣдуетъ чернь орловской труппы; въ главѣ ея по-
ставимъ *Пилони*, зело-плохаго актера, и перейдемъ къ актри-
самъ.

Лучшею изъ худшихъ можетъ похвастаться *г-жа Крылова*, весьма,
весьма-обыкновенная актриса. Не одаренная ни блестящей на-
ружностію, ни первой молодостію, подобно окружающимъ ея
соперницамъ, воспитанницамъ петербургскихъ театровъ, Кры-
лова на-всегда однако-жъ удержитъ полный перевѣсъ надъ ними.
Какъ просто, и вмѣстѣ какъ благородно, обрисовала она харак-
теръ жены артиста, (въ піесѣ того-же названія) и вслѣдъ за
тѣмъ какою милою, игривою хохлушкой явилась въ «Москаль
Чаривникъ.» Какъ за ту, такъ и за другую піесу, публика удо-
стоила ее вызова, а намъ, любителямъ искусства, а не наружно-
сти артистокъ, пришлось только пожалѣть, почему не чаще по-
являлась она на сценѣ? Неужели въ закулисномъ мірѣ интриги
неизбѣжны?....

Д-ца Авенариусъ — съ прелестною наружностію соединяетъ за-
стѣчивость, неразвязность и робость на сценѣ. Она занимаетъ
въ водевиляхъ болѣею частію второе амплуа, напр. въ «Сирот-
къ Сусаннъ» играетъ жену Интрепида, и, подивитесь, въ слѣ-
дующій-же вечеръ выполняетъ роль Офеліи, да вѣдь не «Кузь-
миничины», а Офеліи Шекспира. Изъ воспитанницъ петербург-
скаго театра (которыя на нашей сценѣ,) она все-таки лучшая,
и въ легенькихъ водевильчикахъ, при болѣшомъ изученіи и практи-
кѣ, можетъ быть, со-временемъ, очень, очень-недурна.

Д-ца Медвѣдева — еще неразвязнѣе и неопытнѣе предыдущей.

Въ роли г-жи Пишардъ (въ водев. «Сиротка-Сусагна») и вообще въ роляхъ водевилныхъ старушенокъ, она несравненно лучше, нежели въ роляхъ молоденькихъ дѣвицъ.

Д-ца Зябкина.... Ради неба не играйте совѣмъ; если-жъ не можете отказаться отъ сцены, то перейдите, по-крайней-мѣрѣ, на другое амплуа; не берите ролей не по силамъ: вѣдь вы гораздо интереснѣе и натуральнѣй были-бъ г-жой Пишардъ, нежели самой Сусанной. Вѣдь у васъ ни манеры, ни граціозности, ни единого движенія нѣтъ этой милой, очаровательной, воздушной перри-сиротки.... Не вѣрите мнѣ, такъ станьте передъ зеркаломъ и взгляните сами на себя безпристрастно: что за кривлянья, что за жесты, что за пантомимы вы разсыпаете?... Бѣдная, бѣдная публика, если видала она Асенкову, Самойлову, Рѣпину въ этой роли!... Но за-чѣмъ указывать намъ на столичные таланты? Бѣдная, уничтоженная публика, если она видитъ насъ и послѣ д-цы Кравченковой, которая такъ недавно еще восхищала публику орловскую.

Г-жа Лисицина, которая имѣетъ смѣлость показываться иногда на сценѣ, есть не что-иное какъ движущійся автоматъ времени очаковскихъ; слышно, что она только по-необходимости выпущена была нѣсколько разъ на театральныя подмостки, а нынѣ перешла уже на болѣе приличное ей амплуа....

Появлялась и еще нѣсколько дебютантовъ, съ дарованіями и безъ оныхъ; но какъ дебютанты эти, по неизвѣстнымъ намъ распоряженіямъ «управляющаго труппой», не-смотря на лестный имъ приемъ публики, не были приняты въ составъ труппы, то, какъ непринлежащія къ орловской сценѣ, и не будутъ мной обсуживаемы (*).

Репертуаръ даваемыхъ въ Орлѣ піесъ не богатъ, потому-что и самая труппа численною весьма-умѣренна. А на женскія хорошія роли, какъ это ясно видно изъ оцѣнки дарованія актрисъ, рѣшительно не имѣется ни единой на орловской сценѣ. Не разъ пожалѣли мы о *Д-цѣ Кравченковой*, которую не напрасно обожала наша публика. О прекрасномъ-же талантѣ, о чудной игрѣ этой артистки довольно сказать, что она ученица г-жи Млотковской!

(*) Изъ дебютантокъ, видѣнныхъ мною, нѣкоторыя были-бъ очень полезны для орловской сцены; но ужели-жъ лучшія *Зябкиной* не должны быть здѣсь.

На афишахъ показалось намъ оригинальнымъ крупными литерами выпечатанное объявленіе: «и 4) Управляющій труппою честь имѣетъ извѣстить, что театръ будетъ тепелъ.»*) Снача-ла мы повѣрили было этому объявленію, и только подивились ему, но при входѣ въ залу почувствовали, что г-нъ «управляющій» пошутилъ, и пошутилъ дурно, потому-что поставилъ въ оркестръ вмѣсто тромбоновъ жельзную печь, употребляемую въ мастерскихъ, отъ которой проведенныя въ паралель съ ложами желѣзныя-же трубы, смазанныя чѣмъ-то, вмѣсто обѣщаннаго намъ тепла, производили только неприличнѣйшій чадъ.

Не рѣтали также показалась мнѣ передѣлка одного куплета въ «Синичкинѣ.» Д. Т. Ленскій заставляеть Синичкина, чтобъ похвалить «Лизка» предъ Вѣтринскимъ и публикою, пѣть куплетъ такъ:

«Она повыше Молотковской,
«Ей, съ позволенія сказать,
«Не харьковской театрѣ—московскій»
«Судьба судила украшать....

«Управляющій-же Орловскимъ театромъ недоволенъ этою похвалою; ему мало для «Лизка» сравненія съ прекраснымъ, неподражаемымъ талантомъ г-жи Молотковской, и онъ повелѣваетъ этотъ куплетъ Синичкину пѣть такъ:

«Ей стоить только поучиться;
«Такъ я ручаюсь головой,
«Что съ Зябкиной она сравнится
«И съ Авснариусъ самой.

Что-же выходитъ чрезъ эту передѣлку? — Что вмѣсто похвалы почтеннѣйшій Левъ Гурычъ ругаетъ на-поваль дочь свою, ровняя ее съ бездарной Зябкиной: —

«Такъ я ручаюсь головой,
«Что съ Зябкиной она сравнится....

Ну ужъ похвалилъ! Подумаешь, что продувной Синичкинъ на

*) Отъ первыхъ 3-хъ замѣчаній «управляющаго» избавляемъ читателей.

старости лѣтъ выжилъ изъ ума. А «управляющему» напомнимъ мы по-этому случаю старую пословицу: «Не поправляй Гомера!»

Показалось мнѣ еще страннымъ распоряженіе «управляющаго», что билеты перваго ряда кресель продаются не въ кассѣ, а «у самого.» *) А на то, чтобы получить отъ «самого» желанный Но перваго ряда, надобно имѣть протекцію.... Бѣдный степной помѣщикъ отдаленнаго уѣзда, я, какъ не имѣющій рѣченной протекціи, и не сподобился возсѣсть на *возделенномъ мѣстѣ*. — А между-тѣмъ весь первый рядъ чуть не за всѣ выборы исправно былъ пустенекъ. — И что за аферы!

Спѣшу окончить безкопечную статью. Прощайте, милые артисты и плохія актрисы! Прощай Орелъ, до новыхъ выборов!

Елецкій и Задонскій помѣщикъ Z. Z.

Елецъ, Марта 1-го дня 1845 года.

РИЖСКІЙ ТЕАТРЪ.

(Изъ письма къ Редактору.)

Хотя я и не Римлянинъ, и Римлянъ люблю нисколько не болѣе другихъ великихъ народовъ, павшихъ, совершивъ свое назначеніе, но девизъ Римлянъ: «хлѣба и зрѣлищъ», можетъ идти ко мнѣ какъ-нельзя-лучше. Гдѣ-бы я ни былъ, за чѣмъ-бы я ни былъ, когда-бы я ни былъ, вездѣ и всегда я готовъ наслаждаться зрѣлищами — въ этомъ я не могу отказать себѣ. Признаюсь, всякое зрѣлище, какаго-бы рода оно ни было; будетъ-ли это итальянская опера, или слезная драма, разыгранная кочующими актерами, или балаганный фарсъ, представленный для черни —

*) Такъ отвѣчалъ мнѣ каждый день, въ-продолженіе двухъ недѣль, кассиръ.

всѣ онѣ доставляютъ мнѣ удовольствіе, разумѣется, не въ равной степени; я очень-хорошо знаю, что отъ божественнаго наслажденія искусствами художникомъ, до нѣкотораго рода удовольствія, близкаго къ развлеченію, огромная пропасть; но все-таки наслажденіе касается удовольствія, и хоть удовольствіе есть послѣдняя и крайняя степень наслажденія, но протекаетъ отъ однихъ причинъ и изъ одного источника. Въ-самомъ-дѣлѣ, чело-вѣку, незнающему ни страны, ни города, ни жителей, ни обра-за ихъ жизни, словомъ, ничего и никого, что можетъ быть луч-ше публичныхъ зрѣлищъ и особенно театра? Тамъ онъ проводитъ нѣсколько веселыхъ часовъ, не обязанный никому за удовольствіе, знакомится съ жителями, узнаетъ языкъ, всѣ его тонкости и из-гибы, видитъ таланты, положимъ, хоть рѣдко, и если не насла-ждается, то, по-крайней мѣрѣ, чувствуетъ себя развлеченнымъ, а это уже что-нибудь да значить.

Въ Ригѣ пробылъ я нѣсколько дней; театральныя представле-нія бываютъ ежедневно, я кое-что видѣлъ, кое-что замѣтилъ и это-то спѣшу сообщить вамъ. Рижскій театръ содержится антре-пренёромъ. Прежняго антрепренера Гофмана очень хвалятъ; не могу подтвердить, въ какой степени эти похвалы справедливы, но, вѣроятно, что театръ прежде былъ въ лучшемъ положеніи, нежели теперь. Теперь рижскій театръ весьма не въ цвѣтущемъ положеніи. Зданіе театра находится въ узкомъ и особенно-гряз-номъ переулкѣ; входы и выходы темны, коридоры широки, но дурно освѣщены, самая зала велика, но удивительно-темна, такъ что надобно имѣть привычку да привычку, чтобы разсмотрѣть зрителей противоположной стороны; оркестръ хотя и составленъ изъ достаточнаго числа музыкантовъ, но плохъ, особенно замѣт-на бѣдность въ инструментахъ; но, несмотря на такое положе-ніе оркестра здѣсь часто даютъ серьезныя оперы (*opera seria*), къ немалому ужасу всѣхъ знатоковъ и любителей музыки, ко-торыхъ много въ Ригѣ. Костюмы и декорации хороши. Вотъ вамъ внѣшняя часть театра, если можно такъ выразиться; теперь по-говоримъ о внутренней и существенной части, т. е. объ испол-неніи піесъ и о талантахъ рижской сцены, если они найдутся. При мнѣ давали *Silvana*, комическую оперу великаго маэстро Ве-бера; эту оперу слышалъ я въ первый разъ и музыка, несмо-тря на ничтожное, или, справедливѣе сказать, на уродливое ис-полненіе, понравилась мнѣ до-нельзя. Это болѣе нежели комиче-ская опера, — здѣсь много частей глубоко-музыкальныхъ. Сюжетъ оперы прекрасенъ. Графъ Родольфъ (*Zahrdt*) находитъ въ лѣсу

молодую дикарку, дѣвушку, воспитанную вдали не только отъ городского шума, но совершенно вдали отъ свѣта; онъ влюбляется и приводитъ ее въ свой замокъ; тамъ блескъ и роскошь поражаютъ, пугаютъ и плѣняютъ дочь природы. Вотъ уже одна поэтическая, чудная сцена, которая могла-бы выкупить всю оперу, если-бы она сама по себѣ не была прекрасна. Роль молодой дѣвушки занимала Луиза Коблеръ, но какъ она ее поняла и, лучше сказать, какъ не поняла!... Роль трудная, это правда, но роль *благодарная*: вся пѣса основана на ней, она главная пружина, — около нея вращается все дѣйствіе... одну каплю дарованія, — и роль исполнена удовлетворительно; но тщетно искалъ я въ этой простой роли, хоть тѣнь паньнаго исполненія, хоть тѣнь граціи; все жесты, вѣчно заученные жесты, все манерность, приторная манерность, въ родѣ подлащенныхъ нѣмецкихъ суновъ, ни одной не только вѣрно-перенятой, но и понятой сцены, все — натяжка и напряженіе. Лучше всѣхъ былъ Saalbach, въ роли оруженосца; игра его дышетъ неподдѣльнымъ комизмомъ; онъ особенно смѣшенъ въ аріи 2-го акта, которую онъ поетъ съ прищѣвомъ, танцуя послѣ каждаго куплета; здѣсь онъ мастерски передразнилъ польку, представивъ ее въ каррикатурѣ: каковъ ударъ для всѣхъ поклонниковъ польки! Это не всѣмъ поправилось, а я нахожу, что здѣсь нѣтъ ничего предосудительнаго: актеру, особенно комическому, не мѣшаетъ умѣть пользоваться обстоятельствами. Weidner лучшій пѣвецъ въ оперной труппѣ; у него довольно-приятный, хоть и не-большой баритонъ; пѣетъ онъ безъ всякихъ фарбовъ и принужденія, очень-хорошо понимая, что въ его средствахъ, и что выше его средствъ. Послѣдняго никакъ нельзя сказать о г-жѣ Корроди и о г-нѣ Вайер: здѣсь вы видите уже претензіи, да еще какія претензіи!... Если Вайер первый теноръ, то, признаюсь, отъ этого любой оперѣ не поздоровится; голосъ его слабъ и плохъ, а метода пѣнія еще хуже. Хоръ хотя и не великъ, но довольно-хорошо сложенъ. Но все было-бы извинительно, если-бы они играли то, что могутъ, а то они берутся за все, и все безобразятъ ужасно; такъ на-дняхъ они *отхватили* «Норму» Беллини. Бѣдная несчастная Норма! о Беллини, достойный состраданія Беллини! когда ты создавалъ лучшее изъ своихъ произведеній, зналъ-ли ты, что его ожидаетъ такая участь?!... Рижская Норма хуже всѣхъ Нормъ, которыхъ мнѣ удалось видѣть, хотя и тѣ были очень плохи. Въ заключеніе спектакля былъ *фейерверкъ*; можетъ-быть, подумаете вы, нѣтъ, это уже старо, и вышло изъ употребленія во всѣхъ провинціальныхъ театрахъ? — нѣтъ,

въ Ригѣ вы увидите то, что въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, въ Парижѣ, занимало много головъ, а еще больше ногъ, что отъ Сены дошло до Невскихъ береговъ, гдѣ распространилось съ неизвѣстною быстротою, подобно заносной чумѣ, которая задѣла и порасшевелила спокойную Москву и даже коснулось провинцій... теперь вы уже, вѣрно, угадали—это, разумеется, полька. Да — или, лучше сказать, увѣ! я видѣлъ рижскую польку.... Это верхъ утонченной изобрѣтательности.... Были польки просто польки, польки-вальсы, польки-катильоны, польки-мазурки, а это полька — полька-фокусъ-покусъ, иначе назвать ее нельзя. Въ рижской полькѣ кавалеръ становится на одно колѣно, дама прыгаетъ ему на колѣно, и такимъ-образомъ они рисуются; потомъ кавалеръ загибаетъ назадъ руку, дама вспрыгиваетъ ему на руку, впрочемъ не всегда счастливо, потому что-этотъ туръ труденъ; кавалеръ начинаетъ ее приподнимать, потомъ становится въ позу и они снова рисуются, при свѣтѣ факеловъ; да, я и забылъ сказать, что здѣсь польку танцуютъ при свѣтѣ факеловъ: нѣсколько танцоровъ, съ зажженными факелами, тоже составляютъ группу. О мода, мода, что ты дѣлаешь?... или лучше сказать, чего ты не дѣлаешь?...

На другой день я видѣлъ драму Раупаха: *Die Schufe des Lebens*. Драма длинна и очень-скучна; сюжетъ ее напоминаетъ Гризельду: здѣсь тоже дѣло идетъ объ испытаніи женской добродѣтели. Здѣсь король переодѣвается простолюдиномъ, и проч... много разговоровъ, разсужденій, объясненій, менѣе всего естественности; но говорятъ, что пѣса заимствована изъ преданія; въ такомъ случаѣ мы молчимъ, — мы уважаемъ преданія; но все-таки если не автору, то хоть-бы актерамъ не мѣшало быть немного попатуральнѣе; но какъ быть, должно довольствоваться тѣмъ, что есть!... Публика отблагодарила вызовомъ г-жу Гофманъ и г-на Андре, стало-быть, они умѣли понравиться своей публикѣ, — чего-же больше? Въ Ригѣ есть и балеты, — балета мнѣ видѣть не удалось; оперу здѣсь любятъ болѣе всѣхъ другихъ родовъ драматическаго искусства и посѣщаютъ усердно. О мода, мода!...

М. К—ій.

ТЕАТРЪ ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВЛѢ.

Въ 1844 году труппа г. Зелинскаго, прибывши въ нашъ городъ, по обыкновению, къ Петропавловской ярмаркѣ, начала свои представленія съ 18-го іюня, и продолжая до 24 Іюля, а потомъ опять, по-случаю бывшихъ у насъ въ этомъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, дворянскихъ выборовъ, съ 20-го августа, по 3-е октября, дала пятьдесятъ-девять представленій, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Іюня

18. Двѣ женщины противъ одного мужчины; Москаль-Чаривникъ; Дивертисементъ.
19. Гамлетъ.
20. Русская Боярыня XVII столѣтія; Ночной колокольчикъ; Дивертисементъ.
21. Наталка-Полтавка; Маскарадъ въ лѣтнемъ-клубѣ.
22. Іоаннъ, Герцогъ Финляндскій.
23. Мирандолина; Комнатка съ отопленіемъ и прислугой; Пуганница.
24. Преціоза.
25. Параша Сибирячка; Два отца и два купца.
26. Двумужница (Бенефисъ г-жи Шульцъ).
27. Вотъ-такъ пиюли!
28. Материнское благословеніе; Дивертисементъ.
29. Эсмеральда; Перчаточница. (Бенефисъ г-жи Ѳедоровой).
30. Вотъ-такъ пиюли!
31. Волшебный Стрѣлокъ.

Іюля

1. Записки Демона; Покойная ночь.
3. Отцовское проклятіе; Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ; Его Превосходительство.
4. Гризельда; Домъ на Петербургской сторонѣ.
5. Женскій умъ лучше всякимъ думъ; Царство женщины; Чего на свѣтѣ не бываетъ; Гамлетъ Сидорычъ и Офелія Кузьминшица. (Бенефисъ г. Алексѣева).
6. Коварство и любовь; Дивертисементъ.

7. Наталка Полтавка; Барабанщикъ и Флейщикъ; Дивертисементъ. (Бенефисъ г. Зелинскаго).
8. Сватанье на Гончаровкѣ.
9. Бояринъ Оедоръ Васильевичъ Басенокъ; Дивертисементъ.
12. Князь Михайлъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.
13. Новый Парисъ; Жена какихъ много, а мужъ какихъ мало; Москаль Чаривникъ.
16. Иголкинъ, купецъ Новгородскій; Два купца и два отца.
18. Школьный учитель; Женихъ на расхватъ; Макарь Алексѣевичъ Губкинъ. (Въ пользу театрального оркестра).
- ✓ 19. Ямщикъ; Москаль Чаривникъ; Дивертисементъ. (Въ пользу г. Рязанцова).
23. Костромскіе лѣса; Боярская спѣсь; Дивертисементъ. (Въ пользу г. Каменскаго).

Августа

- ✓ 20. Людмила; Москаль Чаривникъ.
22. Государь избавитель; Дивертисементъ.
24. Жизнь пгрока.
27. Ревизоръ.
39. Рука Всевышняго отечество спасла.
31. Левъ Гурычъ Синичкинъ.

Сентября

1. Пятнадцать лѣтъ разлуки, или плѣнъ у Черкесовъ; Мельничиха въ Марли; Живыя картины. (Бенефисъ г. и г-жи Филимоновыхъ).
3. Женитьба; Еще купцы 3-й гильдіи
5. Дочь шута.
- ✓ 7. Украинская невѣста; Ямщикъ; Дивертисементъ.
8. Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ расчета; Полковникъ старыхъ временъ; Булочная; Дивертисементъ. (Бенефисъ г. и г-жи Жбановыхъ).
10. Майно; Ночной колокольчикъ.
12. Велизарій; Любовное зелье.
15. Гамлетъ.
16. Похождение Столбикова.
17. Уголино и Дивертисементъ.
18. Ложа 1-го яруса; Дезертеръ; Матросъ.
19. Фрегатъ Надежда; Барская спѣсь.
- ✓ 20. Сватанье на Гончаровкѣ; Царство женщины.
21. Смерть или честь; Дивертисементъ. (Бенефисъ г. и г-жи Пилови).

- ✓ 22. Цыгане; Патапка Полтавка; Дивертисементъ.
 23. Сумасшедшій отъ любви; Москаль Чаривникъ.
 24. Ломососовъ; Дивертисементъ. (Бенефисъ г. и г-жи Рыбаковыхъ)
 25. Женитьба; Гусарская Стоянка; Пуґашица.
 26. Вотъ-такъ пилюли!
 27. Разбойники.
 28. Крестная маменька; Убийца своей жены; Новички въ любви; Отелло изъ лоскутной лнши (бенефисъ г-на Алексѣва).
 30. Школьный учитель; Барабанщикъ и флейщикъ; М. А. Губкинъ (бенефисъ г-на Зелинскаго).

Октября

1. Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкины; Мельничиха въ Марли, Дивертисементъ.
2. Леста, Дибровская Русалка, часть 1-я. (Въ пользу г-на и г-жи Вилковскихъ).

Говоря вообще, не всѣ піесы исполнялись съ равнымъ успѣхомъ, да и изъ-тѣхъ-которыя шли лучше, весьма-немногія бывали выдержаны *вполнѣ*. Двѣ причины этому. — 1) Недостатокъ режиссёра; да, труппа г-на Зелинскаго не имѣетъ постоянного и опредѣленнагорежиссёра; отъ-того роли распределяются, болѣею частію, несоотвѣтственно, а исполняются всегда случайно. 2) Недостатокъ порядочныхъ актёровъ для главныхъ амплуа: такъ, между-прочимъ, въ этой труппѣ нѣтъ ни *jeune premier*, ни для ролей комическихъ стариковъ; ибо актеры, занимавшіе эти амплуа, вмѣсто доставленія публикѣ удовольствія, всякой разъ выводили ее изъ терпѣнія своимъ появленіемъ.

Теперь перейдемъ, *въ частности*, къ самому составу труппы г-на Зелинскаго. — Прежде замѣтимъ, что въ настоящее время, кромѣ артистовъ и артистокъ, составлявшихъ труппу г-на Зелинскаго, были приглашены имъ изъ Харькова: въ-первый се зонъ г-жа *Федорова*, а во второй г-нъ и г-жа *Рыбаковы*; но какъ они не принадлежатъ труппѣ г-на Зелинскаго, то я ограничусь въ отношеніи ихъ лишь упоминаніемъ о тѣхъ роляхъ, въ которыхъ они отличились. — Г-жѣ *Федоровой*, особенно удались роли: *Герцогини Екатерины* (въ «Юаннѣ Герцогинѣ Финлядекомъ»), *Гризельды* (въ піесѣ этого имени) и г-жи *Делери* (въ комедіи «Женскій умъ лучше всякихъ думъ»). Лучшими-же ролями г-на Рыбакова были: *Гамлетъ* (въ драмѣ Шекспира, по переводу Полеваго), *Гюгъ Бидсрманъ* (въ «Смерть или Честь») и *Эраръ* (въ

«Сумасшедшемъ отъ любви»); а г-жи Рыбаковой: *Майко* (въ пьесѣ Бахтурина подѣ этимъ названіемъ), *Берта* (въ «Смерть или Честь») и *Христина* (въ «Ломоносовѣ»), да въ водевилѣ «Бабушка и внучка» роль *Сусанны*. — Изъ артистовъ и артистокъ труппы г-на Зелинскаго, довольно многочисленной, я назову нѣсколькихъ, особенно того-заслуживающихъ; о прочихъ-же лучше ничего не говорить, «по правилу Карамзинскому: »гдѣ нѣтъ предмета для хвалы, тамъ скажемъ всё... молчаніемъ».

Первое мѣсто, по-всей справедливости, принадлежитъ г-ну и г-жѣ *Пилони*, за ихъ искреннюю любовь къ искусству и всегда тщательную игру. Лучшими ролями г-на Пилони были, изъ драматическихъ: *Руджіеро* (въ «Уголино»), *Жоржа-де-Жермани*, (въ 3-мъ дѣйствіи «Жизни Игрока») и *Митьки* (въ «Ямщикѣ»); особенно не удался: *Матроса* (въ пьесѣ такъ называемой *Оттона* (въ «Смерть, или Честь») и *Иванушки* (въ «Государѣ избавителѣ»). Изъ комическихъ ролей, безспорно, мастерскими были роли *Клейстера* (въ «Булочной»), *Границына* (во «Фрегатѣ Надежда») и *Третьяковскаго* (въ «Ломоносовѣ»); но объ Гоголевскія роли: *Хлестакова* (въ «Ревизорѣ») и *Кочкарева* (въ «Женитьбѣ»), а также *Вальтера* (въ «Десятиженцѣ») исполнены неудовлетворительно. — Изъ драматическихъ ролей г-жи *Пилони* болѣе пріятное впечатлѣніе оставили: *Амалии* (въ «Жизни Игрока»), *Леди Мильфортъ* (въ «Коварство и любовь») и *Герцогини Оливии* (въ «Смерть или Честь»). За-то изъ комическихъ ролей, вѣрно понята и выдержанно исполнена ею нелегкая роль *Агафьи Тихоновны* (въ «Женитьбѣ»); еще въ водевилѣ («Полковникъ старыхъ временъ») роль *Юліи-де-Креки* сыграна ею очень-мило, если и не совсѣмъ отчетливо; но въ комедіи («Женскій умъ лучше великихъ думъ») роль *Маркизы-де-Шавиньи* утрирована ею до приторности. Существенные недостатки у г-на и г-жи Пилони — физическіе, у него слабый голосъ, у нея — пришепетыванье, довольно-рѣзкое; собственныя у него — гримасы въ лицѣ, довольно-непріятныя, особенно въ мѣстахъ патетическихъ; у нея — жеманность, преимущественно нестерпимая въ роляхъ высшаго тона.

Отличительное достоинство Г. *Горева*, замѣченное и въ рѣдкое появленіе его на сценѣ,—это *благородная простота*, чуждая всякихъ принужденныхъ усилій, ради эффекта; жаль только, что это качество, не всегда достаточно уравниваемое, впадаетъ въ монотонность, доводящую иногда игру его до вялости; еще жаль, что при вѣрномъ понятіи драматическаго искусства, въ

немъ мало видно усилія совершенствоваться свой талантъ. Лучшими его ролями были русскія роли: *Ляпунова* (въ «Скопингъ Шуйскомъ»), *Иголкина* (въ пьесѣ этого названія), и *Архима Старосты* (въ собственной пьесѣ Г. Горева «Государь-Избавитель»): эта послѣдняя роль создана имъ актеромъ, также какъ авторомъ.— Неудачны были преимущественно нерусскія роли, какъ-то: *Уголино* (въ пьесѣ Подеваго), *Юстиниана* (въ «Велизаріи») и *Дюфло* (въ «Сумасшедшемъ отъ любви»).

Г. *Алексѣевъ* играетъ очень-часто и потому отъ привычки къ сценѣ получилъ ловкость, рѣдкую у провинціальныхъ актеровъ, которые вообще какъ-то связаны; онъ-же, напротивъ-того, совершенно свободно владѣетъ голосомъ и тѣлодвиженіями. Но зато въ немъ есть недостатокъ, проистекающій изъ одного-же источника, это *однообразіе*: да, во всѣхъ своихъ многочисленныхъ роляхъ онъ сохранилъ однажды принятый имъ свой характеръ, не умѣя вовсе характеризовать каждую роль соответственно ея значенію. Лучшею его ролью была *Учитель* (въ «Полковникъ старыхъ временъ»). Жаль, что роль *Подколесина* (въ «Женитьбѣ») приготовлена имъ на-скоро: онъ почти попялъ ее, но не успѣлъ усвоить себѣ. Совсе неудавшеюся ролью была *Столбикова* (въ «Похожденіяхъ Столбикова»); правда, роль сама-по-себѣ нелѣпость, такъ-какъ и самая пьеса пошла до-нелзя: но тутъ-то и дѣло истиннаго артиста—изъ ничтожной роли сдѣлать хоть что-нибудь, своимъ талантомъ поддержать пустую пьесу.

Г. *Рязанцевъ*, въ числѣ прочихъ своихъ ролей, всегда исполняемыхъ имъ обдуманно, особенно характеристически выполнилъ роли: *Галиматьяса* (въ «Школьномъ учителѣ»), *Греньчиковскаго* (въ «Ямщикѣ») и *Солдата* (въ «Москалѣ Чаривникѣ»). По участию его въ драмѣ, особенно памятно умное исполненіе имъ роли *Вурма* (въ «Коварство и любовь»).— Слабое здоровье не позволяетъ ему развивать свой талантъ, сколько-бы онъ хотѣлъ (*).

Г. *Кашельскій*, такъ много обѣщавшій въ прошломъ году, — увы! — въ этомъ, только тѣшилъ публику въ дивертисментахъ, куплетами, которые онъ поетъ точно смѣшно, иногда, впрочемъ, чрезъ-чуръ каррикатурно; но изъ множества ролей, игранныхъ

(*) Впрочемъ, онъ участвовалъ только въ спектакляхъ перваго сезона; во второмъ онъ уже выбылъ изъ труппы Г-на Зелинскаго.

имъ, онъ не выдержалъ ни одной по своимъ способностямъ, довольно-значительнымъ, которыя онъ оставляетъ въ совершенномъ небреженіи, до того даже, что, просто — никогда не знаетъ ролей.

Г-жа Филимонова на ампуа комическихъ старухъ бывала всегда въ своей сферѣ; а въ нѣкоторыхъ роляхъ, какъ на-примѣръ, *Феклы* (въ «Женитьбѣ») выходила даже изъ обыкновеннаго уровня.

Г-жа Шульцъ въ своемъ ампуа прибавила одну роль, которая всегда останется за ней: это *Марты колдуньи* (въ «Майко»). Не понимаемъ, однако-жъ, съ-чего ей вздумалось въ этомъ году претендовать на молодыя роли, какъ, на-примѣръ: *Маргариты* (въ «Иголкинѣ») и *Дуни* (въ «Государѣ-Избавителѣ»), въ которыхъ она уронила себя до-крайности.

Г-жа Вильковская (бывш. д-ца *Петрова*), д-ца *Громова* и д-ца *Волкова*, при умномъ образованіи ихъ природныхъ, довольно-разнообразныхъ способностей, могутъ быть весьма-пригодны, первыя двѣ для водевилей, а третья для малороссійскихъ ролей; до-сихъ-же поръ ихъ ведутъ на-авось и какъ-нибудь.

Г-нъ и *Г-жа Жбановы* своими танцами въ дивертисментахъ всякій разъ приводили въ справедливый восторгъ нашу публику. Особенно изящество позъ, грація движеній и вообще прелесть манеры г-жи Жбановой могутъ заслужить всегда одобреніе самыхъ строгихъ цѣнителей. — Д-ца *Чернова* со-временемъ можетъ также отличаться на этомъ поприщѣ.

Остается сказать о самомъ *Г-нѣ Зелинскомъ*, какъ артистѣ. Настоящее его ампуа чисто малороссійское; особенно-же въ роляхъ *Макогоненка* (въ «Наталкѣ Полтавкѣ») и *Чупруна* (въ «Москалѣ Чаривникѣ») онъ весьма-оригиналенъ и вѣренъ натурѣ. — Для русскихъ ролей ему мѣшаетъ и выговоръ и довольно-тяжелая фигура его.

Наконецъ не могу умолчать, что успѣхъ труппы *Г. Зелинскаго* былъ далеко не таковъ, какъ въ прошломъ году: особенно во второй сезонъ случалось давать представленія предъ десяткомъ зрителей, а одно, за неявкою вовсе зрителей, не состоялось. —

Публика наша снисходительна, но вмѣстѣ съ тѣмъ на-столько самостоятельна, что не позволить играть своей снисходительностью.

Очень жалѣю, что сегодняшнюю статью мою не могу заключить также какъ прошлогоднюю. Труппа Г-на Зелинскаго должна подвергнуться коренному преобразованію, и тогда только можетъ надѣяться на лучшій противъ настоящаго приѣмъ ея въ будущемъ году, — условіе, *sine qua non*.

==

ХАРЬКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Перемѣны въ управленіи труппой; возраженій на нѣкоторыя статьи о харьковскомъ театрѣ; оцѣнка лучшихъ артистовъ. — Замѣчанія объ оркестрѣ, репертуарѣ и бенефисахъ. —

Постомъ, 1843 года, труппа харьковскаго театра перешла отъ содержателя оной, Г. Млотковскаго, въ завѣдываніе дирекціи. Дирекція эта образовалась изъ богатѣйшихъ и значительнѣйшихъ лицъ города; составила компанія на акціяхъ, и сумма, собранная отъ продажи ихъ, была употреблена на улучшеніе зданія, труппы, репертуара, обстановки піесъ и проч. — По условію съ дирекціею бывшаго содержателя труппы, зданіе театра перешло въ полное распоряженіе ея, съ платою Г. Млотковскому ежегодно по 10,000 рублей асс. — Сумма громадная! но кто поближе разсмотрѣлъ устройство нашего театра, тотъ не подивится этой сдѣлкѣ. Театръ каменный, огромный, теплый, прекрасный; зала вмѣщающая до 1020 человекъ и приносящая въ полный сборъ до 2240 рублей ассигнаціями, по обыкновенной цѣнѣ на мѣста; (*) а въ бенефисы лучшихъ артистовъ труппы, когда

(*) Цѣна эти таковы: бель-этажъ 5 рубл., бѣнуаръ 4 р., ложа 3 р., кресло 1 р. 50 коп., стулъ 1 р., диванъ 75 к., партеръ 60 к., галлерей 30 к., *серебромъ*.

цѣны на мѣста значительно увеличиваются, сборы простираются до 3,600 рублей и болѣе. (*) Смѣшно похвастать, а ни одинъ губернской городъ не похвалится ни подобнымъ здаіемъ, ни подобной труппою. Едва дирекція вступила въ распоряженіе по театру, какъ явилось многое множество новыхъ лицъ, желающихъ служить подъ ея вѣдѣніемъ. — Не смотря на то, что нѣкоторымъ было отказано велѣдъ за дебютами ихъ, (**) труппа все-таки умножилась, очистилась, улучшилась. Снова появился даровитый Соленикъ, — знаменитый провинціальный Гамлетъ Рыбаковъ; появились и еще — или наши старые уже знакомые, или дотогѣ невѣдомые; но объ нихъ поговоримъ при численіи труппы, сказавши прежде нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ дирекціи.

Изданы были единойды навсегда для управленія труппою правила, утвержденныя Г. Харьковскимъ, Полтавскимъ и Черниговскимъ Генераль-Губернаторомъ. Заключены были съ каждымъ изъ артистовъ контракты. Въ правилахъ изложены обязанности артистовъ, кругъ дѣйствій режиссёра и вліяніе его на труппу; въ контрактахъ — сроки служенія, жалованье, бенефисы каждому изъ нихъ. — Поступившій на службу дирекціи обезпечивался довѣріемъ къ лицамъ, составлявшимъ эту дирекцію, въ вѣрности и точности своевременнаго полученія жалованія, своихъ бенефисовъ, не страшась за ходъ дѣлъ ея, какъ обыкновенно это бываетъ съ антрепренёрами, которымъ если приходитъ худо, то и труппа страдаетъ. Не далеко ходить за примѣромъ: прочтите статью о Садовскомъ, (***) какъ страдалъ и онъ въ свое время съ братіей, играя за тарелку невкусныхъ щей передъ своимъ равнымъ харчевникомъ. Я могъ-бы указать примѣръ такой и ближе.... но, что было, то-прошло — и, Богъ дастъ, не воротится!

Смѣю скажемъ: кто видѣлъ харьковскія представленія только четыре года назадъ, тотъ не узнаетъ этой сцены, не узнаетъ

(*) Заимствован о изъ отчетовъ кассира дирекціи.

(**) Въ правилахъ, изданныхъ дирекціею, для желающаго поступить на хар. сцену назначено три дебюта, послѣ которыхъ объявляется дебютанту: принять онъ — или нѣтъ.

(***) «Репертуаръ и Пантеонъ» 1843 г.

этой труппы. Давно-ли, бывало, зябнешь, или угораешь въ скучной, темной, грязной залѣ стараго театра; здѣсь дуетъ, здѣсь каплетъ саломъ.... Но забвеніе дурному; все къ лучшему идетъ — и это въ натурѣ вещей — и таковъ законъ природы; одно осталось по прежнему, одно прекрасное также прекрасно, это талантъ Г-жи Млотковской....

Приступая къ перечисленію труппы и сужденію о каждомъ изъ артистовъ нашихъ, я не могу не высказать нѣсколькихъ замѣчаній на нѣкоторыя статьи; помѣщенные въ «Репертуаръ и Пантеонъ» о харьковскомъ театрѣ. Многія изъ нихъ такъ вѣрны, что остается только съ ними соглашаться и, новою статьею, подкрѣплять святую истину сужденій ихъ; другія же невольно вызываютъ возраженіе. Досадуешь, что какой нибудь «Вральчицкій,» (*) не смысла дѣла, завернетъ единожды въ свой вѣкъ въ театръ, и не появивши и не отличивши прекраснаго отъ грязи, теснить статейку, глядишь — и напечатана она.... Для харьковскихъ жителей не опасны подобныя невѣрныя сужденія, и публика, читая ихъ, только лукаво улыбнется, постигая, что не талантъ, а личико такой или другой актрисы превозноситъ страстный юноша!.... По моему, подобныя статьи не суть рецензіи, а что-то въ родѣ сладенькихъ признаній... Опять напрасный трудъ! Хоть сто разъ напечатайте, что Ленская актриса гениальная, что талантъ ея превышаетъ таланта Г-жи Млотковской, публика наша вамъ все-таки не повѣритъ! Что Г-жа Ленская молоденькая, хорошенькая собою, очень-сносная — и то въ нѣкоторыхъ роляхъ — водевильная актриса, въ этомъ согласится съ вами цѣлый Харьковъ; — но, что она «*выше всякаго сравненія, и сравненія съ кѣмъ-бы то ни было*»....(**) ужъ въ этомъ извините! Отдадимъ ей преимущество предъ Г-жой Млотковской, что ей не за 30-ть, а развѣ только за 20-ть лѣтъ; отдадимъ ей преимущество предъ всеми остальными актрисами нашей труппы, но по совѣсти и безпристрастно скажемъ, что между Г-жами Ленской и Млотковской такая безмѣрная дистанція, такое об-

(*) См. «Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ,» гдѣ Г. Григорьевъ называетъ такъ одного изъ харьковскихъ рецензентовъ.

(**) Статья Г. «А. Д.» о харьковскомъ театрѣ, помѣщенная въ «Репертуаръ и Пантеонъ», въ книжкѣ за мартъ 1843 г.

ширное поле для изученія, котораго Ленской и до восьмидесятилѣтняго возраста не перейдти...

Лучшею и правдивою рецензiей о труппѣ харьковской сцены я признаю статью Г. Беклемишева. (*) Какъ вѣрно изобразилъ онъ въ ней талантъ Млотковской, прекрасный и рѣдкій талантъ въ сферѣ провинціального міра. Разбирая игру ея въ роли Офеліи, (труднѣйшей роли изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ піесъ,) онъ слѣдитъ за каждымъ переходомъ, за каждымъ движеніемъ этой возвышенной, прекрасной души.... И какъ естественна, и какъ прелестна Офелія наша на харьковской сценѣ; какая тихая, вѣмая грусть при встрѣчѣ съ мнимо-сумасшедшимъ Гамлетомъ, — и потомъ какое очаровательное безуміе въ самой Офеліи!... Не даромъ повторяетъ Лаэртъ:

«Мечта и печаль, и страсть, и самое безуміе въ ней очаровательны!»

Вспомните только, Гг. строгіе судьи Млотковской, то мгновеніе, когда Офелія, съ распушенными волосами, съ дикимъ безуміемъ въ глазахъ, вбѣгаетъ на сцену... Вспомните, какимъ приѣмомъ встрѣчаетъ ее публика — и постыдитесь съ нею сравнить и Ленскую, и все бывалое на сценѣ нашей!

Сказавши о рецензiи Беклемешива, какъ вѣрибйшемъ зеркалѣ лицъ харьковской труппы, помянемъ теперь и о другой, совершенно ей противоположной; статья эта помѣщена также въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ,»(**) по только много раньше.(***) Не назовемъ автора ея, потому-что не имѣемъ въ виду.....но просмотримъ каковы его сужденія о труппѣ нашей.

Объщая въ началѣ статьи своей «по-возможности вѣрную статью» о харьковскомъ театрѣ, рецензентъ судить и рядить такъ:

«Между небольшою труппою харьковскихъ артистовъ немно-

(*) Она помѣщена въ томъ-же году «Репертуара и Пантеона», въ книжкѣ за августъ мѣс.

(**) Да не сочтеть «Репертуаръ и Пантеонъ» упрекомъ это выраженіе: вѣдь самоздѣлѣ, какъ благоразумно и замѣтилъ однажды Редакторъ его, по случаю разногласицы о харьковскомъ театрѣ, не надлгать-же ему слѣдствія въ провинціи для собранія свѣдѣній, дѣйствительно-ли тотъ актеръ или та актриса хороши или дурны?—Сог. Совершенно-справедливо! Ред.

(***) Именно въ XII-ой книжкѣ за 1842-й годъ.—

гіе заслуживаютъ, чтобы говорить о нихъ, какъ объ актерахъ такихъ, которые достойны сдѣлаться извѣстными публикѣ своею игрою и своими талантами. Совѣстно умолчать о тѣхъ, которые заслуживаютъ нелицемѣрной похвалы и благодарности, но такихъ именъ очень мало — перечтемъ ихъ: Соколовъ, Ленскій, Протасова (нынѣ Ленская) еще кто? И нѣтъ больше никого!»

Далѣе: «Гг. Соколовъ, Ленскій, Дѣв. Протасова постоянно восхищали публику своею игрою, своими талантами, и публика всегда помнитъ игру Соколова*, любитъ его непринужденностью, его естественностью и постояннымъ отчетливымъ выполніемъ своихъ ролей. Соколовъ созданъ не для однихъ маленькихъ водевилей, но и для большихъ драмъ, гдѣ есть мѣсто, чтобы выказать сполнѣ свой талантъ.—(*) Конечно въ немъ не достаетъ свѣтской манеры, не достаетъ именно того, что такъ нравится намъ въ Каратыгинѣ и Мочаловѣ...» Ужъ именно, Г. рецензентъ, что въ Соколовѣ не достаетъ того, «что такъ нравится въ Каратыгинѣ Мочаловѣ, именно свѣтская манера?! —

Еще далѣе: «Ленскій прекрасный талантъ, но, къ сожалѣнію, талантъ этотъ, который подовалъ и нынѣ еще подаетъ большія надежды, портится явнымъ небреженіемъ къ своему искусству, а это происходитъ отъ того, что Г. Ленскій думаетъ больше о своей игрѣ, нежели какова на-самомъ дѣль есть она; онъ не выучиваетъ своихъ ролей, мало заботится о выговорѣ, на сценѣ фарситъ и больше размахиваетъ руками(**) и качаетъ головою, нежели дѣйствуетъ, какъ слѣдовало-бы ему дѣйствовать.»

И еще далѣе: «Тоже-самое, что сказали мы о Ленскомъ, повторимъ и о Протасовой, кромѣ того только, что Протасова не такъ самонадѣянна, какъ онъ, но и это не всегда бываетъ; за то у Протасовой прекрасная дикція и прекрасная манера.»

Теперь припомнимъ сказанное выше: Г. Рецензенту совѣстно умолчать о заслуживающихъ нелицемѣрной похвалы и благодарности,» и вотъ онъ «перечисляетъ ихъ» въ своей статьѣ. По

(*) По мнѣнію автора только въ большихъ драмахъ, слѣдовательно, можно выказать талантъ, а въ маленькихъ невозможно.. Это замѣчаніе очень важно и для артистовъ и для драматическихъ писателей, которымъ совѣтуемъ по сему писать сколь можно безконечныя драмы. *Сог.*

(**) У насъ есть актеръ, которой дѣйствительно размахиваетъ руками и кричитъ такъ, какъ будто его рѣжутъ, но только это вовсе не Ленскій.—

мнѣнію его: «Соколовъ, Ленскій и Протасова восхищаютъ публику своими талантами», и рецензентъ воздаетъ имъ «нелицемерную похвалу» такимъ образомъ: 1-е) Соколову: что въ немъ не достаетъ свѣтской манеры, — не достаетъ именно того, что такъ нравится въ Каратыгинѣ и Мочаловѣ. 2-е) Ленскому: что онъ пренебрегаетъ своимъ искусствомъ, что онъ думаетъ больше о своей игрѣ, нежели какова на-самомъ-дѣль она; что онъ не выучиваетъ ролей; мало заботится о выговорѣ; на сценѣ фарситъ и больше размахиваетъ руками и качаетъ головою, нежели дѣйствуетъ, какъ слѣдовало-бы ему дѣйствовать. 3-е) О Протасовой повторяетъ то-же, что говоритъ о Ленскомъ. — Вотъ ужъ это именно «нелицемерная похвала!!» Да помнуйте, Г. рецензентъ, чѣмъ же въ нихъ, (заключая по вашему приговору) «восхищается публика?» За что-же публикѣ быть имъ и «благодарною?» — Двое изъ нихъ, (все-же по сужденію вашему,) «не выучиваютъ ролей, фарсятъ, не заботятся о выговорѣ, размахиваютъ руками, качаютъ головой»... особенно должно быть мило и интересно, когда д-ца Протасова «качаетъ головой», которая хоть и не первая актриса въ нашей труппѣ, но и головою не качаетъ, какъ напрасно взводитъ на нее нашъ авторъ.

Какъ прочтешь да перечтешь эти «похвалы и благодарность» Соколову, Ленскому и Протасовой, такъ невольно подумаешь, что рецензентъ имѣлъ въ виду *разругать ихъ хорошенько*; иначе, какъ-же можно печатно такъ шутить надъ публикой и ручаться, что ей правятся именно актеры, «размахивающіе руками, невыучивающіе ролей, качающіе головами, не заботящіеся о выговорѣ», и проч., и проч. отрицательныя достоинства въ артистахъ... А вѣдь ей-Богу онъ хотѣлъ ихъ похвалить!

Вслѣдъ за приговоромъ объ этихъ трехъ артистахъ, рецензентъ продолжаетъ статью свою такъ:

— *Когда-то, года три тому назадъ, къ этимъ тремъ именамъ мы могли-бы прибавить еще имя Млотковской, но теперь это невозможно*... И слава Богу! однакожь позвольте: неужели три года назадъ Млотковская «качала головою, размахивала руками не заботились о выговорѣ, фарсила?.... вѣтъ, Г. рецензентъ, это не правда, — позвольте не повѣрить вамъ! Да вы и сами себѣ противорѣчите, продолжая сужденіе о заслугахъ Г-жи Млотковской, такъ: «Кромѣ одного воспоминанія о прошедшихъ удовольствіяхъ доставленныхъ намъ талантомъ Г-жи Млотковской, мы ничего не можемъ сказать; публика будетъ всегда ее помнить и всегда

будетъ ей благодарна»... А (*) вѣдь ей-Богу онъ хотѣлъ ее унижить!

Въ-заключеніе выписокъ изъ разбираемой статьи о харьковскомъ театрѣ, я представляю читателямъ еще одну, вѣрно эту статью характеризующую; пожалуйста прочтите со вниманіемъ: «Какой-то умный рецензентъ, разбирая игру этихъ актеровъ, дабы болѣе похвалить игру ихъ, напечаталъ престранную чепуху, въ которой онъ очень-хорошо показалъ, что не понимаетъ сценическаго искусства, и что поэтому не можетъ судить о немъ». — Dictum — Factum. —

Но довольно о статьѣ, авторъ которой обѣщаль вѣдь только »по возможности вѣрную«, — и поговоримъ собственно о труппѣ:

Изъ артистовъ лучшіе: Гг. Соленикинъ, Рыбаковъ, Толченевъ (3-й, актеръ С. Петербургскаго театра,) Бобровъ и Ленскій. О четырехъ изъ нихъ въ рецензіяхъ о харьковскомъ театрѣ такъ много разъ говорено, что не остается ни въ похвалу, ни въ порицаніе ничего прибавить. О пятомъ, г. Толченевъ, какъ по-вомъ лицѣ на сценѣ нашей, скажемъ... или, лучше, ничего не скажемъ, потому-что столица уже испытала его дарованіе, оцѣнила его; — въ Харьковѣ-жъ на счетъ его существуютъ различныя мнѣнія; одни, на-примѣръ, говорятъ, что онъ прекрасный,

(*) Правда. И въ доказательство приведемъ одну изъ «благодарностей», письмо, полученное нашей артисткой на другой день послѣ перваго представленія комедіи «Бой жинка», отъ извѣстнаго ревнителя просвѣщенія, основателя Харьковскаго Университета, покойнаго Василя Назаровича Каразина: «Мил. Гос., Любовь Ивановна! Пріймите отъ незнакомаго старика, который по лѣтамъ своимъ и по чувству выше всякаго пристрастія, благодарность за вашу вчерашнюю игру. Вы превосходная актриса! Вы совершенно понижаете и входите въ ваши роли. Какъ иногда плѣняете вы насъ величествомъ королевы на сценѣ, такъ умѣли вчера живописать украинскую Настю — до полнаго забвенія зрителей. Фарсу дали вы достоинство комедіи! — Имѣю честь быть съ искреннѣйшимъ почтеніемъ вашимъ покорнымъ слугою В. Каразинъ. 1842 Марта 1-го дня». (†)

И подобнаго рода благодарность, отъ подобнаго почтеннаго человѣка, гораздо-сильнѣйшимъ служитъ доказательствомъ, что Млотковская дѣйствительно прекрасная и рѣдкая актриса!

(†) Это письмо въ подлинникѣ находится въ редакціи «Рецептуара и Павтеона». Ред.

для провинціи, по-крайней-мѣрѣ, водевильный актеръ;— другіе.... но что другіе говорятъ, я не хочу рассказывать печатно. И что Толченевъ плохой, и непонимающій своего дѣла, режиссёръ — я и объ этомъ не скажу никому слова...

Г. Новиковъ, недавно-показавшійся на нашей сценѣ, очень хорошъ на *вторыхъ* роли.

Гг. Буцкій и Карабановъ сносные актеры. Г. Козловъ, *старинскій*, въ роляхъ *стариковъ* бываетъ *натураленъ*; изрѣдка— даже хорошъ.

Бывшій режиссёръ и плохой актеръ Соколовъ *изгнанъ* дирекціей. —

О статистахъ, конхъ число значительно, умолчу. —

Изъ артистокъ первое мѣсто, по-справедливости, принадлежитъ г-жѣ Млотковской. Одаренная талантомъ прекраснымъ и разнообразнымъ, она занимаетъ и амплу весьма-обширную. Гибкое и рѣдкое дарованіе ея проявляется съ равною прелестію и въ драмѣ, и въ комедіи, и въ трагедіи, и въ водевилѣ. Игра Млотковской до того обворожительна, и вмѣстѣ съ тѣмъ до того естественна и натуральна, что не найдешь въ ней ни натяжки, ни поддѣльнаго эффекта въ драмѣ, ни неумѣстныхъ выходовъ и дерзости въ водевилѣ, чѣмъ щеголяютъ другія наши артистки. Ея-жъ игра течетъ спокойно, ровно, и вмѣстѣ съ тѣмъ блеститъ такимъ воодушевленіемъ, такой артистической отдѣлкой, что трудно въ ней замѣтить какіе-либо недостатки, недосмотры; все обумано, изучено — и съ рѣдкой прелестію передано зрителю. — Главный упрекъ, который *постоянно* дѣлаетъ авторъ разсмотрѣнной статьи нашей артисткѣ, что она *стара-де для ролей молоденькихъ дѣвицъ и неизанокъ!*...(*) Но, м. г., Млотковской и те-

(*) Я говорю *постоянно* потому, что и въ послѣдующій статьѣ своей о Хар. театрѣ (См. «Репертуаръ и Пантеонъ» за 1844 годъ, книжку 2-ую,) этотъ-же самый, «*по возможности свѣрно-излагающій*» сужденія свои о харьковскихъ артистахъ, рецензентъ толкуетъ такъ: Ожиданіе перешло *въ досаду и ропотъ* публики: Млотковская — *старуха*, играетъ роль 17-ти лѣтней дѣвицы, — какая сообразность!... *Льта*, наружность, костюмъ и *все прогее*, казалось, вооружилась противу *никогда* любимой публикою артистки; не встрѣтила уже Млотковская, какъ было *въ прошлые годы*, — *годы ея цвѣтущей молодости* — искренняго радужія, громкаго рукоплесканія и общаго изъявленія восторга... И потомъ далѣе: «Поднялась зававѣсь для 2-го акта, на сценѣ 50-ти *лѣтняя* Софія Петровна (ком.— водев. 17 и 50 лѣтъ); сказала два, три слова, и громъ рукоплесканій заглушилъ ея слова.

перь едва-ли есть тридцать-пять лѣтъ! Но что намъ еще пужды до лѣтъ ея, когда она вполне прелестна, вполне сохранила всю живость, легкость, свѣжесть юности! Да и скажите сами безпристрастно: кто лучше ея въ этихъ роляхъ на сценѣ нашей??

Я помню, что мнѣ удалось читать въ «Репертуарѣ Русскаго Театра» (8) о французской актрисѣ де-Бри, которая на 65-мъ году

Намъ *кажется*, и мы не ошибаемся, что Млотковская въ настоящемъ случаѣ ужъ подлинно была *въ своей роли*; костюмъ, выраженіе лица, походка, ву, словомъ, все производило неподдѣльный эффектъ; она *восхищала публику, и публика была ей благодарна*. — А вѣдь ей Богу онъ хотѣлъ ее увнзить!! — Но ужъ рѣшившись и изъ этой статьи выписать хоть нѣсколько строкъ, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать на нихъ маленькія возраженія: 1) Что Млотковскую публика *никогда* не встрѣчала и не встрѣчаетъ *съ досадой и ропотомъ*. 2) Что удивленіе автора при встрѣчѣ нашей артистки въ роли 17-ти-лѣтней дѣвочки вовсе *исулывлено* и *неправдоподобно*, потому-что Млотковская постоянно занимала и занимает во всѣхъ пьесахъ эти роли; такъ на-прим.: Сиротку Сусанну, Польвику (въ «Новичкахъ въ любви»); Луизу (въ «Узкихъ башмачкахъ»); Лизу (въ «Ножкѣ»); Лёлева (въ «Гусарской стоянкѣ»); въ «Невѣстѣ рѣки»; въ «Невѣстѣ изъ провинціи»; въ «Мериносѣ»; въ «Комедіи съ ядюшкой»; въ «Первомъ дебютѣ»; и проч. и проч. — 3) Что напротивъ г-жа Млотковская и въ этотъ вечеръ, какъ и очень часто, можно сказать всегда, была прекрасно принята публикой и нѣсколько разъ вызвана; слѣдов., правильнѣе-бъ было выразиться автору статьи, что Млотковская *только одному ему не понравилась*, а не публикѣ, которая умѣетъ цѣнить ея прекрасный талантъ. 4) О лѣтахъ, наружности и костюмѣ скажемъ, что Млотковская одѣвается на сценѣ съ изяществомъ и лучше всѣхъ изъ харьковскихъ артистокъ; что наружность ея прекрасна и не только не дисгармонируетъ съ ея ролями, но, скрадывая лѣта, невольнo плѣняетъ зрителя. — 5) И я не понимаю даже требованій автора въ этомъ случаѣ; онъ негодуетъ, на то, что Млотковская явилась въ роли 17 лѣтней дѣвочки, что *она-де стара!* Но играй роль эту молоденькая актриса, онъ также негодовалъ-бы и на нее, потому-что она была-бы *молода* для 2-го акта, гдѣ представляла-бъ женщину въ 50 лѣтъ. — Но неужели-жъ, чтобъ вѣрно передать характеръ изображаемаго лица, актеръ или актриса непременно должны быть тѣхъ лѣтъ, какими выведены самыя дѣйствующія лица авторомъ? — По этому старика въ пьесѣ — долженъ неминуемо играть старикъ—актеръ; дѣвочку — дѣвочка актриса; злодѣя — какойнибудь злой человѣкъ, — а дурака — дуракъ?... Думаю, что если-бъ такъ обставить нашу сцену, строгій рецензентъ нашъ тѣмъ остался-бы доволенъ. —

(*) См. книжку IV, за 41-й годъ, отдѣл. Мозанки, 97-ю стр.

отъ рожденія выполняла роль 16-ти лѣтней Агнессы, (въ комедіи *l'École des femmes*,) и въ этомъ не находили никакой иллюзіи. И я вполне вѣрю тому, потому-что вѣрю въ *требованія* «Репертуара» отъ актрисы, что-бы она была натуральна въ роляхъ молоденькихъ дѣвицъ, хотя въ жизни дѣйствительной была-бъ и не 16-ти лѣтъ. Вотъ что въ указанномъ мѣстѣ говорить объ этомъ «Репертуаръ»: —

«На театральныхъ доскахъ не та молода, которой отъ роду «восемнадцать лѣтъ, но та, которая, существуя болѣе полвѣка, «одарена пріятнымъ, чистымъ голосомъ, стройнымъ станомъ, а «главное — душою, принимающею все впечатлѣнія ролей, исполняемыхъ ею; это дары природы. Но если артистка дары «свои украситъ наукою, искусствомъ, смѣло предсказываемъ ей «вѣковую юность на театрѣ.»

Но, разумѣется, придетъ пора, когда Млотковская оставитъ сцену, да эта пора, къ счастью, настанетъ еще нескоро, очень нескоро. — Сколько прекрасныхъ, лучшихъ ролей сгинетъ тогда; сколько пьесъ вычеркнется изъ нашего репертуара! Ужели-жъ послѣ нея какая-либо изъ провинціальныхъ знаменитостей осмѣлится сыграть на харьковской сценѣ *Сусанну* или *Офелію*, *Эсмеральду*, *Біанконелли* или *Веронику*?! Истинный любитель прекраснаго вздохнетъ при этой мысли; порадуетъ развѣ *закулисная тля*, что сдѣлается *нѣсколько замѣтливый* безъ Млотковской, *повысится мѣстечкомъ*, и изъ обширнаго и многосложнаго репертуара ея, схвативъ какую-нибудь себѣ рольку, воскликнетъ: «Теперь и я *хорошая актриса*: я занимаю роль Млотковской!» Грустная мысль!...

За Млотковской слѣдуетъ г-жа Федорова, артистка съ прекраснымъ драматическимъ талантомъ. Одаренная красивою наружностію, виднымъ ростомъ и осанкой, она, кажется, создана для нѣкоторыхъ ролей. Федорова не была въ труппѣ нашей постоянно, но, ангажированная на тридцать представленій, по истеченіи контракта оставила харьковскую сцену и, какъ слышно было, *навсегда*. Въ этотъ недолгій промежутокъ времени, когда Федорова блистала драматическимъ талантомъ своимъ на нашей сценѣ, зародилось между ею и Млотковской какого-то рода соперничество. Результатъ его былъ тотъ, что, желая уронить во мнѣніи публики нашу первую артистку, пріѣзжая къ намъ гостя только возвысила ее. Публика апплодировала г-жѣ Федоровой, но появлялась на сцену Млотковская — и перевѣсъ всегда оставался на сторонѣ послѣдней. Впрочемъ, поставивши

талантъ г-жи Федоровой ниже таланта г-жи Млотковской, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отдавши должную справедливость и пріѣзжей артисткѣ, думаемъ, что тѣмъ нисколько не оскорбимъ самолюбія ни той, ни другой: Федорова все-таки прекрасная актриса, но Млотковская все-таки лучше ея! —

О г-жѣ Ленской можно сказать, что при постоянномъ изученіи ролей и при вѣрномъ служеніи искусству, изъ нея, со-временемъ, можетъ выйти хорошая водевильная актриса. Имѣя прекрасную наружность для сцены, — «стройный ростъ, гибкій станъ, 17-ти-лѣтній возрастъ,» — какъ писалъ о ней, нѣкогда, нѣкій харьковскій рецензентъ (*), — Ленская пользуется постоянной, даже *не по заслугамъ*, благосклонностію публики. — Цѣните это вниманіе, милая артистка, и двигайтесь смѣлѣй впередъ на избранномъ вами поприщѣ. У васъ много природныхъ дарованій; упрочьте, украсьте ихъ изученіемъ. Предсказываемъ вамъ успѣхъ, потому-что въ васъ проблескиваютъ искорки прекраснаго; вы не *бездарная, безталантная Бошковицъ*, изъ которой ужъ никогда ровно ничего не выйдетъ!

Г-жа Рыбакова замѣчательна болѣе какъ оперная актриса. Она имѣетъ гибкій, звонкій, чистый голосъ, и въ послѣднее время, когда публику нашу такъ часто угощали кое-какими операми, Рыбакова на этомъ поприщѣ пріобрѣла себѣ нѣкоторую извѣстность.

Г-жи Соленикъ и Бардакова ца *второе амплуа* очень-хорошія актрисы.

Д-ца Орлова изрѣдка *сносна*.

Но *самая несносная* на нашей сценѣ это — д-ца Бошковицъ, выписанная, будто рѣдкость, изъ *хористокъ* петербургскаго театра. Боже правый! что за игра, — что за нѣнье, — что за голосъ! Вотъ и молоденькая, и очень-хорошенькая собою актриса, а согласится-ль публика увидѣть ее въ роляхъ г-жи Млотковской? — Ужъ, вѣрно, нѣтъ! Но ради хотя маленькаго уваженія къ публикѣ, не играйте, совсѣмъ не играйте на сценѣ нашей! У насъ и безъ васъ найдется много актрисъ; поѣзжайте себѣ куда угодно — хоть опять въ Петербургъ, гдѣ о васъ, какъ вы рассказываете, плачутъ. Что за охота слушать вамъ каждый разъ одно и то-же шиканье? Вѣдь кромѣ васъ не шикаютъ въ театрѣ нашемъ никому, ни послѣдному даже хористу! И съ такою-то

(*) См. статью «А. Д.» о харьковскомъ театрѣ, въ книжкѣ за мартъ 1843 г.

бездарностію, безталанностію пужно-жъ выпрашивать вамъ роли не по-силамъ, портить ихъ — въ то время, какъ каждая изъ поименованныхъ мной актрисъ, была-бы лучше, да во сто разъ лучше васъ! Ну какая вы «хороша и умна,» вы развѣ «глупа и дурна» (*) въ этой роли, впрочемъ, правду говорить, какъ и

Что дѣвица Бошковичъ показывается въ роляхъ не по-силамъ (**), въ томъ виноватъ режиссёръ.

Оркестръ довольно-значителенъ для провинціального театра, но дирижёру должно посоветовать побольше заниматься имъ.

Репертуаръ харьковской сцены содержитъ до 500 пьесъ, но повторяются пьесы однѣ и тѣ-же. Случается, что въ теченіе мѣсяца раза три сыграютъ какой-нибудь водевиль; хотите знать причину? Режиссёръ хорошъ въ немъ!

Лучшими спектаклями подчуютъ насъ бенефицианты, не всё, разумѣется, но ужъ такъ заведено, что въ бенефисы театръ полонъ. И полная благодарность публикѣ, которая поощряетъ заслуженныхъ артистовъ. Нѣкоторые изъ бенефициантовъ, чтобы привлечь на свой спектакль публику, довольствуются выставкою на афишѣ своего имени; другіе-же, не надѣясь на расположеніе публики къ себѣ, чтобы заманить ее, прибѣгаютъ къ пышнымъ общашіямъ, въ подобномъ родѣ: «Въ пользу *N. N.*, въ первый разъ по возобновеніи, Панъ Твердовскій, волшебная опера въ четырехъ дѣйствіяхъ; музыка соч. Верстовскаго, съ принадлежащими къ ней: хорами, полетами, превращеніями и пожаромъ, разрушающимъ замокъ Твердовскаго, декорации все писаны вновь г-номъ Кантессини; машины, разливъ озера, затопляющій всю

(*) Бошковичъ прескверно играетъ роль «Надинька,» въ водев. «Хороша и дурна, и глупа и умна.» Мнѣ случилось видѣть въ этой роли незабвенную Надежду Васильевну Рѣшну, которая всегда *веселенькая* вбѣгала, напѣвая: «Придетъ твоя пора, любезная подружка!» и проч. — Да-же Бошковичъ выходитъ на сцену, въ этой роли, какъ-бы согбенная горемъ и съ препостною физиономіей, что вовсе не согласно съ характеромъ беззаботной, наивной Надиньки. —
во всѣхъ прочихъ. —

(**) Такъ наприм. не по силамъ явилась Бошковичъ въ «Кетли,» и всегда *умертвила* это прелестное дитя Швейцаріи.

сцену, катакомбы, фейерверкѣ и проч. устроены 2-номъ Брейшомъ.» — или: «Въ пользу Н. Н., по возобновленіи въ первый разъ: Илья Богатырь и Соловей разбойникъ Муромскіихъ льсовъ. Большая волшебная опера съ четырехъ дѣйствійхъ: съ хорами, полетами, машинами, чудовищами, превращеніями, сраженіями и декорациями, писанными, 2-номъ Кантессини, изображающими: утесы, которые превращаются въ пропасти, подземную великолѣпную галерею въ восточномъ вкусѣ, лѣсъ, гнѣздо Соловья Разбойника на двѣнадцати дубахъ, и чудовище, обхватывающее гигантскими лапами лицъ, наполняющихъ сцену; машины, превращенія и полеты устроены 2-номъ Брейшомъ,» и тому подобное (*). Бельэтажъ и кресла не вѣрятъ этимъ объявленіямъ, за то раекъ, партеръ и верхній ярусъ ложъ спѣшатъ полюбоваться, какъ «озеро затопитъ всю сцену?» — или какъ «чудовище обхватитъ гигантскими лапами лицъ, наполняющихъ сцену?... — Лучшими же бенефисами угощаетъ публику г-жа Млотковская: она не выбираетъ ни «Твардовскихъ», — ни «Богатырей», — ни «Русалокъ», — а бенефисъ ея всегда полнѣе другихъ. Это отъ-того, что она заслужила довѣріе всѣхъ классовъ публики — и высшаго, и средняго, и низшаго. За-то и на афишахъ ея вы не встрѣтите приведенныхъ выше пышныхъ объявленій-вывѣсокъ; за то и театръ ломится отъ посѣтителей; за то и публика всегда ей остается благодарною.

Оканчивая этимъ статью, покорнѣйше прошу гг. издателей «Репертуара и Пантеона» помѣтитъ ее въ одной изъ своихъ книжекъ. Быть-можетъ, что нѣкоторые замѣчанія мои и пригодятся для харьковской труппы, тѣмъ-болѣе, что единственною моею пѣлю было истинное желаніе добра и лучшаго для нашей сцены. Прочтутъ — и, можетъ-статься, и въ заглавіяхъ афишекъ поостерегутся вздоромъ, — и дирижёръ музыки займется оркестромъ, — и режиссёръ не захочетъ въ одной и той-же пьесѣ восхищать публику, — и д-ца Бошковичъ оставитъ притязанія на способности артистки, — и пишущіе о харьковскомъ театрѣ немножко устыдятся *кривосудствовать*.... Хотя я и не берусь исправить всѣхъ, — хоть и въ моей рецензій, быть-можетъ, много

(*) Такія продѣлки весьма смахиваютъ на извѣстныя выходки паяцовъ, которые, выскакивая на балконы балагановъ, машутъ колпаками, коверкаются, ломаются, выкидываютъ разныя штуки, и все для того, чтобъ заманить проходящихъ.

промаховъ, — по такъ-и-быть, пусть мнѣ укажутъ ихъ — и съ благодарностью приму я замѣчанія каждаго. Хотя и шестой десятокъ доживаю, а учиться все непоздно....

Харьковскій старожилъ,

W. W.

✓ 1845 года, Января 29 дня.

АСТРАХАНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ на страницахъ «Репертуара и Пантеона» стали являться статьи объ астраханскомъ театрѣ, мы отъ-души благодарили редакцію этого прекраснаго изданія за ея доброе дѣло — передавать своимъ многочисленнымъ читателямъ статьи о провинціальныхъ театрахъ. Подобныя статьи необходимы для каждаго театра, тѣмъ болѣе для астраханскаго; ибо у насъ, въ Астрахани, очень-мало цѣнителей таланта. Несходство мнѣній, понятій и вкуса очень-часто заставляютъ нашихъ артистовъ смотрѣть на свое искусство съ превратной точки зрѣнія, не понимать своего настоящаго назначенія и блуждать, подобно Тезею, въ лабиринтѣ несправедливой похвалы и брани, гдѣ нитью Аріадны можетъ имъ служить одна только печатная критика. И какаго-бы рода ни была подобная критика, по польза ея очевидна. Критика есть необходимая вещь для артиста, и чѣмъ она будетъ строже, тѣмъ болѣе она будетъ ему полезна. Безъ сомнѣнія, многіе возразятъ, что строгая критика можетъ убить едва начинающій развертываться талантъ и уничтожить зародышъ прекраснаго въ душѣ артиста; — нѣтъ, неправда; истинный артистъ пойметъ свои недостатки, исправится отъ нихъ, и справедливой критикѣ отдастъ должное; но если она несправедлива и строга, то въ такомъ случаѣ самолюбіе артиста не должно страдать; онъ, сознавая свои силы и повѣряя ихъ съ мнѣніемъ критики, глядитъ на нее, какъ на ошибку, и всеми силами мипостарается доказать ложный взглядъ ея. Стало-быть, она дастъ ему средства развернуть

свои силы и съ рвеніемъ исполнять свои обязанности. Но когда критика, видя достойнаго артиста, похвалить его, то это, по нашему мнѣнію, лучшая плата дарованію: должному-должное. Для бездарности-же критики не существуетъ.

Итакъ мы будемъ строги и справедливы. И если редакція «Репертуара и Пантеона», будетъ такъ добра, что приметъ на листки своей «Лѣтописи» нашъ краткій отчетъ объ астраханскомъ театрѣ за прошлый 1844—45 театральный годъ, то мы и впередъ объщаемъ ей, держась своего правила, присылать, по-возможности, статьи объ успѣхахъ нашей астраханской сцены. (*)

Начнемъ съ самого содержателя театра Г. Воробьева. Какъ антрепренёръ, онъ заслуживаетъ полное порицаніе со стороны публики за свое дурное управленіе театромъ и за безтолковую обстановку піесъ. У него одна цѣль: взять деньги, а что публика увидитъ, на то онъ и смотрѣть не хочетъ. Мы не требуемъ отъ него такихъ піесъ, на обстановку которыхъ надо издержать большую сумму, и очень-хорошо знаемъ, что собственныя средства здѣшняго театра не позволяютъ этого, но обстановка легкой драмы и водевиля не требуютъ большихъ издержекъ, имъ нужно необходимое, на примѣръ: правильная раздача характеровъ, твердость ролей, хотя небогатый, но приличный костюмъ, какъ можно болѣе репетицій и строгая внимательность къ принадлежностямъ піесы. Всего этого лишена наша сцена. Роли раздаются какъ ни пошло, и болѣею частию *на-высѣз*, а не по характеру актера. Большія роли отдаются лучшимъ артистомъ, а маленькія худшимъ, которые портятъ все безъ исключенія. И отъ этой неправильной раздачи характеровъ болѣшая часть піесъ на нашей сценѣ погибаетъ безвозвратно. Примѣръ тому драма *Русская Боярыня*. Паденіе ея, благодаря бездарности Г-жи Гуллевои, которой была дана роль Боярыни, — выше всякаго описанія. Репетицій піесамъ, какъ видно, бываетъ очень-мало, и наши артисты во время спектакля, при незнаніи своихъ ролей, очень-часто берутъ на себя званіе импровизаторовъ и, безъ зазрѣнія совѣсти, угощаютъ публику такими фразами, которыхъ нельзя слушать безъ отвращенія. Кромѣ того, отъ нетвердости ролей господъ артистовъ, нескромная головка суфлера часто выльзаетъ изъ своей кануры и начинаетъ читать піесу во всеуслышаніе, къ крайнему удовольствію артистовъ и къ невыразимому неудовольствію пуб-

(*) Будемъ печатать съ удовольствіемъ и благодарностью. Ред.

лики, потому что пока актеръ или актриса, послѣ продолжительной паузы, рѣшится высказать какую-нибудь фразу, публика уже ее слышала раза три изъ устъ неговорящаго лица, т. е. суфлера. Причина всему этому — Г. Воробьевъ. Его обязанность не давать пѣссы до-тѣхъ-поръ, покуда она будетъ твердо выучена и хорошо сренетирована: тогда и на посредственность публика будетъ смотрѣть не отворачиваясь и, безъ всякаго сомнѣнія, наградитъ антрепренѣра за его стараніе. Повѣрить этому Г. Воробьевъ можетъ отъ-души, точно такъ-же, какъ публика отъ-души благодарила и наградила его за удачную постановку драмы: *Материнское Благословеніе* и нѣкоторыхъ водевилей. Какъ актеръ, Г. Воробьевъ довольно-порядочно исполнилъ роль *Галиматьяса* въ водевилѣ *Школьный учитель*, и *Шамприго*, въ водевилѣ *Бабушка и Внушка*; а всѣ другія роли исполнялъ одинаково-дурно. Онъ первый въ труппѣ ни когда не знаетъ своихъ ролей и нуждается въ помощи суфлера болѣе, чѣмъ другіе. Примѣръ довольно-дурной и заразителной для его артистовъ.

Г. *Соколовскій* — первый актеръ здѣшняго театра. У него есть дарованіе и любовь къ своему искусству. Каждую, даже самую ничтожную роль, онъ выучиваетъ твердо, и создавая характеръ, передаетъ его публикѣ умно, благородно и, главное, безъ фарсовъ. За это многіе не любятъ и бранятъ его. И вотъ доля артиста! Вотъ понятія объ искусствѣ!.... Главное достоинство игры г. Соколовскаго — простота и натура, и мы, видя его почти годъ въ одиѣхъ и тѣхъ-же роляхъ, готовы были упрекнуть его въ однообразіи, но онъ умѣлъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, опровергнуть нашъ упрекъ и выказать свой талантъ въ полномъ блескѣ. Пересчитавъ комическія роли, которыя онъ сыгралъ въ 1844 — 45 году, мы удивляемся дарованію г. Соколовскаго. Сколько разнообразія, души и чистаго, веселаго юмору было въ игрѣ его. Лучшими его ролями были: *Эдуардъ* въ вод. «Артистъ» *Жано Бижу*; въ вод. «Любовное Зелье», *Иванъ*, въ вод. «Гусарская Стоянка» *Пьерро*, въ драмѣ «Материнское Благословеніе», *Губкинъ*, въ вод. «М. А. Губкинъ», *Грипонъ*, въ вод. «Скряги въ тискахъ», *Субботинъ*, въ вод. «Домъ на Петербургской сторонѣ», *Жовіаль*, въ вод. «Стряпчій подъ столомъ», *Леду*, въ вод. «Зятюшка», *Губкинъ*, въ оперетѣ «Студентъ, Артистъ», *Чечеткинъ*, въ вод. «Харьковскій женихъ», *Прыщокъ*, въ водевилѣ «Въ людяхъ ангелъ не жена», *Оховъ*, въ вод., «Хочу быть Актрисой», *Волчокъ*, въ вод. «Настинька», *Русланъ*, въ вод. «Еще Русланъ и Людмила», *Огрызковъ*, въ

вод. «Путаница, *Дюкре*, въ вод. «Карета», *Дезире Корбо*, въ вод. «Школьный учитель», *Жанъ Диранъ*, въ вод. «Воспитанникъ Любви», *Мальардъ* въ вод. «Двѣ Женщины», *Вербуа* въ вод. «Желтые перчатки», *Пауъ*, въ вод. «Дезертеръ» и проч. проч. И всѣ эти роли исполнены были прекрасно; очень жалѣемъ что не можетъ сказать того-же и о драматическихъ роляхъ г. Соколовскаго. Въ драмѣ онъ не на своемъ мѣстѣ, и хотя роли: *Симона*, въ вод. «Симонъ-Сиротинка», *Владимира*, въ драмѣ: «Кремневъ» и *Каспара*, въ драмѣ «Каспаръ-Гаузеръ», исполнены имъ были очень-порядочно, но мы, любя и уважая талантъ г. Соколовскаго, отъ-души посоветовали-бы ему не играть драматическихъ ролей. Онъ еще очень-молодъ для нихъ и онъ не по-силамъ ему.

Г-нъ Залѣвскій — актеръ необходимый для здѣшняго театра. Играетъ все, что ни попало, и *Цампу*, и *Гамлета*, и *Лиру*, и *Филатку* и поетъ въ девертисманахъ;—чего-же болѣе? Но какъ все это исполняетъ — мы умолчимъ, тѣмъ болѣе, что онъ очень-удачно исполнилъ роли: *Милостиваго государя*, въ вод. «Покойная Ночь», *Бернарда*, въ вод. «Барабанщикъ», *Удалаго*, въ драмѣ: «Людмила.» За эти роли мы прощаемъ ему и совѣтуемъ оставить въ покоѣ *Лиру*, *Гамлета* и т. п., учить тверже свои роли и не брать на себя такихъ, которыя къ нему вовсе не идутъ. Мы года три тому назадъ видѣли г-на Залѣвскаго въ роли *Губкина* въ опереттѣ: «Студентъ, Артистъ», и признаемся, увидавъ, г-на Соколовскаго въ этой-же роли, замѣтили, что г-нъ Залѣвскій былъ въ ней дуренъ до нельзя. Онъ былъ не лихой петербургскій студентъ-артистъ, а какой-то подгулявшій *моншеръ* въ потертомъ сюртукѣ.

Г-нъ Ивановъ — бучъ астраханскаго театра, фарсеръ высшей степени. Нѣтъ ни одной роли изъ его репертуара, которой-бы не испортилъ онъ своимъ неумѣстными фарсами и площадными выходками. Но, къ несчастію своему, онъ довольно-удачно сыгралъ роль *Антоненёра*, въ вод. «М. А. Губкинъ».

Г-нъ Григорьевъ, занимая амплуа молодыхъ любовниковъ и имѣя небольшія способности, могъ-бы быть довольно-порядочнымъ и необходимымъ для здѣшняго театра актеромъ, но страсть являться на сцену не въ своемъ видѣ губитъ его. Онъ и г-нъ Ивановъ близнецы по своей страсти. Изъ всѣхъ ролей своихъ г-нъ Григорьевъ очень-хорошо исполнилъ роль: *Дроздовскаго*, въ вод. «Жена всему дѣлу вина»

Изъ остальныхъ второстепенныхъ, третьестепенныхъ и не-степенныхъ актеровъ астраханскаго театра, мы назовемъ только

двухъ, достойныхъ вниманія: это гг. *Павловъ* и *Сергѣевъ*. У нихъ есть способности и нѣтъ страсти къ фарсамъ. Дѣло хорошее! Пусть идутъ по избранному пути прямою дорогою, не унижая благородное званіе артиста до ремесла уличнаго паяца, и, навѣрное, не останутся позади. Гг. *Петровъ* (*), *Гусевъ*, *Лавровъ*, *Соловьевъ*, *Пруцковъ*, *Лабутинъ*, — вѣчные труженники, а толку въ нихъ не будетъ!

Теперь перейдемъ къ актрисамъ:

Г-жа Соколовская, безспорно, должна занять первое мѣсто между здѣшними актрисами; за прекрасное исполненіе роли, *Маріи*, въ драмѣ «Материнское благословеніе». Эту роль она исполнила превосходно. Каждое ея слово, каждое движеніе изобличали въ ней артистку, которая поняла и создала свою роль какъ нельзя лучше. Также роли: *Розы*, въ вод. «Графъ-Литграфъ», *Сециліи*, въ вод. «Креоль и Креолка», *Ожовой*, въ вод. «Хочу быть актрисой», *Сусанны де-Мюрвилъ*, въ вод. «Бабушка и Внушка», *Аннеты*, въ вод. «Его Превосходительство», *Полковника* въ вод. «Полковникъ старыхъ временъ», и т. п. сыграны ею прекрасно. Только жаль, что голосъ ея очень-слабъ и много вредитъ ей въ пѣніи. Но при благородной игрѣ своей, она твердо выучиваетъ свои роли, и, имѣя хорошую наружность, обладаетъ достоинствомъ, котораго нѣтъ у нашихъ актрисъ, это — умѣнье одѣться со вкусомъ. И мы въ каждой новой роли открываемъ въ г-жѣ Соколовской новыя достоинства. Доказательствомъ тому можетъ служить то, что она въ короткое время сдѣлалась любимицей здѣшней публики.

Г-жа Надежина. Очень-хорошая актриса въ роляхъ старухъ, мамушекъ, кухарокъ и т. п. Но она оставила здѣшній театръ вмѣстѣ съ *г-жою Петровой*, актрисой не слишкомъ замѣчательной.

Г-жа Львова. Имѣетъ порядочный голосъ, но сценическихъ способностей въ наличности у нея не оказывается. Могла-бы съ успѣхомъ исполнять роли, подобныя *Ильинишны* въ драмѣ «Русская Боярыня», но у нея есть страсть являться въ роляхъ молодыхъ дѣвушекъ, и она много этимъ теряетъ. Для подобныхъ ролей она очень-тяжела, потому-что онѣ требуютъ того, чего у г-жи Львовой вовсе нѣтъ, а если и было, то лѣтъ 30 тому назадъ.

(*) Онъ уже отошелъ отъ здѣшняго театра.

Г-жа Третьякова — по она, къ общему удовольствію публики, оставила театръ.

Г-жа Гулева — играетъ много, а пользы искусству и удовольствію публикѣ приносить мало.

Г-жа Дмитріева, роли субретокъ, молоденькихъ барышень и т. п. исполняетъ съ толкомъ, съ разстановкой, но, увы! безъ чувства.

Г-жи Вятроцынская и *Лисицына*, безобразныя маріонетки и восторженныя представительницы хора и народа.

Теперь нѣсколько словъ о дирижорѣ здѣшняго театра, г-нѣ *Михайловѣ*. Страніемъ его здѣшній театральнй оркестръ сталъ замѣтно поправляться. И кромѣ того, мы въ нѣсколькихъ водевіяхъ встрѣчали новую музыку, аранжированную и исполняемую довольно-удачно. Этого прежде мы не встрѣчали и потому отъ-души радуемся этому улучшенію и благодаримъ г. Михайлова.

Новыхъ декораций и костюмовъ мы не видали на здѣшней сценѣ въ прошедшій 1844—45 годъ. Что-же касается до репертуара, то онъ замѣтно улучшился въ прошедшемъ году. Вотъ краткій перечень новыхъ піесъ, игранныхъ на здѣшней сценѣ въ 1844—45 году.

ДРАМЫ:

1. Русская Боярыня, въ 1 д. Огромное паденіе.
2. Сцены въ Москвѣ, въ 2 д. Паденіе.
3. Каспаръ-Гаузеръ, въ 4 д. Посредственнй успѣхъ.
4. Материнское благословеніе, въ 5 д. Ни одна драма на здѣшней сценѣ не имѣла такого успѣха: — онъ былъ колоссальный.
5. Князь Серебряный, въ 4 д. Паденіе.
6. Преступленіе, въ 3 д. Паденіе.

КОМЕДІЯ.

7. Маскарадъ при Людовикѣ, въ 3 д. Небольшой успѣхъ.

ВОДЕВИЛИ:

8. Задушевные друзья, въ 1 д. Посредственный успѣхъ.
9. Графъ-Литографъ, въ 1 д. Полный успѣхъ.
10. Актеръ, въ 1 д. Паденіе.
11. Волшебное кукареку, въ 5 д. Не имѣлъ успѣха.
12. Комнатка съ отопленіемъ и прислугой, въ 1 д. Успѣхъ.
13. Школьный учитель, въ 1 д. Успѣхъ.
14. Покойная ночь, въ 1 д. Какъ фарсъ для райка, имѣлъ успѣхъ.
15. Бабушка и внучка, въ 1 д. Успѣхъ.
16. Еще Русланъ и Людмила, въ 1 д. Полный успѣхъ.
17. Все для дѣвочекъ, въ 1 д. Не имѣлъ успѣха.
18. Старушка въ 16 лѣтъ, въ 1 д. Паденіе.
19. Путаница, въ 1 д. Блестящій успѣхъ.
20. Ни статеіи ни военный, въ 1 д. Упалъ.
21. Будьте здоровы! въ 1 д. Небольшой успѣхъ.
22. Заколдованная яшница, въ 1 д. Паденіе.
23. Л. Г. и У. О. Синичкины, въ 5 д. Паденіе.
24. Сентябрьская почъ, въ 2 д. Огромное паденіе.
25. Деньги, въ 1 д. Паденіе.
26. Полковникъ старыхъ временъ, въ 1 д. Успѣхъ.
27. Креоль и Креолка, въ 2 д. Великолѣнное паденіе.
28. Карета, въ 1 д. Успѣхъ.
29. Трусъ, въ 1 д. Храбро паль.
30. М. А. Губкинъ, въ 1 д. Въ первое представленіе этой оперетки, Губкина игралъ г. *Зальскій* и водевиль паль на славу; но потомъ эту роль занималъ г. *Соколовскій* и исполнилъ ее превосходно. Всѣ три характера: режиссѣра, семинариста и провинціального пѣвца, созданы и выдержаны имъ были какъ нельзя лучше. Теперь этотъ водевиль не сходитъ съ здѣшняго репертуара, по причинѣ огромнаго его успѣха.

Въ прошедшемъ 1844—45 театральномъ году, на астраханскомъ театрѣ сыграно новыхъ и старыхъ піесъ — 185. А именно: драмъ — 35; комедій — 9, оперъ — 7, водевилей — 134. Спектаклей было — 106. Въ томъ числѣ: въ счетъ абоннемента 65, не въ счетъ абоннемента 8, бенефисовъ 33, изъ нихъ лучшей по

качеству пьесъ, и по количеству публики, былъ бенефисъ г-жи Соколовской.

Итакъ до слѣдующей статьи.

И—въ.

=

КАЛУЖСКИЙ ТЕАТРЪ

(Письмо къ Редактору)

Перечитывая въ издаваемомъ вами «*Репертуаръ и Пантеонъ*», статьи о ходѣ и движеніи драматическаго искусства во многихъ губерніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сужденія о замѣчательныхъ дарованіяхъ провинціальныхъ актеровъ и актрисъ, я ни разу не встрѣчалъ вѣсточекъ о Калужскомъ театрѣ, и это тѣмъ болѣе странно для меня, что Калуга богата людьми образованными, понимающими искусство ненаглядно, а съ полнымъ знаніемъ дѣла — и постоянно посѣщающими театръ — Неужели-же въ Калугѣ нѣтъ избранныхъ, которые употребили-бы часть времени на то, чтобы и вы, столичные жители, знали, что и у насъ есть свой театръ, свои артисты, замѣчательные и незамѣчательные, какъ и вездѣ, — и что мы не всѣ вечера посвящаемъ преферансу или сплетнямъ — господствующей заразѣ всѣхъ провинцій; но что и для насъ есть мѣсто, куда мы съѣзжаемся и сходимся — чувствовать, плакать, восхищаться, жить жизнью прекраснаго, и откуда выносимъ или грусть задушевную съ русскимъ задушевымъ спасибо, — или смѣемся отъ полноты сердца надъ странностями людскими, представленными съ смѣшной стороны. Да, и у насъ есть Прометей, который прожигаетъ огнемъ вдохновенія наши утомленные отъ *дѣлъ міра сего* чувства, оживляетъ, воскрешаетъ наши души къ сочувствію прекраснаго и высокаго. И потому удивительно, что до-сихъ-поръ между множествомъ любителей театра въ Калугѣ не нашлось никого, кто-бы подѣлился съ вами извѣстіемъ о нашемъ калужскомъ театрѣ.

Какъ страшный любитель театра принимаю это на себя, и спѣшу увѣрить, что статья моя если не будетъ напечатана краснорѣ-

чиво, то, по-крайней-мѣрѣ, добросовѣстно, безпристрастно и съ чистымъ намѣреніемъ, чтобъ она послужила во благо и исправленіе нашимъ артистамъ и артисткамъ.

Приступаю къ дѣлу:

Давно уже существуетъ театръ въ Калугѣ; много перебивало и содержателей въ Калугѣ, — наѣзжали по-временамъ разныя бродячія труппы съ бродячимъ исполненіемъ піесъ и шатающимися талантами; потомъ составлялись общества изъ любителей театра, которые старались дать настоящее значеніе театру и украсить его даровитыми сюжетами, но все это какъ-то не клеилось: или любители, приступивъ съ жаромъ къ началу своего предпріятія, остывали не доплывъ до середины исполненія, и передавали театръ какому-нибудь содержателю безъ свѣдѣній о драматическомъ искусствѣ, или сами актеры, видя себя безъ поддержки, искали лучшаго въ другихъ провинціяхъ; или содержатели, набравъ по дешевымъ цѣнамъ огромную, но бездарную труппу, и подчюя публику, на перекоръ здравому смыслу и просвѣщенному вкусу, разнаго рода чортовыми мельницами, дьявольскими камнями, какими-то Донъ-Жуанами и прочими вздорами въ этомъ родѣ, отучили публику совершенно отъ театра: да и можно-ли поддерживать подобныя *клятральныя* представленія?

Я помню, у насъ какой-то содержатель, фамилія его похожа на Туркина, или на что-то въ родѣ татарскаго, разыгрывалъ въ балаганѣ и невѣсть какія *страшныя штуки*, и все это было такъ страшно, непонятно и пошло, что онъ, удивляясь невниманію и хладнокровію публики къ его штукамъ, съ отчаянія, приступилъ къ кому-то самъ въ суфлѣры. А ужъ сколько онъ подпускалъ, бывало, разныхъ огней — и бѣлыхъ, и красныхъ, кетати и не кетати! Или бывало съ зеленаго дерева посыплются лоскутки бѣлой бумаги — это дискать снѣгъ, почтенивѣйшая публики, смѣйте! Не правда-ли, затѣйливо? Словомъ, не перечтешь вѣхъ нелѣпостей, какія бывали у прежнихъ содержателей балагана въ Калугѣ, — за-то и публика у нихъ никогда не бывала.

Въ 1841 году появился у насъ вѣкто Мекгольдъ, атлетъ, Геркулесъ и еще что-то такое, какъ писалъ онъ себя въ афишахъ; и вздумалъ показывать намъ свою силу въ разныхъ положеніяхъ, въ манежѣ, да ощутилъ ужасное безеніе въ каскѣ, которая, какъ печаталось въ афишахъ, была открыта съ утра до вечера въ дни представленій, и — рискнулъ — какъ думаете, на что? — Рискнулъ сдѣлаться содержателемъ, навербовалъ самую

ужасную труппу и — пошла писать! Началъ угощать насъ разными комическими трагедіями и трагическими комедіями. Да еще самъ, при всемъ его плохомъ знаніи нашего языка, началъ отхватывать разныхъ трагическихъ злодѣевъ и комическихъ простаковъ. Публика сначала думала принять участіе въ новомъ антрепренѣрѣ, но какъ увидѣла, съ первыхъ представленій, что онъ взялся не за свое дѣло, что труппа его вельми-плоха, и что онъ столько-же имѣетъ понятія о драматическомъ искусствѣ, сколько Камчадалъ или Алеутъ объ устройствѣ гражданского образованія и общественной жизни — оставила его утѣшать себя самого разными представленіями, и стала искать развлечения въ собраніяхъ и клубѣ — И удалися онъ изъ Калуги, огорченный тѣмъ, что не умѣли оцѣнить его по достоинству, и неизвѣстно гдѣ теперь паритъ егѡ содержательскій геній.

А между-тѣмъ публика не переставала скучать безъ театра, ей нужно было развлеченіе не одно клубное; она хотѣла отдохнуть надъ чѣмъ-нибудь, трогающимъ умъ, душу и чувства; и вотъ благонамѣренное начальство предположило выстроить деревянный балаганъ для театральныхъ представленій, а сборъ съ него предоставить въ пользу женскаго благотворительнаго общества; и не болѣе, какъ въ два мѣсяца, на видномъ и прекрасномъ мѣстѣ, окруженномъ бульваромъ, у подножія котораго роскошно и прихотливо струится Ока, выросло огромное зданіе — красивое, чистое, — и публика, увидѣвъ это зданіе, спѣшила благодарить попечительное начальство. Театръ поручили умному, образованному и понимающему драматическое искусство Н. С. Ч—ву. Любя страстно театръ, онъ не упустилъ-бы стараться объ усовершенствованіи его и, вѣроятно, не пожалѣлъ-бы для этого ничего — по жизнь наша въ рудѣ Божіей! — онъ умеръ — и театръ опять остался безъ поддержки, и драматическое искусство, только-что начавшее разцвѣтать, осиротѣло безъ пастыря, и надежды Калужанъ видѣть что-нибудь хорошее, замѣнились грустью непритворною.

Но непродолжительна была грусть наша: образованный начальникъ губерніи пригласилъ ангажированнаго прежде покойнымъ Ч—вымъ, на 10-ть спектаклей, драматическаго актера г-на Славина, быть содержателемъ калужскаго театра, далъ ему возможныя пособія — и вотъ съ прошлаго ноября 1843 года, вмѣсто прежнихъ тряпокъ, которыя висѣли вмѣсто декораций — на сценѣ нашего театра въ нѣсколько дней появились, какъ-бы по маговенію волшебника, новыя декорации, если не роскошныя, то

опрятныя и хорошо исполненныя; вмѣсто сальныхъ свѣтъ, театръ освѣтился лампами, труппа увеличена хорошими сюжетами— и вѣсьмъ этимъ мы одолжены г-ну Славину. Внутренность театра, благодаря попеченію начальника губерніи, отдѣлана превосходно, на манеръ Малаго-московскаго-театра; зала театра освѣтилась люстрою въ 50 свѣчей, и г. Славинъ, какъ истинный артистъ началъ рекомендовать намъ себя отчетливымъ исполненіемъ высокихъ созданій Шекспира, Шиллера и другихъ, заговорилъ съ нами душою могучею, страдалъ, плакалъ, любилъ, горевалъ, радовался, и мы, проникнутые его превосходною игрою, стекались ежеспектакельно страдать съ нимъ, плакать, любить и радоваться — и повѣрите-ли, были спектакли, когда нельзя было достать билетовъ, или вмѣсто 3 р. серебромъ платили за ложи по 50 р. ассигн., чтобъ видѣть его — нашего Протея, чувствовать вмѣстѣ съ нимъ, восхищаться его игрою. и это было въ Калугѣ, въ одномъ изъ губернскихъ русскихъ городовъ:— честь и слава образованію и чувствамъ Калужанъ! (*)

Какъ человекъ благонамѣренный, любящій страстно драматическое искусство и старающійся не столько о выгодахъ, сколько о томъ, чтобы оправдать довѣренность и вниманіе къ нему начальника губерніи и публики, г. Славинъ приступилъ къ исполненію возложенной на него обязанности со всею добросовѣстностью, рвеніемъ и неуныннымъ стараніемъ: выписалъ прекрасный оркестръ музыки изъ 16-ти человекъ, обогатилъ репертуаръ вѣсьми новѣйшими пьесами, и — повѣрите-ли, въ Калугѣ теперь такая труппа, которая съ успѣхомъ разыгрываетъ драмы, комедіи и водевили, и даже нѣкоторыя оперы.

Начнемъ съ артистокъ.

Первое мѣсто занимаетъ у насъ —

Г-жа Боброва, примадонна калужскаго театра, обладающая превосходнымъ *soprano*, достайная любимица публики, привѣтствующей даровитую артистку каждый разъ многократными *bravo* и вызовами. Если-бъ голосъ г-жи Бобровой получилъ болѣе развитія и методы, она-бы стала на ряду съ извѣстными

(*) Не смѣемъ выкинуть или перемѣнить въ этой статьѣ ни одного слова: мы въ Калугѣ не бывали, и калужскаго Протей-Славина не видали; а о московскомъ Славинѣ кое-что знаемъ. Въ Москвѣ г-нъ Славинъ былъ очень-славенъ. Если это тотъ г. Славинъ, то мы поздравляемъ калужскую публику съ «важнѣющимъ» артистомъ! *Ред.*

русскими пѣвицами. Сколько наслажденія доставляетъ она намъ, когда своимъ серебрянымъ голосомъ передаетъ знаменитую арію Мейербера: *Grace*, или партію Агаты изъ «Стрѣлка»; какъ глубоко трогаетъ она наше русское чувство, когда поетъ изъ оперы М. И. Глинки извѣстную арію: «Вѣ поле чистое гляжу»; а послушайте, какъ поетъ она русскія пѣсни! Прелесть, прелесть и прелесть! Какъ актриса, г-жа Боброва владѣетъ высокимъ драматическимъ элементомъ, но слабость груди не позволяетъ ей участвовать въ большихъ драмахъ, а потому она ограничивается болѣе водевилами, въ которыхъ очеровательно-прекрасна. Надобно впрочемъ сказать, что роли Офеліи и Майки выполняются ею безъусловно прекрасно. Смотри на нея въ этихъ роляхъ, мы невольно поражаемся глубокимъ изученіемъ характеровъ и полнотою чувствъ, отдаемъ должную справедливость ея таланту нашею любовью къ ней, нашимъ уваженіемъ къ ней! Да, г-жа Боброва перлъ калужскаго театра и полная благодарность г-ну Славину за пріобрѣтеніе такой артистки.

Г-жа Мочалова-Франціева, сестра московскаго трагика, хорошая актриса на роли драматическихъ матерей и вообще драматическихъ старухъ; весьма-педурно исполняетъ роли: Антонины въ «Велизарій», Софьи Витольдовны въ «Басенкѣ», Гудули въ «Эмеральдѣ», Русской Боярыни въ пьесѣ того-же названія, и другихъ; но имѣетъ пренесчастную фигуру для сцены, и притомъ актриса давно-прошедшая, актриса старой методы, любитъ ходить размѣренными шагами, кричать часто пчеловѣчьимъ голосомъ, махать какъ-то странно руками, и употребляетъ неспособную драматическую икоту. А что страннѣе всего и нелѣпнѣе — является въ роляхъ молодыхъ драматическихъ любовницъ! — Удивляемся, какъ Славинъ, чловѣкъ съ образоваціемъ, допускаетъ къ подобнымъ ролямъ г-жу Мочалову, и не замѣтитъ ей, что тѣ роли, которыя играла она съ успѣхомъ во-времена-оны, лѣтъ за сорокъ назадъ, ни какъ не йдутъ къ ней въ 1844 году, когда ей лѣтъ за 50, и она по порядку природы старѣетъ, а искусство, по порядку образованія и просвѣщенія, молодѣетъ. Впрочемъ мы извиняемъ желаніе молодиться г-жѣ Мочаловой, какъ женщинѣ, но не извиняемъ этого г-ну Славину, какъ артисту понимающему драматическое дѣло, а главное какъ содержанию, который долженъ особенно обращать вниманіе на законы сценическихъ эффектовъ и драматическаго очарованія. Въ достовѣрность-же того, что мы высказали наше мнѣніе и г-жѣ Мочаловой добросовѣстно, ссылаемся на «Репертуаръ и Пантеонъ».

которые неоднократно отзывались о ней въ статьяхъ о казанскомъ и саратовскомъ театрахъ, гдѣ она прежде служила.

Г-жа *Шванъ*, молоденькая и красивая женщина, порядочно держится на сценѣ и играетъ вторыя водевильныя роли. Владѣя пріятнымъ водевильнымъ голосомъ, она не умѣетъ употреблять его, поетъ куплеты сквозь зубы, такъ что при постоянномъ моемъ посѣщеніи спектаклей, я никогда не понималъ содержанія пѣтыхъ ею куплетовъ. Еще недостатокъ въ ней тотъ, что она лишена всякаго чувства, а чувство для артистки — первое условіе и достоинство. Будь у ней умѣнье гѣть куплеты, что можно пріобрѣсти стараніемъ, и чувство, которое не пріобрѣтается усиліями, а дается природою — она могла-бы быть со-временемъ хорошей провинціальной актрисой.

Г-жа *Полякова*, полезная актриса на роли комическихъ старухъ, старухъ гротескъ, на роли молодыхъ ключницъ, служанокъ à la Лиза Грибоѣдова, на роли брюзгливыхъ матушекъ, тетюшекъ, вдовушекъ, подозрительнаго поведенія, кокетокъ и такъ далѣе. Также занимаетъ и вторыя водевильныя роли, и если не хороша въ нихъ, то сносна. Одно дурно въ г-жѣ Поляковой — это выговоръ: уроженка русская — она произносить слова на манеръ китайскій, — да еще большой недостатокъ въ томъ, что вѣчно бѣгаетъ по сценѣ и употребляетъ какія-то странныя ужимки, говоритъ съ актеромъ, который отъ зрителей на правой сторонѣ, а сама перейдетъ на лѣвую. Впрочемъ это недостатокъ всѣхъ видѣнныхъ мною провинціальныхъ актеровъ и актрисъ, которыя не видали хорошихъ примѣровъ, а у насъ хорошіе примѣры вѣ очю совершаются; самъ Антрепернеръ, г-жа Боброва, г. Дмитревскій и г. Шванъ.

Г-жа *Дубровская* играетъ роли молодыхъ драматическихъ любовницъ; владѣетъ хорошимъ ростомъ, голосомъ и даже чувствомъ, и можетъ быть, со-временемъ, преполезною актрисою, если употребитъ побольше старанія къ изученію ролей и будетъ меньше кривляться на сценѣ, что впрочемъ, быть-можетъ, ей кажется драматическими положеніями. Дебютировала не дурно въ роли Вероники (въ Уголно), Эдельмоны (въ Отелло) и Гризельды. Публика, какъ молодую, неопытную актрису, поощрила ее на дальнѣйшіе успѣхи вызовомъ, а она приняла, должно-быть, этотъ вызовъ за апогей ея славы и, не занимаясь теперь ролями, отдыхаетъ на лаврахъ. Желаемъ отъ души ей полюбить искусство, и ручаемся, что искусство полюбитъ ее.

Г-жа *Соколова*, также драматическая актриса, хорошенькая

собой — но въ высочайшей степени безчувственна, т. е. на сценѣ.... притомъ-же, принявъ методу г-жи Мочаловой, не ходитъ, а выступаетъ, махать руками и поминутно драматически вкаты, Богъ знаетъ, что изъ себя сдѣлала! Впрочемъ, не ошибается-ли она, обернувшись въ драматическій хитонъ, въ своемъ призваніи: есть-ли оно у ней? Мнѣ кажется, ей попробовать-бы себя въ роляхъ кокетокъ и другихъ роляхъ въ этомъ родѣ; ей болѣе-бы онѣ шли и къ характеру и къ тѣмъ положеніямъ, какія она принимаетъ на сценѣ; а то вообще въ роляхъ угнѣтенной добродѣтели, честности и прямодушія, которыя обыкновенно существуютъ въ драмахъ, она рѣшительно не на своемъ мѣстѣ. Играетъ иногда то-же и въ водевиляхъ: *«Бѣда, коль пироги печь примет-ся сапожникъ, а сапоги точатъ пирожникъ!»*

Г-жа Михайлова, полезная актриса на роли сварливыхъ старухъ, Кузьминишень, трещотокъ, кухарокъ, мелкихъ чиновницъ; хорошо играетъ Феклу Федосѣевну въ «Сибирячкѣ», Понукалову, въ «Чиновникѣ особыхъ порученій», Домну, въ водевилѣ: «Домъ на Петербургской-сторонѣ» и проч.

Г-жа Сахарова мѣтила тоже въ драматическія актрисы, дебютировала Эсмеральдой, плясала качучу, и теперь, кажется, на выходахъ.

Г-жа Федорова, бывшая Сервіо, пускается во всё, но ничего изъ нея не выходитъ; впрочемъ, ея не видно что-то и на сценѣ.

Г-жа Панова.... Богъ съ ней! больно-стара!

Г-жа Лилѣва

— Петрова

— Иванова

— Шеметова

— Васильева

— Бетхеръ 1-я

— Бетхеръ 2-я

Безсловесные гости, выходящія крестьянки
и празднующіяся народъ.

Изъ актеровъ первое мѣсто занимаетъ у насъ г. Дмитревскій. Воспитываясь въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, онъ, по страсти къ драматическому искусству, поступилъ на театральное поприще, и съ успѣхомъ исполняетъ многія роли Щепкина и Сосницкаго; равнымъ-образомъ, онъ хорошъ въ роляхъ резонѣровъ; въ послѣднѣе время онъ весьма-удачно создалъ роль Шута въ «королѣ Лирѣ» и Галку въ «Басенкѣ»; словомъ, г. Дмитревскій актеръ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, и если будетъ продолжать съ одинакимъ стараніемъ начатое имъ поприще, онъ можетъ быть великимъ и не на провинціальной сценѣ.

Непосредственно за Г-мъ *Дмитревскимъ* слѣдуетъ Г. *Шванъ*, служившій прежде при московскомъ театрѣ: хорошій комикъ; но такъ какъ онъ имѣлъ нѣсколько лѣтъ передъ глазами Живокини, то во всѣхъ почти роляхъ копируетъ его. Разумѣется, копія никогда не можетъ сравниться съ оригиналомъ, но всегда по порядку вещей, бываетъ ниже его, и потому мы совѣтовали - бы г-ну Швану оставить подражаніе г-ну Живокини и избрать свою дорогу. Что хорошо въ Живокини, то какъ-то не клеится въ г-нѣ Шванѣ. Еще совѣтуемъ г-ну Швану избѣгать однообразія; оно много отнимаемъ у его дарованія, — не угождать фарсами райку, потому-что отъ подобныхъ угожденій ослабѣваетъ и даже уничтожается сила дарованія, а оно есть въ васъ, г-нъ Шванъ; наконецъ не прибавлять своихъ словъ къ ролямъ, которыя вы играете, потому-что ваши прибаутки хотя и нравятся верхотурью, и оно поддерживаетъ васъ хлопаньемъ и вызовами, но для образованнаго зрителя это неприятно, потому-что можетъ иногда оскорбить благопристойность и приличіе.

Г-нъ *Быстровъ* владѣетъ весьма порядочнымъ теноромъ, хорошъ въ *Торопкѣ*, въ «Аскольдовой могилѣ», съ успѣхомъ выполняетъ роль *Губкина*, въ оперетѣ «Студентъ, Артистъ, Хористъ и Аферистъ», и очень-педурень вообще во всѣхъ роляхъ, гдѣ требуется переодѣванье, и въ типическихъ роляхъ. Въ последнее время онъ съ успѣхомъ сыгралъ слугу въ водевилѣ «Не бывать-бы счастью», *Губкина*, въ продолженіи «Губкина», и *Охова*, въ водевилѣ: «Хочу быть актрисой». Одинъ господствующій недостатокъ во всѣхъ провинціальныхъ актерахъ, какъ я и замѣчалъ, это неумѣстное бѣганье по сценѣ и ни къ чему не нужное маханье руками. И въ г. Быстровѣ есть этотъ недостатокъ, и потому совѣтуемъ ему, какъ актеру полезному и съ дарованіемъ, воспользоваться нашими искренними замѣчаніями.

Г-нъ *Смирновъ* полезный и опытный актёръ, участвуетъ почти въ каждомъ спектаклѣ; играетъ роли водевильныхъ любовниковъ и вообще молодыхъ людей. Любя и понимая музыку, онъ успѣлъ изъ своего маленькаго голоса воспитать пріятный водивильный теноръ. Если въ немъ и не замѣтно особеннаго сценическаго дарованія, то заслуга его въ томъ, что онъ всегда учитъ твердо роли и старается обдумывать ихъ, а это тоже рѣдкость на провинціальномъ театрѣ.

Г-нъ *Садовскій*, братъ московскаго актера Садовскаго, играетъ роли простаковъ, — во многихъ роляхъ натураленъ, но вообще однообразенъ и лишенъ слуха. Какъ молодому человѣку, изъ ко-

того можно ожидать, въ-послѣдствіи времени, разумѣется, при изученіи ролей и неусыпномъ стараніи, полезнаго актера, совѣтуемъ учить подтверже роли, быть внимательнѣе къ игрѣ на сценѣ, не лѣниться и заниматься музыкою, чтобы приучить слухъ къ настроенности, а не къ разладицѣ.

Г-нъ Максимовъ поступилъ на роли молодыхъ людей въ драмахъ и трагедіяхъ. Владѣя красивою наружностью и хорошимъ ростомъ, онъ порядочно играетъ Скопина Шуйскаго, Кассіо въ «Отелло», Лаерта въ «Гамлетѣ» и другія роли. Со-временемъ онъ можетъ быть полезнымъ провинціальнымъ актеромъ, если уничтожитъ въ себѣ привычку какъ-то странно держаться на сценѣ, и старую манеру пѣть въ драмахъ, а не говорить по-человѣчески. Г-нъ Максимовъ еще очень молодъ, и потому если приметъ добросовѣтный нашъ совѣтъ, то можно ожидать, что замѣтитъ свои недостатки и исправится.

Г-нъ Щегловъ, прежде служившій при московскомъ театрѣ, тоже драматическій актеръ, на однихъ роляхъ съ Максимовымъ, тоже играетъ порядочно нѣкоторыя роли, но уступитъ Максиму въ опытности и въ томъ, что не имѣетъ такой сценической наружности. Еще недостатокъ въ г. Щегловѣ тотъ, что небрежетъ ролями и часто изъ стиховъ дѣлаетъ какую-то безалаберную прозу. Жаль, что г. Щегловъ невнимателенъ къ ролямъ. Видти передъ публику съ нетвердою ролью значитъ не уважать са-мого себя и быть не артистомъ, а гаеромъ.

Г. Борисовъ—актеръ, который играетъ *во всемъ и все*, что вы хотите,—нынче онъ король въ «Гамлетѣ», завтра какой-нибудь безсловесный герой; сейчасъ вы видѣли, какъ онъ корчилъ по своему какого-нибудь воеводу, а на другой день видите его Мирхой или Писулькинымъ. За день онъ прокричалъ нелѣпо роль изъ трагедіи, и вотъ является передъ публикой чиновникомъ низвѣстнаго класса; репертуаръ его такъ разнообразенъ, что онъ все игралъ, что ни спросите, да жаль, что никогда ничего не сыгралъ не только какъ должно, но даже спосно. Актеръ прошедшаго времени, онъ держится на сценѣ какой-то жицей, поминутно рубить воздухъ руками, расхаживаетъ уродливо по сценѣ, топаетъ ногами и кричитъ ктати и не ктати во все горло; притомъ-же у него пренеприятный голосъ, смѣсъ пѣтушиаго крика съ какой-то трескотней, и, словомъ—мы были-бы тысячу разъ благодарны г-ну Славину, еслибъ онъ избавилъ насъ отъ этого актера, не-смотря на то, что г-нъ Борисовъ старается всѣмъ высказываться, что онъ и полезный трагикъ, и превосходный комикъ.

Г. Захаровъ играетъ сносно роли стариковъ въ драмахъ и водевиляхъ. Недурецъ въ Руджіеро (Уголино) и Жермани (въ Игрокъ).

Г. Соколовскій хорошо играетъ роли купцовъ, старость, а также деревенскихъ мужиковъ. Имѣя порядочный басъ, онъ необходимъ для хоровъ.

Г. Веревкинъ, хорошій машинистъ, мѣтилъ тоже было въ актеры и вышелъ на сцену въ роль Джей-Амлата, («15 лѣтъ разлуки») но изъ него ничего не вышло. Теперь онъ занимаетъ должность машиниста, участвуетъ въ хорахъ и на выходахъ, гдѣ онъ на своемъ мѣстѣ.

Г. Виноградовъ—хорошій хористъ.

Г. Шуцкій—ни то, ни сѣ.

Г-нъ Петровъ

— Ивановъ

— Андреевъ

— Мальшовъ

— Гремиславскій

— Чижовъ и другіе

Такъ себѣ: народъ и птицы пѣвчія.

Въ-заключеніе всего, скажу вамъ, М. Г., что въ настоящее время у насъ монтируются Цампа и Фра-Діавало, и скоро будутъ даны; видите, сколько наслажденія мы, Калужане будемъ имѣть въ будущемъ! И всѣмъ этимъ обязаны нашему милому и трудолюбивому антрепренѣру г-ну Славину».

1845 Янв. 13

И. СТЕПАНОВЪ.

СМѢСЬ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Фелісиенъ Давидъ исполнилъ свою Оду-симфонію при дворѣ и получилъ отъ короля брилліантовый перстень, который цѣннѣе въ 10,000 фр. Теперь, говорятъ, онъ пишетъ оперу, либретто которой изготовилъ для него Скрибъ.

— Недавно актриса Версальскаго театра, г-жа Клариссъ, сыгравъ свою роль, очень-спокойнымъ образомъ вошла въ уборную и выпила небольшую стклянку состава опиума и белладоны, сказавъ при этомъ довольноно-

хладнокровно: «Пора положить конец моимъ страданіямъ.» Скорою помощью успѣли ослабить ядъ и надѣются спасти несчастную. Говорятъ, что пагубное это намѣреніе было принято ею въ-слѣдствіе несчастной любви.

— Дюжарье, редакторъ журнала La Presse, убитый на дуели за известную танцовщицу Лолу Монтезь, отказалъ ей принадлежавшія ему 18-ть акцій Палеройяльскаго театра. — Говорятъ далѣе, что Лола Монтезь ангажирована къ Палеройяльскому-театру, и скоро будетъ тамъ дебютировать, не какъ танцовщица, а какъ актриса.

Г. Бунвъ, импресарио Дрюлиленскаго театра въ Лондонѣ, поставилъ на сцену греческій балетъ, монтированный въ подражаніе Эсхилову балету «Данаиды». Музыку къ этому балету написалъ нѣмецкій композиторъ Шмидтъ. Вотъ что говоритъ объ этой негѣлости Morning-Chronicle: Общее обрученіе пятидесяти дочерей короля Даная съ пятидесятью сыновьями короля Египта довольно-забавно; а еще забавнѣе видѣть, какъ отецъ раздастъ дочерямъ своимъ по кинжалу и заставляетъ ихъ клясться, что онѣ умертвятъ мужей своихъ. Но верхъ негѣлости — это зрѣлище, какъ 49 изъ 50 не-вѣстъ, въ неглиже и съ распущенными, волосами танцуютъ около своего папеекки и показываютъ ему окровавленные свои кинжалы».

— Изъ Штеттина пишутъ: Наша, вообще довольно-однообразная театральная жизнь, только изрѣдка разнообразится какимъ-нибудь заѣзжимъ артистомъ-гостемъ. Такъ, на-примѣръ, въ нынѣшнемъ году посѣтилъ насъ Эмиль Девриентъ. Еще въ прошломъ году этотъ превосходный артистъ произвелъ большое впечатлѣніе на здѣшнюю публику сыгранными имъ здѣсь нѣсколькими гостинными ролями (als Gast); но въ настоящемъ году успѣхъ его былъ еще блестящѣе. Не смотря на жестоко-холодную погоду, на плохо отопляемый театръ, и на повышенныя цѣны на мѣста, стеченіе публики было всегда такъ велико, что всякой разъ надобно было очищать для зрителей самый оркестръ. Въ чемъ-же состоитъ эта волшебная, привлекательная игра игра Эмиля Девриента? Не въ покупныхъ похвалахъ, не въ журнальныхъ продѣлкахъ (здѣсь ихъ не существуетъ), а въ истинной, классической красотѣ его исполненія, въ печати высокаго и изящнаго, которою запечатлѣна у него всякая сцена, въ полнотѣ фантазій, которою онъ увлекаетъ за собою воодушевляетъ и восхищаетъ слушателей. Известно, что Эмиль Девриентъ принадлежитъ къ числу такихъ любовниковъ, которыхъ скорѣе можно назвать артистами для лицъ характерныхъ; всякое представляемое имъ лицо есть типъ своего рода. Если-бы нѣжному сложенію Девриента достало силъ, то онъ также-бы удивилъ и ролями Лира и Шейлока, какъ удивляетъ и восхищаетъ ролями Фердинанда и Ромео. И вотъ еще одно достойное всякой похвалы качество этого артиста: онъ въ своихъ гостинныхъ роляхъ не ѣздитъ только на парадномъ

ковъ, т. е. не ограничивается безконечнымъ повтореніемъ репертуара изъ нѣсколькихъ ролей, въ которыхъ онъ превосходитъ, — напротивъ, онъ безпрестанно изучаетъ и создаетъ новыя роли. Онъ сыгралъ здѣсь Эгмонта, Болинброка, Позу, Бруно, Вернера, Гамлета и Мольера, въ комедіи «Первообразъ Тартюфа», и сопровождаемый любовью и удивленіемъ нашей тяжелой, нелегко увлекающейся публики, возвратился, увѣнчанный славой, и осыпанный золотомъ, въ Дрезденъ.

— Изъ Берлина пишутъ: 21 февраля данъ былъ Вильгельмъ-Тель, и г. Кунстъ былъ принятъ съ неслыханнымъ энтузіазмомъ, три раза вызванъ и засыпанъ цвѣтами и вѣнками. При этомъ произошелъ слѣдующій забавный случай: Одинъ изъ брошенныхъ вѣнковъ зацѣпился за колонну королевской ложи и повисъ на ней. Крики со всѣхъ сторонъ: Снимите! снимите! поставили въ немалое замѣшательство г. Кунста: онъ именно собиралъ вѣнки и счелъ, что эти крики относятся къ нему....

— Женни Линдъ, пишутъ въ Ганноверской Утренней-газетѣ, чрезвычайно тяготеетъ энтузіазмомъ Берлинцевъ; обожаніе ихъ пугаетъ ее. Она не можетъ привыкнуть къ Берлину, и уѣзжаетъ на свой родной сѣверъ, о которомъ всегда вспоминаетъ и говоритъ съ такимъ восторгомъ и увлеченіемъ. Она любитъ, и любитъ молодого простаго пастора въ Стокгольмѣ. Кто-бы не расхохотался, если-бы стали рассказывать о какой-нибудь другой пѣвицѣ или актрисѣ, что она любитъ пастора и рѣшается вступить съ нимъ въ брачный союзъ. Но въ Женни Линдъ все это чистая истина, въ ней есть много принадлежащаго дѣвамъ древней Германіи.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА.

1. Статья подъ названіемъ: «Исторія о томъ, въ какой просакъ попалъ Г. Фредерикъ Леметръ и о прочемъ» напечатана не будетъ.
2. Въ *Отселокъ Николаевскій*. — *А. Ар.* — Ваша *быль*: «Актриса или двѣ встрѣчи» *слишкомъ близка къ правдѣ*.
3. Г-ну *Д. Макс.*: Комедія «Затруднительное положеніе учителя» не напечатается, потому-что сюжетъ ея очень-извѣстенъ на русской сценѣ, но прекрасно-передѣланному изъ этой-же комедіи водевилю: *Учитель и ученикъ или въ гужомъ пиру похмелье*.
4. Г-ну *М. И. Ч.*, въ *Верхнеднѣпровскѣ*. Повѣсть ваша *Страсть къ музыкѣ* напечатана быть не можетъ. Что касается до драмы, редакція не имѣла ея въ рукахъ и не можетъ никакъ принять на себя хлопотъ — справляться о присланныхъ въ цензуру драмахъ, а тѣмъ-менѣе, до появленія ихъ на сценѣ, *высказывать свое гистосердечное мнѣніе* и давать разные совѣты. Если-бъ Редакторъ принялъ на себя обязанность отвѣчать

на *всѣ* письма своихъ г-дъ корреспондентовъ и подписчиковъ, то ему некогда было-бы издавать *Репертуара и Пантеона*, за похвалы которому впрочемъ онъ очень благодаренъ г-ну *М. И. Ч.*

5. Въ *Нижний-Новгородѣ*, г-ну ***: Водевилъ вашъ *Интересная свадьба* — *неинтересенъ* для читателей Р. и П.

6. Г-ну *А. П.*, въ *Александровѣ*. Историческую повѣсть «*Танцовщица*» надобно переводить съ *россійскаго языка* на *русскій*, а Редакція труда этого на себя не приметъ, не находя, по самому содержанию, повѣсть эту того стоющею.

7. Въ *Алексинѣ*, г-ну *Я.* На счетъ комедіи *Старый мужъ* мы съ вами разнаго мнѣнія, и напечатать ся не можемъ. А притомъ переводъ.....

8. Въ *Москву*, г-ну *В. Р.* — Вашей статьи о *Московскихъ театрахъ* напечатать не можемъ, потому-что она пришла слишкомъ не ко-времени. Очень-благодарны будемъ, если вы, на будущее время, станете сообщать намъ свои замѣчанія о московскомъ театрѣ, разъ въ мѣсяць, по 15-е или 20-е число. Просимъ только не распространяться слишкомъ о содержаніи такихъ пьесъ, которыя перешли на московскую сцену съ петербургской: ихъ содержаніе всегда уже бываетъ извѣстно читателямъ «*Репертуара и Пантеона*».

Редакторъ *Межевиго*.